

**Юрий
Мерлянов**

**Владыки
кошмаров**

2017

Кошмары...Видения...Иллюзии... Они появились и не исчезают. Всегда и везде. Уже нет страха — привычка. С ними как-то надо жить, чтобы не сойти с ума. Но кто сказал, что своими кошмарами не возможно управлять? И сделать из них "домашних питомцев"? И спасти свой мир... Писалось тоже по просьбе, на спор, а потом и по интересу, в общем, в стиле "заведи себе питомца" и что из этого может получиться...

Мерлянов Юрий Николаевич

Владыки кошмаров

Все это сумасшествие началось около месяца назад, полностью изменив мою жизнь и превратив ее в настоящий кошмар — я боялся оставаться один и страшился оставлять за спиной, казавшиеся пустыми помещения, собственная квартира пугала одинокими комнатами и приходилось постоянно пересиливать себя, убеждая, что никого там нет, и ничего мне не угрожает. Страшно было засыпать, потому что начинало мерещиться такое, отчего заснуть потом не получалось достаточно долго, и я лежал, затаив дыхание и сосредоточившись на биении сердца, что хоть и не сильно, но помогало. Просыпался обычно измученный, помятый, и еще не пришедший в себя мозг давал хоть какую-то передышку, не в полной мере осознавая ситуацию, и эти пять-десять минут были самыми спокойными за весь день.

Началось же все довольно безобидно. Ни с того, ни с сего, начало вдруг просто мерещиться, какие-то тени, вырванные из общей картины, обычно, краем глаза, однако попытки рассмотреть их ни к чему не приводили, взгляд безрезультатно шарил в пустоте. Вернее, все было как всегда: машины, дома, улицы, люди и никакого намека на что-нибудь эдакое, ненормальное и явно выбивающееся из общей массы. Именно поэтому меня это тогда не очень и тревожило, подумаешь, привиделось, эка невидаль, со всяким бывает. Где-то, через неделю ситуация осложнилась, я стал успевать рассмотреть немногим больше, некие расплывчатые, нечеткие контуры, достаточно угрожающих и жутковатых форм, прежде чем видение исчезало полностью. Долгое и напряженное вглядывание в пустующее пространство также не приносило никаких результатов.

Это галлюцинации, уверял я себя, просто оптические иллюзии, играющие с восприятием злые шутки, не более. Чуть позже стал считать, что у меня паранойя, так как видения стали преследовать гораздо чаще, позволяя задержаться на них взглядом подольше и рассматривать уже в деталях, заставляя чуть ли не дыбом вставать волосы и выпуская на кожу целые сонмы мурашек. А потом все исчезало, взгляд лихорадочно шарил в пространстве, натываясь лишь на знакомое и привычное с детства, а сердце никак не могло успокоиться, колотясь, будто сумасшедшее. И эти галлюцинации преследовали меня теперь везде, где бы ни находился. Часто оглядываться и коситься по сторонам вошло в привычку, а на подходе к очередному помещению глаза судорожно обшаривали периметр, и только после этого ноги делали очередной шаг. В общем, жизнь и ранее не была малиной, а теперь все просто летело в пропасть безумия, потому как кроме меня все это никто, почему-то, не замечал.

Я стал сесть, вернее, после очередной веселой ночи, когда пошел умыться, заметил на висках белые волоски. Они грустно торчали рядом с остальными, служа немым укором: "Что ж ты довел до такого? Зачем так истязаться, не рано ли, хозяин?" И это в свои тридцать, стукнувшие буквально вот-вот, когда посторонние люди давали не более двадцати пяти, при моем невысоком росте и щуплом телосложении. Лицо осунулось, исхудало, и хотя питаться продолжал как прежде, было видно — нервы сделали свое дело, оставив заметный отпечаток буквально во всем.

Переломный же момент наступил буквально неделю назад, когда тени не захотели исчезать, перестали прятаться, позволяя рассматривать себя во всей красе и вздрагивать от

малейшего их движения. Только это были уже не те расплывчатые контуры, нет, они сгустились, приобрели четкость, цвет, контраст и представили моему взгляду такое, что впору было ложиться в дурку. Если раньше нельзя было даже понять, что видел, то теперь стало очевидно, это было то, чего люди бояться больше всего — ночные ужасы сумасшедшей фантазии, кромешный ад для любого, кто хоть раз увидит подобное. Став явью, это прочно вошло в мою жизнь и, похоже, собиралось остаться в ней надолго, если не навсегда.

Кошмарные порождения большого разума встречались везде, куда бы ни падал взгляд: на зданиях, автомобилях, ларьках, на стенах и потолках помещений, в транспорте и на скамейках остановок, в воздухе, в конце концов, тоже висели разнообразные ужасы чьих-то ночных кошмаров. Одни могли парить совершенно неподвижно, словно в засаде, не выдавая себя ни единым движением, другие медленно перемещались или перекатывались с места на место, заставляя нервно коситься. А еще были те, которые появлялись где-то на самом краю зрения, мгновенно пожирали десятки метров и уносились куда-то в сторону, словно и не было их вовсе. Радовало то, что, похоже, весь этот адский зверинец совершенно не замечал меня, или не видел, не знаю, и просто жил своей непонятной жизнью, параллельно уродуя мою.

Но вот настал момент, когда уже или был в должной кондиции, или просто оборвалось внутри что-то, но настолько это уже все надоело, настолько измотало, что просто понял — я устал бояться, свыкся, привык. Нет, страх никуда не делся, он, словно приклеенный, как и раньше не отпускал ни на секунду, просто изменился в своем значении, сравнявшись с безысходностью и апатией. Вот под всем этим грузом я и решился на безумный, как казалось в тот момент, поступок. Будь что будет, даже если и сдохну, плевать, жить так дальше не хотелось. И с этими мыслями направил ноги не в обход, как обычно ходил, огибая попадающиеся на пути ужасы, а напрямую, через них. За десять шагов, разглядев более подробно слабо шевелящийся куст матово-черных щупалец с палец толщиной, почувствовал, как к горлу стал подкатывать ком. За пять сердце билось уже с такой силой, что впору было начать беспокоиться, как бы ни выскочило, разворотив мне грудь. А потом просто крепко зажмурился и шел, шел, шел. Удар в ногу отдался во всем теле и заставил опасно накрениться, вовремя переступить второй я уже не успевал и, буквально через мгновение, летел мордой вперед. Глаза с ужасом распахнулись, ожидая увидеть скорый конец, но все оказалось намного прозаичнее — с трудом выбросив перед собой трясущиеся от возбуждения руки, больно врезался ладонями в жесткую землю, утрамбованную до плотности асфальта, и обессилено выдохнул. Правая нога ныла, на голени явно будет синяк, но все это несколько не беспокоило, ни оцарапанные до крови руки, ни подло встретившийся на пути бордюр, пакостливо подставивший свой край. Все внимание было приковано к черному кусту, спокойно шевелящемуся в пяти шагах позади.

Я прошел через него, просто прошел, насквозь, ничего не почувствовав, не ощутив, и абсолютно без последствий. Некоторое время тупо сидел и пялился на него, игнорируя недоуменные взгляды прохожих, их кривившиеся в неодобрении лица и осуждающие взгляды. Что мне до них, сколько уже всего этого было. В привычку вошло шарахаться в сторону, пугая проходящих мимо людей и сгорая от стыда, когда из ниоткуда неожиданно появлялась очередная тварь. Иногда просто отворачивался в сторону и утыкался носом в мобильник, пережидая, пока пройдут свидетели моих внезапных прыжков и отскоков, или просто быстро уходил прочь, не в силах вынести взгляды тех, кто увидел на улице клоуна. Все это уже было и не несло ничего нового, и я больше не воспринимал это так

эмоционально и относился намного проще. Вот и сейчас, проходящая мимо молодая девушка иронично подмигнула, скривив затем в насмешке губы — проходи, красавица, что мне до тебя, что тебе до меня? А потом встал и медленно, слегка прихрамывая из-за ушибленной ноги, пошел к кусту. Шагнуть в него было непросто, пришлось буквально заставить себя сделать это — отвратно шевелящиеся отростки совсем не выглядели безобидными, скорее всего, такие должны быть насквозь пропитаны ядом или быть оснащены чем-нибудь похуже, много опаснее. Но ничего не произошло. Щупальца колыхались на уровне груди и не предпринимали абсолютно никаких действий и, более того, не ощущались вовсе. Будто их и не было, видеть видел, но пощупать было невозможно, рука хватала только воздух.

Следующий эксперимент увенчался с тем же успехом и закончился так же. Что-то на подобии длинного и тонкого жала, то скручивающегося в замысловатый клубок, то распрямляющегося во всю длину, и росшего из матово черного клубка не пойми чего, просто напросто пропустило сквозь себя. Никаких преград, никаких препятствий. Иллюзия. Игра воображения. Не более. Осознание этого шокировало меня настолько, что было бы затруднительно охарактеризовать охватившие меня чувства в полной мере. Это было и облегчение, и досада, и радость, и укор, обида и много чего еще. Ведь все эти дни, недели, я страдал не столько из-за того, что видел, но и потому, что это не самым лучшим образом отражалось на всей моей жизни. Люди, видевшие меня уже не раз, явно считали чудачком или кем похуже, с работой тоже пока не ладилось, ее и так в нашем городе почти нет, сплошной лохотрон или пахота на дядю Васю с копеечным заработком. Так еще и мои причуды только мешали всему этому. Последнее место работы — стройка, где я устроился разнорабочим по принципу сломать, принести, подать и убрать, оказалась густо заселена этими тварями, она просто кишела ими. В общем, работать на объекте отказался сразу же, за что и был послан на хрен без оплаты предыдущих дней. Не отработал полностью — вали куда хочешь, никто не держит.

Так что данное открытие стало тем самым, что позволило переосмыслить и по-другому взглянуть на происходящее. Выводы оказались довольно просты: я их вижу, они меня нет, физически с ними мы никак не пересекаемся, значит, и вреда никакого быть не может. Единственный дискомфорт, это то, что они постоянно лезут в глаза, а значит, нужно просто научиться их игнорировать. В общем, неделю назад жизнь круто перевернулась, став намного проще и понятнее.

Теперь было даже интересно, я рассматривал их, как экспонаты в музее, сравнивал и пытался выделить общие черты, но их просто не было. Раньше это было слишком пугающе, и отводить взгляд казалось наиболее приемлемым, но не теперь. Вообще их объединяло только одно — они были словно выходцы из наших кошмаров, жуткие, страшные, иногда до дрожи, до нервного тика, словно все их существование было построено на диаметрально противоположных человеку принципах. Некоторые из них были настолько отвратительны, что без содрогания обойтись просто не получалось, и чаще всего такие или медленно передвигались, проползая сквозь спешащих куда-то людей, или парили на уровне одного-двух метров, вызывая особое омерзение при столкновении с лицами прохожих, так как зрелище было не для слабонервных.

Вот и сейчас, еду на работу, вишу на одной руке, сдавливаемый с обоих боков двумя толстыми тетками, а снаружи в окно маршрутки слепыми бельмами пялится жуткая рожа и периодически разевает свою пасть. Кошмарная башка поворачивается то вправо, то влево, словно оглядывая предстоящий завтрак и выбирая куски мяса поаппетитнее, затем замирает,

установившись в одну точку, и начинает оглядывать маршрутку заново. И все это вниз макушкой, видна только голова, так как монстр устроился прямым на крыше, свесив макитру вниз и припав ею к стеклу. Оба глаза постоянно щурятся, словно от яркого света, а лепестки трехгранной пасти периодически приоткрываются, и тогда становятся видны ряды очень мелких, как иглы, зубов. Кошмар. Все время, пока ехал, этот гад буравил нас своими зенками и крутил башкой. Когда же добрались до нужной остановки, разглядеть его целиком так и не удалось, тварь быстро сиганула вниз, и скрылась за углом здания.

Вечером, после работы, зашел к родителям, те давно хотели меня видеть, явно беспокоясь. Пришлось заверять, что все в порядке, только устаю сильно, да и не высыпаюсь, оттого и лицо такое. Благо, хоть седину не заметили. Прошел в ванную, отметив дышащие коричневые потеки на одной из стен, вздымающиеся и опадающие чуть ли не каждую секунду. Все еще здесь, никуда не делись. А в зале жила вторая тварь, поначалу заставлявшая меня переживать за отца с матерью и часто звонить им, удостоверюсь, что все в порядке. Это нечто было размером с собаку и напоминало жуткое насекомое, медленно и безостановочно бороздящее просторы потолка. Дойдет до одной из стен и по случайной траектории возвращается к другой, а потом разворачивается и снова в путь. Поначалу я тупо пялился на нее, слишком уж она была несуразной, мерзкой и отчаянно просила сбить ее чем потяжелее, и лупить до тех пор, пока не останется одно не способное к жизни месиво, но отец это заметил и пришлось отшучиваться. А тварь все ползала и ползала, мозоля глаза и привлекая внимание. И в этот раз она не сделала исключения — подтягиваясь передними суставчатыми лапами, этот ужас отталкивался двумя парами остальных и брюхом скользил по потолку так, словно для него сила притяжения действовала в обратную сторону, я невольно поежился.

— Замерз? — спросила мама.

— Нет, — помотал головой, — устал просто.

Поначалу было довольно сложно не выдавать свои видения окружающим, ведь любой необычный взгляд тут же замечался и обрастал вопросами, и хорошо еще, если тебя просто принимали за чудака, а то ведь ситуации бывают разными, могут и не понять, что чревато.

Отец, решивший дожидаться меня на ужин, сразу же потащил на кухню, где ждал очередной сюрприз — новый обитатель опять-таки не вызывал ничего, кроме омерзения. Нечто, напоминающее постоянно вздрагивающую, волосатую гусеницу, наполовину торчавшую на улицу, наполовину свисающую внутрь, словно застрявшую в стекле и так и не решившую, двинуться дальше или пока остаться так. Мерзкое подрагивание порождало отвратительные волны по обросшему редкими волосками телу, приковывая взгляд и напрочь убивая аппетит.

— Что-то я не хочу есть, — в горле будто ком застрял, — лучше просто составлю тебе компанию.

— Уверен? — отец взглянул на меня удивленно, — с расчетом на тебя готовил.

Сняв крышку, он показал приготовленную яичницу с помидорами, зеленью, специями и посыпанную мелко натертым сыром. Вся беда была в том, что по цвету и виду все это слегка напоминало эту тварь, вяло дрыгающуюся почти под самым потолком. К горлу подкатил очередной ком.

— Нет, серьезно, не хочется что-то, — помотал головой.

— Ну, как знаешь, — он споро выложил себе на тарелку порцию и сел за стол.

— Приятного.

Отец кивнул и спросил:

— Как работа, есть что новенькое?

— Да нет пока, — скривился, стараясь не смотреть вверх, — все тоже, ищу, маюсь на подработках.

— Офисного ничего?

— Да лохотрон сплошной, звонишь по одному объявлению, а тебе говорят: "Вы знаете, данная вакансия уже занята, но есть вот такая и такая", а телефон один в один с еще десятком такой же херни.

Батя кивнул:

— Ничего, рано или поздно все образуется.

— Да знаю, просто надоело.

— Ну как вы тут? А ты почему не ешь? — на кухню зашла мама.

— Да не хочется, просто посижу.

И так из раза в раз, сценарий повторяется неоднократно, с небольшими изменениями, но по сюжету не меняясь ни капли. Что поделаешь, жизнь такая. Работа, дом, знакомые, родители — вот и все, что доступно большинству из нас. И только я особенный, выделяюсь из общей массы, галлюцинирую и "ловлю" от этого кайф. К себе ушел уже затемно, в сон клонило нещадно, и мама, заметив это, оторвала от меня отца и отправила домой. Благо, идти тут было минут пять-семь, как-нибудь доковыляю. За поворотом колыхался старый знакомец, метров пяти-шести в высоту и толщиной почти в руку пупырчатый отросток, выпускающий на самом кончике и пряча назад пушистую кисточку. При дневном свете это больше походило на некое окаменевшее дерево, изувеченное неизвестной болячкой и жутко искривленное. Вместо коры был иссиня розовый панцирь, покрытый мелкими пупырышками отвратного красноватого оттенка, а постоянно выскакивающая наверху кисть напоминала змеиную привычку выбрасывать язык.

Часто встречающиеся кошмары стали получать свои клички. Во дворе у меня, к примеру, обитали "жвачник" и "неврастеник". Первая тварь пугала своим видом даже до сих пор, стоило ей только повернуться ко мне мордой, состоящей целиком из постоянно движущихся, словно плывущих по периметру челюстей. Что создавало впечатление вечного пережевывания, дробления и глотания, так как у нее еще постоянно дергался участок, замещающий шею — нечто вроде опухоли, выросшей до таких размеров, что она неестественно вывернула голову вверх и частью закрыла монстру грудь. В общем, жуть полнейшая, и меня она до сих пор пугает.

Второй же монстр походил на нечто среднее между насекомым и изуродованным, искалеченным человеком, по-другому описать эту тварь было довольно сложно. Она постоянно дергалась из стороны в сторону, словно выискивая что-то, и могла метаться так на месте довольно долго. А совсем недавно между этими двумя произошла стычка. "Неврастеник" случайно, как я понял, при очередном своем судорожном рывке задел одну из конечностей "жвачника", и тот, особо не церемонясь, повернувшись, раскрыл свою пасть до невероятных размеров и вцепился в бедолагу, а затем поднял вверх и стал заглатывать его, продвигая резкими встряхиваниями все глубже себе в глотку. Исход столкновения, вроде бы, был абсолютно ясен, но последовавшее затем буквально приковало меня к месту. В метре от сцепившейся парочки пространство стало плыть, как воздух при сильной жаре, его прозрачность исказилась, затем еще больше и еще, а потом, прямо из центра почти ставшего непрозрачным марева стала выползать жуткая, поломанная морда "неврастеника". Следом

появились передние конечности, они коснулись земли, вцепившись в нее когтями, потянули вперед и стали понемногу вытягивать из марева остальное тело. А "жвачник" продолжал неистово встряхиваться, пожирая добычу. Зрелище было настолько же отвратительно, насколько сложно было оторвать от него взгляд. Наконец, первый полностью проглотил жертву, а второй, сделав очередное усилие, опустил на землю последнюю лапу и замер, что бы через несколько минут заново начать метаться. "Жвачник" же, неторопливо переваливаясь, двинулся в сторону, явно довольный и, вполне возможно, сытый. В пасть же попало? Попало. А что там и как, уже не его дело.

Следующие дни в плане работы ничем не отличались и тянулись скучными, серыми буднями. Я мантулил по восемь часов без передыха, потом шел домой, принимал душ, ужинал и устраивался на балконе, впериw взгляд в дальний угол. Совсем недавно у меня появился сосед, и не уделить ему должного внимания было бы просто не вежливо. Чего никак не мог понять, так это, по какому принципу эти твари выбирают себе место обитания. У предков, вон, уже два жильца, у бабушки один, плюс на их лестничной площадке растет еще одно чудо, хоть и маленькое, но все же. А у меня, до сих пор, так никого и не было, и тут на тебе, появилось.

Больше всего эта гадость напоминала черно-красную звезду около метра в диаметре, с семью крючковатыми щупальцами, впившимися в стену и потолок, а из самого центра, похожего на створки моллюска, рос целый пучок иссиня черных игл, вяло колышущихся из стороны в сторону. Подобную тварь видеть до этого еще не приходилось, хотя ее окрас вызывал странные ассоциации — где-то подобное уже встречал ранее. Полностью черная, без единого блика поверхность существа окаймлялась еле заметным красным свечением, придававшим ему особенно зловещий вид, и даже просто подойти, рассмотреть поближе, не было никакого желания. Лучше уж так, на расстоянии, все спокойнее.

День проходил за днем, но сосед никак не проявлял себя, лишь легкое колыхание жгутов-игл и мерное красное мерцание по контуру. А в городе все это время появлялись новые твари, их количество росло, они занимали пустующие пространства, приживаясь или исчезая, кто как, по разному. Одни из них были явно хищниками и питались другими, засасывая, заглатывая или разрывая на куски, другие же просто были, уродуя город своим жутким присутствием. Но я постепенно привыкал, учась не вздрагивать, не отводить взгляда, не обходить стороной и игнорировать настолько, насколько это было в моих силах. Так что страсти постепенно успокаивались, жить становилось легче. Но как потом оказалось — это были лишь цветочки.

Было раннее субботнее утро, вставать не хотелось, но пришлось — не хрен было на ночь столько воды пить, но жажда просто замучила, хотя с чего вдруг, было не понятно. Не знаю, возможно, просто был еще слишком сонный, но, по началу, ничего не заметил и не почувствовал, так как мозги еще не собрались в кучу. В коридоре у меня шкаф-купе, с огромными зеркалами, покрывающими обе двери, что в высоту, что в ширину. И сейчас, стоя напротив, отчаянно пытался проснуться, но кошмар и не думал исчезать, это был не сон. С неммым ужасом я взирал на свое отражение, и не знал, что думать, что делать, и как быть дальше. Правое плечо было затянута черной, с красной мерцающей бахромой, чужой плотью, по груди, до правого соска извивающейся змеей тянулось щупальце, другое обвивало предплечье, спускаясь почти до самого локтя. Еще одно вынырнуло над левым плечом и закрутилось по контуру шеи, вцепившись в ключицу и полностью закрыв ее. Ребра также были укрыты замысловатым узором свернувшихся кольцами щупалец, тянувшихся из-за спины под руками и почти сходящимися у пупка. И все это полыхало по контуру кроваво-красным, нездоровым оттенком. Судорожно вздохнув, уперся руками в зеркало, ладони ощутили прохладу, и понял, что сна уже ни в одном глазу, открывшаяся картина лишила его почти мгновенно, заставив мгновенно проснуться. Мысли метались словно угорелые, лихорадочно подыскивая ответ на вопрос: "Что это за, на хрен, такое, и как быть дальше?"

Медленно повернувшись спиной и искоса оглядев себя, мрачно констатировал — на балконе больше никто не живет. Эта тварь, этот паразит, не знаю каким образом, но переместился на меня ночью и прочно угнездился на спине. Створки по центру был плотно сомкнуты, отчего оно еще больше походило на подавшауюся жутким мутациям морскую звезду. С одной стороны красиво, хоть и жутковато, а с другой перед глазами проносились перспективы одна хуже другой, и везде в конце была жуткая и мучительная смерть. Как? Как эта тварь смогла найти меня, да еще закрепиться? Ведь все это дерьмо жило только на неживой поверхности: асфальт, стены домов, крыши автомобилей, ларьков, то есть на том, что явно было искусственного происхождения. И теперь вот такое?! Да что за на хрен?! Я медленно опустился на пол, поджав ноги и упершись лбом в зеркальную гладь.

И что дальше? Будешь жрать меня, питаюсь внутренностями, выжигая нутро, или воспользуешься как живым кормом для потомства, отложив в кишках зародышей? Перспективы рисовались мрачные, пугающие и безнадежные. Захотелось взывать, но толку с этого, помочь мне уже не могло ничего. Да и сдохнуть, видимо, придется тихо, в тайне ото всех, все равно не смогут разобраться, что со мной и как лечить. Неожиданное шевеление над правым плечом привлекло внимание, и я поднял глаза. Пять, шесть, семь тонких жгутов развивались в свободном движении, колышась, словно на ветру — захребетник таки открыл зев. Но тупо пялиться на эту гадость было выше моих сил, поэтому, молча поднявшись, прошел в ванную, залез под душ и повернул кран.

На голову хлынуло, освежая и приводя мысли в порядок. Добавив чуть горячей, закрыл глаза и подставил лицо струям — пусть хлещут, пусть бьют, хотелось избавиться от этого ужаса, смыть его водой, пусть он уйдет, смоеся в канализацию, исчезнет. Но нет, грудь по-прежнему обвивали щупальца, а справа все также колыхались иссиня-черные иглы.

После душа быстро собрался и покинул квартиру. Было еще одно место, где мне,

возможно, могли помочь, по крайней мере, надежда на это была. Так что через какие-то десять минут я уже подходил к церквушке, часто будившей меня своим перезвоном, но было еще закрыто, что ж, подождем. Опершись на ограду и спрятав руки в карманы, приготовился ждать. В голове было пусто, и лишь одна мысль бродила там в одиночестве: поможет или нет? Ждать было тяжело, время тянулось медленно, неспешно, сковывая легким утренним морозом не по сезону одетое тело. Черт, как-то не подумал об этом, но возвращаться не было никакого желания.

Вскоре вышедший парень распахнул ворота настежь, и я быстро засеменял следом за ним. Давно уже мне не приходилось бывать в таких местах, но все было как всегда и везде — иконы, свечи, лоток со всем необходимым, урна для пожертвований, а дальше подъем и пространство для церемоний. Вокруг меня никого не было, паренек куда-то исчез, и я был полностью предоставлен сам себе. Не совсем понимая, что нужно делать, выбрал одну из икон и опустился перед ней на колени, а потом губы сами зашлись в беззвучном шепоте.

Спустя десять минут, со странным ощущением легкости вышел наружу и сразу же задрал правый рукав — щупальце было на месте. Простояв так некоторое время, тупо на него пялясь, словно не веря, что оно еще там, опустил рукав, развернулся и быстро зашагал домой. Или не помогло, или нужно время, других вариантов я не видел, но что-то подсказывало — и не поможет. Зайдя в квартиру, оголился по пояс и, вооружившись небольшим зеркалом, принялся пристально рассматривать вцепившуюся в меня тварь.

При более детальном осмотре эта жуть внезапно втянула жгуты и схлопнула створки, будто испугавшись подобного внимания. Поза была неудобной, приходилось дико изворачиваться и запрокидывать руку в почти невозможных изгибах, но кое-что новое увидеть-таки получилось. Около закрытого сейчас зева вилась тончайшим плетением темно красная сеть, отдающая тем же свечением, что и контуры паразита, только слабее. Странный рисунок прожилок напоминал паучью сеть, но, все же, был значительно сложнее и притягивал взгляд завораживающей игрой кроваво-красных оттенков. Я сморгнул, сбрасывая наваждение, рука уже затекла и почти отваливалась, так что пришлось сделать перерыв.

Что странно, дотронуться или почувствовать на себе тварь так и не смог, она все еще была словно призрак, рука проходила насквозь и дотрагивалась до груди, ребер, плеча без малейшего сопротивления. Только глаза видели совсем иное, погружение в чужую плоть не делало ее прозрачной, ладонь полностью скрывалась под жуткой, светящейся красным ореолом, черной поверхностью. Хотя это уже не заставляло вставать волосы дыбом и не выдавливало холодный пот, как было несколькими часами ранее.

По нутру внезапно прокатил горячая волна, опалая внутренности и сворачивая в узел кишки, еще чуть-чуть, и я оконфужусь прямо тут, на диване. Молнией долетел до горшка и прямо впечатал в него зад, ощущая, как внутри все крутит и жжет, будто желудок стал распадаться на части. Так херово было лишь однажды, когда отравился уже не и помню чем, но бедный унитаз принимал меня столь часто, и в таких позах, что мы с ним прямо-таки породнились, и сейчас было не лучше. Промаялся я так, в общем, где-то с полчаса, потом дополз до дивана и выпал в осадок. Шевелиться не хотелось, есть тоже, хотя последний раз только ужинал, а сейчас уже скоро обед. Стала накатывать слабость, словно кто-то откачивал все силы, выпивая их капля за каплей. Я скривился, сука, вот как оно будет, решил жрать меня медленно, прожигая кишки, что б побольнее, помучительнее. Спустя минут двадцать живот опять скрутило, и уже на карачках, обессилив почти полностью, кое-как таки смог добрался до туалета. Из эмоций осталась только злоба, страх как-то сам собой

выветрился и больше не ощущался, но вот злость на эту суку, которой даже в ответ ничего не могу сделать, только росла. Я с ненавистью поглядел на обвившее предплечье щупальце — отрезать бы тебя, пусть даже вместе с рукой, а потом меня придавило с еще большей силой и стало уже не до мести. Желудок был пуст, и корчи были лишь формальностью, опорожняться было нечем, но, тем не менее, пытка продолжалась.

Кто-нибудь другой, наверное, только посмеялся бы, увидев мои мучения, но мне было совсем не до смеха. Я-то падал на седлуху, то резко поднимал ее, успевая лишь смыть и склониться в мучительном крике, исторгая из себя уже только желчь — горло корчилось и билось в тщетных попытках, пытаюсь выдавить то, чего уже попросту не было. Потом опять диван, с полчаса покоя и все заново. К четырем часам организм был уже настолько вымотан, обессилен и измучен, что просто падал у входа в ванную и ждал очередного приступа, который непременно приходил. Никогда бы не подумал, что могут быть подобные пытки, но они были, и были действенны. А потом, неожиданно, пришло избавление, будто подкравшись и набросившись исподтишка, сознание отключилось, и я успел лишь осознать, что в глазах все меркнет и они помимо воли закрываются сами собой.

Где-то в отдалении стали драть горло петухи, наяривая все сильнее и громче. Соревнования у них, что ли? Моя квартира выходила балконом на частный сектор, а там кого только не держали, так что слышать по утрам разномастный хор сельской живности было делом привычным. По идее, часов пять где-то, рань полнейшая, а эти горлодеры уже надрываются вовсю. И тут мозг загрузился полностью — глаза разлепились почти мгновенно, ничего еще толком не различая и нащупывая взглядом руку. На месте, сука. Кое-как поднявшись, по стеночке, дошел до ванной и открыл кран — черт, только холодная, вчера ведь не включил бойлер, не до того было. Зачерпнул ладонями воды и с легким раздражением умылся, брр, холодно. Лицо, ощутив свежесть, немного ожило и поднялось посмотреть на себя в зеркало. Мда, живой, и это было единственной хорошей новостью. Глаза запали куда-то вглубь, щеки впалые, губы приобрели нездоровый блеклый оттенок, да и чувствовал-то я себя не очень, паршиво, в общем. Ну, хоть слабости уже не было. В животе заурчало, понятно, не жрамши целые сутки, да еще после того, как его вывернули чуть ли не на изнанку, желудок настойчиво требовал подачи, и немедленно.

В холодильнике были только кастрюля с кашей, половина батона, остатки колбасы и кусок сыра, лежавший рядом с ополовиненной пачкой масла. Нет, это я есть не буду — понял как-то сразу, словно изнутри пришло, не хочу. Значит, придется переться на рынок, а пока он закрыт, буду терпеть.

Спустя часа три бездумного втыкания в монитор, стал собираться. На голову обязательно капюшон, воротник поднять, деньги, мобилка, что еще? Вроде, все, а, пакет, вот теперь можно идти. В кармане задребезжало.

— Привет, мам, что там? — постарался ответить более-менее нормальным голосом.

— Доброе утро, ты как себя чувствуешь?

— Отлично, а что?

— Питаешься хорошо? Давай я тебе сварю чего-нибудь?

Началось, каждый раз одно и то же. Нет, я, конечно, понимаю все — забота и тому подобное, но сюжет уже настолько избит, что приходится себя просто пересиливать.

— Да все нормально, я на рынок иду, сейчас затарюсь, не волнуйся, — и это в мои тридцать лет.

— К нам зайдешь?

— Зачем? — ох, не стоит, не та у меня сейчас физия, только напугаю.

— Ну, просто, я тебя покормлю.

— Нет, мам, спасибо, у меня другие планы.

— Ну, смотри, захочешь, мы тебя всегда ждем.

— Хорошо, — отключаюсь, так, теперь на рынок.

То, что со мной явно что-то не так, понял сразу, и ох как мне это не понравилось. Мясные ряды вызывали прямо-таки отвращение, хотя, буквально несколько дней назад брал здесь колбасу, теперь же на нее смотреть не могу, воротит. А этот запах, он забивался в ноздри и словно оставлял после себя мусорную кучу, меня даже передернуло, нет, похоже, мясное сегодня брать не стоит. Картошка, яйца и помидоры тоже не вызвали никаких эмоций, лежат, ну и пусть лежат, совсем не хотелось ни яичницы, ни пюре, ни вообще ничего такого. А как представляю, что ем это — сразу противно становится. Захотелось ругаться, сдохнуть от голода явно не входило в мои планы, хотя почему бы и нет, все равно эта тварь высосет досуха. Макароны и прочее также остались на прилавках — не мое. И единственное, от чего не тошнило, так это фрукты — дожились, буду жрать бананы и жить на пальме. Вздохнув, затарился яблоками и апельсинами, взял связку бананов, потом, еще подумав, попросил взвесить полкило орехов, они тоже, вроде, не вызывали никакого негатива. Вот и все, на несколько дней хватит, а там посмотрим.

Завтрак оказался несколько странным и необычным: яблоко, жменя орехов и банан — голод отступил. Зато опять накатила слабость, и я поспешил улечься на диван. А потом пошло-поехало: несколько часов сна, потом, проснувшись и опять ощущая голод, набиваю брюхо фруктами, так как на кашу все еще не могу смотреть, потом опять сон, и так до самого вечера. Ночь прошла на удивление спокойно, даже с учетом того, сколько продрых днем, после десяти вечера меня словно отрубил, выбросив сознание в какую-то черную дыру, из которой вынырнуть удалось только к обеду следующего дня. А там все повторилось заново — еда, сон, еда, сон. Фрукты очень быстро закончились, и снова пришлось тащиться на рынок, хотя и еле волочил ноги от слабости, так что возвращение домой было воспринято не иначе, как подвиг.

И снова жрачка, и снова сон. В общем, все это продолжалось около пяти суток, напрочь вычеркнув из графика что-либо другое. Если не жевал, то дрых, если не дрых, принимал душ, потом ел, а потом снова дрых. Несколько раз звонили родители, и приходилось пересиливать себя, что бы адекватным голосом заверять — все в порядке, все в норме. Звонок с работы я таки пропустил, потом еще один и, в конце концов, пришло сообщение, что больше работы у меня нет, и оплаты за несколько отработанных ранее дней могу не ждать — своего рода штраф за срыв плана. Шикарно, в общем, с тем, что осталось, протяну максимум месяца два, хотя, если эта тварь убьет меня раньше, за деньги можно будет не волноваться.

И вот сна, наконец, ни в одном глазу, мозги мыслят кристально четко и ясно — пора вставать. Спустил ноги на пол, нашарил тапки и потопал в ванную. Мать честная, ну и вид: щетиной зарос, как бомж, на голове — будто гнездо свили, волосы слипшиеся, скомканные, да и сама морда помята, столько спать-то. На развевающиеся над правым плечом жгуты внимания уже не обращал и сразу занялся собой. Благо хоть вода горячая осталась. Побрился, принял душ, вымыл голову, и только тут дошло, насколько хорошо себя чувствую: не было ни слабости, ни недомогания, организм был просто переполнен энергией, хотелось действий, и как можно скорее. Хмыкнув, довел марафет до конца и пошел на кухню.

Привычные уже яблоки и апельсины пошли в ход, утолив голод и дав зеленый свет всему остальному.

На повестке дня стоял поиск работы, как ни крути, а кушать хочется всегда, так что включил комп и стал шерстить свободные вакансии. Но через пару часов пришлось признать, что ничего нового пока не появилось. Сидеть же дома было невыносимо, что тоже странно, обычно меня это не парит, так что решил выйти пройтись. Возможно, лучше бы я этого не делал.

Где-то на втором этаже у меня появилось непонятное ощущение и, по мере спуска, оно только усиливалось. Я не сразу сообразил, что головы будто что-то касается, слегка так, ненавязчиво, словно предупреждая — я здесь, я здесь, я здесь. У подъездной двери чувство усилилось, теперь уже постоянно давя на виски, словно прижимаясь к ним пальцами. Беспокойство запаздывающим составом буквально шандарахнуло по мозгам, когда открыл дверь и взгляд упал на замершего в стороне "жвачника". Тварь стояла на месте и вела себя довольно странно — обычно она или медленно прохаживалась, или замирала, все время держа жуткую морду по ветру и избегая резких движений. Теперь же все было иначе, монстр словно прислушивался, поворачиваясь то левым, то правым боком, неожиданно дергался, толстые, крючковатые лапы поворачивали тушу все резче и быстрее, монстр будто пытался засечь нечто опасное, боясь пропустить нападение неизвестного врага. Второй же твари поблизости не наблюдалось. Я медленно спустился с крыльца и по дуге тихонько обошел подозрительно ведущего себя монстра.

Прогуляться решил в сторону парка, там сейчас должно быть тихо и спокойно, да и твари своим присутствием его, почему то, обошли, самое то для меня.

Найдя укромный уголок с пустующей скамеечкой, примостил на нее зад и занялся разбором полетов. Еще спросонья отметил, что все кажется немного не таким, как обычно, но списал это на то, что просто еще не проснулся. Когда вышел на улицу, контраст стал еще более заметен, да вот только непонятка с головой сбила с мысли, и хотя меня до сих пор не отпускало, ощущения были незначительны и вполне терпимы. А теперь насчет восприятия — оно изменилось, но как-то странно. Все те же краски, те же цвета, нет никаких искажений, то есть все в норме, и все же, что-то добавилось, будто расширив границы обычного. Но сколько я не всматривался, сколько не вслушивался, не принюхивался, так ничего и не смог сообразить. Просто есть нечто, а что — хрен его знает.

В тени было хорошо и спокойно, ветер теребил коротко стриженные волосы, шелестел листвой, а где-то неподалеку лаяла собака, явно выгуливаемая очередной старушкой. Их вообще здесь было много, этих божьих одуванчиков, они произрастали здесь с такой плотностью, что иногда казалось, будто здешняя атмосфера слишком благоприятно на них сказывается. И у большинства из них были питомцы: кошки, собаки, рыбки, о которых можно было услышать, проходя мимо, и узнать о них кучу всякой ерунды. На душе было спокойно и умиротворенно. Краем глаза заметил распрямившиеся жгуты, будто специально колышущиеся в такт ветерку, постоянно здесь гуляющему и теребящему мелкую зеленую поросль.

Было довольно странно вот так спокойно сидеть, наслаждаться тишиной, ну почти, и покоем, когда из спины, сквозь куртку, торчал целый пучок острых, антрацитовых жал. Вдруг виски сдавило чуть сильнее, раз, другой, трети, потом воздействие на них возросло еще на порядок и уже не ослабевало, я встревожено прислушался к своим ощущениям и вдруг понял — там! Взгляд устремился дальше по аллее и замер на пустом повороте: никого, ни

людей, ни тварей видно не было. Но ощущения не отпускали, там явно что-то есть, по крайней мере, на виски давит оттуда. И когда уже собирался встать и пройти немного вперед, из-за поворота метнулось нечто и скрылось за деревьями справа. Замерев и перестав даже дышать, просто нутром ощущал — оно не ушло, а все еще там, желание сбежать пришлось давить через силу, и тут ситуация коренным образом изменилась.

Осторожно ступая, сквозь деревья вышло нечто столь кошмарное, что меня буквально подбросило на ноги, и с трудом удалось побороть желание тут же пуститься в бегство. А тварь замерла и, поведя ко мне своей жуткой башкой, вперила буркала прямо в меня. Я нервно сглотнул, такого еще не было, этот кошмар явно видел меня, видел, черт возьми! Как такое может быть?! Мысли лихорадочно метались, стуча в висках набатом, а глаза неотрывно следили за появившимся чудовищем. Затем я сделал осторожный шаг в сторону, и тварь повернула башку следом. Она рассматривала меня так, словно совсем не ожидала здесь встретить и была несказанно удивлена, по крайней мере, так казалось.

Сердце учащенно колотилось, угрожая пробиться наружу, а где-то в районе живота стала зарождаться холодная, липкая волна страха, и было от чего. Монстр напоминал жуткую пародию на человека, достаточно большого и крупного, что бы размах плеч достигал почти двух метров. Передние и задние лапы существа гнулись в коленях назад и были широко расставлены, упираясь немаленькими когтями в податливую землю, не оставляя на ней ни малейших следов. Но больше всего бросались в глаза в первую очередь цвет твари и ее башка — молочно белая, вся в складку шкура монстра походила на виденную мной не раз личинку жука, живущую в земле. А уродливая голова точь-в-точь повторяла человеческие формы, с тем лишь различием, что была напрочь покрыта белесой шкурой и размерами превосходила раза в четыре. Черные губы и точно такие же буркала создавали на белом фоне жуткий контраст, а белые точки зрачков на антрацитовом поле глаз смотрели зло и недобро. Оно явно было хищным и, учитывая показываемый мне оскал, вполне возможно, что голодным. Но развернуться и бежать было бы глупо, хотя я отчаянно и желал этого. Нужно уходить, но не так, спокойно, не выпуская монстра из поля зрения.

Я сделал первый шаг в сторону, тварь не шелохнулась, потом второй, третий, пяясь и надеясь, что под ноги ничего не подвернется. И все время, пока шел, монстр стоял неподвижно, застыв, словно статуя, уродливая и жуткая. На спине выступил холодный пот, тело била мелкая дрожь, а глаза продолжали неотрывно следить за белым ужасом, не выпускаявшим меня из своего поля зрения. И все-таки я оступился, отвлекся, а когда бросил взгляд обратно — твари уже не было, аллея пустовала.

Мимо прошла молодая парочка, одарив удивленным взглядом, но мне было не до них. Набухшие виски никак не отпускало, и только что рухнула стена, защищавшая последнее время от всего этого кошмара, и что будет дальше, не имел ни малейшего представления. Если опять вернется время страха, я этого не выдержу и или вконец сломаюсь, стану сумасшедшим, или — мысли заметались, ища варианты, но их не было. Для предположений был не самый лучший момент, так что ноги сами понесли домой, периодически оступаясь и сбивая на обуви носки. Легкая дрожь накатывала волнами и раздражала лишь еще больше. Я не был трусом, не имел фобий и считал себя вполне уравновешенным человеком, но то, что происходило со мной последние пару месяцев, сломало бы любого. Хреновое оправдание? Возможно, но одно дело сидеть-бояться одинокимвечером у себя дома под пледом, затаив дыхание и просматривая очередной ужастик. И совсем другое, жить в нем, участвуя чуть ли не в главной роли, так что со мной все в порядке, и реагирую я на все это вполне адекватно.

Вот и сейчас почти лечу домой, лихорадочно шаря вокруг взглядом и чуть ли не ощущая звон натянутых, словно струны, нервов.

Не знаю, чем квартира может быть безопаснее, скорее, это просто иллюзия домашнего очага и уюта, но мне там явно было спокойнее, по крайней мере, в последнее время. Замок клацнул и вставил язычок в прорезь, все, закрыл. Хотя кого я пытаюсь обмануть, для них это не преграда. А ты, тварь, что скажешь? Скосил глаза вправо — сожрут меня, сдохнешь и ты, разве нет? Но ответа так и не дождался, игнорирует, сволочь. Постепенно успокаиваясь, приходил в себя, изменить-то уж точно ничего не смогу, а врожденный пофигизм с рационализмом накладывали свои отпечатки. Через полчаса обычное "будь что будет, и хрен с ним" утихомирило бушевавшую во мне бурю эмоций и вернуло к обыденности, хоть и заставляя периодически оглядываться каждый раз, как переходил в другую комнату. Если бы не эта черта, уже давно свихнулся бы и, кто его знает, где бы тогда сейчас обитал. Мягкие белые стены, ни одного острого угла и все такое. А пока что только гребаный осадок и остался, ну да от него никуда не денешься, уж я-то знаю.

На улицу выходить уже не хотелось, а сидеть дома претило не меньше, чем часом ранее, чем же себя занять? По ходу дела немного перекусил, прошелся по комнатам, зачем-то открыл шкаф на кухне и долго пялился на тарелки с чашками. Черт, ступор какой-то, встряхнул головой, избавляясь от наваждения, ладно, раз все равно не могу придумать, чем заняться, остается только убить время за компом, сыграв несколько боев в доту. Одно время она была своего рода наркотиком, продержав при себе почти неделю, но потом запал прошел, интерес стал потихоньку испаряться, и вот, теперь это всего лишь способ отвлечься. В общем, часа на два получилось с головой погрузиться в мир командных схваток, а потом, по закону жанра, стало еще хуже.

Я как раз заканчивал очередной бой, как неожиданное движение, отмеченное краем глаза, заставило короткие волосы стать дыбом еще больше и вытянуться чуть ли не по струнке. Спину неприятной, липкой волной окатил страх, не тот, который бывает от испуга при очередном страшном моменте в каком-нибудь ужастике, где качественно подобранная музыка бьет по нервам не хуже самой картинки. Нет, это был врожденный страх человеческого существа перед ночным кошмаром, пришедшим за ним во время бодрствования. Появилось желание заорать, но крик застыл в горле ледяным комом, сковав его напрочь. Я застыл на месте, словно парализованный, с ужасом наблюдая, как на потолке, через дверной проем, медленно просунулась белая, жуткая лапа. Нечеловеческие когти впились в побелку, пройдя ее насквозь и замерев, словно подчеркивая ужас момента. А следом, доводя атмосферу почти до каления, появился и сам кошмар. Черные буркала с белыми точками зрачков нашли меня в полумраке комнаты и с убийственной точностью уставились прямо в глаза. Это было хуже смерти, казалось, сердце стало пропускать удары, позабыв, как правильно биться. Чудовище медленно, словно желая растянуть момент моего испуга, подтянулось, и из темноты показалась втора лапа, морда существа хищно оскалилась, и оно продолжило движение. Вскоре тварь замерла от меня в каком-то метре, буравя взглядом сверху вниз, потом вытянулось на лапах, и оказалась почти вровень. Наши глаза встретились. Такого ужаса я еще никогда не испытывал, но мог лишь сидеть и ждать, не в силах выдавить ни звука, ни пошевелить рукой или ногой. А затем тварь прыгнула, неожиданно сильно впечатав меня в диван, сбивая дыхание и буквально выбивая из легких воздух. Горло выдавило хрип, глаза распахнулись еще шире, а мозг все никак не мог принять того, что сейчас происходило. Боялся, но не принимал. Монстр распластал меня на спине,

поставив на грудь огромную лапу, и снова заглянул в глаза. Я заорал, буквально тоня в этих черных буркалах, растворяясь в них, теряя себя и забывая обо всем на свете, кроме жуткой образины перед собой. И тут случилось нечто неожиданное. Близость скорой смерти словно всколыхнула, заставила страх вжаться где-то внутри и в ужасе забиться в истерике, потому как пришедшая волна злобы и ярости буквально за считанные секунды смела обуревавшие меня эмоции и оставила перед смертью лишь одно — желание отомстить. Я клацнул зубами почти у самой морды твари, не достав всего несколько сантиметров. Руки рванули вверх и впились пальцами в буркала, вдавливая их внутрь, стараясь выдавить, проткнуть. Но тварь успела закрыть их, запечатав больше похожими на броневые пластины веками, и они лишь скользили по ним в тщетных попытках. Мотнув мордой, она склонилась еще ниже, буквально вжавшись в меня уродливыми отверстиями носа, а затем раззявила пасть. И тут яростный порыв стал покидать меня, улетучиваясь, словно дымка, быстро и безвозвратно. Понимая, что больше сил у меня ни на что не хватит, словно по какому-то наитию я ударил, не знаю чем, не знаю как, мы же не задумываемся, как двигаем рукой. Вот и теперь, абсолютно бездумно, так как мозг почти ничего уже не соображал, со всего размаху и вложившись в удар полностью, я жахнул по твари. И последнее, что запомнило гаснущее сознание, был бездонный белый зев.

В глаза нестерпимо бил свет, блуждая по веками назойливыми лучами. Спать все еще хотелось, и я уже было перевернулся на бок, сбегая от назойливого солнца, как тут же вскинулся, мгновенно принимая сидячее положение. Сердце занялось с низкого старта, а все еще слипшиеся глаза пытались сфокусироваться и лихорадочно обшаривали залу. Два взгляда встретились неожиданно, и так же разошлись. Потом меня будто включили и я опять метнул глаза назад — монстр вальяжно развалился на стене, если это можно так назвать, и, не переставая, буравил меня глазами. Похоже, ему было все равно, в какую сторону сгибать суставы, так как ко мне сейчас был выставлен его белесый живот.

— Чего тебе надо? — с надрывом прошептали губы.

Но оно молчало.

— Почему не убил?

И опять тишина. Это напрягало. Наконец я решился встать, если все еще жив, значит, есть шанс, что не умру и сейчас. Медленно спустив ноги на пол и не сводя с монстра взгляда, поднялся, ступни привычно вошли в тапки, и боком, не отходя от дивана, все так же не спеша двинулся из комнаты. Оно не преследовало, лишь башка повернулась следом, провожая жутким взглядом.

Кое-как доплелся до ванной, душ сейчас был просто необходим. Тугие струи смыли остатки сна и помогли разогнать по жилам кровь, мозги, наконец, включились. То, что творится совершенно мне непонятное, было ясно сразу, только как себя теперь вести? Небритое лицо вопросительно уставилось из зеркала и невесело ухмыльнулось. Ситуация была из разряда "А, черт его знает" и не навела ни на какие мысли. Ладно, авось, само образуется. Приведя себя в порядок и заблагодарив, словно перед свиданием, захватил из холодильника яблоко и прошел в залу, тварь была на месте. Я сел напротив, откусил кусок и стал жевать, не сводя с монстра глаз. Ну и, что дальше?

Дальше так и не наступило, ни через десять минут, ни через полчаса. Наконец мне все это надоело — если убивать не собираются, стоит заняться своими делами. И вот, уже одетый и обутый, стою перед входной дверью, рука держит ключ, а ошарашенный мозг пытается осмыслить то, что все это время попросту игнорировал, не принимая во внимание и отменяя как ненужное. Виски не давило, но зато было нечто, что я назвал бы связью. И как только эта мысль прочнее обосновалась в мозгу, будто что-то щелкнуло, словно тумблер какой-то, и сразу же стало ясно — я не один. Не в том смысле, что знаю про тварь, сидящую на стене в зале. А в том — что чувствую ее, ощущаю, но как-то странно, не полностью, что ли. Все это казалось неким бредом, игрой больного воображения или иллюзией, но никак не реальностью. Я словно открылся чему-то новому, дав согласие и пустив в себя чужеродный канал, постепенно приживающийся во мне и стающий понятным, целостным со мной, родным. Мозги закипали, пытаюсь определиться с поступающей информацией и, наконец, нашли выход, полностью очистившись и пустив все на самотек. Мои глаза видели лишь дверь перед собой, ключ и руку, державшую его. А в голову, тем временем, приходило знание обстановки из зала, будто кто-то сканировал пространство комнаты и загружал ее прямо в меня. Это не были образы или картинки, это было именно знание, постоянно обновляющееся и попадающее в мою голову.

Я знал, как колышется занавеска на окне, как кружится пыль в воздухе и перебирает лапами в своей паутине в углу паук. Знал расположение мебели и всего остального, не помнил, а именно знал, узнавая все это каждый миг, каждую секунду. И это было настолько невероятно и удивительно, что когда это разом исчезло, схлынув волной, и передо мной опять была дверь, то почувствовал такое разочарование, словно меня обокрали.

Ключ повернулся в замочной скважине, и дверь открылась наружу. Спускался я, словно в какой-то прострации, и не сразу заметил сзади хвост. Неспешно перебирая лапами, позади семенила эта белесая образина и неотрывно сверлила мою спину взглядом. Споткнувшись от неожиданности, выбросил вперед руку и только благодаря перилам не упал. Монстр тут же остановился, не отводя от меня своих буркал. Ладно, просто идешь за мной? Что ж, пошли. Его вид все еще вызывал у меня оторопь, но было очевидно, что вполне смогу привыкнуть и к такому, по крайней мере, волосы дыбом уже не вставали. Спустившись на первый этаж, мы вышли наружу: я через дверь, он сквозь нее. Видеть краем глаза рядом с собой такое страшилище было, скажем так, не совсем по мне, но выбора не было. Миновав дворовых монстров и выйдя за пределы двора, наша парочка отправилась дальше. Слава богу, никаких эксцессов не приключилось, Белый Ужас, как я назвал его про себя, спокойно проходил сквозь людей, полностью их игнорируя. Иногда он отбегал в сторону, но каждый раз, когда начинал искать его взглядом, натыкался на его ответный. Все это было странно, но поделаться ничего я все равно не мог, так что просто следовал своей интуиции, подсказывающей только одно — положиться на "будь что будет".

Когда вернулись домой, Белый опять выперся на стену и замер, поймав в прицел своих буркал. Черт, ну что за хрень, напрягает же. Еще не забыв, какого ужаса натерпелся совсем недавно, теперь довольно спокойно воспринимал свое состояние, при котором эта тварь уже не будила во мне желание истерично орать и бежать как можно дальше. Неприятный, вынужденный сосед, но не вредит и ладно. Убежать у меня все равно не получится. Захочет открутить мне голову — открутит, и пикнуть не успею. Так на хрена из-за этого маяться? В общем, я почти смирился, и только его внешность заставляла еще время от времени содрогаться.

Через два дня удалось найти работу, и Ужас принялся таскаться со мной и туда. Насколько я понял, он явно чего-то ждал от меня, постоянно ловя взгляд и никуда далеко не убегая. Питался ли он чем-нибудь все это время, тоже был без понятия. Но от греха подальше пока старался не заходить к родителям, а друзей у меня и так почти не осталось. Не до них было в последнее время, да и интересы слишком отличаются. Мне их кутеж, пиво и девочки уже давно поперек горла стали. Так что мое отшельничество было сейчас только на руку.

Периодически проявлялась связь с этой гадиной, и я опять начинал принимать данные о том месте, где она находится. Но это всегда исчезало также спонтанно, как и появлялось. И поделаться с этим я ничего не мог, хоть и пытался, а потом начали проясняться отдельные моменты, складывающиеся в довольно-таки занятную картину. По всему выходило, что требовалось определенное время, что бы наша связь окрепла или стала прочнее, ну, что-то вроде того. От чего это зависело, мне пока не было понятно, то ли от самой твари, то ли от меня, то ли еще от чего, хрен его знает. Но то, что эта связь усиливается, было неоспоримым фактом. Спустя неделю я уже мог сам вызывать это состояние и удерживать его в течение пяти-шести минут, дольше пока не получалось. Да и потом еще требовалось часа полтора, прежде чем удавалось повторить опыт заново.

В общем, каждый мой день был расписан от и до: сначала работа, потом эксперименты

и тренировки, а затем сон. Так что две недели пролетели быстро и незаметно, словно на одном дыхании. Если бы еще не уставал так на работе, можно было бы сказать, что все устраивается довольно-таки неплохо. А потом произошло нечто такое, что опять внесло в мою жизнь кардинальные изменения, и вроде бы уже привычный мир рухнул вновь.

Скорее всего, просто настал момент, когда связь с этой тварью достаточно окрепла, или мои успехи в тренировках стали тому виной, но очередное утро выдалось абсолютно не таким, каким было много раз до этого. Первое, что отметили не проснувшиеся мозги, это что Белый пятится куда-то в сторону, полностью меня игнорируя. Еще не совсем соображая, что делаю, просто решил посмотреть туда же — и все получилось в ту же секунду, мгновенно и легко. В то время как обычно приходилось минут десять пыхтеть, настраиваясь на Белого и мозоля глаза его жутким видом. Дальше больше, слегка офигевая от такого поворота, да еще с утра, пошлепал в ванную, привел себя в порядок, перекусил стандартным уже пайком фруктов и вдруг понял, что все еще поддерживаю восприятие через тварь, без каких-либо усилий, напрягов и срывов. И все это получалось так просто, словно шевелил рукой или ногой. Просто хоп — и связь появляется, бац — и ее нет. Но это оказались еще цветочки.

Где-то с час я не переставал валять дурака, врубая и вырубая новую возможность, просто напросто играя с ней, как получивший долгожданную игрушку ребенок. А потом, в голове, словно лампочка зажглась. Я посмотрел на Белого, и просто захотел, что бы он переполз со стены на потолок, сердце тут же учащенно забилося — тварь двинулась с места. Теперь с потолка на пол, прыжком. Белый отлепился от побелки и кувырком ушел вниз, прочно застыв на всех четырех. Похоже, его нисколько не волновали мои потуги им управлять, ему было абсолютно все равно. От охвативших меня чувств, казалось, можно было получить изжогу. Монстр слушался меня беспрекословно, перемещаясь по малейшему желанию и показывая вокруг себя все, что видел сам, а видел он многое. Я носился с ним по чужим квартирам, проносясь сквозь стены и людей, в громадных прыжках взмывал на несколько этажей вверх и камнем падал вниз, до самого подвала, а потом еще и носился как угорелый по крыше. Эмоции били через край, заливая меня всего с головой, это была эйфория.

Единственное, что стало минусом — это, как я понял, его привязка ко мне. Он мог удаляться только на определенное расстояние, а потом замирал как вкопанный и тупо оглядывался, сколько бы я его ни понукал. В общем, выходило метров пятьдесят где-то, может чуть больше, но и этого хватало с лихвой.

А вот то, что получилось вечером, стало для меня еще одним сюрпризом. И, опять-таки, получилось все весьма спонтанно. Просто вспомнил себя прижатым к дивану, что означало лишь одно — в следующий же миг здоровая квадратная тумба, являющаяся частью раскладного дивана, с грохотом врезалась в стену. Я опешил, замерев и уставившись на нее так, словно видел впервые. Весила она килограмм сорок, учитывая, что внутри нее было еще полно всякого барахла, а отлетела будто картонная, в миг преодолев два с лишним метра. Следующим шагом стал зажатый в руке лист бумаги, грубо разорванный затем пополам — да уж, сила есть, ума не надо, для тонких дел тебя использовать нельзя. В конце же я решился на эксперимент другого рода — завернул обычную шариковую ручку в полотенце, и через секунду достал две искореженные половинки. Материя при ударе сильно дернулась, но это был рывок от ломающейся пластмассы, не более, сама же ткань была не задета. Выводы были налицо, до меня, наконец, стало доходить, насколько опасного питомца удалось завести.

Со временем были забыты пережитые страхи, я стал жить настоящим, стараясь взять от него все, что только мог. Уволился со старого места, устроившись на достаточно тяжелые погрузочные работы, и то сказать, устроился — пришлось прямо выторговывать пробный день за свой счет, но оно того стоило. Зарплата была под стать задачам, с которыми могли справиться только реально здоровые, физически крепкие мужики, и потому вполне понятно, почему вначале я сразу же получил от ворот поворот. Но с Белым Ужасом все оказалось много проще, тварь слушалась почти идеально, принимая на себя основную часть веса, и к концу дня меня уже оформили. Единственной проблемой оказалась правильное управление монстром, так как она все воспринимала на свой манер, и потребовалась не одна неделя, что бы соразмерить ее возможности с моими необходимостями. В итоге кошмар поднимал вещи настолько, насколько было нужно, а не как можно выше, и не крошил лапой, хватая за край, оставляя лишь небольшие вмятины.

Ко всему прочему изменения коснулись и меня, ранее привычный образ жизни рухнул в одночасье, за какую-то неделю изменившись почти полностью. Я стал меньше спать, предпочитая ночные прогулки и иногда забредая в такие места, что немудрено было найти на свой зад неприятности, но пока везло. Рядом постоянно находился Ужас, давая возможность ориентироваться в полной темноте, у меня даже была теория на этот счет — мой кошмар не видел, а вроде как считывал информацию с пространства, получая сведения об окружающем ежесекундно и без каких либо помех, будь то свет, тьма или просто физическая преграда. От меня это тоже зависело, и чем больше я практиковался в видении, тем быстрее рос радиус обзора Белого. Сейчас, к примеру, где-то на расстоянии пятнадцати-двадцати метров, куда он смотрел, для меня не было ничего сокрытого, а начиналось все с каких-то пяти-шести.

Дальше больше, я стал его кормить, что опять-таки вышло само собой. Навещал однажды родителей, и заметил приплод на кухне: вокруг твари в окне появилось нечто вроде коконов, плотно облепивших весь верхний угол. Они слабо пульсировали и периодически мелко вздрагивали, вызывая своим видом не меньшее омерзение, чем взрослая особь рядом. Я просто захотел, чтобы их не стало, а потом в немом удивлении наблюдал, как мой кошмар пожирает их заживо. Он хватал по несколько штук сразу, не жуя и проглатывая, потом раскрывал пасть и тянулся к следующим. Червеобразная матка, видно, почуяв все это, занервничала и стала дико изгибаться из стороны в сторону, постепенно выбираясь наружу, но Белый сразу понял, чего я хочу, и в мгновение ока оторвал от убегающей твари здоровенный кусок, тут же проглотил его и откусил следующий. Червь жутко извивался, дергаясь всем телом, но это ему мало помогало, и скоро от него осталась висеть за окном лишь полуметровая часть, потом также исчезнувшая в белом брюхе. Все кончилось за две минуты, в комнате не осталось никого, кроме меня и моего кошмара. Не особо раздумывая, то же самое я повторил и в зале, похожий на насекомое уродец был сначала разорван пополам, а потом сожран. После этого, во время ночных прогулок, мы стали чистить дом за домом, в процессе чего я насмотрелся столько мерзких тварей, что не берусь даже считать — их было нереально много, иногда они даже жили настоящими стаями, заполняя собой почти всю комнату. Не знаю, получала ли моя тварь от этого удовольствие, но когда у моих

соседей был съеден целый выводок образин, больше похожих на выкидыши больного разума, у них явно стало меньше ссор, подрывающих иногда меня по утрам похлеще будильника.

Скорее всего, кошмары питались не только себе подобными, но и каким-то образом влияли на самих людей, подталкивая, а то и вызывая неадекватные реакции, провоцируя на выброс эмоций. К этому я склонялся больше всего, потому как примеры изменения отношений между людьми были явно налицо, и потому там, где жили мои родные, больше не появлялась ни одна тварь.

Кстати об этом, откуда-то они все-таки приходили, и одно время я прямо-таки помешался на поиске каких-нибудь порталов, проходов, дверей в другое измерение, к примеру, но так ничего и не нашел, хотя облазил большую часть города. Они просто приходили, неизвестно откуда, и или оставались, или исчезали, так что этот вопрос пришлось оставить открытым.

Зато понемногу стали заполняться пробелы относительно возможностей этих тварей и их поведения, чему способствовали ночные прогулки и простая наблюдательность. Жизнь этого летающего, ползающего и бегающего ужаса поглотила меня целиком, став чем-то вроде личного увлечения, я пытался их классифицировать, поделить на группы по определенным признакам и разграничить по иным параметрам, но выходило пока плохо. Хищников или обычных эмоциональных вампиров определял уже с первого взгляда, более того, с последними научился даже узнавать степень их воздействия на человека, но и только, все остальное было пока за семью печатями тайны. Кстати захребетник, поселившийся у меня на спине, оставался пока наибольшей загадкой — что оно такое, чем живет, что делает, было неизвестно. И если Белого я уже прекрасно ощущал и мог им управлять, то с этой антрацитовый звездой никакой связи пока не имел, в отличие от нее.

И вот случилось то, чего я уж ну никак не ожидал — одним очередным утром виски стало ощутимо ломить, всколыхнув уже давно позабытые моменты из прошлого. Только теперь это воздействие было много грубее, будто кто-то целенаправленно взламывал мою черепную коробку. Терпеть было можно, но причиняемый дискомфорт нельзя было назвать несущественным, и нужно было срочно что-то делать, только вот что? В памяти тут же всплыли события тех дней, добавивших в виски еще больше серебра: подобное давление началось тогда с утра, потом был парк, встреча с Белым, и все исчезло после того как — озарение прошло сознание подобно молнии, ворвавшись в размеренное течение мыслей и устроив настоящую бурю. От волнения я даже встал и начал прохаживаться взад-вперед, настолько это было необычно. Выходит, что все, что изменилось с того утра — это вот он, взгляд упал на застывшего каменным изваянием кошмара. Именно тогда эта тварь вошла в мою жизнь, и больше ничего в тот день настолько необычного не происходило, а списывать все на недомогание или еще что казалось просто детским лепетом. Вот оно как, вот оно что, своего рода созревание, новый уровень, по достижению которого необходимо восполнить свои ряды или выучить новый скилл, прямо как в игре какой-то.

Но теперь возникал другой вопрос: где и как мне найти очередного кошмара, с которым все получится? В тот раз эта тварь сама меня нашла, и чуть было не довела до инфаркта, а что сейчас? В голове, словно в каталоге, просматривались целые досье, собранные на известных мне в городе тварей, но это ничего мне не давало, кроме, разве что, одного. Выбор. Если уж все завязано так, как я предполагаю, то все, что я сейчас могу сделать — это определиться с тем кошмаром, которого не прочь себе занять, а потом уже пытаться связаться с ним. А как там это будет происходить, остается положиться, опять-таки, на

авось.

В итоге, выбрав жертву и в темпе одевшись, выбрался на улицу. В животе крутило, хотелось есть, да и побриться бы не мешало, но все это было второстепенно, фоном, не значащим на данный момент для меня абсолютно ничего. Маршрутка подошла почти сразу и, заняв одно из пустующих мест, прислонился головой к стеклу. Так-так, если все получится, это будет просто нечто, я уже предвкушал, как снимаю шкуру с медведя, которого только ехал убивать. За стеклом проплывали улицы, здания, остановки, частью пустые, частью заселенные, но мне нужно было дальше, почти на край города, там обитало именно то, что мне было нужно.

Рядом кто-то плюхнулся, Белый повернул голову, и я, пересилив себя, все-таки сдержался. На людях, да и рядом с другими мешками с костями, кровью и прочим пользоваться видением было, мягко говоря, некомфортно. Потому как в голову поступало слишком много ненужной информации, абсолютно не радующей, если можно так выразиться. Проще говоря, Белый сканировал пространство слой за слоем и передавал мне все это точно так же, то есть сейчас, к примеру, я стал знать, что справа от меня сидит девушка в клетчатом пальто. Параллельно в голове отметились все слои ее верхней одежды, состоящие из переплетения цветных нитей, и так далее, вплоть до кожи, потом до мяса, костей, органов и т. п. В итоге получалась настолько объемное знание со всеми подробностями, что голова просто шла кругом. И сколько бы я ни пытался найти ограничитель для всего этого, пока ничего не получалось.

Так что, закрыв глаза и отключившись от своего кошмара, попытался представить себе, как все будет происходить дальше. Убежать эта мерзость не сможет, слишком медленно передвигается, так что подойду без труда. Но вот потом совсем не факт, что жертвой станет именно она, а не я. И наряду с этим была еще одна проблема, я просто понятия не имел что нужно делать и как вообще все происходит. В тот раз был поединок взглядов, потом волна агрессии, зашкаливающие эмоции, и в конце непонятно как отчебученное мной нечто, чего до сих пор так и не понял. Удар не удар, вообще хрен поймешь, чем жажнул тогда. И да, сразу ведь в осадок выпал, черт, не хотелось бы там терять сознание. Вскоре маршрутка добралась до нужной мне остановки и, расплатившись, я спрыгнул со ступенек.

Так, теперь минут десять до заброшенной стройки и будем искать. На улице было достаточно прохладно, и теперь оставалось только корить себя, что не оделся теплее. В сторону из кустов метнулась бездомная собака, явно спугнутая моим приближением.

— Белый, ищи, — шутливо подмигнул своему чудовищу и послал нарезать круги по периметру.

Теперь, даже если они прячутся в этих развалинах, мы их быстро обнаружим, нужно только пройти по этому пустырю. Кстати, себе подобных Ужас воспринимал нормально, только оболочку, никаких тебе костей и кровавого фарша, безо всяких лишних подробностей. Почему так, я не знал, но хотел добиться того же эффекта и с людьми. Вскоре, в одном из зияющих пустыми глазницами окон здания, показались сразу две искомые мною особи. Белого сразу отправил в сторону, не стоит ему в этом участвовать, или порвет на части или, что хуже, сам пострадает. Чем ближе подходил к постройке, тем сильнее стучало в висках, черт, хоть бы не лопнули — холодные ладони, прижатые с боков, смогли немного облегчить давление, так, а теперь пора внутрь. Первого кандидата заметил сразу же, на том самом месте, где он и был пару минут назад, второй же упорно полз в сторону, пожирая сантиметр за сантиметром. Окинув взглядом обоих и сравнив еще раз,

выбрал первого, как более крупного, и стал медленно приближаться.

А мерзость словно почувствовала что-то, в воздухе дико зазмеились щупальца-плети, извиваясь по самым невероятным траекториям и хлеща во все стороны так, что стало немного не по себе. Я уже видел силу этих обманчиво тонких жгутов и не хотел даже думать о том, что они со мной могли сделать. Еще один шаг и все, дальше уже может достать, глаза пристально смотрят на разбушевавшуюся тварь, а в висках все долбит и долбит, по нарастающей, все сильнее и сильнее, будто подталкивая. Начинаю морщиться, голова, словно чугунок с десятком молоточков внутри, очень неприятно, даже зубы сводить стало. Делаю шаг вперед, сквозь грудь сразу же проносится целый веер щупалец, я ободряюсь — чувствует, но достать не может, мы все еще по разные стороны. Второй шаг, третий, в голове уже набатом бьет колокол, заглушая абсолютно все звуки, кроме буханья в висках, становится жарко, ситуация явно выходит из-под контроля. А тварь уже всю вертит карусель, полосую пространство на мелкие доли с такой скоростью, что кажется, будто передо мной стоит марево. Голова начинает раскалываться от чудовищного давления, я уже не выдерживаю, спина мокрая, мне хреново, хочется вернуть все вспять, но назад дороги нет, теперь уже не отпустит. Где-то на грани сознания мелькнуло сожаление, тут же сметенное очередным приступом височного террора. И уже ничего не понимая и почти не соображая, с перекошенным от муки лицом бросаюсь вперед, на тварь, на пол, без разницы, силаюсь лишь схватить и грохнуть со всей дури. Бетон жестко впечатывается в правую ладонь, сдирая кожу и обдавая жаром, а левая застревает в мечущихся пучках — ладонь сжимается, хватаясь покрепче, и тут же на спину опускаются хлесткие удары. Один, второй, третий, горло выдавливает лишь стон, вылетающий вместе с выбиваемым из легких воздухом, а потом что есть мочи рву левой к животу и перекатываюсь на бок, поджимая щупальца под себя.

Узел на предплечье бился с каждым разом сильнее, сдавливая словно тисками, меня то и дело отрывало от пола и жестко бросало обратно, отбивая плечо, бок, бедро. Голова моталась так, что только чудом не размазывал мозги по бетону, а потом шею захлестнула петля, и меня вздернуло вверх. И последнее, что я ощутил, отпуская гаснущее сознание, это поднимающуюся волну ярости. Темнота.

Было холодно, и больно, и еще неудобно, попытка пошевелиться отдалась во всем теле, выдавив слабый стон. Черт, я все еще жив, но как же хреново, глаза с трудом раскрылись, окидывая помещение взглядом. Все тот же пол, то же помещение, лишь сумерки везде, вечер, что ли, а ниже — вздох застрял на полпути, получилось, не знаю как, но получилось. Стиснув зубы, оперся руками и кое-как поднялся, ох, и шатает же. Вокруг сразу же развернулся веер щупалец, укрыв со всех сторон редким частоколом, вот оно как, интересно. Тварь была чем-то вроде ползучего лишайника темно-бурого оттенка с торчащими во все стороны отростками разной длины, я заприметил ей подобную еще с месяц назад и был несказанно удивлен, когда увидел ее в действии. Хрупкие на вид стебли с ужасающей силой сдавливали и крушили наскაკивающих на нее небольших, похожих на жуков переростков монстров, сминая и разрезая прямо в воздухе. Гибкие щупальца-плети были невероятно быстры и точны, резкими ударами просто уничтожая нападающих и не оставляя им ни малейшего шанса. И на фоне всего этого я просто не понимал, почему вообще остался жив — хватить должно было и одного удара.

Теперь же обе ноги, бедра и часть спины были покрыты этой дрянью, вот ведь! Прекрасно, с каждым разом я принадлежу себя все меньше и меньше, и это был не сарказм, губы искривила кислая улыбка. Вот ты и получил, зачем пришел, рад? И сам себе кивнул — зато жив, и мозг не взорвался.

Белый откликнулся в ту же секунду и с его помощью удалось собрать разлетевшуюся во все стороны мелочь. На проезд хватит. В животе заурчало — да знаю, знаю, я опять скривился и пошатывающейся походкой отправился на выход. Черт, действительно вечер, целый день тут провалялся, ну, хоть не простыл, мелькнула мысль, заставив невесело улыбнуться. Какой, на хрен, насморк? Это меньшее, что должно вообще волновать. По закону подлости маршрутка появилась только спустя минут двадцать и водитель, окинув меня недовольным взглядом, принял плату за проезд и тронулся дальше. Ну, да, помятый и потрепанный, и немного грязный, так что теперь? Небось, и похуже видел. Дальше ехал, отвернувшись к окну и напрочь игнорируя происходящее вокруг. Люди заходили и выходили, толкались, переругиваясь, но меня это не касалось, все было пофигу. Хотелось только добраться до дому, поесть, принять душ и, наконец, разобраться, во что я превратился теперь.

Сзади щелкнула замком, закрываясь, входная дверь и на меня дохнуло привычным уютom, наконец-то. Белый уже забрался на стену и привычно замер, жуткий монстр над небольшой деревянной тумбочкой. Я покачал головой, и что его туда постоянно тянет? Скривившись от боли, стянул куртку, испорчена напрочь, весь правый бок был полностью счесан, местами даже порван. Все остальное было более-менее в норме, разве что джинсы постирать да обувь привести в порядок, ладно, теперь основное.

Раздевшись догола, стал осматривать свое новое приобретение. Плющ, как я решил его называть, покрывал меня с самого низу и вплоть до пупка, а на спине поднимался еще выше, немногим не доставая до свернувшей кольцами щупальца антрацитово́й звезды. Часть ступней, колени, местами бедра и еще кое-что сверкало прорехами, не затянутое бурым покрывалом, что смотрелось довольно эффектно, совсем как в атмосфере зерга или чужих.

Но и комичности избежать не удалось — гениталии были полностью свободны, будто намекая на то, что мне еще придется ими воспользоваться. И из всего этого "великолепия" во все стороны росли плети длиной примерно от полутора до трех метров и такого же цвета, лишь к концу приобретающие зловещее затемнение. Жуть, и все это постоянно двигалось, извивалось, сплошным частоколом ограждая от — тут я запнулся, представляя, как можно использовать эту мерзость. По идее, она должна была сохранить все свои возможности, и если научиться управлять ею так же, как и Белым, это будет очень даже кстати. Но мои попытки ничего не дали, плети все также спокойно вились в своем танце и никак на мои потуги не реагировали, что сзади, что спереди, все было глухо, полнейший игнор. Черт, ладно, хрен с тобой, а пока в душ.

Заструившаяся по коже вода была именно тем, что было мне нужно, я замер, подняв лицо к струям и наслаждаясь их очищающим воздействием. Стало чуть легче, хотя вся правая сторона и продолжала ныть, по сути, там сейчас была сплошная отбивная местами просто синяя, по крайней мере, где это можно было увидеть. Смешно сказать, но если я умудрюсь порезать, к примеру, ногу или бок, то без чужой помощи не смогу даже пластырь наклеить, не то, что зеленкой замазать. Зато теперь из меня во все стороны растут лианы, которые на данный момент тупо закрывают обзор и не дают никаких преимуществ. Ладно, пока рано судить, авось, что позже прояснится.

Плотно поужинав, устроился за компом: так, писем нет, посмотреть чего, тоже нет, в говносетях не сижу, играть неохота. Чем заняться? И тут в голову пришла мысль, а что, если заняться составлением каталога по монстрам, своего рода энциклопедии, наверняка я не один такой, к тому же, потом можно будет обмениваться информацией. Идея настолько взбудоражила сознание, что решил приступить к этому немедленно. Включил ноут, поставив на стационарном легкую музыку, открыл эксель и задумался. С чего начать? По логике, необходимо создать отправную точку, а от нее уже начнут плясать категории, подкатегории и так далее.

"Кошмары" — думаю, пойдет название, далее подразделение на хищников, которые всеядные и на эмоциональных вампиров, хорошо, есть такое. Дальше пошло разделение по способам передвижения, так как все плотоядные, которые мне встречались, были тварями исключительно быстрыми и просто пожирали расстояние при передвижении. А теперь тупо перечисляем всех известных мне чудовищ с подробным описанием и возможностями. В итоге вышло пятнадцать хищников и сорок три вампира, у которых только у восьми, в общей сложности, мне были известны их способности. Не густо, даже Белый не знаю, на что способен — быстрый, сильный, жуткий, и все. Скудость информации выдала новую необходимость — сбор сведений и наблюдение по конкретным особям, вот чем стоило заняться в ближайшее время. Так что прогулки теперь станут более целенаправленными. А теперь спать, полвторого, завтра на работу и, выключив оба компьютера, пошел в спальню.

Но выспаться так и не удалось, начала сниться всякая хрень, а потом я стал падать, долго и безостановочно, ощущая даже, как крутит в животе. В какой-то момент вдруг понял, что уже давно не сплю, и весь этот бардак, походу, происходит наяву. Белый тут же включился в обзор ситуации и — вот это номер, я парил над кроватью, постоянно раскачиваясь из стороны в сторону и уходя то вниз, то вновь поднимаясь вверх, и так без конца. Что за на хрен? Глаза открылись, но вокруг была полнейшая тьма, а дотянуться до выключателя не было никакой возможности. Стало мутить, еще минут пять, и я блевану, сколько меня уже так крутит? Чертов же Плющ словно издевался, задавая иногда такие

виражи, что ставший в горле ком перекатывался от самого язычка и куда-то вглубь пищевода, застревая там ненадолго и доставляя массу неприятных мгновений.

Американские горки, блин, мелькнуло в голове, а потом раздражение сменилось злостью, и я с метровой высоты плюхнулся на смятое одеяло. Естественно, на правый бок — блиин, вот сука, пришлось замереть, стиснув зубы, так как телу очень не понравилось подобное обращение, на что оно отозвалось резкой, ноющей болью. Паскуда такая, что б тебя! И чем больше я негодовал, чем больше злился, тем увереннее нащупывал нечто постоянно ускользающее от меня, вот только что? И внезапная догадка наконец пришла: злость, гнев, ярость — те эмоции, которые служили катализатором в приручении, и сейчас удалось утихомирить эту гадину точно также, вот оно. Значит, Плющ еще не полностью мой, раз отказывается подчиняться? Возможно, вот и проверим заодно.

Белый появился по первому же зову и замер каменной статуей, Плющ на попытку взаимодействия реагировать отказался. Белый снова мгновенно выполнил желаемое, словно родная рука или нога, послушная первому импульсу. Строптивная же тварь опять меня проигнорировала, я стал раздражаться. В итоге этих метаний, Ужас облазил всю комнату, а меня почти колотили досада и раздражение, но вызвать более сильную эмоцию пока не получалось. Вот, черт, ладно, хрен с тобой, еще успеем. Но ложиться уже не было смысла, через час вставать, пойти, что ли, включить бойлер и часик побродить по улице?

Совсем скоро мне стало не до своей обычной жизни — пошел месяц дней рождений, праздников и прочей светской лабуды. Я же настолько от всего этого отдалился, что поначалу не понял, зачем мне все это и хотел уже отказаться, но потом передумал. Как ни крути, но от социума не убежишь, придется соответствовать, и понеслось. Купить подарки этим, потом тем, да еще не забыть поздравить, выпить за здоровье у одних, потом у других, помочь родителям с приготовлениями, так как наша большая семья состояла из трех маленьких, ну и все такое. По мелочи, в общем, но набегался настолько, что на себя времени оставалось чуть ли не вдвое меньше. Да еще старые знакомые начали приставать с расспросами: что со мной, почему так выгляжу, болел ли чем, ну и в таком духе. А что им ответить, отмалчивался, кивал, улыбался, пока прокатывало. Но вот с родителями не выгорело, мать сразу взяла быка за рога:

— Ты как себя чувствуешь?

— Нормально, — пожал плечами.

— Что-то ты бледный стал, и глаза какие-то нездоровые.

Ну да, что есть, то есть, было бы странно остаться прежним при такой жизни. Кожа прибавила белизны, став существенно светлее, виски наполовину поседели, глаза немного запали, но приобрели не нездоровый цвет, а просто стали темнее, впрочем, это были не самые существенные изменения. Не особо крепкого телосложения, тело стало приобретать жилистость, но не нормальную, человеческую, а местами, и это пугало. Я стал носить длинные рукава, застегивая рубашки под самое горло, а свитера натягивая повыше, шорты и прочее оголяющее спрятал куда подальше, что б лишний раз не мозолили глаза. Но хуже всего было то, что процесс все еще продолжался, и можно было только гадать, в кого превращусь в самом конце. Эту картину скрашивали, разве что, выросшая выносливость и крепость организма, я мог часами бродить по таким буеракам, где остальные уже давно сломали бы себе ноги, а из меня даже пот не выдавливалось. Вот такие вот дела, про лето вообще не хотелось думать, тем более что жару на дух не переношу.

Так что тогда еле свел тему на нет, и так раз за разом, пока не привыкли, да и что им

еще оставалось, на здоровье не жаловался, работа была, деньги тоже, а все остальное приложится. Личной жизни со всем этим, естественно, у меня пока не было, да и будет ли, еще не известно. В общем, эти пару месяцев все было вполне адекватно и по-человечески, приходилось бывать в гостях, вертеться в обществе, встречая как старых, так и новых знакомых. И хотя старался сводить подобное к минимуму, все же полностью устраниваться не получалось. Что было смешно, так это то, что многие друзья меня просто не узнавали — слишком изменился, как внешне, так и внутренне. Даже сказали, что стал другим человеком, на что я лишь скупой улыбнулся и понимающе кивнул головой. Они даже не представляли, насколько были правы.

За это время случилось, наконец, то, чего так долго и упорно добивался — удалось полностью подчинить себе эту гадость на ногах. Эта тварь так долго меня мурыжила, что в один из тех неудачных дней, которые бывают у каждого человека, когда настроение ниже плинтуса, преследует хандра и жуткая раздражительность, просто сорвался и, стоя перед зеркалом, с чувством стал его материть. Параллельно ощущая, как накручиваюсь сам, а внутри растет злоба. Дошло до того, что стал прикидывать, как срезать с себя эту мерзость с помощью Ужаса, и плевать, даже если заденет меня самого. И в какой-то момент произошло совсем не понятное — плети вдруг все разом вздрогнули и свились кольцами, прижавшись к основанию. Но мне этого было мало, эта сука столько времени пудрила мне мозги, что я решил оторваться по полной и костерил ее, пока хватало сил. Под конец же оказался настолько эмоционально выжат, что уже не хотелось ничего, кроме как сесть, уперев взгляд перед собой, и ничего не делать. И уже много позже, когда все почти забылось и я смог, наконец, бросить на все это взгляд со стороны, в голове, наконец, сложились кусочки этой гребаной мозаики.

Хищники или вампиры, без разницы, оба вида этих тварей поглощали человеческие эмоции, они были своего рода кормом для них, просто первые на этом не останавливались и жрали еще себе подобных. И каждый раз, когда я приручал очередную тварь, от меня требовалось всего лишь прикормить кошмара, не более. И без разницы, какие бы это были эмоции, но они должны были быть сильными, яркими, такими, что бы их хватило. А поскольку испытывать к монстрам любовь, сочувствие или еще что-то доброе и светлое я просто не мог, значит, требовалось нечто иное — ярость, злость, страх, но в таком количестве и качестве, что бы этого было достаточно. Вот и все, просто до безобразия, и в то же время как сложно, когда не знаешь, с какой стороны подступиться. Так что к следующей ломоте в своей черепушке я уже был подготовлен, и даже присмотрел очередную жертву. А то, что без этого приручить никого не удастся, уже проверял на практике — не вышло, тотальный игнор. Насчет же того, что вызывает эту черепно-мозговую агонию, у меня уже была теория, вот только доказать или опровергнуть ее я пока никак не мог. Но сводилось все к тому, что причиной этому был моя Звезда Смерти, как я теперь ласково называл свой первый кошмар, который незванным гостем оккупировал спину даже не соизволив спросить моего на то согласия. Хотя и был уверен почти на все сто — рано или поздно эта тварь откроется мне и все ее секреты перестанут быть таковыми, и вполне возможно, что даже в самом ближайшем будущем.

А пока занимался тем, что практиковался с Плющом, стараясь добиться от него уровня отклика Белого, который выполнял все настолько четко и быстро, словно был частью моего тела. Интересным было также то, что сила плетей ни от чего не зависела, и какие бы тяжести ими не поднимал, на ноги нагрузка не шла. Но имелся и свой предел, сцепив как-то

между собой два отростка, стал тянуть в стороны: видел, как они напряглись, видел, как вытянулись, но, в итоге, так ни на йоту и не сдвинулись — значит, с определенного момента они просто бессильны, стоило это запомнить.

В общем, праздники плавно перетекли в серые будни и пошли сплошной чередой работа-дом, работа-дом. Я продолжил заполнять энциклопедию, стараясь добавлять хотя бы по паре страниц в несколько дней, но выходило это все реже и реже, так как банально не хватало материала. Также приблизительно прикинул время очередной ломоты, по всему выходило, что это счастье должно было на меня свалиться где-то в начале нового года, в марте-апреле примерно, не раньше, так что до той поры можно было спать спокойно. Хреновым же было то, что с каждым разом, судя по всему, это становилось только сильнее и, думаю, настанет момент, когда придется сутки напролет дежурить рядом с очередной тварью, что бы банально не скопытиться от разрывающей мозг боли. И все бы хорошо, но вскоре жизнь решила подкинуть очередное испытание — в город пришел страх.

В первый раз я увидел это во время очередной прогулки — на столбе висело объявление: пропала девушка, фотография и описание прилагались, просьба видевшим ее обратиться в ближайшее отделение милиции. Особого значения я тогда этому не придал, но когда через два дня обнаружил аналогичное, но уже с другим фото, то насторожился. А потом газеты и новости стали пестреть выпусками о пропажах людей, об их поисках, просьбах помочь и проявить участие. Дальше — хуже. Появились неоднократные слухи о стаях крупных не то собак, не то волков, рыщущих по ночам улицами города, и милиция усилила патрулирование в темное время суток, а когда произошел инцидент почти в самом центре, разбудивший полгорода настоящей перестрелкой, стало понятно — надвигается нечто из ряда вон. В тот вечер один из патрулей милиции был атакован взбесившейся живностью и вынужден открыть огонь на поражение, грохотами выстрелов разбудив близлежащие улицы. Испуганные горожане тут же стали названивать в милицию, но та и так уже была в курсе. Прибывшие на место дознаватели оцепили место побоища и пару часов туда просто никого не подпускали, а потом просто отказались давать какие-либо комментарии. Но город слухами полнится, и скоро уже во всю обговаривалось происшествие с волками-оборотнями, а то кем и похуже, так как такими здоровыми эти хищники просто не бывают, и уж тем более не забираются в самый центр города.

Мой круг ночных прогулок тут же сузился до собственного района, по несколько раз пересекая дома родных в попытках хоть как-то снизить для них возможную угрозу, но все было тихо. Пока очередная ночь не преподнесла особый сюрприз — где-то за деревьями, в сквере справа, раздался громкий вскрик, но ужаса или боли, так и не смог разобрать и лишь молча метнулся на звук. Страх не было, то, чем я теперь являлся, могло без особых усилий рвать на куски металл и крошить бетонные столбы, не пошевелив даже пальцем, что уж говорить про стаю каких-то волков. Два квартала пробежал на одном дыхании, деревья и дома мелькали с сумасшедшей скоростью, а в отдалении уже вовсю раздавались довольно странные звуки.

Я едва успел затормозить и шагнуть обратно, в тень, отчасти удивленно, отчасти с интересом наблюдая открывшуюся картину. На пустынной улице, в свете слабо мерцающей лампы дорожного столба, танцевала пара: парень и девушка, чуть поодаль, на земле, застыло чье-то тело, а вокруг немыслимыми скачками передвигалось шесть крупных, неизвестных мне зверей. Твари явно не принадлежали к миру Белого, скорее, это были действительно волки, но только не из наших краев, слишком уж крупные, да и вели они себя странно, будто играя с обреченной жертвой. Но парочка в центре удивляла все больше и больше. Вот девушка метнулась вперед и вскинула руку, ближайшая тварь прыгнула к ней, щелкнула пастью и промахнулась, тут же получив от хрупкой фигурки такой удар, что хруст костей долетел даже до меня. Но тварь не обратила на этого никакого внимания, спокойно отпрыгнув назад и, встряхнувшись, опять понеслась скачками вкруговую. Потом, то же самое, повторил и парень, с тем же успехом и продолжением, казалось, зверью было абсолютно плевать на увечья, что у них там трещало и ломалось, им было попросту все равно. Из левого переулка вдруг выскочили тени и включились в потасовку, мгновенно изменив баланс сил. Твари стали падать наземь и больше не поднимались, взрезаемые

самыми что ни на есть настоящими мечами, теряя лапы, разматывая кишки из вспоротых животов и получая другие не менее жуткие увечья. Я просто охреневал, наблюдая за всем этим, и с облегчением вспоминал решение повременить с помощью тем двум бедолагам. Сейчас оба спокойно разговаривали у подъехавшего фургона, бойцы с клинками уже скрылись внутри другого, а над распростертым на земле человеческим телом возился какой-то хмырь в плаще. Мне же оставалось только медленно удалиться, стараясь не привлечь к себе ненужного внимания, это была моя первая встреча с людьми Корпуса.

Потом СМИ как-то сразу перестали жевать данную тему, и о подобных инцидентах можно было прочесть лишь в интернете. Оттуда же и довелось узнать, что тоже самое творится и в других городах — пропадают люди, опять были замечены странные животные, снова стреляли и все в таком духе. Именно тогда я стал чаще бывать у родных, заходя по вечерам в гости, а после нарезая круги по темным улицам, вопреки просьбе городских властей гражданам свести свои ночные прогулки до минимума. Не знаю, что изменилось, но стрельба прекратилась, по крайней мере, уже полтора месяца все было тихо, хотя еще ходили слухи о странных тенях и периодической собачей грызне. Кстати о собаках, они все исчезли, я имею в виду бездомных, их просто не стало. Одни говорили, что собачье племя просто сбежало, другие — что это, наконец, заработали городские власти, посчитав нужным хоть что-то сделать в сложившейся ситуации, но мне больше верилось в версию о том, что их просто съели.

Как-то в очередной раз я гостил у тети, зайдя по привычке часам к девяти и вальяжно развалившись в зале на кресле. Единственный сейчас мужчина в доме вроде как должен был придавать уверенности двум женщинам, но это было не так. Я был худ и внешне совсем не казался способным оказать сопротивление. Так что сестры с тетей продолжали все так же закрывать на ночь ставни и до упора проворачивать все имеющиеся замки. По этой самой причине мне уже не раз приходилось чуть ли не с боем прорываться наружу и плестись домой, оставляя позади щелкающие и грюкающие запоры, ну не рассказывать же им, что мне ничего не грозит. И так было со многими, люди устанавливали на окна решетки, меняли двери, укрепляли заборы в частных домах. Строительный бум стал особенно заметен после нескольких кровавых убийств в частных домах: тогда милиция не нашла никого из пострадавших, лишь выломанные двери, разруха и уйма крови на полу. Газеты недели две мусолили эту тему, обсасывая со всех сторон, еще бы, в нашем тихом маленьком городке — и такое. Люди были напуганы, власти из кожи вон лезли, стараясь придать видимость деятельности, но им мало кто верил. Все старались защитить себя сами.

По вечерам теперь мало когда можно было увидеть гуляющих в одиночку или парами, все больше группами по пять-шесть человек, и то до полуночи максимум, ну разве что в центре, где всегда было много народу и мест для отдыха. А окраины после наступления темноты просто вымирали, люди опасались неизвестного, так как официальным версиям мало кто верил. И нас не обошла подобная участь, особенно после того, как младшая сестра однажды вернулась домой в довольно плачевном состоянии и сквозь слезы стала рассказывать, как буквально на ее глазах стоящую метрах в трех девушку что-то бросило наземь и за мгновение ока уволокло за угол. На крики и вопли к кафешке сбежалась куча народу, но девчонку так и не смогли найти. До меня это дошло только на следующий день, я как раз разгружал очередную фуру, пахать приходилось теперь много, но и платили хорошо, так что заигравший в кармане мобильник стал чем-то вроде перекура. Мать вкратце рассказала о случившемся и что вечером все собираются на ужин, я обещал подойти. Наш

бригадир мужик вполне понимающий, выслушав причину, кивнул и разрешил уйти на пару часов раньше.

Добравшись домой, принял душ, выбрал из одежды что посвежее, с длинными рукавами и воротником под самое горло, джинсы, потом одел куртку, обулся и через десять минут уже стоял под дверью, вдавливая кнопку звонка.

— Привет, — отец посторонился, пропуская внутрь.

— Не опоздал?

— Нет, как раз садиться собираемся, — помотал он головой.

Вот и хорошо. Мои тапки были уже заняты, пришлось одевать на два размера больше. В зале уже рассаживались по местам, не было только дяди, он сейчас был в рейсе, так что, можно сказать, почти вся семья была в сборе. Ставшая свидетельницей похищения сестра сидела слегка мрачная, но было видно, что ее, походу, уже отпустило, остались лишь воспоминания.

Я старался не влезать в разговор, только слушая, кивая или давая односложные ответы, параллельно нарезаю себе дольками яблоки. Это была еще одна причина конфликта, периодически возобновлявшегося по инициативе старшего поколения. Они абсолютно негативно относились к моей, по их мнению, глупой диете, но поделаться ничего не могли, постоянно убеждаясь в моей непреклонности. А потом всплыла очень интересная для меня тема, остаться от которой в стороне я просто не смог.

— Что думаете по поводу этой задумки властей? — спросила мать, подсыпая себе и отцу из очередной салатницы.

— Корпус создается по инициативе правительства, все согласовано, бюджет утвержден, так что должно быть серьезно, без халтуры, — ответил дед как глава семьи.

— И как всегда, когда жареный петух уже клюнул, — бросила сетренка, она была явно не в духе.

— Это не так быстро делается, да и не так просто, результат будет, я уверен, — безапелляционно последовал ответ, — так что просто соблюдайте меры предосторожности и прекращайте свои ночные гуляния, — он строго посмотрел сначала на сестер, потом на тетю.

— Так что с этим Корпусом, что еще известно? — решил я вставить пять копеек.

— Да мало чего, СМИ пока молчат, власти тем более, будешь мясо? — дед провоцирующе ткнул в меня куриной ножкой, заставив покачать головой.

— То есть неизвестно, что это будет, какие-то особые войска, или еще что? — продолжал допытываться.

— Да глухо все, только слухи и догадки, — сказал отец, — и одни бредовее других.

— А вдруг все правда, — неожиданно буркнула Аля, она была на четыре года старше Аньки и очень сочувствовала сестре.

— Глупости, — это тетя, ей явно не понравилась перспектива.

— В этом мире все возможно, — шутливо подмигнул мне батя.

— Я, как бы, не в курсе событий, — непонимающе глянул на него.

— Телевизор разве не смотришь? — Аня удивленно подняла на меня глаза, — да и в интернете полно всего.

— Не смотрю, некогда.

— Занятой, — насмешливо улыбнулась Аля.

— Типа того, — кивнул, — так что там за версии?

— Да их несколько, начиная террористами и заканчивая вторжением из других миров, — криво ухмыльнулся отец, — тебе какая больше по душе?

— Последняя, — высказал я свою догадку.

— И ты туда же, — взгляд сидящей напротив тети был полон укоризны.

— А что, вполне реально, — подмигнул отцу, — им же нужны рабы, так почему бы и не мы?

— Ага, а ты хочешь кнут и должность надзирателя, — улыбнулась младшая, на что я сделал обиженное лицо:

— Главного надзирателя, — она понимающе кивнула.

Корпус — а не те ли это молодчики, которых уже видел однажды? Уж больно лихо они покروшили тех зверюг, быстро и профессионально. Тогда почему речь о его создании идет только сейчас, или это были, скажем, пробные акции? И если бы у них ничего не вышло, то и говорить было бы не о чем. А что, логично, кивнул сам себе.

— Что? — бросил отец.

— Да Корпус этот, тоже думаю, что будет толк.

— Да? — он выразительно поднял бровь.

— Ага, и если прикинуть, то совсем скоро по городам будут расквартированы их части.

— Вот именно, милиция со всем этим явно не справляется, — согласился дед, — вот и решено было создать особый род войск.

— Комендантский час, — вставила вдруг бабушка, — все идет к этому.

— Вряд ли, у слишком многих людей ночная работа, — мама, улыбаясь, осмотрела сидящих, — но у нас все будет хорошо, так?

Все не преминули согласиться, дружно закивав, вот такая вот у нас семья, дружная и сплоченная. Считаю, мне очень с ними повезло, и уж я точно постараюсь сделать все, что в моих силах, что бы оградить их от этого.

После ужина все перебрались в залу, и пришлось тащить еще пару стульев, что бы все смогли комфортно устроиться. Обычно я на этом этапе просто отключаюсь, выпадая из общего течения, ну не интересно мне дальше все, сплошная скука, и этот вечер не был исключением. За окном уже смеркалось, мелко моросил осенний дождь, ритмично барабанил по оцинкованному карнизу, а сзади тихо и не спеша велись семейные беседы. Мне же хотелось забрать из дома плащ, накинуть капюшон и несколько часов просто шляться под мерный стук капель. Это успокаивало, мне нравился дождь, нравились лужи и отсутствие прохожих, разбегающихся при первом же намеке на повышенную влажность. Это было время затишья от людской суеты, когда можно было шлепать по островкам зеркальной глади, брести, не разбирая дороги, не глядя под ноги и особо ни о чем не думая. По плечам, спине и голове привычно барабанил бы дождь, отбивая каждый раз особенный, отличный от предыдущего ритм и вводя в особое состояние, нравившееся мне больше всего. Я даже под это дело обувь специальную купил.

— Мечтаешь? — сбоку тихонько пристроилась Аля.

— Самое лучше время суток, — кивнул за окно, — сумерки еще не перешли во мрак, зыбкая грань между днем и ночью.

— Вечер, — насмешливо бросила сестра.

— Ага, — я кивнул.

Кареглазая брюнетка, она была на полголовы ниже и всегда с насмешкой встречала людей, будто знала о них нечто такое, о чем они даже сами не догадывались. Двадцать

четыре года, умна и, на мой взгляд, с немного раздутым самомнением, вот какой я ее видел. И все же, для своих она была родным и добрым человечком, хоть и не упускающим повода лишней раз подогнуть шпильку, ну да с этим было легко мириться.

— Не боишься гулять по ночам? Вдруг встретишь Злобную стаю?

— Как-как, — удивленно повернулся к ней, — Злобную стаю?

— Именно, — кивнула, — сейчас это самая популярная версия, будто из ниоткуда приходит стая злобных тварей и пожирает нерадивых горожан, — заканчивала она это зловещим голосом.

— Страшно, — пришлось согласиться, — но мне это не грозит.

— И почему же, — с другого бока присоседилась Анька.

— Потому что я человек дождя, — протянул с усмешкой.

— Смотрела, не понравилось, — скривилась младшая, — чушь редкостная.

Вот так всегда, старшая дает пищу, выпрашивает, вытягивая чужое мнение, а младшая тут же его опускает, причем выходит у них это все как-то само собой, спонтанно, уже не раз замечал.

— А мне понравилось, — теперь Анька этого не забудет и непременно вспомнит в самый неподходящий момент.

— Ну-ну, ценитель, — младшая развернулась и отошла.

— Серьезно, прекращал бы ты свои прогулки, — после недолгого молчания вставила Аля, — тебе не хватает работы?

— Это все не то.

— Не то, — протянула она, — а что же то?

Я повернулся к ней:

— Алька, чего ты хочешь? — наши взгляды встретились, и она не выдержала, отвела глаза.

— Что бы наша семья была в порядке, — еле слышно выдохнула она, — а то, в последнее время, такое творится.

— Творится, — кивнул.

— Тут Анька со своими гульками, так и ты вечно лазишь по ночам.

Дело говорит, для них я нарываюсь больше их всех, младшая хоть с друзьями пропадает, не сама. Ну что тут сказать, лишь криво улыбаюсь, мол, да, согласен, но ничего не изменится. И сестра понимает, затем тут же меняется и поворачивается ко всем:

— Мы десерт будем есть?

Вот так вот, а через полтора месяца наш город стал одним из восьми избранных, дав приют отделению Корпуса, официально утвержденного в независимую структуру, занимающуюся исключительно расследованием "особых дел" и всем, что с ними связано. По крайней мере, так значилось в брошюрах, распространяемых по городу и требующих всяческого содействия его сотрудникам. Нет, никакого права принуждать граждан к чему либо они не имели, но городские власти акцентировали внимание именно на том, что это в наших же интересах. И, поскольку, к середине зимы ситуация с чертовщиной в городе осложнилась, им таки содействовали. Появились бесплатные телефонные номера, на которые можно было звонить, попадая на операторов Корпуса, по городу стали попадаться тонированные фургоны, а на столбах некоторых улиц появились даже видеокамеры. В общем, взялись за нас довольно серьезно, собираясь всячески хранить и защищать, и я таки нарвался.

Был канун Нового года, город заранее готовился к празднику, везде было полно народу, снующего по своим делам, а нам дали двухнедельный отгул, приостановив на время гуляний всяческие работы. Это казалось несколько странным, так как большинство фирм продолжало работать вплоть до тридцатого, и мы вдруг стали исключением. Так что мои ночные бдения растянулись почти до самого утра, а буквально за несколько кварталов до дома мимо пронесся фургон с эмблемой Корпуса. Чего это они, на вызов? Слишком уж быстро едут.

А потом, из темной глубины очередного проулка донесся еле слышный цокот когтей по асфальту, через мгновение переросший в настоящий топот. Белый тут же передал месиво из бетона, травы, земли, и стремительно приближающихся мешков с костями, кровью, выпученными глазами и оскаленными пастьми. Внутри сразу же поднялась волна жара, изменяющая состояние организма и переводящая его в более интенсивный режим работы, сейчас будет весело. Первая метнувшаяся тварь была поймана плетью и сжата до хруста: ребра, позвонки, суставы — все было смято в кашу и отброшено в сторону окровавленной кучей, я даже моргнуть не успел. А вокруг уже начал кружить постепенно сжимающийся хоровод явно не волчьей породы, напрочь игнорирующий понесшие потери — так вот что терроризировало город последнее время. Большие, коренастые, почти мне до подбородка твари явно не значились ни в одной энциклопедии о животных, слишком уж бросалась в глаза их чужеродность.

Неподалеку взвизгнули шины и хлопнула дверца, послышался топот ног, я замер, ничем не выдавая своих намерений, ожидая дальнейшего продолжения. Корпусовцы вклинились жестко, грамотно выведя из строя сразу две особи и взяв оставшихся тварей по одной на каждую пару человек. Работали явно не впервой, слаженно, молча, вспарывая клинками сухожилия лап и протыкая шейные позвонки корчащихся гадин с безопасного расстояния, не подставляясь. Один всегда отвлекал, второй рубил, постоянно в движении и ожидая нужного момента — работало безотказно. Каких-то десять минут и на земле уже распростерты девять вздрагивающих, еще непонятно как живых тел. Когда с угрозой было покончено, обратили внимание и на меня.

Из фургона выбрался невысокий субъект примерно моего роста, но гораздо шире в плечах и властной, уверенной походкой направился к нам. Окинув взглядом побоище и не сказав своим людям ни слова, те споро отделяли тварям головы, явно зная что к чему, подошел ко мне и сразу бросил:

— Паспорт с собой?

Я покачал головой:

— Откуда, всегда дома лежит.

— Ясно, — он кивнул, — что делали здесь?

— Гулял, — ответил недоуменно, — а что здесь еще можно делать?

— Это ты ее так? — кивнул на выжатую, словно тряпку, тварь, кинувшуюся ко мне первой.

— С чего вы взяли?

— Ясно, — и достал, походу, небольшой диктофон, да, он самый, — данные о себе, адрес и все остальное.

Я криво улыбнулся, жар внутри понемногу спадал, но вызвать его было делом нескольких мгновений.

— А больше ничего?

Мужик посмотрел на меня, задумавшись, и кивнул:

— Сотрудничать, значит, не желаем.

— А смысл? Никого не трогал, ни в чем не виноват, просто шел домой.

Сотрудник Корпуса оглянулся на сгрудившихся над исковерканной мною тушей своих сотрудников, потом неприязненно оглядел меня и, кивнув, направился к машине. Вот ведь не повезло, теперь еще на заметку взять могут. Ладно, хрен с ними, спать охота, часика три-четыре точно вздремну, а там можно и к родителям будет заскочить, вдруг что помочь надо. Но к ним я так и не попал, часам к девяти раздался настойчивый стук в дверь, пришлось идти открывать. На пороге оказалась миловидная девушка в форме со знакомой мне уже эмблемой — квадрат со вписанными в него треугольником и кругом, Корпус.

— Владимир Васильевич? — официально обратилась ко мне девушка.

Я кивнул.

— У меня распоряжение доставить вас на допрос в отделение Корпуса, давайте только без осложнений.

Блин, как они меня вычислили?

— Я имею право отказаться?

— Только в случае достаточно серьезных причин, которых я у вас не наблюдаю.

Черт, вот ведь засада, в голове прокручивался с десятков способов отделаться от нее, но ни один не выглядел достаточно здраво.

— Ладно, дайте одеться хоть, — и захлопнул перед ее носом дверь.

Что им от меня нужно? Не спрашиваю, из-за чего, но что они будут делать, когда я буду все отрицать? Продержат сколько там им можно по закону в камере? Смешно, таким меня уже не напугать, да и раньше не получилось бы. Ладно, посмотрим. Штаны, свитер с воротником, часы, мобилка, теплое пальто и ботинки на ноги — все, готов. Снаружи меня все так же ждали, но в глазах явно добавилось льда, что, недоволен что не пригласил? Спустившись на первый и выйдя из подъезда, направился за девушкой к ожидающей нас легковушке с одноименной эмблемой. Мне предложили занять заднее сидение и всю дорогу до их конторы мы не проронили ни звука. А потом настало время удивляться.

Их организация заняла неброское, но достаточно большое здание на самой окраине города, превратив его и ряд прилегающих к нему складов в настоящую базу с колючей проволокой, камерами и охраной. В вестибюле пришлось пройти через ряд детекторов и показать мобилку с ключами, после чего все та же девушка провела меня на второй этаж и оставила в одиночестве в небольшой комнатке, благо хоть с удобствами. Я сразу же плюхнулся на диван и закрыл глаза, спать все еще хотелось, они ведь поймали меня на походе в уборную, сволочи. Спустя минут десять дверь открылась, и внутрь зашел мужик, сразу напомнивший мне вчерашнего дознавателя — такой же широкоплечий и крепкий на вид, разве что ростом повыше.

— Добрый день, — он устроился за столом и жестом пригласил меня занять стул напротив.

— Добрый, — согласился я, принимая приглашение.

— Итак, вы должны понимать, почему вы сейчас здесь находитесь, и сэкономите себе и нам время, если в деталях опишите вчерашний инцидент.

— Хорошо, — кивнул, — имею обыкновение гулять ночью, шел домой, тут метнулись эти зверюги и я замер, а потом вмешались ваши люди и я пошел домой.

— И вы понятия не имеете, что случилось с особью, которую мы уже нашли мертвой?

— Вы о чем? Вы же сами там всех покروшили, — постарался как можно удивленной спросить я.

— Хорошо, — мужик кивнул, — вы заметили еще что-нибудь, или кого-нибудь?

— Нет, я просто замер, уж слишком быстро они вертелись, а потом ваши...

— Как давно начались ваши прогулки? — перебил он меня.

— Уже с полгода, наверное.

— Гуляете только по своему району?

— Да, — я кивнул, — не вижу смысла забираться дальше.

— И то, что вы вчера могли пострадать, вас нисколько не пугает? — он испытывающее посмотрел на меня.

— Отчасти, — киваю.

— В смысле? — он словно изучал меня, параллельно задавая любые, приходящие ему на ум вопросы. Глаза же неотрывно следили за лицом, мимикой, жестами, как я держал руки, как сидел, наклонял голову. Единственное что взглядами не пересекался, с недавних пор со мной стало невозможно играть в эту игру, слишком уж, как сказала Аля, завораживает. Не знаю, что он там сумел за наш короткий разговор выведать, но если я сам во всем не признаюсь, ни черта они не получат, это было совершенно ясно.

— В прямом, — пожал плечами, — мне нравится гулять.

— Настолько, что готовы рисковать своей жизнью?

— Ну почему же, вы ведь оказались весьма вовремя.

— Это так, если бы не одно но, — он открыл принесенную с собой папку и передал мне фотографию.

— Что это?

— А как вы думаете?

А что тут думать, эта та кинувшаяся на меня тварь, но ему об этом знать совершенно не нужно, так что я пожал плечами:

— Какое-то месиво.

— И все? — он прищурился.

— А что еще?

— Эта особь была убита до нашего появления, но раз вы утверждаете, что никого не видели, было бы вполне логично предположить, что вы врете.

— Почему?

— Потому что ее либо убили вы, либо кто-то еще. Но вы говорите, что ничего не делали и, более того, никого не видели. Не складывается, не находите?

— Без понятия, я и вправду никого не видел, я шел, а потом они выскочили и по кругу, а дальше ваши уже подоспели. Кстати, а как вы узнали, что они там будут?

Он поморщился.

— Давайте уточним, по вашим показаниям выходит, что вы не в курсе как и кем была убита эта тварь, — и постучал пальцем по фотографии.

— Да, я же говорю, что просто замер...

Он поднял руку:

— Хорошо, тогда получается, что вы просто не заметили, что и как с ней случилось.

— Получается, — кивнул.

Мужик откинулся на спинку и обвел взглядом помещение, казалось, он был слегка разочарован. В животе вдруг заурчало, требуя подачки, и я вопросительно уставился на

собеседника:

— Еще долго?

Тот перевел взгляд на меня и покачал головой:

— Нет, вы свободны, если что, мы с вами свяжемся.

— Лучше не стоит.

— Почему? — задрал он бровь.

— Меня это нервирует, к тому же я все равно ничего не знаю.

Он покивал, типа да-да, так мы вам и поверили, и жестом указал на дверь.

— До свиданья, — я встал и пошел к двери.

Снаружи меня ждала все та же девушка.

— Извините, а туалет здесь есть?

Она кивнула и, развернувшись, молча повела меня в ответвление одного из коридоров.

Черт, да здесь лабиринт какой-то, архитекторы явно с бодуна все это лепили.

— Я буду ждать вас там, — указала девушка на коридор и предоставила мне полную свободу действий.

Пока я возился в достаточно тесной, но довольно комфортной и чистой уборной, Белый был моими глазами и ушами в допросной, где несколько минут назад сидел и я сам. С картинкой был все тот же ужас, так что он тупо пялился в окно, но вот звуковое сопровождение отпечатывалось в голове четко, не мешали даже звуки снаружи.

— Игорь Валерьевич? — щелкнул замок, закрыла за собой дверь, походу.

— Странный он и мутный какой-то, не верю я ему.

— Зацепки есть?

Небольшая пауза и ответ:

— Ни одной, но знаешь, что интересно?

Опять пауза.

— Он даже не моргнул, когда увидел фото.

Вот прокол так прокол, ну да корить себя уже было поздно.

— Вообще никакой реакции?

Пауза.

— Но там ведь сплошной кошмар, плоть буквально выжата вместе с костями, как полотенце, все перекручено и полопалось, прорвав шкуру.

— Именно, но его это несколько не впечатлило.

Опять пауза.

— Мне пора, он в туалет попросился.

— Иди.

Опять щелкнул замок, и я недовольно поморщился, прервав с Белым связь. Ладно, все равно у них ничего нет, пусть строят свои догадки, а мне пора на выход. Девушка провела меня через вестибюль и вывела с базы, не удостоив и взгляда.

— Погодите, — окликнул ее я, — привезти привезли, а домой мне самому топать? Я даже района этого не знаю.

Она раздраженно скривилась.

— Через два квартала в ту сторону будет остановка, дальше разберетесь, — и повернулась спиной, давая понять, что аудиенция закончена.

Вот ведь скотство, а если б не додумался денег взять? Мы на машине минут двадцать ехали, а сколько самому теперь добираться? Сплюнув на обочину и окинув еще раз взглядом

базу, неторопливо зашагал под самым забором, несколько камер проводили меня внимательными взглядами. Белый же в это время преспокойно шнырял по стоящим на той стороне складам: пусто, пусто, пусто, ого! Вот это арсенал, и хотя обновляющееся в голове знание было сумбурно и отвлекало разнообразием всевозможной шелухи, основное выделилось сразу же — настоящий лабораторный комплекс, и серьезный. Снаружи склады казались неказистыми, напрашивающимися на капитальный ремонт, но вот то, что они скрывали внутри, было потрясающе. Металлические стойки и стеллажи были чуть не полностью забиты всевозможными склянками, бочками, ретортами и прочим барахлом. Всевозможные столы, столешницы, шкафы с инструментами, тумбочки, холодильники и просто уйма еще чего занимало все складское пространство. Ну, ни хрена они себе развернулись, я такое только в фильмах видел, да и то не во всех. А главное, на какие все это шиши, наше государство ж бедное, даже при том при всем, сколько тянет с простых граждан, и тут на тебе.

Следующий склад опять пустовал, другой тоже, а вот пространство седьмого, превосходящее предыдущие раза в два, было отведено под гараж и заставлено фургонами, легковушками и даже несколькими тягачами. И везде сновали люди, кожаные мешки из мяса, костей и крови, они бегали по своим делам, общаясь и вообще всем своим видом показывая, насколько они заняты. Что ж, жизнь здесь бурлит полным ходом и поставлено все явно не серьезную основу, стало быть результат будет.

Квартал закончился и Белый пристроился рядом, я отметил это машинально, не придав особого значения. Это уже не был кошмар, это была моя рука или нога, реагирующая на импульсы мозга так же четко и быстро, как если бы он действительно был частью меня. В голове же крутились совсем иные мысли: по всему выходило, что такой размах затеян неспроста и в городе явно затевается нечто крупное. И уж точно не поверю, что все это из-за нескольких стай неизвестных зверюг, бред и чушь, тут нечто более глобальное. Да и опять таки — финансирование, мне трудно было представить, в какие суммы укладывался бюджет вот такого предприятия, со всем его движимым и недвижимым имуществом. И это здесь, у нас на куличках, в небольшом городке которому и гордиться то, по существу, было нечем. Так, исторические моменты, воспринимающиеся лишь как повод для празднеств.

И сколько я не ломал голову, сколько не думал над этим, всегда напрашивался лишь один вывод — все это только начало, и нарастающая Корпусом мощь вполне скоро может понадобится полностью. Черт, черт, черт — попавшийся на пути кирпич каменным крошечком разлетелся в стороны, мне это все жутко не нравилось. И раз уж все так складывается, стоит как можно быстрее заскочить к родным, Корпус ведь не во всех городах обосновался, значит, есть и спокойные места, можно уехать. Я ускорился и, в конце концов, дошел до остановки, потом полчаса морозил задницу, топчась на месте, и минут сорок трясся в маршрутке, наблюдая, как Белый пожирает расплодившихся в транспорте жуков переростков, снующих взад-вперед по внутренней стороне крыши.

Дома были не все, и пришлось ждать, пока из города вернется отец. Я сидел на диване и методично оглаживал шкурку канадского сфинкса, вальяжно раскинувшегося у меня на руках и явно не собирающегося прекращать приятную процедуру. Это было забавно, делать вид, что собираюсь встать, сбросив его, и тут же получать реакцию — недовольное варняканье и острые коготки, впивающиеся в колени. Маленькая тварь явно пользовалась всеми доступными ей в жизни удовольствиями. Невольно представил, как точно так же на коленях раскидывается Белый, и меня тут же размазывает по дивану от непомерной тяжести.

И уж ни в коем разе я не представлял себя оглаживающим его шкурку, это было бы слегка мерзко, что ли, хотя кто его знает? Может и понравилось бы.

Раздался звонок — это вернулся отец, котяра тут же аннулировал свою благосклонность и метнулся к двери, встречать, вот засранец, будто не я тебя холил и лелеял только что. Пройдя в дом, отец кивнул мне и прошел в залу.

— Так что там такое срочное?

— Давай со всеми, не хочу повторяться, — я посмотрел на мать.

— За столом, как раз и пообедаем, — кивнула та.

Когда все собрались, дед с улыбкой развел руками и предложил:

— Ну, давай, мы слушаем.

— Сегодня утром меня из дома забрали на территорию Корпуса, на допрос, — обвел всех сидящих взглядом.

— Допрос? — переспросил отец.

— Все нормально, не волнуйтесь, важно другое — я видел, как они устроились, видел их базу, там все настолько основательно и с таким размахом, что масштабы просто поражают. И это в нашем-то городе. Единственный вывод, который напрашивается — намечается нечто настолько глобальное, что понадобилось вбухать целую уйму денег и ресурсов, что бы подготовить основу для настоящего противостояния. Поэтому, пока еще есть время, может, нам всем имеет смысл переехать куда-нибудь в другой город, где нет отделений Корпуса?

И все-таки наивный я еще, как оказалось пару минут спустя — никто никуда не поедет, не сорвется, и все будет идти так, как и должно. Мы долго еще потом сидели, обсуждая и строя всевозможные догадки, теории, но однозначно сошлись лишь на одном — об этом разговоре никто не узнает, его просто не было. Но я видел, их проняло, а это уже что-то, к тому же, кто предупрежден, как говорится, тот огребают обычно последним. А уж о том, что бы огревать было просто не от кого, я позабочусь сам.

Но весь мой боевой пыл слетел буквально через день, когда не смог даже подняться с постели. Простыня была мокрая, тело колотило мелкой дрожью и жутко знобило, а накотившая слабость не давала даже головы повернуть — казалось, что уезжает вся комната. Первоначальный перепуг вскоре сменился равнодушием, а потом и апатией, странная игра чувств поначалу настораживала, но потом стало абсолютно все равно. Я будто атрофировался, отстранился от этой реальности, выпав из общего движения, и сейчас парил в стороне, наблюдая за всем с легкой ухмылкой и сочувствием — суета сует, глупый мир, глупые устои. Мне все больше нравилось здесь, на обочине, ведь смотреть отсюда туда было совсем не то же самое, что наоборот, как я это делал ранее. Тут все такое спокойное, размеренное, будто на глубине океана, в то время как наверху бушует шторм и каждое движение дается с трудом, через силу.

Потом пришел Белый и сгреб меня под себя, оградив от остального мира. Он такой смешной сейчас, зыркает по сторонам, словно охранник. А кого охранять? Меня? От кого? Хочется смеяться. Касаюсь рукой и глажу белую шкуру, ему это нравится, антрацитовые глаза жмурятся от удовольствия, периодически закатываясь. Подлиза, теперь всегда будет приставать, разбалую тебя. Нас обвивают плети, заковывая в кокон, так еще спокойнее и безопаснее, кто нам теперь может противостоять, кто осмелится? Внезапно мы начинаем падать, тело изгибается, протестуя, но замечаю все это только я один, а Белый все так же подставляет под руки башку, а Плющу и подавно плевать. Внутри вдруг становится пусто, и это ширится, не двигаясь с места и, в тоже время, заполняя меня всего. Тошнит, сильно тошнит, а теперь морозит, а вдруг становится жарко, смеяться? Нет, плакать, или не стоит? Эмоции скачут слишком быстро, я растерян и не знаю, что делать, столько возможностей, столько путей, пойти по ним всем? А почему бы и нет, здесь и не такое возможно. И мы идем, я здесь, и я там, и еще вот там и там, нам хорошо вместе, правда, Белый? Он поворачивает ко мне морду и смотрит на меня, словно понимает, что хочу ему что-то сказать, но не могу, рот не слушается. Все начинает расплываться, течь, растворяясь одно в одном, и все это время передо мной стоят немигающие антрацитовые глаза.

Я вскочил, словно ужаленный, сердце бешено колотилось, готовое сменить место прописки и выпрыгнуть на смятую простынь. Тело противно липло, укрытое холодным потом, хотелось принять душ, но было страшно вставать, нужно успокоиться. Это был бред, всего лишь бред, теперь все в порядке. За окном темно, значит, ночь. Сколько я так провалялся? День, два? Не помню, не знаю. Белый? Да вот он, в зале сидит. Все в порядке все хорошо.

Минут через пять спустил ноги на пол и, слегка пошатываясь, побрел в ванную. Душ хорошо вправляет мозги, помогая собраться и прийти в себя, и я собирался воспользоваться

этим. Не знаю, что это за хрень со мной была, но она уже позади. Струи били по голове, плечам, спине, принося с собой успокоение и обновление, для меня это стало чем-то вроде ритуала, каждый день как бы заново рождаться, получать новое, чистое тело для очередного дня или ночи. Глупость? Может быть, но мне нравится. Черт, где полотенце? Пришлось шлепать босыми ногами по линолеуму, потом по ковру до самого балкона, сколько раз себе говорил — высохло, тащи на место. Плетки обвили ручку двери, открывая ее, и подхватили мягкое, бамбуковое полотно. Вытершись насухо, повесил его сушиться обратно, и только теперь сообразил взглянуть на часы. Ахренеть, меня штормило два дня, двое суток я провалился в беспамятстве без пищи и воды. Сразу же волной накатило голод, захлестнув всего прямо с головой, захотелось именно что жрать, не есть. В ход пошло все, что только видел в холодильнике: яблоки, груши, бананы, апельсины, я лопал их с таким энтузиазмом и скоростью, что сытость пришла вместе с пониманием — пережор. Потом кое-как доперся до дивана и выпал в осадок, двигаться не хотелось, спать тоже, идиотское состояние — чем заняться? Набрал по мобильнику родителей, у них все нормально, отлично, значит, ничего не пропустил. Включенный компьютер также ничем не порадовал, писем нет, а играть не хотелось, скука. Вот так и сидел, в итоге, весь день, маясь перед монитором и шлясь по всевозможным сайтам. Хандра? Возможно, но вечером я выйду на улицу, и все пройдет.

Но вечерние сумерки принесли не только избавление, со мной явно происходило что-то не то, я стал ощущать накатывающие волны стужи, замораживающие нутро и заставляющие покрываться гусиной кожей, а потом приливы жара, согревающего окоченевшие внутренности и выдавливающие редкий пот. Глаза слегка слезились, а в затылке отдавалось тупой, ноющей болью, терпимой, но мешающей на чем-либо сосредоточиться. И я сплупил, решив хоть как-то отвлечься и все же выбраться на улицу. Натянув на себя теплые штаны и свитер, накинул куртку, всунул ноги сначала в носки, а потом в ботинки и, кривясь, выбрался за дверь. Начало слегка штормить, так что перила оказались весьма кстати, подставив свое дружеское плечо, за которое я не преминул ухватиться.

Морозный воздух сразу же шибанул по мозгам, пройдя через нос и частью сковав затылочную боль. Я накинул капюшон и решил пройтись вдоль дома, ноги сами выбирали дорогу, стараясь не искать новых путей, ступая по уже протоптанным местам. Нехило же навалило за эти дни, вокруг было лишь белое покрывало, скрывающее от взгляда все, что было ниже моих колен. Местные хоть песком додумались посыпать, и то хорошо, мелькнула мысль, а потом я кулем завалился набок.

В затылке словно скакали молнии, рикошетом отлетая от стенок черепа и, встречаясь где-то посередине, с еще большей силой разлетались в стороны, долбя, долбя и долбя. Глаза боялся даже открывать, их тут же начинало резать и печь, во рту появился привкус крови — так и есть, десны не выдержали, заплакали, язык нащупал сразу несколько источников. В желудке же шла война, там, то взрывались атомные бомбы, заставляющие подтягивать колени к груди и тихонько скулить, то образовывалась такая стужа, что страшно было даже пошевелиться, вдруг что-то разлетится осколками, и потом их уже не собрать. И постоянно тошнило, надрывно сжимая горло в жутких спазмах, заставляя исторгать из себя все, что только было. Рядом, на снегу, спокойно сидел Белый, я не видел его, но смотрел на себя его глазами, и мне было сейчас абсолютно не до того, что нет уже никакой множественности, нет того обилия информации, хламом оседающей в моей голове. Было только то, что нужно — жалкая, корчащаяся фигурка, марающая белый снег своей блевотиной. В какой-то момент сознание отключилось, не выдержав слишком долго длившейся агонии, и я потом мог только

посочувствовать телу, явно продолжавшему терпеть эту пытку. Какого хрена меня вообще понесло на улицу, о чем думал своей задницей, когда вместо нее должна работать голова?

Очнулся я не при самых комфортных условиях: тело ныло, мышцы частью затекли, так что вставать было то еще удовольствие. Куртка была измарана напрочь, придется стирать, так как изгваздаться умудрился и изнутри, исторгаемое попало за воротник, и не преминуло просочиться дальше, что не мудрено при таких-то корчах. Нашарив в кармане ключи, постанывая, медленно заковылял к подъезду, стараясь не думать о том, как буду подниматься на свой этаж. Лифтом я никогда не пользовался, предпочитая быстро взбегать по ступеням и, соответственно, карточкой не обзавелся, не нужна была. А теперь придется платить за это, и отнюдь не деньгами. Сцепив зубы, и перехватывая руками перила, шаг за шагом перебрасывал ноги с каждым разом все выше и выше. Потом была возня с замком на двери, душ и беспамятство на диване — как только голова коснулась подушки, почти сразу вырубился.

Разбудил мобильник, проигрывая популярную сейчас мелодию, лишенную голосового сопровождения. Я вообще не особо понимал людей, ставящих себе на звонки рок, шансон и прочие голосухи, разве что за редким исключением. Вставать не хотелось, но настырный дозвон повторился снова, раздражая и мешая снова погрузиться в сладкую дрему, пришлось вставать и плестись искать преступника. Вот ты где, негодяй, тебе самое там и место, в кармане вонючей, заблеванной куртки.

— Да, — сонно буркнул в трубку.

— Владимир Васильевич?

— И что?

— Вас беспокоят из Корпуса, мы хотели бы...

— Пошли в жопу, — раздражено буркнул в трубку и сбросил звонок.

Черт, опять стало мутить, долго был в вертикальном положении, что ли? Выходит, еще не все закончилось, и подтвердивший это рвотный спазм ракетой бросил меня к унитазу. Опять зазвонил мобильник, да что б вас!

— Да!

— Владимир Васильевич...

— Вы что, издеваетесь? Я сейчас облевываю унитаз, не до вас мне, — и бросил трубку, суки, достали.

Так, вроде, стало легче, но спать уже не хотелось, да и вялость не отпускала, в душ бы, так бойлер еще не готов меня порадовать, кстати, включить бы его. В наружную дверь настырно застучали, ну что за день, мелькнуло в голове.

— По голове себе, ждите, сейчас, — раздраженно крикнул и пошел одеваться.

Домашний костюм приятно облепил кожу, скрыв руки и ноги, а горло обвил высокий воротник, кого там принесла нелегкая? Замок клацнул раз, потом второй и дверь отошла в сторону, явив мне уже знакомое лицо, век бы его не видать.

— Чего? — мрачно бросил вместо приветствия.

— Вы плохо себя чувствуете? — осведомилась девушка.

— Да уж не хорошо, вам-то что? — все так же неприветливо осведомился я.

— Мы бы...

Но тут меня в очередной раз скрутило и, так и не узнав, что они бы, стрелой метнулся в ванную, обняв унитаз как родной. Рвать уже было попросту нечем, так что просто драл глотку, сплевывая собирающуюся слюну и вытирая рот туалетной бумагой.

— Отравление? — раздалось сзади.

Блин, она что, зашла за мной?

— Вы что тут делаете? — поинтересовался я, прекратив пугать керамику жуткими звуками.

— Собственно, мы бы хотели с вами поговорить.

— Что вы делаете в моей квартире без приглашения, — раздельно повторил и поднялся к умывальнику, во рту было не самое приятное послевкусие.

— Решила помочь, похоже, с вами не все в порядке, — уже менее официально заявила девушка.

— Спасибо, не надо, сам как-нибудь, дверь знаете где, — бросил через зеркало на нее взгляд.

Корпусовка скривилась, но послушно развернулась и пошла прочь, по пути что-то положив на тумбочку.

— У нас есть для вас предложение, позвоните, как только придете в себя, это в ваших же интересах — и, выйдя, прикрыла за собой дверь, замок щелкнул.

Не было печали, так корпусовцы примчали, сочинил на ходу, поднимая к глазам оставленную девушкой визитку: Корпус, Татьяна Викторовна, старший специалист, а ниже мобильный телефон, и больше ничего. Хмыкнув, бросил ее обратно, пока не интересно, а там видно будет.

Скоро нагреется бойлер, и стоило заняться как собой, так и вещами, пока опять не прихватило. Желудку уже просто нечем было извергаться и он, словно понимая это, утихомирился. Как там говорят — лечебное голодание? Что ж, поголодаем, и посмотрим, что дальше будет. И тут вспомнилось, твою ж мать: Белый дал обзор мгновенно, перехватив дыхание и заставив почти не дышать, еще не полностью веря, я крутил его башкой, рассматривая себя, стены, мебель, потолок — и губы довольно растягивались в улыбке. Не такой уж сегодня и плохой день, ради этого можно было и помяться немного, и тут же загнулся, вспомнив вчерашние корчи. Ладно, но ведь все-таки жив, и теперь еще это, а если? Обзор от кошмара сразу же размножился, давая полную информацию об обозреваемом пространстве, такого я точно не ожидал, просто жуть!

Но осмыслить ситуацию у меня снова не получилось, ноги подкосились и я, чудом успев выставить перед собой ставшими вдруг ватными руки, грохнулся на пол. Онемение возникло спонтанно и мгновенно охватило все тело, даже веки смежить было невозможно, так и лежал парализованным, хорошо хоть на ковре. Происходящее уже не пугало, я просто устал от всех этих сюрпризов, неожиданно вываливающихся мне на голову, и просто терпеливо ждал, когда они закончатся. Свою роль сыграло еще понимание того, что все это лишь часть перенастройки меня самого, хреново было только то, что понятия не имел, сколько все это еще будет длиться.

Но смекалка и тут дала о себе знать, обвившись плетью, так как по другому почему-то просто пока не получалось, я перенес себя на диван, получив хоть какое-то удобство, а потом занялся тем, что стал гонять Белого по этажам, квартирам и недалеко около дома. Дальнейшее было довольно неприятно вспоминать, так как я не мог даже моргнуть, не то, что пошевелиться, и так вплоть до самого вечера. Спасало то, что глаза стали слезиться сами по себе, а кошмар, хоть немного, но скрашивал скуку. Отпустило меня неожиданно, просто резкий толчок через все тело и из горла вырывается сдавленный хрип, наконец-то. Задеревневшие мышцы свело судорогой, заставив дернуться раз, второй, третий, ноги

спустились с дивана и кое-как нащупали твердую поверхность, я встал, пошатываясь. Да какого хрена? Плющ, до этого момента укрывавший мои ноги, обрел плотность и сжал в объятиях, часть плетей послушно опустилась вниз, упершись в пол и поднимая меня вверх, а потом понесла в коридор. Ну что за на хрен, а раньше так нельзя было? Слабость пока не отпускала, но пришедшая в голову мысль полностью себя оправдала — не можешь сделать что-то сам, пусть это сделают кошмары. В итоге куртка лишилась подкладки и вместе с ней была отправлена в стиральную машину, следом была попытка почистить штаны, с горем пополам-таки увенчавшаяся успехом, но все это намекало лишь на одно — требуется практика.

В целом, колбасило меня еще в течение всей недели, вплоть до самого Нового Года, и когда родители, обеспокоенные моей пропажей, таки смогли дозвониться, оказалось, что сегодня к полуночи нужно быть при параде у них дома. Вот так номер, здоровым-то я себя все еще не чувствовал, придется выкручиваться.

За тридцать минут до всеобщего ликования моя тушка, более-менее прилично упакованная и с двумя большими пакетами, вдавливая пальцем дверной звонок. Ноги и руки были обвиты плетями, помогающими поддерживать равновесие и усиливающие меня, так же, как и остальные сорок восемь отростков, периодически упирающихся в пол. Всю дорогу сюда я практиковал более тонкое и точное управление ими, так что, можно сказать, добился определенных результатов.

— Так, ну где вы там, давайте уже, — голос деда донесся из общей залы.

Мы по быстрому расселись, все нарядные, красивые, по телевизору уже пошел отсчет времени, и тут меня стало мутить, твою ж за ногу, как не вовремя. Извинившись, вышел из-за стола и, еле сдерживаясь, прошел в туалет, где минуты три просидел, скрючившись в три погибели — ложная тревога.

— Ты как, все в порядке? — встревожено спросила мама.

— Да, в полном, просто съел накануне что-то не то, теперь бегаю.

Мы с ней были в этом деле одного поля ягоды, и не нужно было объяснять, что такие мелкие неудобства оба стараемся переносить на ногах, без лекарств и прочей химии, так что лишних расспросов не последовало. Пару раз она еще бросала на меня взгляды, но потом успокоилась, благо из-за стола уходить необходимости больше не было. Мы пили, ели, болтали, смеялись, смотрели салют, как и каждый год, в общем, ничего нового. Потом были подарки, десерт и все такое, скука как на меня. Из представленного на столе великолепия я попробовал лишь пару блюд и тут же потянулся за яблоками, перебить послевкусие. А к трем ночи был уже дома, гулять не хотелось, не то состояние, так что нашел альтернативу: соорудил нечто вроде фруктового натюрморта и убил с ним полтора часа под новую комедию.

А на утро проснулся из-за дикой ломоты в висках, и вообще все было хреново. Ко вчерашнему состоянию не стояния теперь добавилось еще и это, боже, за что ты со мной так, ведь не время еще. Но, к кому там не были адресованы мои мольбы, они явно пропадали впустую. Со стоном скатившись с кровати и сжав ладонями раскалывающуюся голову, пару раз стукнулся об пол лбом, пытаясь заглушить одно другим, но тщетно, внутри будто поселился целый улей ос, все время яростно жалящих мою многострадальную черепушку.

— Скотство, — еле выдавил из горла, метнувшись в ванную.

На макушку, шею и плечи хлынул ледяной поток, отчасти сковав терзающий меня приступ, да вот только не полностью, и не надолго. Черт, как же не вовремя, я кинулся

одеваться, лихорадочно прикидывая план действий, потом схватил мобильный телефон:

— Алло, доброе утро, мне нужна машина, — диспетчер записала адрес и номер телефона, пообещав такси у подъезда через десять минут, оставив меня, сцепившего зубы, отсчитывать секунды.

Не выдержав страданий в квартире, решил продолжить их на улице, тем более что мороз снаружи был мне только на руку. Когда машина подъехала, я ракетой заскочил на переднее место и бросил:

— Кольцевая, и побыстрее, — водитель кивнул, такси тронулось, и мы понеслись к моему скорейшему избавлению, или разрыву мозга от все продолжающейся агонии. Кровь стучала в висках так, словно бежала под давлением кузнечных мехов, под носом вдруг потекло. Вот черт, пальцы окрасились красным, пришлось обшаривать карманы в поисках платка.

— Давление? — сочувствующе спросил водитель.

— Ага, — я запрокинул голову и прижал к носу платок, но кровь все никак не останавливалась.

— Так, может, назад?

— Нет, — пробормотал едва слышно, — лучше прибавьте скорости.

— Да куда уж больше, — но машина таки двинулась быстрее.

Добравшись до места, наскоро отсчитал нужную сумму и, сунув ее водителю, опрометью кинулся наружу. Эта тварь была замечена мною еще пару месяцев назад и с тех пор прочно засела в голове, постоянно маяча на заднем фоне. Теперь же осталось ее только найти, черт! В затылке довольно сильно жахнуло, заставив припасть на согнутых ногах к земле, из носа с новой силой заструился поток, заливая подбородок и пачкая куртку. Заставив Белого безумно носиться по округе, разыскивая нужную мне гадину, сам стал через силу и не без помощи плетей продвигаться вперед. Где-то здесь, она должна быть где-то здесь, твердил я себе, тщетно пытаясь охладить нос снегом с одной стороны и затыкая его платком с другой. Очередная игла боли прожгла череп и бросила наземь, скрутив на подобии зародыша — захотелось сдохнуть. Сука, ну почему же так больно? Белый внезапно остановился, вот она, нашел, ну тварь, далеко же ты забралась. И уже не обращая внимания на то, что вокруг светло и меня могут заметить, на всех порах понесся к своему кошмару, паря на плетях в полуметре над землей.

Искомый монстр замер около ржавого, разломанного остова брошенного тут давным-давно автомобиля, почти сливаясь с ним по цвету так, что различить его я смог опять-таки только с помощью Белого. Плюхнувшись рядом на снег, через силу прополз несколько метров к заволновавшейся твари и, поднявшись на колени, что есть мочи заорал. Особо стараться-то и нужды не было, накопившиеся за последний час болезненные эмоции хлынули таким сметающим потоком, что тварь задергалась как сумасшедшая, но мне уже было не до этого. Вокруг все поплыло, плети перестали слушаться, вяло опав, и тут же скрутившись к основанию, а через мгновение я кулем завалился на белый снег, продолжая марасть его своей кровью.

Первое, что почувствовал, так это чьи-то настырные пинки, словно кто-то испытывал меня на прочность, впечатывая ботинок в бок. Еще ничего не понимая, мозги понемногу собирались в кучу, пока, наконец, не включились полностью. Белый тут же дал обзор, ага, понятно, местная гопота.

— Эй, да он живой вроде бы, — раздалось нетрезвое, но пинки не прекратились.

— Так не зря же бужу его, — стоящие надо мной парни заржали.

Вяло пошевелившись, приоткрыл глаза и смог рассмотреть их уже воочию — ну явные гопники. Стоящие надо мной четверо парней были из той породы, которые на спор разбивали о бритую башку бутылку или без зазрения совести глумились над более слабым, для них все это было едино увлекательно. Широкоплечие, мордатые, от них веяло угрозой и несло алкоголем, эти парни могли стать несчастьем для любого случайного прохожего, но вляпался именно я. Очередной пинок выдавил стон, вызвав лишь очередные смешки.

— Ты гля, работает, — громче всех заржала пинавшая меня сволочь.

Белый повел из стороны в сторону башкой — вокруг никого не видно, и тут же четверо парней оказались скованны по рукам и ногам плетями, вжимающими их мордами в снег. Свидетелей не наблюдалось, а терпеть дальнейшие издевательства мой бок уже не мог. С трудом поднявшись на колени, окинул взглядом пустырь, вот какого эти недочеловеки тут делают в такую рань. Под одним стало расплываться красное пятно, похоже, я его чересчур приложил, остальные же лишь вяло извивались, не совсем вникая ситуацию, вскоре послышался и мат. Из носа уже не текло, но засохшая корка неприятно стягивала подбородок и шею, черт, и куртка изгваздана. Нашупав в кармане мобильник, вызвал такси, и только тут вспомнил, зачем я сюда приезжал — в груди тут же зародилась тревога. Наскоро окинув себя взглядом, но так и не найдя ничего нового, решил было, что твари просто не видно под одеждой, но брошенный назад взгляд расставил все по своим местам, ахренеть!

Я стоял и тупо офигевал с того, что видел. Нет, естественно у меня было представление, ради чего стоит сюда переться и на что способен этот кошмар, но что бы такое. Напротив стояла моя точная копия, обезличенная, без эмоций и какой-либо мимики, но, все же, это был я. Связь проявилась сразу же и, подобно Белому, мимикрирующая под меня тварь мгновенно отозвалась на посланный импульс, шагнув вперед и дав возможность рассмотреть себя поближе. Сходство было бесподобное, каждая черточка, каждый изгиб в точности повторял мои собственные формы, отображая даже застывшую корку крови на лице, шее и одежде. Все было один в один, даже придраться не к чему. Следующий момент расставил все на свои места — тварь поплыла, лицо исказилось, нос, подбородок и прочее втянулось внутрь, как и остальное, что бы через мгновение передо мной осталась стоять бесформенной тушей безобразная тварь. Вот он, истинный облик — кошмарное нагромождение пупырчатых шаров плоти, сливающихся в отвратную массу и непрерывно колышущихся, плывущих, будто грязь, ну и мерзость. Монстр вновь дернулся и снова поплыл, принимая облик моего двойника, прямо допельгангер какой-то. В кармане заработал мобильник, черт, совсем забыл:

— Да, — бросил в трубку.

— Машинка уже на месте, но вас не видно, — сообщила та.

— Уже иду, — выключив мобильный, зачерпнул пригоршню снега и наскоро оттер лицо, теперь можно и идти.

Водила, сразу же приметивший мой неказистый вид, поинтересовался:

— Бурная ночь?

— Типа того, — я расслабленно плюхнулся на переднее сиденье.

— Куда едем?

Назвав адрес, перевел взгляд на зеркало — двойник делал все в точности, как и полагалось, еще полностью не зная его возможностей, решил держать его пока поближе. А

ведь довольно интересный вопрос, что будет, если вдруг окажусь дальше нашей связи — она порвется? Но выяснять это не было никакого желания, так что до самого дома ехал в молчании, вперив взгляд в проплывающий мимо городской пейзаж.

На самом деле, на душе не было так радостно, и всплеск эйфории вскоре прошел, погребенный под воспоминаниями последних часов. Я вполне мог тогда сдохнуть, банально потеряв крови больше, чем можно, и прощай тогда все. Повинующаяся мне тварь скривила губы в ухмылке и задорно подмигнула — но настроения это не улучшило, таким макаром следующий раз вполне может оказаться последним, и у меня не было ни единой мысли, как этого можно было избежать. Расчеты оказались неверными, приступ начался внезапно, а в округе ни одной подходящей твари, разве что кого из дворовых захомутать, ну да на что они мне. Ладно, сегодня отдых, вялость в теле все еще ощущается, хоть уже и не так сильно, но потом нужно будет хорошенько поразмыслить над этим вопросом, обязательно.

Выгрузив меня и получив оплату, такси умчалось, оставив наедине со своими кошмарами — смешно это как-то теперь звучит, "моими кошмарами", но смеяться не хотелось. Поднявшись на свой этаж, протянул сквозь дверь плеть и отодвинул засов, следом повернув защелку, и вот я дома. Двойник, повинуясь спонтанному желанию, принял куртку и повесил ее на крючок, потому как в шкаф она попадет только после чистки. Вышло у него это просто изумительно, точно так же, как если бы это делал я, даже движения были идентичны. Жаль только, что эта тварь так и оставалась непричастной к нашему миру, проявляясь как Белый или плети лишь частично, в местах соприкосновения и на необходимые доли мгновения. Вообще этим вопросом нужно будет заняться более плотно, но не сейчас, позже.

Как же хорошо дома, можно принять душ, развалиться на диване или просто провести время за компьютером, особенно тогда, когда твой череп не пытается разлететься на сотни маленьких кусочков. После ванны таки заставил себя привести в порядок одежду, наблюдая за процессом с трех разных сторон — выходило довольно занимательно. Обзор обоих монстров был полностью идентичен и ничем не отличался, что наводило на определенную мысль, ведь две разные твари не могли иметь абсолютно одинаковые показатели, следовательно, ограничены не они, а я. А что, вполне логично, хотя и доказать это сейчас не возможно, впрочем, как и опровергнуть.

Дальнейший день прошел в ничего неделании, тупо валялся на диване, смотрел фильмы на ноуте, изредка дремал и вообще всячески ограничивал свое передвижение. Ночь тоже прошла без сучка и без задоринки, принесся с собой лишь черное забытие — идеальное времяпрепровождение после такого дня.

А на следующий день мне на глаза попала визитка, оставленная той корпусовкой перед уходом. Что она там говорила, в моих же интересах? Ну-ну, посмотрим, я с интересом повертел в руке пластиковую карточку и потянулся к телефону. Ответили не сразу, пришлось подождать несколько гудков:

— Как отпраздновали, у вас все в порядке? — ее голос уже не казался таким холодным.

— Адекватно, — отреагировал я на заданный явно из вежливости вопрос, хотя с чего вдруг ей быть со мной вежливой, нужно что-нибудь?

— Рада за вас, и вы правильно сделали, что решили перезвонить, — но я не дал ей договорить:

— Давайте ближе к делу, что вам от меня нужно?

— Ну, зачем же так сразу, у нас прото есть, что вам предложить, — заметила

собеседница.

— Не думаю, — скепсис во мне лишь нарастал, и зачем только набрал ее?

— Хорошо, давайте тогда так, через два часа я подъеду к вам и мы кое-что обсудим, устроит?

Я уже хотел было отказаться, но потом вдруг вспомнил, что делать-то сегодня все равно нечего, да и встреча ни к чему не обязывает, так что ляпнул совсем другое:

— Устроит.

— Прекрасно, тогда через два часа я вас наберу, — в трубке раздались гудки.

Странное состояние, вроде бы и не вел себя как дурак, но чувствовал не совсем в своей тарелке, может, зря я это затеял? Впрочем, хрен с ним, там видно будет, а пока стоит позавтракать. Фамильяр, ставший за вчерашний день моими вторыми руками, набрал в тарелку фруктов и приволок их ко мне в зал. Мелькнувшую было мысль, что контролировать сразу трех монстров должно быть, по идее, чудовищно сложно, отмел сразу же: с руками и ногами ведь никаких проблем нет, так что и здесь так же. Потом были две серии детективного сериала, который толком и не смотрел, тупо убивая время, а дальше зазвонил мобильный, и было довольно странно осознавать, что именно этого я и ждал все эти два часа. Уж больно заинтриговал меня тот разговор, Впрочем, сейчас все и выясним.

— Да.

— Я могу подняться к вам или вы спуститесь ко мне в машину.

— Спущусь.

— Хорошо, тогда я жду вас.

В автомобиле она была одна и сразу же приоткрыла мне переднюю дверь. Приземлившись на мягкое сиденье, вопросительно уставился на нее, ожидая продолжения. Девушка взяла с заднего сидения папку и заговорила:

— Я не зря говорила, что наше предложение будет для вас интересно. Видите ли, мы пришли к выводу, что вы были не совсем честны с нами, и возможность этого совсем недавно была доказана.

— Доказана? — пришлось даже переспросить, о чем это она вообще толкует?

— Да, но суть не в этом, мы хотим предложить вам работу, — она пристально уставилась на меня, но тут же отвела взгляд, поймав мой.

— И почему же меня это должно заинтересовать? — должен признать, удивила.

— Причин несколько: оплата, социальные льготы вам и вашей семье, полный трудовой пакет, все законно и прозрачно, а также помощь Корпуса, — многозначительно добавила она в конце.

— И что это должно означать?

— Это вы узнаете, если дадите согласие, — да чего уж тут, все ясно и так, ваши лаборатории и все остальное помогут мне развиваться духовно и достичь просветления, моя душа познает свет небес а тело будет жить в здравии и благочестии, как-то так.

— А каков ваш резон? — задал я не менее интересующий меня вопрос.

— Ваше содействие, честность и, естественно, сама работа, которую вам придется выполнять.

— Опять-таки, в чем будет заключаться эта работа.

— А в чем заключается деятельность Корпуса? Тем же будете заниматься и вы, — ответила девушка.

— Я не способен так рубиться мечом, как ваши сотрудники, — покачал головой.

— А вам это и не нужно, — она улыбнулась.

Что б тебе, опять где-то прокололся? Но где? На пустыре точно никого не было, да и вряд ли бы они стали за мной следить, или нет? Ни черта не ясно, ни черта не понятно, но согласиться будет равносильно подписи по всем обвинениям, и система тебя потом уже не отпустит.

— Мы, видно, не совсем друг друга понимаем, — взглянул я на нее, — вы пытаетесь приписать мне то, чего нет, и это сбивает с толку.

Она некоторое время молчала, перебирая документы в папке.

— Вам совсем не интересно наше предложение, даже если мы и ошибаемся?

— Я больше сторонник стабильности, нежели сыра в мышеловке, а вы, судя по всему, предлагаете мне именно это, — пожал я плечами.

— Я вас поняла, тогда сделаем так, — она протянула мне копию оставшейся дома визитки, — если вы решите, что сможете чем-либо помочь, позвоните.

Пришлось кивнуть, похоже, аудиенция окончена и пора убираться. Покинув машину, проводил ее взглядом и посмотрел на кусок пластика — два ноль в мою пользу, Татьяна Викторовна, или нет?

Зима пролетела быстро, успев множество раз укрыть город белоснежной пеленой, вихрями и даже несколькими настоящими буранами. Для меня первый месяц нового года оказался не особо удачным, я потерял работу буквально на голом месте. Было странно слушать несуразные объяснения о том, что идут сокращения, работы становится меньше, ситуация осложнилась и все в таком духе, при том, что каждое слово было полнейшей чужью. Если мне тогда и показалось это странным, то потом выстроилось в целую систему: куда бы я не устраивался, проработать удавалось едва ли с месяц, а потом случалась некая закономерность и вот она, безработица. И в какой-то момент дошло — меня банально травят, вынуждают сделать то, что хотят именно они, постоянно подталкивая в нужном направлении. Вот твари, ну, твари, почти два месяца бесплодных попыток и все благодаря им, в груди полыхнул зарождающийся комок ярости, заставив кошмаров оживиться. Последнее время мои эмоции стали для них словно допингом, ускоряя, усиливая и все в таком духе, так что мне постоянно следовало помнить об этом, иначе последствия могут стать непредсказуемыми, инцидент уже был. Заставив себя успокоиться, постарался взглянуть на возникшую проблему с другой стороны.

Итак, нормально устроиться эти сволочи, судя по всему, не дадут, постоянно вставляя палки в колеса. Для них это, похоже, не составляло никакого труда, с их-то влиянием. Захотелось сразу же преподать им урок, нанеся визит и устроив такой тарарам, что бы надолго запомнили, но тут же одумался. Разборки мне ни к чему, да и не верил я в свою способность выстоять против системы, к тому же в одиночку. Бред. Помотав головой, перевел взгляд на ночное небо, свинцовым покрывалом раскинувшимся над нашим городом. Удовольствие от прогулки было испорчено напрочь.

Но делать что-нибудь, все же, придется и, надеюсь, появится вариант, позволяющий утереть нос этим ублюдкам. Работать на них? Хрена с два, а вот подпортить им ситуацию, когда представится случай — вполне могу. Теперь с работой, как они узнают на кого давить? Следят? Наверняка, официально я не устраивался, так что оставалась только слежка. Следовательно, придется вычислить хвост и наказать, но так, чтобы не смогли меня связать с этим. Отлично, вот и план. А когда устанут терять людей, тогда и с работой все образуется.

Как оказалось, когда знаешь, что искать, обязательно находишь. Следующий день принес мне сюрприз с самого утра — их было двое. Сначала заметил пару человек в разных концах двора, потом они шествовали под ручку неподалеку от меня и в другой одежде в трех кварталах оттуда, далее был центр города, где они опять разделились, вот тогда я и убедился — следят. Что ж, господа корпусовцы, а не отдохнуть ли вам на больничном? Прокручивая в голове возможные варианты избавления от слежки, пришел к самому естественному — случайность. Споткнуться, подвернуть ногу или оступиться может каждый, а дальше от реакции, расторопности и воли случая зависит все остальное, ну, и от меня теперь тоже.

Начать решил с девушки, зашедшей якобы в книжный магазин, но изредка бросающей в мою сторону косые взгляды. С десятков метров в сторону заставил ее выйти наружу, где Белый тут же срезал каблук на правом сапожке и придал открывающейся сзади двери дополнительное ускорение. Легкий вскрик, женская фигурка нелепо взмахивает руками, заваливаясь вперед, и тут же очередной, наполненный болью и мукой, когда происходит

соприкосновение с землей. Белый просто сломал ей выставленную руку, в тот самый момент, когда она уперлась ею в бетонную плиту, легкого удара по кости вполне для этого хватило. Благо, соразмерять усилия своих кошмаров я уже умел достаточно хорошо, иначе ее конечность отлетела бы не на один десяток метров, буквально выдранный из тела. Ее напарник бросил взгляд в ту сторону и замер, потом сразу же достал мобильный и поднес трубку к уху, а мой фамилляр был уже рядом:

— Слушаю, — раздалось с того конца.

— Код синий, выглядит как несчастный случай, повторяю, код синий.

— Принято, продолжайте наблюдение, — и гудки.

Что ж, ладно, рано или поздно вы все равно станете меня подозревать, так как со всеми засланными будет происходить одно и то же, так что калечить бедолагу, выжидая какое-то время, было решением весьма сомнительным. По крайней мере, смысла я в этом не видел, так что через час парень тоже стал жертвой несчастного случая, оступившись на дороге и вылетев под начавший набирать скорость автомобиль — не смертельно, судя по тому, что он опять встал, но с правой ногой явно было не все в порядке. Долгая больничка ему обеспечена. А на следующий день ко мне вновь была приставлена слежка.

Мужик держался более профессионально, и вычислить его получилось только под самый вечер, когда после неудачного собеседования, вдруг прервавшегося телефонным звонком, уже почти подходил к дому. Шедший метрах в тридцати позади мужичек с потрепанным дипломатом не вызывал никаких подозрений, если бы не его взгляд, периодически ощупывающий мою фигуру. Пришлось свернуть в сторону и пройтись до парка, где было более легко затеряться, мужик двинулся следом, отстав лишь немногим. Ну, вот и все, мистер чужие глаза и уши, пора прощаться. Схема с падением сработала и тут, заставив незнакомца вспахать пару метров земли своим телом и выдавив из горла болезненный стон — приземление и перелом руки, как печально, я кисло улыбнулся. Не скажу, что это доставляло удовольствие, скорее появлялось ощущение грязи, облепившей меня с ног до головы. Совесть? Возможно, но альтернатива, считаю, была бы хуже, уж лучше пусть так.

Уже стоя под душем, вдруг натолкнулся на мысль, что как-то уж слишком много у них молодых сотрудников, набирают сразу после школ и институтов, что ли? Нехватка кадров? Но это же абсурд, хотя на базе Корпуса я действительно видел просто уйму народу около двадцати лет. Всему должно быть объяснение, причина, по которой все обстоит именно так, а не иначе.

А через два дня в городе стали происходить жуткие вещи, и Корпусу стало просто не до меня. Новостные каналы, радио и интернет пестрели сообщениями о зверских убийствах, прокатившихся по городам страны, причем, только в тех, которые почтила своим присутствием новосозданная структура. Мне тогда еще позвонил отец и обратил внимание на это совпадение, заставив лишь хмыкнуть в ответ.

— Как же, совпадение, они давно уже все знали и готовились к этому, — пробурчал я в трубку.

— Вот именно, так что ты это, давай, заканчивай со своими ночными бдениями, я на полном серьезе, — отец явно не шутил.

— Я понял, не беспокойся, — а что еще сказать, неприятно, конечно, врать, но что делать.

— Сына, мы беспокоимся за тебя, не добавляй нам седины, — ого, видать, у них там

прям консилиум какой-то был, сестер тоже, небось, уже построили по всей строгости.

— Пап, поверь, из-за меня вам не стоит беспокоиться, это, скорее, мне за вас придется.

— Ладно, надеюсь, ты меня понял, все, мне пора, забегай, как будет время.

— Непременно.

После этого кровавого бума события стали разворачиваться с ужасающей скоростью, сотрудники Корпуса удвоили усилия, их фургоны просто наводнили улицы города, но этого явно было недостаточно. Стаи увеличили поголовье, встречаясь уже даже в утреннее, рассветное время и уходили в никуда, их никто не мог найти, ни следов, ни логова, ничего. При лучшем исходе жертвам удавалось-таки дожидаться патрулей Корпуса и выжить, забаррикадировавшись и не переставая молиться. Но если они пытались бежать, покинуть дома, спасаясь бегством, результат был почти всегда один и тот же — смерть. Так что СМИ передавали одно и то же: запереться, закрыться и вызвать патруль Корпуса. Почему же бездействовали военные части, для меня было полнейшей загадкой, та же рота с калашами покрошила бы любую стаю в считанные минуты, или нет? По всему выходило, что я просто чего-то не знаю.

СМИ же, явно подверженные жесткой цензуре, впрочем, как и радиостанции с интернет ресурсами, больше ничем новым не располагали. Жалкие крохи фото и видео, которым удалось просочиться в глобальную сеть, общим счетом ничего не объясняли и лишь способствовали распространению досужих слухов, не несущих в себе ни капли достоверности. Все, что было доступно простым гражданам, это некачественные видео и фотоматериалы, рывками запечатлевшие то пасть, то морду, то еще какую часть терроризирующих город зверюг и больше ничего. Власти же распространяться по данному вопросу явно не считали нужным, выдавая лишь те крохи информации, которые ничего не значили. Тревожным звонком стало и то, что филиалы Корпуса стали открываться так же и в других городах, правда, не так масштабно и не с таким размахом, но само по себе это уже говорило о многом. В страну постепенно пробирался хаос, границы и возможности которого были не известны, а в городах стал селиться страх.

Что странно, села и прочие малонаселенные пункты эта напасть не затронула, предпочитая грызть изнутри города подобные нашему, и те, что побольше, оставляя в стороне пгт и села. У нас же краски сгустились настолько, что частично стала закрываться сфера ночного бизнеса, просто из-за того, что люди не хотели рисковать, несмотря даже на повышение оклада. Но вот что странно, все боялись, жаловались, иногда даже покидали родной город, перебираясь в места поспокойнее, но в целом складывалось впечатление, что уезжали лишь единицы — так что же это было? Храбрость, глупость или надежда? Из моих знакомых выразили желание и таки уехали вместе с семьями всего двое, остальные же кивали, сожалели и оставались на месте, продолжая покрепче запирают двери на ночь. Я был почти уверен, что так поступали все, хотя бы потому, что в моем доме не опустела ни одна квартира, так как местное сарафанное радио уже давно разнесло бы эту новость по всей округе. Так что нет, люди упорно цеплялись за старую жизнь, всячески упоая на набирающий силу Корпус и дожидаясь того дня, когда жизнь в городе вернется в привычное русло.

Для меня же появилась прекрасная возможность наконец-то устроиться, и появившаяся вскоре работа целиком и полностью удовлетворяла оба моих запроса как нельзя лучше: ни хрена не делать и получать за это зарплату. Так уж сложилось, что одной из наиболее востребованных вакансий стала должность обыкновенного охранника в ночную смену. В

одинокую на такое мало кто соглашался, а держать целый взвод на своих территориях было не выгодно уже работодателям. Преступным же элементам, просекшим всю прелесть данной ситуации, это было лишь на руку, так как вспыхнувшие поначалу акты краж и взломов не утихали вот уже несколько недель, по телевизору и в газетах это была одна из наиболее обговариваемых тем, наряду с очередными стычками корпов с вездесущим ночным зверьем. Так что мне без разговоров пожали руку и повели показывать вверяемую территорию.

Склады занимали приличную площадь, но хорошо просматривались, так что не было никакой необходимости в постоянном бдении на ногах. Сергей Анатольевич, круглолицый здоровяк, сразу расписал плюсы, упирая на то, что, по сути, и работы-то как таковой нет, просто сидеть себе в будке и посматривать на мониторы, раз в пару часов делая обход. Если что не так — мобильник под рукой, с нарушителями придет разбираться милиция. Все просто, работа не пыльная, и оплата вдвое больше против обычного, ночная смена, как ни как.

И я согласился. Жизнь стала более упорядоченной, с обеспеченным завтрашним днем и без мыслей о том, чем я буду набивать желудок через месяц-другой, когда подойдет к концу все уменьшающаяся заначка. Приходил на восемь вечера, уходил утром в шесть, потом три-четыре часа сна и полнейшая свобода вплоть до момента сбора на работу. Со временем стал брать с собой ноут и понемногу дополнял энциклопедию или смотрел фильмы, в то время как Белый занимался обходом территории, лафа, одним словом. И я уже стал привыкать отсиживать зад, когда опять все пошло прахом и очередная смена перевернула привычное для меня течение будней вверх тормашками — через ворота базы кто-то отчаянно карабкался. Белый повернул туда башку как раз в тот момент, когда неизвестный уже перевалился на эту сторону и отчаянно сучил ногами в поисках опоры. А потом ворота с жуткой силой трянуло, и фигура, по-женски пискнув, кулем слетела на асфальт. Это словно послужило сигналом и ворота стали подвергаться таранным ударам снова и снова, сотрясаемые все сильнее и грозящие вот-вот обрушиться внутрь. Снаружи будто ломилось нечто столь крупное, что две металлические створки явно не продержатся еще хоть сколь-нибудь долго, и пора было принимать меры. Вот только куда звонить, в милицию или, все же, корпам?

Но ситуация разрешилась сама собой, ворота просто вырвало из бетонных оснований и с грохотом обрушило наземь. Распластанная внизу фигурка лишь чудом смогла откатиться в сторону, когда из небольшого пятка света вперед метнулось нечто громадное. Я скорее рефлекторно, нежели обдуманно метнул Белого вперед, и тот со всей дури врезался в бок распластавшейся в прыжке твари. Та вякнула, хрустнула и, сложившись чуть ли пополам, снарядом врезалась в стену склада, заставив осыпаться целый пласт штукатурки. А в следующее мгновение на территории началось форменное безумие: молча, не издавая ни единого звука, под свет фонарей базы стали вылетать нереально громадные зверюги, ни к каким волкам уж точно отношения не имеющие. Слишком здоровые, мордатые и широкогрудые, лохматые монстры скорее походили на оборотней из второсортного ужастика или подвергшихся мутациям медведей, изменивших чуть ли не полностью и оставивших себе лишь их размеры, ни капли не походившие на уже виденных мною однажды зверюг. И сейчас все это чуть ли не в гробовой тишине устремилось к нам двоим: ко мне, настороженно замершему у сторожки, и девушке, пытающейся подняться чуть поодаль. Сбежать уже просто не успеть, спрятаться и подавно, остается лишь одно.

Хруст костей и брызги крови шваркнули во все стороны так, словно твари встретились с

несущимся на всех парах локомотивом и были просто смяты, раскатаны по асфальту, окатив меня и девушку волной сжатого, неприятно пахнущего воздуха. Такого Белого я еще никогда не видел, простой желание — убей их всех — вылилось в нечто настолько ужасное, что я лишь стоял, оцепенев, и молча наблюдал за творящимся безумием. В сторожку, тем временем, подвывая, влетела девушка и стала лихорадочно тыкать трясущимися пальцами в мобильник, с ужасом поглядывая на творящееся за окном. Для нее картина должна была выглядеть поистине жутко: здоровые монстры подлетали в воздух, словно пушинки, и, разрываемые невидимой силой, опадали наземь уже ошметками, марая землю вокруг темно красным дождем. Белый был предельно жесток и неразборчив, каждый удар рвал и калечил максимально, настолько сильно, насколько это вообще было возможно. Туши вспарывались, будто попадая под огромные мясницкие ножи, вываливая внутренности и лишаясь частей тел прямо там, где их доставал кошмар. Передвигаться уже не мог никто, а жуткие удары все продолжали рвать и метать, застилая пространство выломанных ворот кровавой взвесью. Куски тел с чавканьем били о стены, марая сторожку, забор и вылетая за пределы базы. Живых уже не было, но, следуя моему взгляду, Белый наносил удар за ударом, превращая некогда жуткую стаю в подрагивающее и исходящее паром болото из внутренностей, осколков костей, хребтов, и прочего дерьма.

Меня словно заклинило, глаза буквально прикипели к лужам крови и агонизирующим кускам мяса, минутами ранее выломавшим ворота без каких-либо усилий. Я, можно сказать, был в шоке от того, насколько быстро и кроваво сменился баланс сил, буквально в считанные мгновения лишив нападающих жизни. Белый оказался гораздо более жутким оружием, чем даже предполагал, а его действия без моей инициативы просто поражали. Походу, он выбирал и уничтожал врага, основываясь на получаемых через меня данных, что видели мои глаза — то видел и он, вернее, понимал, когда и где нужно проявлять удары. И все это происходило гораздо быстрее, чем потом под моим руководством, когда он пинал на земле уже мертвую кашу.

— Сейчас приедут, я уже вызвала корпов, — донеслось сбоку.

Мда, вот ведь облом будет, ну, да ладно, все равно уже ничего не избежать, повсюду камеры. Вздохнув, прокашлялся, очищая горло, и набрал по мобильнику начальство. Некоторое время шли одни гудки, но потом трубку, все же, сняли:

— Да, что там? — раздалось сонное.

— Это я, Сергей Анатольевич, на базе происшествие, вам лучше подъехать.

— Что случилось?

Я замялся:

— Да сложно объяснить, сейчас должны корпы появиться...

— Корпы? — перебил он меня встревожено.

— Да, тут твари мертвые, вот и, вы как, будете? — а сам все прикидываю, что ж такое наплести, или опять в незнайку играть, походу, только это и остается.

— Да, ждите, — начальство не стало особо раздумывать, сразу проникшись ситуацией.

Что ж, хорошо, я перевел взгляд на девушку, вид у нее был тот еще: потрепанная, с потеками туши на лице, вся какая-то дерганная, настороженная, даже от моей будки не отошла, словно приклеилась к ней. Держится за нее, словно боится отпустить и потеряться, вот ведь как перепугалась. У ворот остановилось три фургона и тут же выбросило из себя несколько десятков человек — Корпус. А затем, следом за ними, из крайней машины знакомой походкой ко мне направилось уже не раз виденное ранее лицо. Ну что за хрень, вот

ведь не везет, я слегка скривился.

— Владимир Васильевич, не ожидала вас тут увидеть, — с легкой улыбкой констатировала подошедшая.

— А уж как я рад вас видеть, — кисло выдавил из себя.

— Вижу, — она вновь улыбнулась, — вы здесь работаете или так, мимо проходили?

— Работаю, — нехотя подтверждаю.

Корпусовка кивнула, похоже, удовлетворенная.

— И что же, позвольте узнать, здесь произошло?

— Спасалась бегством, как я понял, — кивнул на девушку, осматриваемую медиком, — перелезла через ворота, и тут эти вломились, а потом это, — указал рукой на месиво.

Корпы уже огородили место бойни и проводили какие-то замеры, некоторых рвало, так как местами попадался действительно жуткий фарш, у самого ком к горлу подкатывал. Но этой хоть бы хны, прошла по самому краю ошметков и даже не скривилась, сильна, Татьяна Викторовна, ох, сильна.

— Что-нибудь еще? — она испытывающее посмотрела на меня, слегка кривя губы в улыбке.

— Да нет, скоро мое начальство приедет, — бросил, как ни в чем не бывало, — будете с ним разговаривать.

Она кивнула, затем подняла глаза на камеру и спросила:

— Работают?

— Да.

— Хорошо, вы свободны, занимайтесь своими делами, — и, развернувшись, направилась к столпившимся над одним из кусков тел коллегам.

Я же, проводя ее долгим взглядом, успел только вздохнуть и сразу же увидел машину подъезжающего Сергея Анатольевича, здоровяк даже отсюда казался всклоченным и встревоженным. Когда же подъехал ближе и увидел, во что превратилась площадка у ворот, то как-то сразу поник и, уже вылезая, потянул из кармана сигареты, а ведь говорил, что бросает. Я вышел ему навстречу.

— Ты, это, как, цел? — он с трудом оторвал взгляд от месива и перевел его на меня.

— Да, в порядке, — кивнул, — ворота только пострадали.

— Ворота, — он посмотрел на них и повторил, — ворота, хрен с ними, с воротами.

Потом прикурил и спросил:

— Что дальше думаешь делать?

— В смысле? — я не понял.

— Насчет работы.

— Решили уволить? — уставился ему прямо в глаза.

Здоровяк поперхнулся и закашлялся, сигарета полетела наземь, а на нас тут же стали оборачиваться.

— Нет, кхе-кхе, нет, что ты, просто подумал, что...

— Что сам уволюсь после всего этого? — указал через плечо.

— Да, — просипел он.

Понятно, а я уж было подумал, что этот здоровяк решил возместить убытки за мой счет, и придется чуть ли не с боем выбивать деньги за отработанные дни.

— Меня все устраивает.

Белый в это время осматривал последний фургон, когда меня переклинило в буквальном

смысле. В конце машины, вжавшись в сиденье, сидел парниша лет восемнадцати и не сводил с кошмара распахнутых от страха глаз. Он смотрел прямо на него, не моргая и явно соображая, что видит. Я сместился Белым в сторону, ловя его взгляд и уже понимая, что совпадения исключены, как тут меня довольно грубо одернули:

— Влад! Ты чего? — Сергей Анатольевич повторно потрянул меня за плечо, — очнись, парень!

— Да в порядке я, в порядке, — пришлось прямо-таки вырывать из его хватки плечо, делая шаг назад, — задумался просто.

Вот ведь здоровый какой, вцепился, как клещами, да еще и орет, вон, корпы уже со всех сторон оборачиваются.

— Задумался, — буркнул он, помрачнев, — ты вот что, давай-ка собирайся и вали домой, а завтра как обычно.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом, отпускаю тебя сегодня, с сохранением оплаты, — добавил он, и устало помассировал глаза, — все равно сейчас людей вызывать ворота ставить, давай, иди, пока не передумал.

Неожиданно, но ладно, почему бы и нет, к тому же, мне есть о чем подумать. Я кивнул и направился в подсобку, а из головы все никак не выходил тот парень. Получается, есть еще один, видящий то же, что и я, и он сейчас вместе с Корпусом. И то не факт, что у них всего один такой человек есть, но если там все так же, как и у этого, то тогда вполне понятно, зачем им понадобился я — разобраться им, видите ли, помочь надо, учитель нужен. Забрав из будки сумку с ноутбуком, окинул взглядом еще раз учиненное побоище и уже направился к выходу, когда двойник увидел направившуюся ко мне фигуру — Татьяна, мать ее, Викторевна. Пришлось обернуться и подождать.

— Отпустили с работы?

Кивнул.

— Как ты смотришь на то, если мы тебя подбросим до дому, заодно и поговорим?

Ее взгляд не предвещал ничего хорошего, особенно в свете того, кто сидит в одном из фургонов. Хотя, чего уж теперь скрытничать, тот парниша явно рассмотрел и Белого, и двойника, да и плети я никогда не держал свернутыми. Так чего ей, хочет добиться чистосердечного и склонить к сотрудничеству? А почему не силой? Хотя, на фоне всего этого, взгляд опять упал на лужи крови — костей, мяса и прочего там уже не было, сотрудники Корпуса все подчистили — давление не кажется особо разумным решением. Что ж, хорошо, посмотрим, что у вас для меня есть, госпожа Татьяна.

— Идет.

— Хорошо, подожди меня две минуты.

Я обернулся к крайнему фургону, окна были тонированы так, что разглядеть что-либо внутри было невозможно, ну да мне это и не нужно. Фамильяр показал все необходимое: сидит у самого окна, практически прилипнув к нему и пялиться, пялиться, не отрывая зенки от стекла. Потом, небось, настроит подробнейший доклад на несколько страниц, ничего не упустит, все распишет. Первоначальный интерес постепенно перерастал в раздражение, что мне было абсолютно не свойственно, впрочем, как и роль морской свинки за стеклом, бегающей и прыгающей под неусыпным надзором.

— Нам сюда, — подошла сзади корпусовка и направилась вперед, ведя именно к тому самому фургону. Когда двери отъехали в стороны, перед нами в салон влезло еще четыре

человека, устроившись на передних сидениях, мы же пробрались в самый конец, где девушка намеренно села рядом с тем парнем, а я оказался напротив него. Очная ставка, что ли?

— Влад, хочешь тебя кое с кем познакомиться, это наш стажер, Артем. Артем — это Влад.

Тот кивнул, стараясь не смотреть мне в глаза, мы еще при входе успели обменяться взглядами, и он сразу же сдулся, не выдержав. Проигнорировав его кивок, я продолжал рассматривать парня, вынуждая того ерзать, отворачиваться и делать вид, что его тут нет. Беглый осмотр показал вполне точно, кроме моих, больше здесь кошмаров не было, и сидящий напротив меня молодой человек был абсолютно чист и, значит, не опасен. Просто наблюдатель без возможного противодействия. При необходимости, сидящими впереди займется Белый, а на этих двух хватит и плетей, так что, вроде, безопасно.

— Как тебе новая работа? — прервала затянувшееся молчание девушка.

— Не вашими мольбами, — буркнул в ответ, намекая на их козни.

— Зря злишься, это был наиболее мягкий из возможных методов воздействия, в конце концов, мы бы дали тебе все: работу по профилю, отличный коллектив, достойную оплату, в конце концов. Лично для тебя были бы сделаны весьма существенные уступки в организации, и уж тем более не пришлось бы охранять склады по ночам, — она мило улыбнулась.

— Да ну? И какой же у меня, позвольте узнать, профиль? — то, что всем здесь все уже давно известно, было понятно и так, но признать за собой очевидное означало сделать первый шаг по протаптываемому для меня Корпусом пути. Чего мне ну никак уж не хотелось, и какие бы там льготы и золотые горы они не сулили, это будет просто еще одно место для очередного винтика в их системе. Нет уж, господа, я предпочитаю свободу, а не прыжки по чьей-то указке.

— Влад, хватит уже юлить, городу нужны ваши знания, вы реально можете помочь, что и показали сегодня ночью, а в следующий раз другой девушке уже может так не повезти, — и снова очаровательная улыбка.

Знает ведь, зараза, как произвести впечатление, и как хороша в такие моменты, только вот плевать мне на все ее потуги и ни о каком сотрудничестве и речи быть не может. Видимо, что-то отразилось на моем лице, так как, перестав сиять, девушка резко перешла на деловой тон.

— Хорошо, тогда придется по-другому, хотя и хотелось все решить мирно. В соответствии с новым постановлением, в связи с участившимися нападениями и возросшей угрозой жизни граждан, Корпус уполномочен привлекать специалистов со стороны, вплоть до урегулирования вопросов на самом высоком уровне, — при этих словах Артем кисло скривился.

— И что это значит?

— Это значит, что, как минимум, мы можем привлекать вас в любое время суток как консультанта по интересующим Корпус вопросам, а как максимум... — она не продолжила, многозначительно на меня посмотрев.

— И что же по максимуму? — переспросил я.

— Об этом вам лучше не знать, но в целях общей безопасности полномочия у нас достаточно большие, чтобы не обращать внимания на желания отдельных граждан.

— Вот как, то есть, если человек болен, плохо себя чувствует или еще что, вам будет на это плевать?

Она поморщилась.

— Не стоит делать из нас сволочей, но если от этого будут зависеть жизни, то мы пойдем на многое.

— Понятно, — кивнул, — цель оправдывает средства.

— Вы зря упрямитесь, Влад, я ведь пытаюсь все решить к обоюдному согласию, к тому же пользы для вас это принесет много больше, чем вы себе представляете.

— А он, — я перевел взгляд на Артема, — он такой же, доброволец?

— Нет, для него это был вполне осознанный выбор, Корпус может дать намного больше, чем вы представляете.

Ну да, ну да, высокую цель, средства, товарищество и всеобщее признание, только вот не для меня это все. Фургон замедлился и стал трястись по буеракам, периодически петляя и заставляя подпрыгивать на ухабах, неужели приехали? Но сомнений почти не было, ущербную, разбитую дорогу родного двора трудно перепутать с какой другой, да и Белый, высунув наружу башку, подтвердил — мы дома. Один из сидящих спереди бойцов открыл дверь и выпрыгнул наружу, предоставляя мне возможность сделать то же самое.

— До встречи, Влад, — донеслось из салона.

— До не скорой, — бросил в ответ и спрыгнул наземь, дверь тут же захлопнулась и машина стала сдавать назад.

Пока они выезжали за пределы двора, я стоял в полной темноте и смотрел за удаляющимися огнями, а двойник замер между задней дверью и спинкой последнего сиденья, прямо за спиной Артема и передавал ведущийся там сейчас разговор.

— Ну что, как он тебе? — спросила корповка.

— Как и предполагалось, но я бы не хотел больше таких вот встреч, — голос явно принадлежал Артему.

— Эти с ним были?

— Да, еще там, по крайней мере, с нами же только эта белая тварь сидела, — он сглотнул, — до сих пор вспоминать жутко.

— Еще что-нибудь?

— Взгляд у него такой...

— Это да, а другое? — перебила его девушка.

— Больше ничего, но нам он не рад, сильно не рад, — потом фамилляр был вынужден покинуть фургон и вернуться ко мне.

Как и ожидалось, меня банально спалили со всеми потрохами, и отвертеться или убедить их как-либо, что все не так, уже не удастся. Закрыв за собой дверь и разувшись, тупо завалился на диван. До рассвета еще было три часа, но спать не хотелось, поэтому, прикрыв глаза, решил перебрать в деталях произошедший сегодня хаос. Ошибка за ошибкой заставляли кривиться, как от зубной боли, и давали уйму пищи для размышлений — нужно было многое менять. Хотя был и плюс, вроде как жизнь спас, что не могло не радовать, бонус в карму. А вот изменения нужны, и будут, и даже уже были мыслишки насчет этого.

Белого то никак не спрячешь и не утаишь, но все остальное стоит скрыть от чужих глаз подальше, учитывая, что еще неизвестно, сколько их может быть. Плети же придется впредь держать свернутыми, прижатыми к ногам и спине, спрятанными под штанами, это раз. А два, которое значительно сложнее, касалось фамилляра, я с этой тварью особо не занимался, позволяя таскаться за собой в изначальной форме и, по видимому, зря. Слипшиеся комки плоти, образующие аморфную, постоянно текущую тушу следовали по пятам и незаметностью никак не страдали, хотя все предпосылки имелись, нужна была лишь

практика. Но уж очень тяжело она мне давалась, потому и не придавал этому особого значения, думал, не дано, теперь же придется пересмотреть свои взгляды.

Двойник в пределах своей массы до определенного момента мог принимать любую форму почти мгновенно, но как только конечный объем выходил за некие границы, на мозг будто падала чугунная чушка, начинающая давить каждое лишнее мгновение, которое приходилось удерживать кошмара в явно не его размерах. И если вылепить из него нечто большее можно было только до определенного момента, дальше просто не шло, то сжимать можно было без конца, только бы мозг выдержал. И вот этим мне предстояло теперь заняться, пора делать из двойника настоящего фамильяра, ящерицу там, или змейку какую. За всеми этими размышлениями незаметно пришел и сон, утащивший сознание в беспросветную бездну.

Утро принесло необычайную бодрость и желание действовать, энергия просто бурлила в теле, призывая направить ее в нужное русло. Перекусив и распахнув настежь все окна, впуская свежий воздух и ранние солнечные лучи, решил начать незамедлительно, ловя благоприятный момент, тем более что занять себя сегодня было абсолютно нечем. Двойник выперся на середину залы и замер, перетекая из одного своего шара в другой, но полностью не шевелиться у него никак не получалось, тварь была просто не способна на это. Поплыв еще больше, он стал резко менять свои очертания, сжимаясь и уменьшаясь на глазах, словно сдувающийся шарик. За считанные секунды было потеряно килограмм десять, потом процесс ускорился и кошмар сжался до размеров хорошего ротвейлера, потеряв в росте, но зато расплывшись в ширину. Ну, нет, так не пойдет. На мозги уже всю давило, казалось, что их плющит невидимой тяжестью, начиная размазывать тонким слоем по внутренней стороне черепа, но это было лишь началом, и останавливаться было бы глупо. Двойник продолжал съезживаться, его округлости уменьшались, тая буквально на глазах и не переставая все так же плыть, будто бурые островки спокойствия сменялись грязевыми потоками. Иногда даже создавалось впечатление, что передо мной здоровенная куча дерьма, имеющая необычайно зловещий вид, что немного смешило. И доля юмора была очень кстати, так как отвлекала от ощущения тающей черепушки.

Потом, уже не в состоянии терпеть мозговые издевательства, сделал перерыв, ощущая, как понемногу отпускает, эффект воздействия спадал постепенно, разжимая тиски с каждой секундой, которая требовалась двойнику для принятия обычных размеров. И если в меньшую сторону он мог изменяться с любой скоростью, то в большую, до привычного ему предела, процесс шел гораздо медленнее, уж и не знаю, от чего это зависело. Так что расставание с ощущением, что внутри твоей башки буквально топчутся сапогами, радовало меня сейчас на всю катушку, заставляя кривиться и периодически встряхивать головой, что совсем не помогало. Немного еще помогали попытки медитировать, я никогда не был в этом силен, но даже простая неподвижность с закрытыми глазами и отсутствием мыслей немного ускоряло спад негативных ощущений. Это я заметил довольно четко и поэтому всю пользовался, застывая каменной статуей по середине залы.

И когда симптомы улетучивались почти полностью, снова принимался за фамильяра. Пока что вся работа происходила только на уменьшение объема без придания какой-либо формы, нужно было понять, насколько вообще это реально и не бьюсь ли я головой о стенку. В общем, уделяемое ему время значительно увеличилось и в течение месяца уже наблюдались некоторые подвижки, правда, результатами их назвать было пока трудно. Так как изменения касались не столько кошмара, сколько меня — мой порог чувствительности

снизился, отходянок после удержания фамильяра не в его размерах не вызывал уже таких острых ощущений, и я пока был рад и этому. А потом, словно переступив какую-то грань, в один ничем не отличающихся от остальных день, сжал мое чудо-юдо до размеров новорожденного котенка. В глазах ломило от цветных пятен, голова шла кругом, но я улыбался, криво, с усилием, но улыбался — таки смог, таки получилось. А потом пошедшая носом кровь свела на нет ощущение победы и заставила бежать в ванную, отмывать потом еще замаравшую все вокруг кровяку мне ну никак не хотелось. Так как она реально брызнула, начав свой бег из носа, треснувшей отчего-то губы и уголков глаз.

Такое со мной еще не происходило, истекающая красным харя пялилась из зеркала и было в ней что-то хищное, первобытное, нечто притягательное своим безумным видом. Ослабившись, получил еще более впечатляющий эффект, а потом, по наитию, дал почти уже восстановившемуся фамильяру скопировать свою мордашу. Отобразившаяся напротив рожа мало напоминала человека разумного, склонного к высоким мыслям и философским размышлениям. Скорее это был алчущий крови варвар, сбросивший оковы человечности и получивший свободу творить во имя своих желаний все, что только не заблагорассудится, какими бы они не были зверскими. Надо будет запомнить это, еще пригодится. Что было еще одной характерной особенностью фамильяра, так это то, что он каким-то образом запоминал уже ранее приобретаемые формы, и даже если я уже толком не помнил, как оно было, то этот гаденыш принимал их без малейшей запинки.

Остановить карминовые потоки удалось не без труда, но таки удалось. Не знаю, как буду выглядеть к моменту выхода, но сейчас лицо было белее обычного, что странно, не так уж много крови я и потерял. Но даже вопреки опасениям это никоим образом на мне не сказалось, уже к утру вернулся обычный цвет лица и, придя домой и покемарив пару часиков, снова принялся за муштру. Кошмар же, как истинный солдат, беспрекословно подчинялся всем моим приказам и выполнял их с каждой неделей все охотнее и быстрее, так что моя первая, в натуральную величину и с настоящей, как и в природе, окраской, ящерица получилась уже через пару месяцев, застыв диковинным браслетом у меня на руке. Хвост изящно оплел предплечье, брюшко плотно прижалось к коже, а передние лапки цепко обхватили запястье, выставив над тыльной стороной ладони кончик мордочки. Долго я его таким продержат не мог, через минут пять после принятия такой формы мозг у меня начинало колбасить не по детски, и приходилось сбавлять обороты, позволяя фамильяру немного вырасти, что снижало интенсивность негативных ощущений и спустя определенное время я уже мог вновь придать ему нужные формы. Это был трюк, получившийся у меня совсем недавно и прочно вошедший в наши тренировки. Так как не было смысла полностью отпускать вожжи и ждать, когда все вернется на круги своя, можно было лишь сделать вид, ослабить давление, дать небольшую слабинку и перетерпеть слегка унявшиеся головные муки, которые со временем, как я надеялся, так же снизят свою интенсивность, перейдя в разряд "незначительные". Или же вовсе исчезнут, к чему я, в принципе, и стремился.

Так что куда бы я ни шел и где бы ни находился, фамильяр всегда в той или иной форме присутствовал на моей руке, меняясь лишь до той степени, которая позволяла продолжать муштру и не кривиться от поработающих мозг ощущений.

Вообще планы по возможному использованию кошмаров в эти дни роились в голове сонмом не разобранных мыслей и идей. И каждая была заманчивее другой. Взять, хотя бы, способность кошмаров проявляться в нашем плане и так же мгновенно возвращаться в свой — ведь это удивительные возможности, потому как все, что входило в сферу

кратковременного воздействия получало для меня полнейший карт-бланш, я мог все, или почти все. Найти бы только цели для применения. И не обязательно это должно быть болевое или еще какое насильственное действие, за последние месяцы уже и не припомню, когда пользовался ключами или поднимал что-нибудь с полу. Мои питомцы стали настолько обыденны в повседневном использовании, что потеря любого из них была бы почти равносильна потере руки или ноги, что автоматически делало меня калекой. Нет, я, конечно, утрирую, но ощущения были бы приблизительно схожие, думаю. К тому же, возможности фамильяра не ограничивались формами типа "человек", "кошка" и "ящерица", однажды, ради интереса, я растянул из него настоящую сеть и нарастил в центре отнюдь не симпатичного паука, что взбудоражило сознание еще большим количеством хлынувших в него мыслей и идей, да так, что даже голова пошла кругом.

В общем, жизнь обычная текла чередом, а моя личная чуть ли не каждый день была по голове чем-то весомым, подстегивая строить все новые и новые планы в отношении своих кошмаров. Что бы ничего не забыть, пришлось завести блокнот и записывать в него все приходящее на ум, обкатанное и приведенное в более-менее воспринимаемый вид. За несколько недель эта стопка скрепленных между собой листков была почти на треть испещрена неразборчивым почерком и продолжала заполняться дальше. Туда же я записывал и выводы касательно тех или иных кошмаров, полностью удалив энциклопедию в компьютере и наскоро перебросав сюда же все ее содержимое. Корпус за эти записи мог очень неплохо заплатить, наверное, но уж дудки им, не дождутся.

Так что все шло своим чередом, пока мир опять не перевернулся вверх дном и не выпустил на арену новые действующие лица. И это стало для меня последней каплей, вынудив окунуться в безумие кровавых стычек и постоянное переживаний за родных и близких мне людей. Началось все с того, что, по слухам, с дежурства не вернулся один из фургонов Корпуса, снующих в патруле обычно парами или даже тройками, в виду усилившего свое присутствие в городе так до конца и неизвестного врага. Хотя о чем речь, корпам, наверное, прекрасно было все известно, вот только делиться подобной информацией они ну никак не хотели. А потом в один из вечеров позвонили родители и запретили вообще куда-либо выходить и сидеть дома, потому, как у них в подъезде сейчас твориться бог знает что. А это буквально через пару кварталов от меня, так что от греха подальше, и пусть не волнуюсь, куда надо уже позвонили, и все уже ждут приезда бойцов корпуса.

Я же слушал, а внутри все холодело, трубка в руке трещала, сминаема бесконтрольно сжимающейся ладонью, глаза же немигающее уставились в одну точку и не моргали — внутри росло нечто жуткое. Мать еще что-то говорила, а на мне уже была ветровка и штаны, а через миг хлопнула и входная дверь. Дома, дорога, деревья, редкие прохожие слились в сплошную линию, так бежать, как я сейчас, вряд ли способен хотя бы каждый пятый. Я несся вперед почти не касаясь земли, плети вспарывали асфальт и кидали тело вперед, придавая ему дополнительное ускорение, и если бы не чужие глаза вокруг, то вообще бы поднялся в воздух и уже был бы на месте. Еще не добежав до их многоэтажки, уже стал различать рев и грохот беснующегося нечто, по спине разом прошла рябь мурашек, так горланить могло только что-то очень крупное. Но пришедший страх пробрал не за себя, и я ускорился еще больше, понимая, что рискую быть замеченным. Резкий удар потряс воздух и завершился оглушительным скрежетом сминаемого автомобиля. Послышался грохот чего-то вминаемого в бетон и треск, треск, треск. Пять секунд, три, две, и родительский двор предстал передо

мною во всей красе. В глаза сразу же бросилось нечто громадное, метров четырех в высоту и яростно крушащее стоящие во дворе автомобили и два мусорных контейнера. Гигант стоял на четвереньках и взмахами лап ломал оглушительно завывающие сиренами обреченные легковушки, раздолбанные же мусорные контейнеры задевались им лишь по сути дела, вминаемые в стену могучим хвостом. Из двух же открытых подъездов доносилась настоящая какофония из рыка, воплей, рева и треска ломаемых дверей. В мозгу еще мелькнула мысль: "Надо же, у кого-то остались деревянные", а ноги уже несли в сторону знакомого подъезда, стоявшего нараспашку приветливо. В нос тут же ударил незнакомый запах, и мир через мгновение закрутился в кровавом вихре безумия.

Освещение отсутствовало, слух забивал постоянный вой и грохот происходящей вакханалии, слышны были как звереподобные рыки, так и людские вопли вперемешку с матом, и человеческим органам здесь попросту нечего было ловить, что абсолютно не влияло на моих питомцев. И я буквально врубился в пытающиеся сломать сопротивление металлических дверей мохнатые тела. Так что даже если бы они почуяли меня мгновением раньше, их бы это все равно не спасло. Круговерть хаоса завертелась с убийственной скоростью, не было речи ни о какой пощаде или милосердии, это была бойня, фонтаны крови, опорожняющиеся потоками вспоротые желудки и рыки боли, перетекающие в смертельную агонию. Белый уже раз показал, на что способен без моего контроля, и я решил не надевать на него петлю, полностью дав волю и приказав — убей их всех! Сам же метнулся следом и закрутил плети в таком убийственном мареве секущих росчерков, что не обратил внимания ни на опадающие кусочками перила, ни на крошащийся с боков бетон. Вокруг трещало и хлюпало, я оскальзывался, бросал пару плетей на удержание равновесия и рубил, сек, кромсал. Хлесткие удары впечатывали уже безжизненные туши монстров в стену и бетон шел трещинами, рывок вверх раскидал попавшихся на пути зверюг и позволил паре росчерков сорока восьми смертоносных щупалец расчленить еще троих буквально на кусочки, осыпавшиеся позади меня нескладным строем — первый пролет оказался свободен. С девятого же этажа собирал кровавую жатву Белый, и я знал, у него это получается куда лучше, чем у меня. Его зрение показывало просто чудовищную мясорубку. Это подстегнуло, заставив ускориться еще больше и буквально укрыть второй и третий этажи кровавым фаршем, заставляя воздух гудеть от проносащихся с ужасающей скоростью плетей, перекрывая оглашавшие до этого этажи вой и рев. Все происходило в доли мгновения и почти на рефлексах, обхвативший голову фамилляр вылупился во все стороны шестью парами глаз и не упустил из виду ни одной детали, по венам же будто бежал огонь. Меня распирало от потоков энергии, буквально выжигая в теле желание двигаться, наносить удары и все ускоряться и ускоряться. Обычное легкое жжение, приводящее организм к повышенной степени отдачи, сейчас вылилось во всепоглощающий пожар, подстегиваемый лишь одной мыслью: "Не позволю, не дам, не вам!" И я рубил, кромсал и рвал на части, одежда пропиталась кровью, во рту стоял отвратный привкус, и остановиться теперь было ох как сложно, я словно вошел в раж. За мои три этажа Белый уничтожил пять, оставался последний и, не желая причинить питомцу вред или, что еще более вероятно, самому схлопотать от него, мозг отдал приказ телу остановиться. Но не тут-то было, сделать это оказалось намного сложнее, меня тут же скрутило, внутри словно свился кубок дерущихся гадюк, кусающих не только друг друга, но и все, что попадет на глаза. И если бы не плети, на ногах бы я не удержался, учитывая тот слой кровавого месива, что теперь устилал чуть ли не каждый этаж. Черт, похоже, перестарался. Постепенно меня отпускало, но слишком

медленно, на будущее придется придумать, что делать с переизбытком энергии и откуда она взялась, сейчас же, оставалось лишь стоять и кривиться, боль терзала та еще, то отпуская, то вновь накатывая волнами и заставляя зло шипеть от пренеприятнейших ощущений.

Через мгновение рядом остановился Белый, чистенький и свежий, словно это не он только что вымарал шесть этажей в красный цвет. Стало смешно, но очередная волна боли превратила усмешку в оскал, вот сука! Меня опять скрутило. Так, пора на выход, впереди еще один этаж и пациент во дворе. Не рискуя идти по всему этому месиву, поднялся на плетях и понесся вниз, послав импульс Белому разведать обстановку.

Черт! Как не вовремя, за всем этим хаосом прохлопал появление нашего бравого Корпуса, ребята споро выскакивали из фургонов и окружали продолжающее бесноваться чудище. Откуда-то появились прожекторы и шесть мощных потоков света враз накрыли здоровенную фигуру, высветив в подробностях ее внешние детали. Сказать, что тварь была особо страшна, я бы не сказал, видел и похуже, но вот размеры и сила действительно впечатляли. Вполне возможно, что и сама ее шкура была такой толщины, что никакие мечи корпов просто не смогут ее взять. Ну да им это и не понадобилось.

Рассредоточившись по периметру, фигуры в черных комбезах вскинули к плечам то ли автоматы, то ли еще что, и пространство двора накрыло громким повторяющимся "пф!" Тварь тут же заметалась, оглашая двор разъяренными воплями, но так ни до кого добраться и не успела, начав медленно заваливаться на бок. А корпы все лупили и лупили по ней из своего оружия, продолжая шпиговать уж и не знаю чем, но довольно эффективно. Монстр отдал концы буквально за пару минут, я бы так, наверное, не смог. Хотя почему нет, мне то до задницы вся его броня, плети просто превратили бы в фарш все его внутренности, прежде чем он заметил бы меня, или того проще, натравил бы Белого и дело с концом. Горячка боя в крови еще не схлынула, и адекватно соображать получалось не сразу, надо это взять на заметку. А то поначалу сам думал кинуться в бой, так корпы опередили. Лицо опять исказила гримаса, да что ж оно не отпускает-то!

А потом отряд патруля разделился на два ручейка и споро потек в направлении обоих подъездов, выделив во второй людей побольше, так как из моего уже не доносилось ничего, кроме тишины и слабых, на пределе человеческого слуха, капающих звуков. Черт, куда деваться-то? Я метнулся наверх и, особо не раздумывая, вскрыл балконную дверь, попросту снеся скобы с замком. Потом несколько хлестких ударов рассекли бетонные перемычки, открыв наружу примерно моего размера свободное пространство, и моя тушка совершила первый в своей жизни прыжок с высоты трех этажей. Закрыв лицо, скрестив перед ним руки, сиганул вперед и тут же вцепился плетью в бетонные переборки балкона ниже, рывок вниз и ноги ступили на козырек подъезда. Из крайнего фургона тут же выскочили две фигуры и ринулись ко мне — блин, не уйти, спалили. Через секунду они уже держали меня на прицеле, а через две летели в стороны, широко раскинув конечности и выронив оружие наземь. Я наклонился и бегло осмотрел похожие на автоматы штуковины: широкий раструб внутри был поделен на шесть секций, явно служащих для выброса смертоносного гостинца, а в остальном они вполне походили на какой-нибудь автомат или винтовку, моих познаний в этом явно не хватало. Задерживаться же дольше было абсолютной глупостью, и я метнулся в сторону под самыми окнами первого этажа, стараясь держаться в тени. Скучного дворового освещения не могло хватить, что бы определить меня как кого-то конкретного, а бьющие вверх и в стороны прожекторы корпусовцев имели слишком большую фокусировку, опять-таки нисколько меня не задевая. Нона всякий случай Белого я повел за собой через дом, а

щупальца и фамильяра спрятал сразу же, как только очутился на земле. По идее, должно пронести.

Потом был круговой забег и обходные маневры, выведшие меня, в итоге, к родному двору. Дышалось тяжело, видно, не готов я еще для таких подвигов, но дело сделано, и жалеть было не о чем. У родителей хоть и стояла металлическая входная дверь, но на первых двух этажах подобные ей уже были наполовину выломаны и торчали раскоряками, держась лишь на все еще удерживающих их петлях. Жить на первый взгляд которым оставалось не так уж и долго. И то, что жильцы в спешке пытались баррикадироваться шкапами, диванами и прочей мебелью, не очень-то им и помогло бы. На самом деле кишачие на этажах твари были более чем опасны, и при необходимом времени могли буквально повырывать каждую дверь одну за другой, и людей тогда бы уже ничего не спасло.

Собственная квартира встретила тишиной и покоем, дом пребывал в своем обычном вечернем умиротворении и здесь слыхом не слыхивали о творящемся буквально в пяти минутах ходьбы кошмаре. А если и слышали, то могли просто не придать особого значения. Скинув с ног обувь, прошел в ванную. Там сбросил на пол все оставшееся, забрался под душ и закрыл глаза. В памяти проносились отдельные моменты схватки, куски тел, выпученные желтые глаза, оскаленные пасти, сминающиеся под мощью ударов Плюща, отдельно всплывали отрывки кровавой вакханалии у Белого, тот действовал более аккуратно и быстро, просто проносясь сквозь толпу и вскрывая туши зверюг от морды до хвоста, оставляя после себя падать на пол расчлененные тела. Скупое и эффективно, в то время как у меня получилось больше эффектно, чем толково. Корпы небось до сих пор не могут понять, что там произошло, но отмывать подъезд с этажами будут еще не один день. Меня, наконец-то, отпустило, позволив успокоиться и больше не ловить одну за другой спазмы боли, периодически прошивающие мое нутро, и я смог вздохнуть свободно. Струи стекали вниз, разбавляя поначалу ставшую красной воду и приятно расслабляя тело — хорошо! Потом закинул в стиральную машинку ветровку с нижним и занялся обувью, мда, просто щетка тут не поможет. Так что пришлось остановить начавшую уже было свой бег стиралку и закинуть в нее и кроссовки. Все, осталось только протереть слегка замаранный пол и можно будет с чистой совестью расслабиться на диване, предварительно звякнув родным.

В дверь кто-то застучал. Что за? Я никого не жду. Но мгновением позже всплывшая в голове догадка заставила скривить губы в усмешке, вот же проныры, только хрен вам. Наскоро протерев пол, с тряпкой в руке и издевательской миной поплелся открывать. И, как и ожидал, увидел на пороге не кого иного, а именно ее:

— Чего? — неприветливо бросил вместо приветствия.

— Вечер добрый, у вас я смотрю уборка? Не поздновато ли?

— Чего? — повторил я, состроив дебильную физиономию.

— Вы куда-нибудь отлучались в течение последнего часа? — Татьяна пристально посмотрела мне в глаза, но тут же отвела взгляд.

Я ухмыльнулся:

— А что, опять что-то не так? Или очередные предложения на ночь глядя? — и с намеком оглядел ее снизу вверх.

— Перестаньте паясничать и одевайтесь, хочу вам кое-что показать.

— Не пойдет, даже милиция по закону не имеет право без оснований забирать в такое время.

— Давайте только без упрямства, к тому же, это касается и ваших родителей.

— Что? — сделав испуганную рожу, мигом бросился к телефону.

Минуты три она стояла и наблюдала мою спину, пока я выяснял, что да как с моими предками, мать была слегка напугана, но держалась, остальные же были более чем в порядке, в общем, как и думал.

— Вынужден изъяснить вам мою благодарность, — повернулся я к ней, — спасибо, — и картинно поклонился, поведя в сторону рукой с тряпкой.

Она не выдержала и сделала пару быстрых, решительных шагов в мою сторону, сразу же попав в переплетение шупалец, ох, не доверяю я тебе, корпа, ох, не доверяю. Стала почти вплотную и едва слышно прошептала:

— Когда-нибудь прятки кончатся и вам придется пожалеть, но будет уже поздно.

И я вдруг не сдержался, даже не прошептав, а почти прошипев в ответ:

— Тогда молитесь, что бы это "поздно" не оказалось по вашей вине, — и в голосе, видно, прозвучала такая угроза, что девушка отшатнулась, по новому взглянув на меня и, буркнув "Всего доброго", как-то быстро вылетела вон, захлопнув на прощание входную дверь. Я же как дурак стоял и пялился ей вслед — ну идиот, ну кретин, это что сейчас только что было? На хрена такое ляпнул? Не выдержал, сорвался? Из-за чего? Черт! От досады даже бросил тряпку на пол. Ладно, все равно уже ничего не изменишь, будет как будет и, вздохнув, пошел заканчивать марафет.

Наутро опять прозвонил предкам, у тех еще всю хозяйничали на этажах корпы, но сами жильцы уже чувствовали себя в порядке и всю обсуждали вечернее происшествие. Убитая накануне тварь и два зачищенных подъезда вселили в сердца людей веру и благодарность в спасших их корпов, что, в принципе, всем было только на руку. Во дворе уже стоял фургончик местного канала и всю брал интервью у высывавших на улицу жильцов.

— Так что все в порядке, не волнуйся, все живы, все здоровы, — в который раз повторила мать, по видимому все еще не отошедшая от произошедшего.

— Ты уверена, что мне не стоит приходить?

— Да приходи когда захочешь, тут, к тому же, такое: и журналисты приехали, и Корпус еще здесь, весь двор людьми забит.

— Ясно, тогда как-нибудь в другой раз, у меня дела.

— Хорошо, удачного тебе дня.

— Пасиб, мам, и тебе.

Фух, вот оно как, теперь многоэтажка будет как рассерженный улей шуметь и гудеть еще не одну неделю. Благо хоть не пострадал никто, для них все произошло за закрытыми дверями, правда с жутким звуковым сопровождением, а некоторым семьям пришлось даже защищаться, пуская мебель на баррикады, но в тот вечер даже капли человеческой крови не пролилось. Что для меня было сродни чуду, после всего того, что там видел. Неизвестный враг явно активизировался, твари стали многочисленнее и разнообразнее, чего стоит появление одного того же гиганта. Настроение было если не мрачное, то уж удрученное точно. Вспомнилось оружие корпов, как они буквально за минуты свалили ту громадину и тут же ринулись дальше, слаженно, отточено, грамотно. Тогда те двое, начни они первыми, вполне могли оставить меня лежать на земле, и никакой уверенности в том, что плети успели бы перехватить выпущенную в меня смерть или им просто хватило бы сил это сделать у меня не было. И это нервировало, особенно сейчас, когда начал прорабатывать возможные варианты. Так как одно дело повздорить с бабой, и другое с целым отрядом

обученных бойцов, ну его в пень такие шутки.

Хотя сама эта ситуация заставила всерьез задуматься — а что если? Что я смогу противопоставить, если возникнет такая необходимость? Да расстреляют издали как собаку, ну, убьет Белый двух или трех, так остальные наспигут по самое не хочу. Значит, при таком раскладе наиболее приемлемым станет крошить их с помощью Белого, а самому отсиживаться где-нибудь в безопасном месте. А потом раздавшаяся трель мобильного отвлекла от раздумий и заставила тащиться в коридор.

— Да?

— Ждем вас через десять минут внизу, — послышался в трубке знакомый женский голос, — и не вынуждайте меня тыкать вам в лицо постановлениями и указами.

Черт, вот сучка! Отключив мобилу, стал раздраженно натягивать штаны, свитер и куртку, так, на всякий случай, хрен ее знает, сколько надумает таскать меня за собой. Фамильяр привычно устроился на правой руке, обвив хвостом и лапками все предплечье, щупальца скрутил и втянул под одежду, вот только Белого пока не было никакой возможности спрятать, ну да на этот счет есть у меня кое-какие мыслишки, проверить бы их только, да времени все нет. Внизу уже действительно ждали, знакомая точеная фигурка в обтягивающем сером костюме со знаками отличия корпов и два амбала с закрытыми масками лицами. Эскорт, что ли? Изобразив на лице недоумение и спустившись по ступеням, спросил:

— С чего вдруг такое внимание? — показал глазами на парней.

— Меры предосторожности, не более, — последовал холодный ответ, садитесь.

Я глянул на распахнувшего мне дверь корпа и покачал головой:

— Вы говорили, что есть какие-то указы и предписания, можно взглянуть?

— Конечно, — девушка выпростала из-за спины руку и протянула мне несколько листов.

Вот черт, будто ждала этого. Естественно, я ни хрена толком не знал, как должны выглядеть подомные документы, но все-таки пробежал глазами, уловив суть и предмет бумагомарания, плюс внизу стояли подписи мэра, какого-то милицейского чина и еще парочка, убедительно, одним словом. В общем, как полному профану пришлось покивать, скривиться и вернуть бумаги обратно, про себя понадеявшись на достоверность и законность предъявленных мне писуллек.

— Удовлетворены?

— Нет, не разбираюсь я в этом, так что обмануть меня вам было раз плюнуть.

— Вы так считаете?

— Я надеюсь, что это не так, иначе наши с вами отношения станут еще более натянутыми.

— Вот как, — она холодно улыбнулась, — знаете, я совсем не понимаю вас, вы ведете себя как ребенок, хотя все прекрасно осознаете.

— Вопрос, как всегда, в доверии, не правда ли? — бросил, уже забираясь в салон, и все это время Белый находился рядом, так, для подстраховки.

— Вот как, и почему же вы нам не доверяете? — Татьяна опустила рядом, предоставив возможность двум своим телохранителям занять два передних сидения.

— Не конкретно вам, скорее системе, которая в любой удобный для нее момент банально кинет, и без разницы, какие хорошие люди стоят у нее на службе.

— Понятно, типичный городской обыватель, один из толпы.

— Именно, — кивнул и посмотрел на девушку, — так чего надо?

Она вздохнула.

— Нужна ваша консультация.

— С чего вы решили, что именно я и смогу вам помочь?

— Может, хватит уже врать? У вас довольно бездарно это получается.

— Не имею понятия, о чем вы, — отвернулся я к окну.

— Давайте на чистоту, Владимир Васильевич, — машину тряхнуло на ухабе и девушку слегка в меня вжало.

— Попробуйте.

Она отстранилась.

— Мы прекрасно осведомлены о, скажем так, параллельном и мире и обитаемых в нем существах, но совершенно не имеем понятия как с ним работать.

— И причем тут я?

— Да притом, что у вас-то как раз с этим никаких проблем нет.

Ага, знала бы ты, какие у меня со всем этим бывают проблемы. Да и опять-таки, уже сейчас Корпус стал такой силой, что не считаться с ним просто не получится, а получи он в свое распоряжение возможности кошмаров, вполне резонно предположить, кто станет вскоре у руля государства, так что нет, слишком уж неприятные перспективы рисуются, не видать вам моей помощи.

— Продолжаете верить в сказки?

Девушка покачала головой:

— Вы даже не представляете, насколько все серьезно, и то, что нам предстоит впереди, гораздо хуже нынешних цветочков и потребует абсолютно все, что мы только можем предоставить.

— И что же нам грозит? Вы не в силах справиться со стаями собак-переростков?

— Это только начало, не будьте глупы.

— Начало чего? Вы ведь ничего не говорите, СМИ молчат, все покрыто тайной, народ уже и до оборотней додумался, коситься начинают по сторонам.

— А что говорить? Вы хотите увидеть панику и обезумевшие толпы перед концом света?

— Так уж и перед концом, — ухмыльнулся я.

— Утрирую, конечно, но альтернатива та же: кто-то пойдет в разгул, возрастет количество нарушений, краж, нападений и всего прочего, с чем пока еще удастся справиться. Правда нужна только тогда, когда она уместна и несет благо, а когда она во вред, ее логичнее придержать.

— Ясно, то есть пусть больной раком продолжает спокойно жить и ни сном ни духом что завтра-послезавтра может окочуриться.

— Примерно так.

— Вот почему я вам и не верю, из-за такой логики мы все сейчас имеем то, что имеем. Учимся обманываться с детства, и продолжаем вплоть до самого гроба.

— Вы опять неверно толкуете мои слова. Вам будет предоставлена вся полнота данных, и вы же будете вынуждены хранить их вместе с остальными, оберегая граждан, как от правды, так и от нависшей над всеми нами угрозы. Обыкновенная целесообразность во избежание жертв среди толпы.

— Ну да, идеалы, воспетые в веках.

— Тяжело с вами, Влад, — она впервые назвала меня по имени.

— А уж как я рад вашему вниманию, Татьяна.

Она слегка улыбнулась, оценив сарказм и решив сменить тему:

— Как ваши родители, и десятки других, получивших своевременную помощь Корпуса?

— Прекрасно, надеюсь, он и дальше будет так же вовремя исполнять свои обязанности.

— Естественно, хватало бы лишь сил и возможностей.

— Верю, вам хватит и того и другого.

Девушка отвернулась к окну, разглядывая мелькающий за ним пейзаж. О чем она сейчас думала, было нетрудно догадаться. У нее стоит задача обработать меня и привезти уже лояльным и согласным на все, что только не потребуется, примерно так. Только вот найти ко мне подход у нее вряд ли получится. С одной стороны я прекрасно понимаю их позицию и вполне готов осознать необходимость сотрудничества с корпами, с другой же абсолютно непонятно, на какой потенциал они делают основную ставку. Если на своих бойцов, то моя помощь им не суть как важна, разве что в дальнейшем для отстаивания своих интересов. Если же на таких, как я, то тогда уж слишком все печально, не представляю даже, как с десятком мне подобных сможет противостоять ракетам, пулеметам и всему такому. Получается, что опять-таки чего-то не знаю, или же у них достаточно далеко идущие планы, что бы оценить все плюсы использования кошмаров. Благо, их возможности я им уже частично раскрыл. И система банально хочет иметь и контролировать подобных людей, или... это "или" мне не понравилось. Если меня сейчас везут именно для этого...

Девушка или увидела изменения на моем лице, или просто поняла, о чем думаю, но тут же накрыла мою ладонь своей и, стараясь хоть какое-то время не отводить взгляд, выпалила почти скороговоркой:

— Тебе не о чем беспокоиться, мы все еще хотим добиться твоего расположения и увидеть в своих рядах, там, куда мы сейчас едем, тебя ждут одиннадцать ребят с просто уймой вопросов, на которые ответить можешь только ты. Просто доверься, посмотри на них, и уже потом решай, двое из них еще с утра мучаются головными болями, и наши специалисты ничего не могут с этим поделать.

Черт, и что теперь прикажете мне делать?

— Это не обязательно, — кивнул на ее ладонь.

Она тут же убрала руку и с заметным облегчением отвела взгляд.

— Хочу знать о тебе, — в голове билась догадка, но услышать это из ее уст было вернее.

— Что именно? — девушка сделала заинтересованный вид.

— Ты знаешь, или будешь лгать?

Та поерзала и уже по новому, как-то сосредоточенно на меня посмотрела.

— Это закрытая информация и тебе я рассказываю вполне по определенным причинам.

Я кивнул, как же, знаем мы эти причины.

— Уже давно существуют люди с разного рода редкими чертами и возможностями организма, в последнее же время их количество значительно увеличилось, как и качественный показатель их способностей. Я способна разбираться в окружающей людей атмосфере, улавливая их настроение и тому подобное.

— В смысле "в атмосфере"?

— Каждый человек своими эмоциями и действиями как бы формирует вокруг себя свое собственное поле влияния, и я могу разобраться в нем, понять его настрой и направление желаний.

— И что было пару минут назад?

Она как-то странно посмотрела:

— Ты готов был убить нас?

Сидящие впереди корпы враз повернули к нам головы, но девушка успокаивающе подняла ладонь и продолжила:

— Это все из-за недоверия? Ты бы сделал это?

Вот же ж! И сам ведь не знаю, что сделал бы. Если бы они хоть как-то проявили агрессию, бросились или еще что, убил бы не задумываясь, во мне уже давно что-то поменялось на этот счет, изменялось не только тело, но и психика, мораль. А так, при полном их спокойствии лишь на одних своих подозрениях — кто его знает, хотя вряд ли, не настолько я циничен.

— Уговорила, посмотрю на ваших птенцов, но не более, — буркнул и понял, что капитулировал, первый шаг сделан.

Она кивнула и, по моему разумению, что бы закрепить успех, стала рассказывать о происшествиях в городе. Голос у нее был приятный, да и внешность, чего уж врать, тоже ничего, так что слушалось ее хорошо, к тому же выдаваемый мне материал в СМИ не особенно и разглашался.

Оказывается, это было не первое такое нападение на жилой дом, по городу было зафиксировано и отработано еще два подобных случая, и везде при своре этих псевдособак присутствовал аналогичный гигант, крушащий дворные постройки, детские площадки, автомобили и мусорные баки. Почему они при всей своей силе не атаковали нижние этажи, выяснить не удалось. Но везде присутствовала одна и та же стратегия: твари прорывались в подъезд и пытались вломиться в квартиры используя клыки, зубы и свою многочисленность. В общем, в каждом доме было уничтожено порядка пятидесяти подобных особей и по одной гигантской твари. Что было странно, понять, откуда они приходят, оказалось невозможно, никто ничего не видел и не слышал. Просто враз нарастала какофония рева, лая, треска и грохота ломающегося имущества жильцов, а когда те выглядывали посмотреть, что происходит, то в ужасе бежали закрываться еще больше и названивали диспетчерам Корпуса. В итоге за эти три происшествия только последнее не принесло жертв, предыдущие унесли жизни двенадцати человек. Некоторых поймали на этажах, к некоторым вломились в квартиры, но исход был всегда один и тот же. Несчастных живьем разрывали на куски и пожирали, по словам экспертов, смерть у бедолаг была очень не легкая.

— Теперь понимаешь, почему нам важна каждая возможность дать отпор?

— А если бы люди были в курсе происходящего, как думаешь, стояли бы двери подъездов на распашку, слонялись бы люди без необходимости по этажам и, уж тем более, по улицам? — ответил я вопросом на вопрос, — Как отреагируют родственники погибших, если узнают, что Корпус уже тогда все знал и готовился к чему-то подобному?

Она молчала, странно уставившись себе на руки.

— Молчишь, — сказал я уже тише, — а ведь это все сторона одной монеты: с одной вы, Корпус со своей логикой и принципами, а с другой народ, бездумная толпа в вашем разумении.

— Все не так просто, — наконец выговорила девушка.

— А я и не спорю, просто смотрю не с вашей стороны монеты.

— Ясно, — она кивнула, — но помощь между сторонами обязана быть, иначе сейчас не выжить.

— Будто бы я спорю, — буркнул слегка раздраженно и уставился в окно, говорить не хотелось, то, что подсознание чувствовало еже давно, только сейчас было облечено в слова и понимание стало более ясным, приобрело цвет и контраст. Отчего на душе не стало легче, двенадцать человек оказались сожраны заживо, в нескольких метрах от умирающих родных и близких. А ведь там вполне могли быть дети, женщины. Уже б давно где надо заварили и укрепили первые этажи, провели информационную работу, что бы горожане осознавали степень угрозы и относились к собственной безопасности соответственно. А так, что толку говорить, все ложиться на плечи самих утопающих, а власти, обязанные по идее осуществлять эту самую безопасность, думают непонятно о чем.

Так мы и въехали в расположение Корпуса, думая каждый о своем и бесцельно таращась в окна. Девушка спрыгнула на землю передо мной и, дождавшись, когда я выйду, указала рукой направление:

— Нам сюда.

Впереди был очередной склад, с виду неброский и требующий ремонта, но явно с абсолютно другим наполнением внутри. И я не ошибся. Здесь было обустроено что-то на подобии лаборатории с целой кучей неизвестных мне приборов, станков и аппаратов, часть из которых попискивала, мигала или выдавала небольшие серии неприятных звуков. Сразу же захотелось ковырнуть пальцем в ухе, но я сдержался. Пройдя по небольшому коридору, вышли в достаточно большое помещение, предназначенное, скорее всего, для каких-то испытаний, так как стены, пол и потолок отливали просто сияющей белизной и единственное, что еще было в этой комнате, это камеры в углах, двенадцать стульев и одиннадцать пар глаз, устремленных только на меня, вот те на, приехали.

Татьяна вышла вперед и народ сразу же повскакивал, вытянувшись по струнке, но было видно, что получается это у них плохо. Девушка же, оценив рвение подопечных, кивнула и решила начать с моего представления:

— Знакомьтесь, это Владислав Васильевич, — я поморщился, и девушка тут же поправилась, — можно просто Влад, если он не будет против.

Народ кивнул и она продолжила:

— Напоминаю: не перебивать, перед вопросом называть свое имя, — и повернулась ко мне, — они твои.

Почему-то так получилось, что переход на "ты" оказался почти незаметен и естественен, сгладив острые углы в отношениях и придав нечто новое, о чем я пока еще не задумывался, но уже ощущал — оно есть. Ладно, гляну, что у них тут и как. Белого пока оставил за порогом, что б не обосрались, так что начать можно с простого — с вопросов, но для начала:

— Раздевайтесь.

Немая пауза.

— В смысле? — спросила одна из девушек.

— В прямом, до нижнего белья.

Народ сразу перевел взгляды на стоящую под стеночкой Татьяну, и фамильяр, еще сразу вытянувший в ее сторону глаз на щупальце, передал ее кивок. Так что те повставали с мест и начали разоблачаться. Всего передо мной сейчас находилось семь парней и четыре девушки, и последние, должен признать, были очень даже ничего, уже оформившиеся и с аппетитными выпуклостями в нужных местах. Лет по двадцать, двадцать пять примерно, не больше. Когда последние штаны и юбка были сняты, я бегло осмотрел чистые животы, грудь,

руки ноги и скомандовал повернуться спиной. Ага, вот оно, у двоих явно были поселенцы. Но это не значит, что у остальных нет ничего подобного внутри, такого со счетов я тоже сбрасывать не мог и, пользуясь тем, что они меня не видят, стал смотреть через фамильяра. Кишки, кости, мясо, кровь — все как обычно, присутствие кошмара внутри их тел обнаружилось бы сразу. Что ж ладно.

— Одевайтесь, — народ споро стал натягивать одежду, периодически косясь то на меня, то на стоящую в стороне девушку.

— Ты и ты, как вас зовут, — обратился к двум счастливым обладателям личных кошмаров.

— Павел.

— Кристина, — отозвались они невпопад.

Я кивнул.

— Хорошо, теперь вопросы, давайте по порядку, — и посмотрел на парня слева.

Тот замялся, но тут же нашелся и спросил:

— Максим, это как-то влияет на наше здоровье?

И я понял, что не то что бы ничего, они вообще ни хрена не знают, абсолютно.

— Как-то влияет, — подтвердил, улыбнувшись.

— В смысле, негативно? Будут осложнения, травмы и прочее? — не сдавался парень.

— Будут, но все зависит от вас.

Татьяны сзади нахмурилась.

— Они точно нас не видят? — продолжал допытываться Максим, на вид ему было лет девятнадцать, не больше.

— Не видят, — покачал я головой, — тебя не видят, — и понял, что больше-то спросить ему и не о чем, так что перевел взгляд на следующего, давая понять, что уже его очередь.

— Антон, ими можно научиться управлять?

— Нет, нельзя.

— Почему? У тебя ведь выходит.

— Конкретно из вас на данный момент научиться этому могут лишь двое.

Татьяна и прочие тут же глянули на Павла с Кристиной.

— Почему так, в чем разница?

Я пожал плечами:

— У них есть определенные признаки, у вас нет.

— Вы про их звезды?

Пришлось кивнуть, а что еще делать, ребята ведь их явно видели, и врать я не видел смысла. А то, что оседлавшие эту парочку кошмары были отдаленно похожи на мою Звезду Смерти, заметил еще сразу, но виду не подал, да и толку с этого, сам еще пока во всем не разобрался.

— Мы их можем как-нибудь заполучить?

— Без понятия, они сами появляются и сами выбирают кого и когда.

И ведь не солгал, и не сказал всей правды. Уже давно подозревал, что мой захребетник является инициатором и главным двигателем развития всего этого, но прямых доказательств, опять-таки, не было.

— То есть нам просто ждать?

— Ничего другого посоветовать не могу, — да и не хочу, добавил про себя.

Далее были еще вопросы, ребят интересовала, в основном, всякая ерунда и, по сути, не

стоящая сейчас внимания мелочь, но когда подошла спрашивать очередь Павла, Татьяна стала прямо-таки сама сосредоточенность. И я не смог не обернуться и не улыбнуться насмешливо. Та поняла и тут же взяла себя в руки, скривив мне ответную рожицу, чего я от нее ну никак не ожидал. И тут же по ее лицу понял, что она правильно оценила мои эмоции, приняв правила игры, вот чертовка, и опять увидел ее усмешку. Черт! Отвернувшись, хмуро кивнул парню.

— Павел, чего нам ожидать в дальнейшем?

В самую точку.

— Найди себе тварь по вкусу и накорми ее эмоциями.

Он мгновение помолчал, явно раздумывая, и тут же переспросил:

— То есть как, накормить? Наорать?

— Да как хочешь, главное, что бы на нее было направлено как можно большее количество эмоций, и что б покачественнее. Если злишься, то уж постарайся так, чтобы не ударить, а убить, или если смеешься, то не до болей в челюстях, а до разрыва лицевых мышц, так понятнее?

— Да, — тот кивнул, — а потом?

— А потом жди очередного прихода и постарайся, что бы у тебя уже был заранее определен кошмар и как можно ближе.

— Понял, а почему кошмар?

— Мне так больше нравится.

Он кивнул, и я перевел взгляд на Кристину.

— Кристина, как правильно выбирать кошмара?

Черт, эти двое из меня так все сокровенное вытянут. Я долго смотрел на нее, вынуждая прятать глаза, взвешивая, стоит ли отвечать или нет, но потом вздохнул и произнес:

— Кошмары все разные, у каждого вида свои способности и возможности, определить которые вы сможете, банально наблюдая за ними, — и широко улыбнулся.

Татьяна было дернулась, но сдержалась.

— А вы не можете нам помочь?

— Не думаю, что это сейчас входит в мои интересы, — осклабился я еще шире.

— Подождите нас пару минут, — вмещалась-таки корпусовка и, наклонившись над моим плечом, произнесла, — выйдем?

Я безропотно встал и последовал за девушкой в коридор. Белый все это время мониторил его пространство и опасений по поводу какого-либо подвоха с ее стороны у меня не было. Один на один она мне не противник, по крайней мере, пока.

— Влад, у тебя есть жизненно важная для них информация и ты ее намеренно скрываешь. Представляешь, сколько времени ты нам сэкономишь, если поможешь? Зачем тебе это? Я думала, мы договорились.

— А о чем мы договорились? — холодно посмотрел на нее.

— Что ты поможешь ребятам, действительно поможешь, а не отмахнешься парочкой почти ничего не значащих ответов. Научишь, в конце концов, что правильно, а чего делать нельзя, для нас это настоящее минное поле, неужели не понимаешь? — ого как настропалилась, я даже немного остыл, слегка пораженный пылкостью ее ответа.

— Видишь ли, у меня все еще нет ни грамма веры вам, и давать в ваши руки оружие, которое наверняка потом обернется против людей — нет уж, это без меня, — но уже по ее глазам видел, что это не про нее.

И она поняла это, что не про нее так думаю, а потом, наверняка, связала два и два и получила ответ, так как следующая ее фраза была почти точной копией того, чего я и ждал:

— Дай бог, что бы мы до того дня дожили, ладно, тебе есть еще что сказать им?

Я покачал головой, с сожалением глядя на девушку.

— Что, не веришь, что хочу лишь хорошего? — подняла она на меня глаза и наши взгляды встретились. И я по наитию, наклонившись к ее щеке, еле слышно прошептал:

— Верю, только не сможешь, не дадут, — и медленно пошел по коридору.

Она нагнала меня через пару мгновений и молча провела до выхода с базы. Потом сняла с пояса рацию и вызвала машину, почему-то избегая встречаться взглядами. Когда подъехал джип, она кивнула на меня водителю и обернулась ко мне:

— Доставят домой, — и, развернувшись, пошла прочь.

А на душе почему-то было гадко, не знаю, возможно, она все-таки умела не только улавливать, но и влиять на эту самую "атмосферу", или же ситуация сама по себе оказалась не ахти какой. Так что ехал обратно без настроения, говорить не хотелось, и пробовавший пару раз завязать разговор парень в конце концов отстал. Мда, и что не так? Сказал ведь чистую правду, то, что думаю, и то, как есть, ведь не стала опровергать, или просто не посчитала нужным? Вот и параллель, как с монетой: она бы на моем месте утаила суть, а я сказал, и стало только хуже. Мораль? Конечно есть — лучше херово сейчас, чем во сто крат хуже, но потом. К черту все, не буду заикливаться и точка, с семьей все в порядке, сам не бедствую, хоть и опять временно безработный, но сбережения остались, так что лично у нас все хорошо. И я постараюсь проследить, что б так и было впредь.

Следующая неделя напрочь выбила из головы все переживания минувших дней — я опять болел, мне опять было херово. И то сказать, болел, это слишком обобщенно, на самом же деле мое состояние было довольно трудно описать словами. По началу пришла необычная легкость в районе груди, простояв так несколько дней и дав к себе привыкнуть, она стала шириться и остановилась уже около пупка, слегка напоминая по ощущениям те далекие счастливые времена, когда еще мальчишками на всех парах разгоняли качели и в животе будто все взлетало, становясь невесомым и легким. Только сейчас все казалось несколько иначе, нутро оставалось на месте, в неподвижности и спокойствии, а вот само ощущение полета ощущалось неким чужеродным. Пока я опять не привык к нему, и пока оно опять не стало шириться. Плюс ко всему пришли сны, один такой уже посещал меня однажды, когда в животе ощущалась сплошная пустота, ну да теперь оно снилось в более детальном аспекте, буквально замещая собою реальность и не давая сообразить, сплю я еще или нет. Наутро после такого хотелось то смеяться, то плакать, а иногда и все разом, эмоции крутило как хотело. Кошмар, в общем.

И в таком состоянии ходил на рынок, к родителям, занимался с кошмарами, с непонятым настроением ожидая следующей ночи. С одной стороны мне было хреново от всего этого, с другой достаточно необычные переживания вызывали интерес и желание посмотреть, что же будет дальше. Чудно, в общем, и если бы убрать все те моменты, когда я буквально корчился на полу в рыданиях или заливался безумным смехом, стибаясь чуть ли не пополам, то можно сказать, что мне даже нравилось.

А потом все прекратилось. Ушли сны. Ушли плач навзрыд и безудержный смех. Все ушло. Осталась только пустота, заполнившая собой всего меня, каждую клеточку, каждый сустав. Я ощущал ее физически, как ощущается приложенный к виску палец или слегка прижатая к бедру ладонь. Только ощущения приходили изнутри, будто все то же самое происходило под кожей, мясом, костями, сразу везде, но внутри. Странно, в общем, но ничего смертельного или болезненного за прошедшие затем пару дней не произошло. Только пустота стала более привычной. А через еще пару дней я буквально охренел от того, что произошло.

Я тогда отрабатывал с Белым и Плющом круговую оборону, заставляя их обоих полосовать воздух ударами вокруг меня, образуя своего рода защитную сферу. Причем основным условием было не навредить кому-нибудь из нас троих, и мои кошмары с этим прекрасно справлялись. Плети рвали пространство с поразительной быстротой, успевая за секунду нанести каждым из сорока восьми хлыстов по несколько ударов, а Белый, пройдя сквозь меня, пропахивал воздух вокруг не менее мощными, но чуть более медлительными ударами. И именно тогда, когда он стоял буквально во мне, я вдруг понял, что могу. И его не стало. Просто был и исчез, в мгновение ока. Плети разом опали, но тут же встали защитным частоколом, уловив мою настороженность. Я же все никак не мог разобраться в ощущениях и просто офигевал. Нет, Белый никуда не исчез, он был со мной, вернее, во мне, но, как и почему? Ощущение свернувшейся клубочком и мирно застывшей громадной, раз в пять больше меня гадины внутри меня вводило в нехилый такой ступор. Осознать такое оказалось совсем не просто, особенно на фоне проносающихся в голове ассоциаций.

Вот Белый, тварь, рядом с которой я кажусь маленьким и беспомощным, впрочем, как и любой другой человек. И вот он замер где-то внутри меня, и я осознаю, что места там хватит еще не на одну такую тварь, там его еще очень много, этого места. И в следующее мгновение будто выталкиваю кошмара из себя, ощущая его легкое недовольство, впрочем, проходящее сразу, как только он оказывается вовне. Потом легкий толчок изнутри и кошмар без раздумий буквально ныряет в меня, снова исчезая. У меня же появляется ощущения незначительной заполненности, будто касавшаяся все это время изнутри пустота слегка сбавила нажим. Блин, запутаться в ощущениях оказалось довольно банально. В итоге я еще час экспериментировал, выгоняя и загоняя Белого в себя, потом стал делать то же самое еще и с фамильяром, в общем, время до вечера пролетело незаметно, и спать я пошел весьма со странными мыслями.

Наутро же схватил свой блокнот и стал записывать в него все, что приходило в голову: догадки, домыслы, выводы, о пустоте, о Звезде Смерти, о двух других кошмарах. По идее, каждая тварь их мира имеет свое развитие, она растет, возможно, приобретает какие-то качества, или просто улучшает, усиливает уже имеющиеся, как это происходит и почему, мне было неизвестно. Но факт того, что существуют одни и те же кошмары разного размера, на лицо. Значит можно выделить определенные факторы, которые могут влиять на их развитие: время, пища, обстановка. Я уже давно знал, что если сформулировать импульс Белому на подобии "жри, если хочешь", то он не всегда бросался к указываемому ему кошмару. Для меня тогда стал очевидным факт, что необходимость в еде у него, все же, присутствует. Фамильяр же и Плющ оказались веганами и питались хрен знает чем. Но то, что у последнего появилось еще четыре коротеньких отростка, говорило о многом — растем. И вот теперь ситуация с пустотой, меня очень заинтриговал отклик от Белого, когда тот явно не хотел выходить наружу. Ему там что, комфортнее? Тогда решил оставить его внутри хотя бы на недельку и посмотреть, что будет. Но эксперимент должного результата не принес, явных отличий заметно не было. Так что как я ни пытался разобраться в воздействии на своих питомцев новой способности, так ни к чему и не пришел. Разве что теперь можно было прятать Белого, что уже считаю большим достижением. А так все пока оставалось по-старому.

И вот однажды голову посетила мысль, целиком и полностью завладевшая моим сознанием. Я тогда возвращался с ночной прогулки и путь назад решил проделать через давно нехоженный маршрут ввиду его удаленности от места моего обитания. Там нужно было делать просто нереальный крюк по абсолютно неинтересной и необитаемой местности, заброшенный пустырь, как ни как, огороженный стеной и частично превращенный в свалку. Его расположение было таково, что мне бы пришлось буквально дырявить бетон забора, что бы перебраться на ту сторону, а потом по крышам частных домов, что быстрее, или по узким улочкам лавировать и искать выход в нужном мне направлении. В общем, гулял я там нечасто, к тому же эта сторона была в достаточном отдалении от моего обычного маршрута патрулирования. А тут просто захотелось. И как же я потом был рад этому — просто не передать!

В общем, выгнанный для охраны наружу Белый наматывал круги и вдруг замер соляной статуей, так что я почувствовал и тут же подключился, но сначала ничего не увидел, зато потом, потом был своего рода шок, так как видеть такое мне доводилось впервые. Нечто невидное, так как смотрел не насквозь, подтягивало к смятому буквально в гармошку ржавому остову старой нивы осколки кирпича и протаскивало их внутрь, причем сквозь стоявший

метал. Насквозь, черт возьми! Я чуть не сел прямо там, где стоял, а когда мозги заработали в нужном направлении, то просто понесся туда, как сумасшедший. И пока бежал, в голове созревало нечто такое, от чего просто дух захватывало.

А через полминуты уже был рядом с Белым и заинтригованно осматривал логово новоиспеченного кошмара. То, что оно строит именно логово, не подлежало ни малейшему сомнению, так как, обойдя вокруг развалюхи, просвечивающей по сторонам приличными по размерам брешами, обнаружил нечто на подобии кокона, скрупулезно собранного из валяющегося вокруг всевозможного хлама и мусора. Камешки, веточки, осколки кирпича, ржавые железки и прочая мелочь непонятно как образовывали висящую в воздухе неправильной формы сферу, и к ним постоянно добавлялось что-то новое, уплотняя и понемногу увеличивая общий объем. Старатель же был скрыт, судя по всему, в самом центре своего домика, продолжая укреплять его и достраивать. Зачем ему это, у меня не было ни малейшей догадки, но то, что этот кошмар умел протаскивать объекты из нашего мира в свой и выводить их обратно в подтверждении уже не нуждалось. Я минут пять наблюдал за его махинациями, а потом не выдержал и, подобрав с земли металлический прут подлиннее, ткнул в бок сферы. Та колыхнулась, поддавшись тычку и вставая на место, а потом как ни в чем не бывало, продолжила наращивать массу.

Ладно, пора познакомиться поближе, уже давно хотелось взглянуть на тебя настоящего. Белый тут же дал картинку насквозь, но ничего особенного я не увидел, впечатляться было нечем — какой-то бесцветный, вернее просто серый сгусток паутины, только и того, что явно живой, и ничего более. Выбросив нити по всему внутреннему объему сферы, кошмарик протягивал еще несколько насквозь, цеплял валяющийся рядом хлам и тащил к себе, потом шли непонятные манипуляции и кусочек мусора прилипал к основе. Из-за тонкости каждой паутинки углядеть этого паршивца было почти невозможно, потому и казалось в начале, что железячки и камешки сами плывут по воздуху. Однако возможности этого кошмара меня заинтересовали, если не сказать больше и, по видимому, я уже нашел себе очередного питомца.

Аккуратно приблизившись и не увидев абсолютно никакой реакции со стороны этого странного малыша, подцепил кокон палкой и стал его медленно вытаскивать из остова автомобиля. Поначалу шло довольно туго, и кокон делал попытки сорваться, вихля боками из стороны в сторону, но на общем движении это никак не сказалось, а потом, словно была пересечена какая-то черта, и шар из мусора поплыл уже более свободно. Я подхватил его рукой и поднялся, не сводя глаз с замершего внутри хаотичного переплетения нитей — никакой реакции, будто мне привиделось все это. Ладно, придем домой, разберемся. Обратный путь занял времени много больше, чем рассчитывал, так как умудрился-таки заплутать и минут двадцать потратил только на то, что бы разобраться с местоположением, так еще и сфере приходилось уделять внимание. Сразу даже перепугался немного, полная неподвижность хозяина домика вызывала острые опасения, что своими действиями мог навредить ему, но потом, все же, заметил легкое шевеление и успокоился, а через полчаса был уже дома.

Новый жилец был размещен на балконе, а вокруг была рассыпана всякая мелочь, с которой не жалко было расстаться: немного гвоздей, шурупы, пластмассовые дюбеля, какие-то колпачки, обрывки шланга, куски пенопласта, даже пару кирпичей ему приволок. В общем, обеспечил маленького строителя материалом на несколько дней, так что в другой конец балкона теперь пришлось бы перепрыгивать. Но маленькая тварь будто не доверяла, и

даже когда вышел в зал, даже тогда не проявила признаков жизни, лишь дернулась парочка нитей, и все. Бойтся? Хрен его знает, может быть. Ладно, деваться ему все равно теперь некуда, да, Белый? Тот повернул ко мне свою кошмарную башку и уставился на грудь. Понятно, ну, иди, зараза белая. Изнутри будто пошел зов, толкнувший, втянувший кошмара в меня, не знаю, ощущения были достаточно противоречивы, и разобраться в них толком не получилось до сих пор. Но то, что обоим моим кошмарам там намного комфортнее, я уже знал точно. Только вот если Белый почти всегда теперь отсиживался во мне, то фамилляр продолжал торчать на руке, наши с ним тренировки навряд ли когда-нибудь закончатся. Я снова взглянул на балкон — нет, тишина. Вздохнув, закрыл балконную дверь и поплелся спать, завтра надо будет зайти к родителям, просили помочь с чем-то, так что часа три-четыре на сон придется выделить.

Утро же принесло первый сюрприз — сфера на балконе была вся утыкана торчавшими во все стороны шурупами с гвоздями, и в процессе как раз шла укладка пенопласта. Получалась, конечно, какая-то хрень, абсолютно безвкусная и скорее даже смешная, но строителю на это было явно плевать. Ладно, дружок, ты только не переставай, я тебе сегодня еще чего-то подкину. Блин, де ж взять строительного мусора? Придется переться на ближайшую заброшенную стройку, там этого хлама полно. Ладно, тогда после предков придется сделать крюк, ну да ничего не попишешь — надо.

На улицах же не было ни души, в последнее время народ старался на открытом пространстве подолгу не задерживаться, а если того требовала работа, то все делалось в кратчайшие сроки или вовсе не делалось, как, например, с замороженными до неопределенного времени стройками. У нас в городе было уже три таких и в соседнем районе еще пока шла четвертая, но, думаю, скоро и она остановится. Первые же и вторые этажи зданий спешили укрепляться решетками, будь то офисы или жилые дома — не важно, безопасность помещений стала как никогда актуальной. Нельзя было найти ни одной стоявшей нараспашку двери, все стеклопакеты дополнительно армировались, получали ставни и тому подобную защиту. Город потихоньку бронировался, становясь похожим на закованные в латы понизу дома и улицы. Более того, наши власти таки средства и за их счет стали проводить замену ненадежных, как они писали, требующих укрепления проходных путей и тому подобное. В общем, изменения были, и люди это видели, продолжая надеяться на лучшее. Но, как по закону жанра, становилось только хуже.

Корпус продолжал громить все чаще появляющиеся стаи, с каждым разом все более многочисленные и разнообразные по своему составу, я же продолжал патрулировать по своему маршруту. Ком на балконе рос, занимая в поперечнике уже почти полметра и продолжая наращивать объем. Белый все так же бессовестно прятался внутри меня и выбирался только с хорошего пинка, скотина ленивая. А фамилляр, видно, перешел какую-то черту, вырос, что ли, но его отклик теперь был уже даже не в разы четче и увереннее, я мог выйти с ним на улицу, придав ему человеческий облик и спокойно пойти с ним гулять, чем, в принципе, и занимался. Этот гад почти не нуждался в контроле, стоило его раз поправить: как ходить, улыбаться, кивать, моргать и тому подобное, как контролировать эти моменты при данном облики уже не было нужды. Эта сволочь словно запоминала все необходимое, опираясь, в основном, на мои импульсы одобрения или порицания и применяя на практике уже известные ему действия. Так, я мог абсолютно его не контролируя послать импульс "жди" и пойти в магазин, кстати, они теперь существенно сократили свое рабочее время. И фамилляр уже без моего вмешательства прохаживался бы из стороны в сторону, уступая

место прохожим и вообще ничем не отличаясь от живого человека. Разве что разговаривать не мог, с этим у нас были определенные проблемы, и сколько я ни пытался нарастить ему легкие, горло, создать правильную в моем понимании ротовую полость, мой кошмар выдавал лишь какие-то нечленораздельные звуки. Не получалось у нас пока это, в общем.

А потом как-то так стало получаться, что я все чаще и чаще становился свидетелем происходящих на улицах между корпами и чужим зверьем схватками, в основном довольно кровавыми и заканчивающиеся, по большому счету, тотальной победой первых. Все-таки оружие имело значительный перевес перед звериными клыками, когтями и яростью. Бойцы корпуса споро выпрыгивали из фургонов, занимая удобные позиции, и тупо расстреливали пытающихся добраться до них монстров. Другое дело, что те появлялись спонтанно и корпы не всегда успевали добраться вовремя, так что город все же страдал, получая увечья и накапливая счет на ремонтные работы.

В такие ночи я старался держаться в тени, не попадаясь на глаза и всячески избегая встречать в подобные схватки, но получалось это не всегда. И тогда приходилось оставлять после себя кровавый фарш, в очередной раз напоминая корпам о своем присутствии. Но, по крайней мере, мне уже не звонили, и это радовало. Я нашел временную подработку, опять же ночью, отбарабанил в течении двух месяцев и ушел, обеспечив себе почти год безбедного существования. Предков мое такое отношение совсем не радовало, но поделаться они ничего не могли. Походу, для своей семьи я приобретал авторитет несерьезного и особо не задумывающегося о будущем молодого человека. Хотя какое тут будущее-то, в наше время. Естественно, про мои ночные бдения они тоже были не в курсе, как и о том, что буквально на неделе в соседнем дворе, еще до приезда корпов, оставил на асфальте в лужах крови валяться около двух десятков расчлененных туш. И, по видимому, это стало последней каплей или просто очередным напоминанием, и мне позвонили.

— Влад? Это Татьяна, нужна консультация, у нас проблемы.

— И тебе привет, и чем моя скромная персона может вам помочь?

— Твоя скромная персона может спуститься вниз, машина уже внизу.

— Ясно, как всегда, — и, бросив трубку, пошел одеваться.

Спустившись вниз и устроившись в фургоне, с удивлением присвистнул. И было от чего. Четыре пары сидений были сняты, а на их месте красовалась какая-то невбибенная пушка на четырех распорках. Зачехленная, правда, но от этого не менее устрашающая.

— И что, у вас на каждой теперь так? — обратился я к сидевшим тут же двум бойцам.

— Почти, еще модернизируемся.

— И как, мощная?

— Еще как, видел гигантов? — спросил один.

Я кивнул.

— Секунд пять в голову и готов, сплошное месиво, — осклабился тот, — сам проверял.

— Круто, — я по новому взглянул на пушку, — через дверь или выдвигается?

— Из фургона, — немного скис боец, — пока нет времени доделывать.

— Ясно.

Когда машина остановилась на территории базы, оказалось, что меня уже ждали. Виденный уже однажды на очной ставке парень, Антон, кажется, кивнул, пожал руку и все так же молча повел за собой. Войдя в соседнее здание и поднявшись на второй этаж, оказались в довольно комфортно устроенных боксах, где, судя по всему, они и проживали. А что, ничего так, со вкусом, лишнего пространства нет, но довольно уютно: кровати, кресла,

два телевизора, три ноутбука, столешницы по периметру, стулья, на полу ковры и все в таком духе — очень даже ничего. Глаза сразу нашли корпусовку и дальше я уже направился сам. Та обернулась и кивнула, поздоровавшись:

— Привет, у нас медики с ног сбились, глянешь?

Я кивнул и прошел дальше. Из-за чего же у них такой переполох? В принципе, даже самому стало интересно, а когда сначала услышал, а потом и увидел весело блюющих каждого в свою тару Павла и Кристину, то чуть не расхохотался, уставившись на их бледные физиономии. Татьяна, заметившая мое веселье, удивленно подняла брови вверх, мол, ты чего? Я же лишь махнул рукой и полностью игнорируя не самый приятный запах, ударивший в ноздри где-то метров с двух, стал пристально рассматривать на их спинах заметно выросших кошмаров. Да, прогресс налицо, как и то, что они взялись за ребят по настоящему, вон как корежит.

— В туалет уже бегали? — спросил не оборачиваясь.

— Нет, — простонал Павел и устало откинулся назад.

Ну-ну, не преувеличивай, тебе всяко не хуже, чем было мне, так что не строй тут умирающего лебедя. Кристина же держалась более достойно, по крайней мере, соизволила встать и поздороваться, сразу видно, сильная девушка. Хотя и бледная не меньше чем парень.

— Что с ними? — спросила наконец корпусовка.

— Адаптационный период, не смертельно, по идее.

— По идее?

— Ага, — я улыбнулся, вспоминая свои мучения, — оставьте их в покое, лишнее внимание и усилия им ни к чему.

Кристина благодарно кивнула и вновь согнулась над тазом, рвать ей было нечем, но кошмарам виднее, и ничего тут не поделаешь. Кто его знает, может, действительно еще от чего-то нам неизвестного избавляются, все может быть.

— Это все? — обернулся я к Татьяне.

— Нет, чего еще нам ждать? — нахмурилась девушка.

— Много чего, возможен понос, парализация, бессилие, резкие перепады эмоционального состояния, по-разному. Не старайтесь только помочь им в своей манере уколов и таблеток, лишняя нагрузка ни к чему. Да, как там дела с приручением, осложнений не было? — еще только заходя в помещение, обшарил взглядом весь периметр, но присутствия кошмаров не обнаружил. А вопрос то насущный, довольно интересно было бы взглянуть на новых питомцев Корпуса.

— За это не беспокойся, их убрали подальше от чужих глаз, — довольно холодно ответила та.

Ясно, вот и основная линия поведения, что ж, можем и сами посмотреть. Фамильяр переполз с руки на ногу и, оставаясь невидимым под штаниной, ушел в пол. Вот так и начинается противостояние, и если я просто к ним не лезу, то меня явно ставят в графы "опасен" и "ненадежен", что в дальнейшем может вылиться в очень печальные последствия. Судя по тому, как она на меня взглянула, девушка все это прекрасно понимала, как и то, что это понимаю я. Ладно, что там у них? А с фантазией-то у корпов не очень, довольно глупое решение прятать кошмара от другого кошмара этажом ниже хозяина. Фамильяр вытянул из потолка этажом ниже крохотный отросток с глазом и буквально сразу же наткнулся на двух вяло шевелящихся кошмаров. Один напоминал подвергнувшуюся мутациям креветку-переростка

метра полтора в длину, висящего почти под самым потолком и слегка перебирающего жутковатыми на вид конечностями. Мне уже доводилось видеть таких, но какой-либо информации у меня по ним не было. Не хищники, передвигаются медленно, предпочитают кучковаться по три-четыре особи, а самая большая тварь их вида, которую видел, достигала в длину четырех метров и в поперечника была метра полтора, наверное. Здоровые, в общем, гадины. Второй же экземпляр являлся полной противоположностью первому — юркое, постоянно в движении существо можно было легко отнести к насекомым из-за шести суставчатых лап и соответствующего строения, по крайней мере, внешне, остального тела. Если бы не одно "но", перечеркивающее все предыдущее. Я, кстати, тоже видел таких, но не настолько крупных. Эта же тварь от кончика хвоста до конца морды явно дотягивала до полутора метров и имела совсем другую окраску, периодически переливаясь сине-зеленым вдоль всего панциря. Отличительной же чертой монстра было то, что он не был цельным, в том смысле, что конечности, башка и три составляющие брюха абсолютно друг к другу никак не крепились, соединяясь лишь еле видимой сизой дымкой. Как эта хрень координировала свои движения, для меня было загадкой, но резвости ей было не занимать, насколько я помнил по ее меньшим собратьям, хотя сейчас она почти и не шевелилась, лишь слабо поводя мордой из стороны. Ладно, с этими пока понятно, и фамильяр повторил путь назад, так и оставшись не замеченным.

— Что ж, по-видимому, я здесь больше не нужен? — поинтересовался в ответ.

— Есть еще разговор, выйдем, — и девушка направилась к выходу, абсолютно не беспокоясь, иду я за ней или нет.

Мда, вот и все отношение к нелояльно настроенным гражданам, система в действии. А если бы я был одним из ее винтиков, могу поспорить, все было бы иначе. Так что имеем то, что имеем — моя любимая и проверенная временем позиция пофигиста. Шли все так же молча и полностью меня игнорируя, что опять таки не могло не заставить задуматься — своего рода психологическая обработка? Возможно, только для чего? Мне ведь становится только интереснее, что странно, даже немного удивился собственным выводам. С каких это пор я начинаю получать удовольствие от подобных встреч? Да и сама Татьяна уже почти не раздражает, блин, что-то со мной явно не то. Пройдя через двор, зашли в уже знакомое здание и, судя по, что ли, направились в то самое помещение, где мне уже однажды устраивали допрос. Там нас уже ждали: проводивший когда-то дознание знакомый мне мужик и еще один весь подтянутый, будто готовый к броску парень, явно военный или еще что, слишком уж была видна выправка. Кивнув мне на стул напротив и дождавшись, пока устроюсь, впрочем, как и девушка, занявшая место слева от меня, мужик начал:

— Меня зовут Виктор Анатольевич и я являюсь замглавы местного отделения Корпуса, мы с вами уже имели честь когда-то общаться, — я кивнул, — теперь же ситуация изменилась и нам приходится встречаться еще раз. Сразу хочу уточнить, если будет нужно, мы в праве и в состоянии заставить с нами сотрудничать, но этот метод не приносит должной отдачи, так что было принято решение открыть вам кое-какую информацию и дать вам возможность самому все решать.

Я улыбнулся, продолжая смотреть на него в упор, потом перевел взгляд на сидящего рядом и спросил:

— Все так хреново?

Тот кивнул:

— Более чем.

— Что ж, я слушаю.

— Хорошо, — продолжил замглавы, а ведь оказывается, полномочия-то у мужика должны быть ого-го, хорош собеседничек, — в курс дела вас введет Сергей, — тот кивнул, приняв эстафету и начал:

— У нас есть все основания ожидать полномасштабного вторжения иной цивилизации, что, в принципе, сейчас частично и происходит, — он оценивающе взглянул на меня, пытаясь определить степень воздействия выданной информации, но гляделки сорвались и он продолжил, — все эти стычки и схватки не более чем преддверие более кошмарной, спланированной и оттого намного опасной атаки. По имеющимся у нас данным, появляющееся у нас зверье банально бежит из мест своего обитания и никоим образом не является частью самого вторжения, так что это лишь вопрос времени, когда начнется настоящая война. Ко всему этому, не вся общественность прониклась нависшей угрозой и многие в верхах смотрят на все это скептически. Благо хоть их не большинство, а то не было бы Корпуса, а армия в этой войне не особо сможет-то и помочь.

— Почему? — сорвалось с губ.

— Потому что методы, которые будут на ней применяться, сведут на нет многие ее возможности, — Сергей слегка поморщился, видно, не привык, что его перебивают. Ладно, буду пока молчать.

— В общем, на данный момент ситуация такова, что мы мобилизуем все доступные нам ресурсы и даже больше, но по прежнему не уверены даже в том, что сможем хотя бы продержаться некоторое время.

Ну, ни хрена себе заявления, а может, врут? Хотя лица у всех явно не расположены к шуткам, ну да кто там их разберет, морды кирпичом и пошли вешать лапшу, лишь бы было куда мотать. А если нет? Черт, слишком уж все как-то — слишком, по другому и не скажешь.

— Так что вы нужны нам позарез и, вполне возможно, что не только в роли наставника в неизвестной нам области, но и как боевая единица, при необходимости включающаяся в боевые действия.

— Мы знаем о ваших возможностях, отгораживаться не имеет смысла, есть даже запись, где вы довольно оригинально покидаете дом своих родных, так что давайте отбросим притворство и поговорим, наконец, на чистоту, — вставил Виктор Анатольевич.

— Начистоту? — переспросил, уставившись в белоснежную гладь столешницы, — давайте, у меня как раз есть парочка вопросов.

— Мы вас слушаем, — кивнул Сергей.

— Мне интересен ваш источник информации, откуда он?

Они переглянулись и Виктор кивнул, давая свое согласие.

— Наш источник с той стороны, со стороны вторжения, — как-то обезличено сказал Сергей, ему явно не все нравилось в этой ситуации, — он предупреждал и оказывался прав во многом, собственно, из-за него и был основан Корпус, так что пока у нас нет оснований полагать, что он врет, хотя и нет полной уверенности в обратном.

— Беженец?

— Что-то типа того.

— Я могу на него взглянуть?

— Он не здесь, слишком ценный кадр, что бы рисковать.

— Ясно, — кивнул, — на что рассчитывает в предстоящем Корпус?

Сергей опять бросил взгляд на Виктора и, получив согласие, продолжил:

— Современное вооружение теряет в своей эффективности почти две третьих, а в виду того, что специфика вторжения будет охватывать населенные пункты, использовать оружие массового поражения, остающееся единственным эффективным аргументом, не целесообразно. Что бы было понятнее, по предоставленным нам данным, боеприпасы от тех же ручных пулеметов теряют почти всю свою убойность, не говоря уже про автоматы и прочее, а бить чем-нибудь существенно мощнее на территории города никто не станет. Вот и остается небольшой диапазон все еще эффективного вооружения, которого, опять-таки, нет в достаточном количестве. Так что существующая армия просто не способна будет оказать хоть сколь-нибудь существенно сопротивление не разнеся в пух и прах каждый город.

Ну и перспективка, что же там у чужаков может быть такое, что почти полностью лишает нас клыков и когтей? Мои мозги были просто не способны придумать нечто адекватное: какие-то защитные поля, мгновенная регенерация, мобильная броня, что еще?

— Наша же структура обладает несколько иными возможностями и ресурсами, в частности сотрудниками, подобными вам и не только.

О как, и не только — это что должно значить? Хотя да, видел ведь уже как корпы в рукопашной ломают кости тварям и насколько лихо работают клинками. Только как-то несерьезно все это, ведь перестрелять с расстояния их не сложно, и тут же сразу вспомнил про их новое вооружение, вот и еще один ответ на вопрос.

— Но некоторые области нам почти не известны и приходится многое делать просто-таки на ощупь, а время уже поджидает, и сильно, так что пора убеждений и ожиданий просто прошла, пора действовать, слишком многое поставлено на карту.

Я кивнул:

— А остальные страны? Что с ними?

— А ничего, такая беда коснется только нас и соседей, убедить же остальной мир в нависшей угрозе оказалось невозможно, хорошо хоть выбили материальную помощь, а то бы вообще..., - он неоднозначно повел рукой в воздухе.

Теперь понятно, на какие деньги все это делается, что ж, вполне логично получается: вот вам подачка, решайте проблему самостоятельно, и то, если она есть, на что же пойдут средства мы, конечно, проконтролируем, ну а если угроза действительно существует, то тогда уже и будем решать — все как всегда, гребаная политика.

— И что вы ожидаете от меня конкретно?

— Всего, что только можно, — ответил тут же Сергей, — нам нужно понять, как использовать во всем этом ваши способности и как можно скорее, времени, я повторюсь, у нас почти нет.

— Вот как, — я даже не знал, что сказать, ведь с одной стороны уже согласился, а с другой слишком уж это невероятно, да и пахнет нехорошим продолжением. Хотя о чем речь, сначала бы выжить, а потом уже все остальное, или нет? Нужна отправная точка, что-то, что даст опору убеждениям и, соответственно, поступкам, этот разговор дал многое но, все же, не достаточно.

— Хорошо, — кивнул, — с одним лишь условием — устройте мне встречу с вашим беженцем, — и уставился на Виктора.

Тот побарабанил пальцами по столешнице и как-то мрачно на меня посмотрел.

— Вы понимаете, что просите слишком много?

— Я понимаю только то, что пока еще не готов поверить вам.

Он некоторое время еще пытался сверлить меня взглядом, но в итоге сдался:

— Хорошо, начнете сегодня, а вопрос я решу.

— Нет, — покачал головой, — вы меня с кем-то путаете.

— Черт с вами, — как-то сразу сник замглавы, я даже не ожидал от него такого, —

Татьяна, займитесь там чем-нибудь до вечера, — и уже мне, — будет вам сегодня встреча.

— Отлично, — не сказать, что был рад, все же проще было убедиться в ложности всего услышанного, ну да что уж теперь.

Девушка поднялась и я, не ожидая приглашения, встал вслед за ней. В коридоре она вдруг повернулась и впервые довелось увидеть ее искреннюю улыбку. Блин, до чего же ей идет.

— Я так понимаю, это перечеркивает наш прошлый разговор?

— Разговор? А, ты об этом, а что изменилось? Люди? Так они остались те же самые, просто попадут в другие условия, а когда и если все вернется на круги своя, в их руках будет кое что пострашнее привычного всему миру оружия. И под "их" я подразумеваю Корпус.

Ее улыбка отчасти сникла, но не полностью:

— И в то же время мы делаем правильный выбор, свой, а как оно там будет, еще не известно.

— Согласен, у вас тут кормят? — задал я интересующий меня на данный момент вопрос.

— Да, пошли, я, пожалуй, тоже перекушу.

— Хочу только уточнить, чем у вас кормят?

— В смысле, у тебя какая-то особая диета?

— Фрукты есть?

— Найдем, — уверенно кивнула девушка и мы пошли дальше.

Под фруктами подразумевались яблоки и груши, выданные мне в их столовой с таким видом, будто заказал стакан воды в дорогом ресторане. Улыбнувшись в ответ, взял тарелку с фруктами и пошел к занятому нами столику. Кроме нас здесь еще сидело человек десять, но все соблюдали правила приличия и если общались, то негромко, так что было вполне комфортно.

— И давно ты так? — девушка кивнула на фрукты.

— Нет, — я вгрызся зубами в яблоко и некоторое время мы поглощали пищу молча.

— Зачем тебе встречаться с чужаком? — нарушила она таки тишину.

— Что бы убедиться.

— В чем?

— Что оно того стоит.

— А так понять что защита людей того стоит нельзя?

— Нет, — я покачал головой, — мне нельзя.

— Кстати, как ты все-таки это делаешь?

— Что именно? — уставился на нее.

— Управляешь ими, — она отвела взгляд, — и что у тебя с глазами?

— Пока что мы еще не в одной лодке, не забыла? — она хмыкнула, — И чем тебе не угодили мои глаза, можешь просто не смотреть.

— Это говорит твое мужское эго?

— Как тебе будет угодно, какие у нас дальше планы?

Она на мгновение задумалась.

— Раз ты для начала ждешь своего свидания, тогда пристрою тебя пока у ребят.

— Идет, — кивнул.

Расправившись с едой, сдали подносы и уже через пять минут были в общаге, как я назвал для себя пристанище ребят, все-таки отсутствие дверей и разделения на женскую и мужскую половины немного удивляли. Неужели нельзя было потратить немного больше усилий и сделать хотя бы перегородки? Или просто не посчитали нужным? Скорее всего. Встретили нас настороженными взглядами, народ явно был в курсе моего возможного к ним присоединения, но понять, как они к этому относятся, у меня пока не получалось. Ни враждебности, ни доброжелательности пока не наблюдалось, они просто ждали, занимаясь своими делами и не проявляя никакого интереса, что ж, мне это было только на руку.

— Интернет есть?

Сидевшая на диване девчонка кивнула и указала на свободный ноутбук, лежавший на краю журнального столика. Кивнув Татьяне и выбрав себе кресло, сграбастал ноут и устроился в нем поудобнее, раз есть пара часов свободного времени, почему бы и не поискать инфу по устройству речевого аппарата человека, дома как-то все недосуг.

— Не помешаю? — раздалось над плечом.

Я поднял голову — одна из девушек выжидающе смотрела на меня, чего ей?

— Не знаю, — ответил честно и вернулся к поиску.

— Могу помочь, — решила не сдаваться та.

— Это вряд ли.

Но вопреки всему она все же присела на подлокотник, благо ширина у того была дай боже, и с интересом взглянула на монитор. Скрывать что-либо я не видел смысла, и так, думаю, смогут проверить где был и что смотрел, но давать больше, чем мог не давать, тоже не имело смысла. И незваная наблюдательница мне уж точно была ни к чему. Ну да ладно уже, пусть смотрит, это все равно им ничего не даст.

— Строение речевого аппарата? — спросила девушка.

— Умеешь читать, похвально.

— А ты умеешь хамить.

— Если не ошибаюсь, Анна?

— Не ошибаешься.

Не отвлекаясь и продолжая искать, спросил:

— Я могу тебе чем-нибудь помочь, Анна?

— У нас к тебе вопрос: как бы ты назвал подобных нам людей?

— В смысле видящих недоступное другим?

— Именно.

— Сумасшедшими, — не задумываясь, ответил я.

С боку раздалась редкие смешки.

— Я серьезно, как ты называешь этих тварей?

— Кошмарами.

— А мы, значит, дрессировщики?

— Без понятия, а тебе как хочется?

Девушка тут же ответила:

— Что-нибудь сильное, броское, значимое, что б звучало.

— Ты серьезно? — взглянул на нее через плечо.

Та кивнула, остальные же ловили явно каждое слово из нашего разговора.

— Да ради бога, подбери по вкусу, владыки там, повелители, суть от этого все равно не

поменяется.

— Отлично, — кажется, я только что сделал что-то хорошее, судя по их физиономиям.

— Чего? — уставился на них.

— Нас еще никак не назвали и разрешили придумать название самим, — вставил сидевший в сторонке парень.

— Ну, так придумайте, — не стал я спорить.

— Нет, имя должен давать самый первый, так правильнее, — ответила Анна, и до меня, наконец, дошло.

— И кто же мы теперь?

— Владыки кошмаров! — торжественно произнесла она, и народ довольно закивал.

— Владыки так владыки, — мне было абсолютно все равно, хоть дедом Мазаем бы называли.

— Тебе не нравится?

— Почему же, звучит, хоть и пафосно.

— Значит, единогласно, — наконец отстала от меня девушка.

А речевой аппарат все никак не давался, это все я уже и так видел и читал, и ничего не получалось, нужно что-то недостающее, но вот что, сказать бы смог, только если увидел. А так приходилось искать буквально на ощупь, банально не понимая сути искомого. Проконсультироваться же было просто не у кого. В конце концов я бросил это занятие и стал незаметно, как надеялся, наблюдать за народом.

Итак, четыре девушки и семь парней, примерно от семнадцати до двадцати трех, двадцати пяти лет, и двое уже меченые, с питомцами и на стадии адаптации. Их звезды в разы меньше и данный процесс проходит для них в более легкой форме, так что осложнений быть тем более не должно, но вот сроки могут сдвинуться. Плюс еще меня интересовали отличия наших зехребетников, так как все они отличались как размерами, формой, окрасом, так и прочими нюансами, и это что-то да должно было значить. Сами же ребята явно разбились на группы по интересам, в которых не трудно было определить лидеров, ведомых и еще не определившихся. Такие больше молчали, но не согласно, а явно имея свое, отличное от других мнение, но по каким-то причинам делиться им не спешили. В общем, обычные парни и девушки, волею судьбы получившие подобные моему подарки. Знали бы они, через что им еще предстоит пройти, небось не были бы так жизнерадостны. Злорадство во мне ехидно ухмыльнулось, но тут же получило по шапке и было безжалостно задавлено, еще чего не хватало, не замечал ранее такого за собой. В общем, поглядывал я так то на них, то в монитор еще около часа, а потом за мной зашла Татьяна и показала глазами на выход — ясно, пора так пора. В принципе, свое мнение о каждом из ребят уже составил и ловить мне тут было больше нечего, да и впереди ждало нечто очень интересно, так что уходил даже с каким-то энтузиазмом.

— Виктор Анатольевич дал пятнадцать минут, — бросила девушка.

— Воочию, с глазу на глаз?

— Одних вас никто не оставит, это во-первых, а во-вторых, если охрана посчитает твое поведение угрожающим, они вправе открыть огонь на поражение.

— Даже так?

— Даже так, — она серьезно кивнула.

— А говорили, что он не здесь.

— Сам должен все понимать, к тому же, об этом мало кто знает, да и тебе придется

вперед помалкивать, — как-то странно улыбнулась девушка.

Мне же хоть и было что на это ответить, но логика подсказала промолчать, так что рот мой остался на замке. Дальнейшее же стало походить на киношные боевики. Миновав почти все склады, мы прошли дальше и направились напрямик к обособленно стоявшему двухэтажному коттеджу, неведь как притулившемуся по соседству с базой и, видимо по всему, выкупленному. Довольно странное расположения для подобной постройки, ну да мне-то какое дело. Дальше больше. Спустившись по аккуратным ступенькам в подвал дома, сразу же оказались перед наглухо задраенной массивной дверью и только после того, как Татьяна ввела код на присутствовавшем рядом планшете, та медленно и беззвучно ушла в сторону, пропустив нас вперед. Каково же было мое удивление, когда в итоге пришлось еще спускаться на лифте, прямо бонданиада какая-то.

— Надеюсь, на подлодке плыть не предстоит? — спросил у стоящей рядом девушки, вместе со мной отслеживающей убегающие на табло этажи.

— Не предстоит, — она явно не поняла суть юмора.

— Кто в армии служил..., - начал я.

— На гражданке не смеется — просто здесь это уже заезженная шутка, — закончила она за меня.

Я кивнул:

— Ясно.

А потом был пост охраны, сверка допусков, еще какие-то формальности, впрочем, улаженные корпой довольно быстро, и нас таки пропустили дальше. Здесь было довольно уютно, как для подземного обиталища, своего рода довольно комфортное убежище для особо ценных сотрудников или пленников. Вроде бы все удобства, даже с размахом, но вот уйти отсюда просто так вряд ли удастся. Во второй же зале нас уже ждали. По бокам у стен замерли мрачного вида корпусовцы с автоматами наперевес, которые тут же повели стволами и взяли меня на мушку. Но мне было уже не до них, я беспардонно пялился на то, что сидело в каких-нибудь четырех метрах впереди и с не меньшим интересом изучало меня. Вот это да, как же сразу не продумал такой вариант, почему решил, что этот чужак будет именно "он"? Наконец, взяв себя в руки и ухмыльнувшись не спускающей с меня глаз охране, пересек разделяющее нас пространство и занял специально приготовленный для этого стул. Зрачки же автоматных дул ни на миг не отпускали меня, готовые в любую минуту выплюнуть свое смертоносное содержимое, и это слегка нервировало, а вдруг эти парни не в себе? Еще нажмут на курки и пиши пропало.

— У вас слишком нервная охрана, — бросил я Татьяне, не сводя глаз с сидящей напротив особы. Та хмуро посмотрела на бойцов, потом на меня и сказала:

— У вас пятнадцать минут, — и скрылась в соседнем помещении.

Я же нарастил фамильяра на переднюю часть груди и полностью закрыл лицо, оставив лишь прорези для глаз — буквально на неделе пришла в голову идея проработать подобную защиту. А во время эксперимента несильный удар Белого швырнул мою тушку через всю комнату и с силой впечатал в уже выдавший виды шкаф, заставив сползти потом на пол и некоторое время тупо хватать ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Это потом уже понял, что тупо нарастил броню без каких либо средств амортизации, за что, в общем, и поплатился. К вечеру почти отпавшие дверцы шкафа кое-как были установлены на место, а на груди до сих пор ныл синяк, стоило лишь к ней прикоснуться. Фамильяр же получил лишь царапину, не доставшую и до половины толщины темно-бурого покрова, так что какая ни

какая, а защита у меня теперь есть. Хрен его знает, спасет ли она от автоматной пули, но с ней я чувствовал себя более уверенно. Да и Белый уже был наготове, так что лишить их жизни в случае чего не казалось мне особой проблемой, всяко успею. О том же, что слишком легко рассуждаю об отнятии чужой жизни, старался не думать.

— Поговорим? — произнес я наконец.

Сидящая напротив кивнула.

— Меня зовут Влад.

— Акши, — ответила та тихим, но глубоким, грудным голосом, буквально очаровывая интонациями, — что у тебя с глазами?

— А что у тебя с голосом?

— Ничего, он у меня всегда такой.

— Ясно, и давно тебя тут держат?

— Держат? У меня, вообще-то, нет средств к существованию в вашем мире, — она откинулась на спинку дивана и вновь попробовала сцепиться взглядами.

— И тебе совсем не интересно, что снаружи?

— У меня есть ваш интернет и ваше телевиденье.

— А у вас его не было?

— Нет, — покачала она головой.

— Ты в курсе наших оборонных возможностей?

Кивнула.

— И каковы на твой взгляд шансы?

— Небольшие, я бы даже сказала сомнительные, мало вас.

— А их много, — выдал я скорее утверждение, чем вопрос.

Опять кивок, меня же будто переключило — что вообще я хотел от этой встречи? Убедиться в правдивости предоставленной мне информации? Как? Задавая вопросы, ответы на которые опять-таки не имею возможности проверить? Передо мной ведь сидит вполне обычный человек, девушка, если не считать розоватого, слегка переливающегося оттенка кожи, воссоздать который наверняка может любая из их лабораторий. Так что тоже не аргумент. И вот сижу, блин, молчу как рыба и даже толком не знаю, что делать и что спрашивать дальше.

— Каким же образом к нам сейчас попадают все эти твари, если вторжение еще не началось?

— Я не особо разбираюсь в вопросе, но если вкратце, то для перемещения чего-то небольшого переход создается в меньшие сроки, сам он занимает меньшую площадь и держится значительно меньше. Потом же открыть его там же уже не получится, придется выбирать новое место, не подвергавшееся открытию перехода. Для больших же перемещений требуется значительно большее пространство и переход открывают постепенно, это намного дольше и труднее, зато и продержится такой переход больше времени. Только вот он не сразу становится целостным и имеет как бы прорехи, со временем увеличивающиеся и образующие один цельный большой переход, а пока процесс идет, в эти самые прорехи может проходить что угодно.

— Так ты к нам и попала?

— Не совсем, вернее так, только через небольшой переход.

— И зачем ты пришла к нам?

Она невесело улыбнулась:

— Могла бы — не приходила, у меня и выбора-то особого не было.

— И все же?

— Я спасалась, сейчас во многих мирах идет война, вот и до вашего докатилась.

— То есть те, кто напал на вас, сейчас прорываются и к нам?

Акши кивнула.

— А твои родные, близкие?

На ее лицо набежала тень:

— Без понятия, — покачала головой, — меня отослали еще до того, как там все произошло.

— Ясно, то есть ни весточки, ничего.

Опять кивок.

— И нет никакой возможности повторить путь назад?

— Я не обучалась этому, да и ваши возможности мне не известны, а если и станут известны, то не факт, что будут аналогичны необходимым.

— Как происходит процесс открытия перехода? — меня реально заинтересовала наша беседа, вопросы теперь крутились на кончике языка и сами просились наружу.

— Я ведь уже все вашим рассказывала, — вздохнула девушка, — при небольших достаточно определенной амуниции, чем больше необходимый переход, тем она сложнее и более громоздка, пока вообще не становится стационарной. На переходы же для вторжения необходимо, насколько я помню, ограничить огромную территорию по периметру и навести специальные контуры, постепенно сворачивающие пространство и открывая на его месте проход в другой мир. Как-то так, и то это как лично я понимаю.

— То есть переход — это не какие-то ворота или проем, а целая площадь земли, ведущая куда-то вовне?

— Она не ведет, она уже является частью этого вовне, — помотала головой девушка, — там, где открывают проход, пространство этого мира заменяется пространством того, куда хотят попасть, то есть, получаем часть чужой земли, воздуха, воды, если это водоем и т. п.

— То есть обратный переход тоже возможен?

— Только если на той стороне работают такие же контуры, иначе просто пройдешь, как ни в чем не бывало, ничего не ощутив и не заметив.

— А оттуда?

— А оттуда все видно, но как только ступишь в переход — то сразу окажешься здесь.

Трындец как запутано, впрочем, всему явно есть научное объяснение, но тогда получается...

— Акши, а если открыть переход, и не входя в него атаковать противника?

Она кивнула:

— Так многие и делают, из-за чего придумали множество способов противодействия.

— А как с нами, думаешь, могут такое сотворить?

— Вполне, раз вы ни сном ни духом о подобном.

— А этим сказала? — кивнул на охрану.

— Конечно, они меня всю буквально выжали в этом плане.

Я на миг задумался. Если бы она могла сама открывать эти самые проходы, то уже давно была бы не здесь, соответственно, корпы тоже ничего не могут в этом плане. Так что же еще они могли или все еще ожидают от нее получить, что отгрохали из-за этого такой бункер? И даже если не ради нее, то какая разница, внимание ей все равно уделено особое.

И, стараясь придать голосу равнодушные нотки, как бы невзначай спросил:

— И чем же ты смогла их так заинтересовать?

Девушка тут же сощурилась и, подавшись немного вперед, произнесла:

— А вот этого меня просили тебе не говорить, — и, словно выполнив на сегодня свою часть работы, откинулась назад.

Из соседней комнаты тут же появилась Татьяна, постучала пальцем по своим часам и кивнула на выход. Поднялся неохотно, но перечить было глупо, да и опасно, охранники за все это время так и не спустили с меня глаз, так что, слегка улыбнувшись, кивнул Акши и проследовал за корпой. И уже при выходе, поймав ее отражение в висящем на стене зеркале, беззвучно произнес одними губами: "Еще увидимся".

— Доволен? — спросила девушка, когда за нами закрылись двери лифта.

— Возможно.

Блин, а ведь я действительно поверил, меня не грызли больше сомнения, не мучили предчувствия, просто воспринял факт того, что скоро нас будут завоевывать. Просто, банально, без испуга и истерики. Ну, придут, ну получат, или мы получим, кто его знает — смотрел на все это как-то слишком уж отстраненно, совсем себя не узнавая и в то же время понимая, теперь это я, это мое, моя суть. Стали припоминаться поступки и принятые решения, восприятие тех или иных ситуаций и собственная реакция. Буквально все говорило о том, что я это уже не я. И это совсем не пугало. Наоборот, вселяло такую уверенность, что становилось даже не по себе.

— Чего молчишь? — скосив взгляд, увидел нахмуренное лицо корпы, — Что с тобой?

— Со мной? — переспросил как дурак, и в той же манере ответил, — Со мной все не так.

— Ты о чем? — не поняла та.

Покачав головой, дал понять, что не собираюсь дальше распространяться и уставился взглядом на шкалу цифр. Как-то раньше не собирал все в кучу, а выходит, что изменения коснулись меня не только физически — черт, да так и крышей могу поехать даже не понимая этого. Но даже это не насторожило, внутри будто вырос стержень, ранее не замечаемый, и только теперь попавшийся на глаза. Кровь, чужая и собственная, ураганы прошедших эмоций, равнодушие к последствиям, готовность к риску и поступки, ранее вызвавшие бы, как минимум, обильное головокружение, если не больше, вот все то, что повторялось на протяжении многих дней и до сих пор не собиралось в кучу, не оформлялось в единую схему, показывающую что? А то, братец дорогой, что постепенно тот Влад, которым ты был год назад, исчезает, и его место занимает абсолютно неизвестная личность, с абсолютно не просчитываемой реакцией, и что от тебя, сударь, ждать в тот или иной момент, просто неизвестно. После этих выводов даже сам себе стал казаться монстром, нет, надо прекращать эти разборы полетов, к тому же, походу уже пора выходить.

Едва покинули коттедж, Татьяна тут же взяла быка за рога, решив, по видимому, не откладывая в долгий ящик:

— Теперь о главном, — ага, естественно, было бы странно, если бы она забыла, — жить будешь на терри...

— Исключено, — безапелляционно заявил я.

— Я вообще-то не торгуюсь.

— Да мне плевать, — отрезал грубо, — жить и ночевать буду дома, стану нужен — милости прошу.

— У нас каждый человек на счету, а ты хочешь что б за тобой машину постоянно гоняли?

— Девушка, — я остановился и повернулся к ней лицом, — вас не устраивает предложенная мною вам помощь? Так вы всегда можете от нее отказаться, — взгляда она, конечно же, не выдержала, отвела глаза, — так что давайте не будем, — и пошел вперед.

— Повезло же с консультантом, — недовольно бросила сквозь зубы, догнав меня, Татьяна, и через некоторое время продолжила уже спокойнее, — пятидневка, забирать будут в девять, домой отвозить к шести, два выходных — ваше величество устроит такой график?

— Вполне, — кивнул, — еще какие нюансы?

— Никаких, сейчас тебя доставят домой, завтра в девять будет ждать машина.

— Ясно, в девять утра буду внизу.

— И как тебя только окружающие терпят, — прошипела в сторону девушка.

— Зря, лично против тебя я ничего против не имею, какая машина? — кивнул на ряд замерших фургонов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Стас! — позвала корпа и через мгновение из гаража вышел подтянутый, спортивного телосложения парень лет двадцати восьми. Переговорив с ним в стороне, девушка кивнула мне и пошла прочь, Стас же протянул ладонь. Мои пальцы хрустнули, словно в тисках, но поморщиться не позволила гордость, так что сунул руку в карман куртки и пару раз сжал разжал кисть — силен, гад.

— Я так понимаю, будем теперь каждый день кататься, — то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал, улыбаясь, парень.

— Похоже на то, — мне его оптимизм почему-то не передался, корпа явно таким образом решила отыграться, подсунув именно этого водилу.

— Ты по какой части, научник? — снова бросил тот, заводя движок.

— Почти.

— Тайны, секреты, — понятливо протянул тот.

— Типа того, — согласился я.

— Ладно, приставать не буду, у каждого свое дело.

И мы выехали из ворот. Мне почему-то показалась странным и эта его улыбочивость, и оптимизм, неужто он не в курсе того, что происходит и что предстоит? Или им тоже не говорят всего? Ну, про вторжение это понятно, а про то, что в городе люди гибнут и как, наверняка ведь должен знать. Или его это не волнует?

— Не местный? — спросил для проформы.

— Нет, по всей стране мотало, пока вот к корпусу не прибился, как по мне, вполне стоящая работа.

— Служил?

— Не без того, — уже не так весело ответил Стас, — не срослось, правда, проворовались одни, а ответ держали другие, еле отвертелся.

— Не повезло, — посочувствовал я.

— Ага.

Кварталы пролетали один за другим, разговор не клеился, да и не особо-то и хотелось, в общем, домой добрался без происшествий. И вот тогда меня прихватило, как раз в тот момент, когда поднимался на свой этаж. До сих пор зубы сводит, как вспоминаю головные боли и принятие под свою руку очередного кошмара, и начавшееся давление на виски

воспринял моментально участвовавшим сердцем и ставшей катастрофически быстро нарастать паникой. Вперед метнулся в ту же секунду, буквально перелетая ступени и отталкиваясь всеми щупальцами от чего только было можно: пола, стен, перил. Три пролета были проглочены за считанные мгновения, входная дверь рывком распахнута и так же захлопнута, а в мозг уже ввинчивалась донельзя раскаленная игла. Скулы свело, открывшиеся было в глухом стене губы застыли в агонии, лицо же приняло подобие адской маски и я растянулся на полу. В глазах двоилось, тошнота накатывала волнами, порождая спазмы в желудке, тело постепенно деревенело, переставая слушаться. Балконная дверь находилась буквально в трех метрах — так близко, и так далеко, вытянутая в ее сторону рука бессильно сжимала и разжимала костенеющие пальцы, из уголка рта тонкой нитью сбегала слюна. Я подышал, глупо, бесцельно и до жути обидно подышал. И в тот же момент мозг переключился, словно навалившееся отчаяние смыло застилавшую его пелену и плети бросили тело в воздух. Металлопластиковая дверь с грохотом впечаталась в стену, щупальца оплели дверной проем и грохнули меня башкой о косяк. Из носа брызнуло, смешивая ставшую еще более обильно сочиться слюну с кровью, а внутри уже нарастало нечто жуткое, неотвратимое и оттого еще более страшное. Такого я уже не переживу, и тогда разрываемый болью и загуманенный словно сонной поволокой разум стал метаться в проеме, пытаюсь протиснуться на балкон. Меня било о стены, о косяк, несколько раз приложило о подоконник, но одеревеневшее тело ничего этого не чувствовало, я уже почти не соображал и ничего не различал. Все вокруг множилось, глаза стали бесполезны, и только поступающая от кошмаров информация позволяла понимать где я и куда мне надо, да только сразу же смывалась, отвергаемая больным разумом.

А спасение-то было совсем рядом, вот оно, раскинуло сети, перекрыв весь балкон тончайшей, ставшей со временем почти не видимой нитью, но такой частой, что другого конца помещения просто не было видно. Со стороны это наверняка казалось бы жутким и донельзя пугающим, будто логово огромного, кровожадного арахнида, почему-то свившего свое гнездо в чужой квартире. Но именно это единственное и могло меня сейчас спасти.

Не знаю, какой отчаянный рывок таки достиг своей цели, пропихнув мою избитую, укрытую синяками и ссадинами тушку на ту сторону, но дальнейшее хотелось просто стереть из памяти, навсегда вычеркнув из своей жизни. Плети метнули меня в самый центр, сила броска была не рассчитана, и я банально расшиб бы себе голову, если бы не густой кокон эмоций боли, страданий и отчаяния, хлестнувший по паутине не хуже напалма. Черные переплетения дрогнули, породив целый ряд волн, а потом сжались, закупоривая меня в себе. Чертово тело не слушалось и я почти не ощущал его, и это был единственный от этого плюс, так как нити буквально испарывали кожу, погружаясь в плоть и оставляя после себя сотни мельчайших красных росчерков, через секунду другую начинающих набухать багровым. Эмоции агонизирующего тела должны были лупить по кокону просто с невероятной силой, если учитывать то, что он делал со мной. В какой-то момент, когда сознание на краткий миг вынырнуло из окутавшей его пучины, даже решил, что вот он, конец, глупый и бесславный, но потом очередная волна судорог достигла нутра и на меня снизошла тьма.

Я чувствовал себя разбитым, окровавленным куском мяса, невесть почему не попавшим в духовку и все еще мыслящим, рассуждающим, но не способным пошевелить даже пальцем. Паралич не прошел, легкие гоняли воздух с трудом, глаза застыли, замерев и уставившись в одну точку и страдая от невозможности моргнуть, смочить роговицу. Во рту же гулял песок и пустынное солнце, опаяя небо, сморщивая язык и высушивая десна. Все ощущения теперь

приходили изнутри, частью приглушенные или исковерканные до такой степени, что понять, чего у меня там крутит или ноет становилось абсолютно невозможно. По телу словно гуляло эхо, отражаясь то с одной стороны, то с другой, и это очень раздражало, ввиду всего того, что сейчас происходило.

И я не знал, радоваться мне или плакать, с одной стороны таки все получилось, я жив и обзавелся очередным кошмаром, с другой — то, во что я сейчас превратился вызывало во мне жалость на пополам с отвращением. Фамильяр с Белым привычно устроились внутри меня, Плющ беззаботно и плавно шевелил отростками, колыхая ими словно на легком, почти незаметном ветерке. Дальше же была сплошная мешанина из черных, бесчисленное множество раз переплетающихся между собой нитей. Они буквально заполонили мое тело, проникнув в руки, ноги, оплетая органы, кости и плоть так, что почти не оставляли прорех и полностью скрывая мое нутро от постороннего взгляда. Жуткое, иррациональное зрелище, ввергающее в шок и вряд ли когда-нибудь станущее привычным, слишком уж пугающе все это было. Кроме того, вся плоть снаружи была иссечена и покрыта мелкой вязью засохших кровью отметин, исполосовавших мое тело вдоль и поперек. Лицо стало жуткой маской, мозаикой, составленной из крошечных кусочков, но все же недостаточно плотно, а потому разделенное на части кровавыми росчерками. Думаю, если бы процесс затянулся на мгновения дольше, нити просто разрезали бы меня, добравшись до печени, почек, сердца, мозга, в конце концов, оставив лежать на полу истекающий кровью мельчайший фарш. Подо мной растеклась довольно приличных размеров карминовая лужа, я лежал в ней правой щекой и ощущал ее запах, раздражаясь и злясь на свою беспомощность. Но агрессия не была направлена вовне, примерно к подобному я и готовился, но лишь к подобному, что говорить, каждый раз становился только хуже, и предугадать, как будет в дальнейшем, было не в моих силах.

Время тянулось медленно, словно резиновое, не знаю, почему и как происходит этот процесс адаптации, для чего вся эта обездвиженка и прочие муки, но факт налицо — для чего-то они все-таки нужны. Постепенно организм стал оживать, за окном уже вечерело, стало трудно отличить кровь подо мной от темного цвета линолеума, покрывавшего на балконе пол. И если по началу это не стоило и выеденного яйца, то теперь стало жаль безвозвратно испорченных вещей, лоскутками опавших с тела и напитывающихся в луже. Штаны, куртка, обувь и все остальное было потеряно с концами — хлам, абсолютно не поддающийся починке. Подняться и сесть удалось когда в тело вернулись почти все ощущения, и хотя по сравнению с тем, что пришлось вытерпеть, это и близко не стояло, но все же состояние отбивной, покрытой синяками, шишками и ушибами, с кровавой сеткой по всему телу и ноющей буквально каждой клеточкой тела, совсем не добавляло оптимизма. Как же херово — вот все, о чем мог думать в тот момент.

Потом таки заставил себя подняться, кое-как доплелся до ванны, постоянно морщась и шипя от пронизывающих все тело ощущений — порезы опять начали кровоточить и частью зудели, частью ныли, а то и вовсе простреливали молниями боли. В общем, жизнь дерьмо и пора опустить его в воду, для меньшей вони, так сказать. Усевшись в ванную и потихоньку марая ее красным, пустил слабым напором воду и подлез под струи — черт, печет! Но заодно и облегчает, закрыл глаза. Хотелось заснуть и не просыпаться до тех пор, пока все не пройдет, да только придется засунуть себе эти мечты в задницу и стиснув зубы терпеть, что я и делал. Не знаю, как там и что, но кровотечение стало уменьшаться, и к тому моменту, когда бойлер стал выдавать уже прохладную воду, прекратилось почти полностью, лишь где

не где выдавливая красные капли. Из зеркала же на меня глянула уже не такая страшная морда, исполосованная дай бог, но не страшная. Нацепив нижнее, достал из аптечки бинт и стал постепенно обматываться им, укрывая руки, ноги, грудь, плечи, шею. Лицо решил оставить как есть, нечего там мотать, само должно зажить. И на работу, естественно, завтра уже никто не пойдет, мда, позвонить надо бы. С трудом отыскав визитку, набрал номер.

— Да? — раздалось в трубке.

— Привет, — просипел севшим голосом, — это Влад, завтра машину не присылай, беру больничный.

— Ты пьян? — Татьяна явно была не в настроении шутить.

— Если бы, в общем, завтра меня не ждите, — и дал отбой.

Но через пару минут мобильник запиликал снова.

— Что случилось-то? — уже спокойнее спросила девушка.

— Кое-что, не важно, все, я устал, хочу полежать, давай, — и уже опять собирался отключиться, как та вдруг спросила:

— Помощь нужна, ты толком-то можешь сказать?

Помощь, мне, от нее, с чего вдруг? Нет, спасибо, как-нибудь сам уж...

— Я в порядке, просто приболел, спать пойду, в общем.

И только прилег на диван, только свыкся с позой, привыкнув к ней и отдающейся во всем теле ноющей болью, как в дверь застучали. Черт! Да что б вас всех, кого там принесло? Белый высунул голову и я опять чертыхнулся, плять, какого?! С той стороны стояла Татьяна и опять заносила кулачек для стука. О господи, за что мне такое? Выпихнул наружу фамильяра, послав его открывать, а сам смежил веки, стараясь свести на нет раздражение. Хотя был и забавный момент, когда получил ее лицо в те моменты, когда дверь якобы сама открывалась и так же сама закрывалась. И чего, спрашивается, приперлась, что мне с ней делать?

— Ты где? — встревожено спросила девушка, стоя в абсолютно темном коридоре.

Вот курица, свет включить додуматься нельзя? Пришлось опять посылать кошмара, говорить особо не хотелось, поэтому, когда она прошла в зал, я уже принял сидячее положение и из полумрака недовольно на нее смотрел.

— Ты чего в темноте, случилось что? — спросила корпа и, нащарив на стене выключатель, заставила меня сощуриться от ставшего вдруг слишком ярким света.

— О, господи, что с тобой? — замерла она на месте.

— Со мной-то ничего, — пришлось вяло просипеть, — а вот с тобой что, раз пришла на ночь глядя?

— Я сейчас вызову медиков, — проигнорировав мои слова взялась она за мобильник.

— Не надо медиков, — но она явно не собиралась слушать и пришлось вырвать у нее телефон щупальцем, — говорю же не надо.

— Ты себя видел? — оторопело проследив за мобилой, спросила та.

— А кто еще мог меня перебинтовать? Конечно видел. Короче, ты чего тут делаешь? Я отдохнуть собрался.

Она таки взяла себя в руки и, по видимому, решила действовать с позиции начальства, взяв все под свой контроль. Присев рядом, для начала стала осматривать мое лицо, от чего стало немного не по себе, все-таки девушкой она была довольно привлекательной, а я сейчас явно не в лучшей форме, морда та еще. Потом, выявив, что ранки не глубокие, оставила это занятие в покое и спросила уже другим тоном:

— Кто это тебя так?

— Никто, ты на всю ночь планируешь остаться? — почему-то вдруг понял, что прогнать ее рука у меня не поднимется.

— Медиков ты принять не хочешь, сам тоже никуда не поедешь, так? — я кивнул, — Значит, пока да.

— С чего вдруг такая забота, госпожа корпусовец? — хотел придать голосу ехидности, но не получилось, горло еще пошаливало.

— Отвечаю я за вас, с чего же еще, а ты самый капризный и глупый пациент у меня, — нехотя сообщила та.

О как, ей, получается, вменяется не только контроль и все такое, но еще и ответственность за наше состояние, то есть и спрос с нее будет соответствующий, если мы где-то как-то себе навредим. Ладно, проявим немного галантности и гостеприимности.

— Там спальня, — мотнул головой на стену, — в шкафу найдешь свежее белье, а я спать.

И демонстративно бухнулся на бок — черт, вот блядство! Отдавшаяся во всем теле боль была расплатой за резкое движение, сцепив зубы и стараясь не смотреть на корпу, переждал утихомирившиеся страсти и выдохнул, глаза в первый момент чуть не повылазили из орбит, настолько неожиданно и ощутимо отозвалось нутро.

— Болит? Зря отказываешься от помощи, мы могли...

— Да хватит уже, — скорее промычал, нежели ответил и зло хлестнул плетью по выключателю, тот треснул и опал на пол кусками пластмассы, — спать пора.

Она еще некоторое время сидела без движения, наблюдая мою неподвижную тушку, потом тихонько встала ушла в спальню. Я слышал, как она там возится, как еле слышно грюкает дверцами шкафа, а потом совсем неожиданно появляется вновь и начинает стелиться на двух передвижных тумбах от дивана. Что за?

— Ты чего тут? — спросил шепотом.

— А как ты мне предлагаешь следить за тобой, через стену? — так же тихо ответила девушка.

Блин, впустил на свою голову, но сил на то, что бы перечить, не было, пусть ложиться где хочет. И хоть обе тумбы по размерам не могли вместить взрослого человека полностью, но, подтянув к себе колени, спать на них было вполне возможно. Через некоторое время она прошла в коридор, потушила там свет и квартира погрузилась во мрак. Для нее, но не для меня. Белый еще некоторое время показывал мне ее, но долго я так наблюдать не собирался и вскоре, свыкнувшись с тянущей во всем теле глухой болью провалился в сон.

На утро же я чуть не отрезал ей башку, вовремя остановив плеть у самого основания ее шеи. Девушка склонилась ко мне вплотную и рассматривала сеть росчерков на коже, потом достала мобильник и явно решила заснять узор, покрывающий мое лицо, но для меня это было уже слишком.

— Убью, — прошептал одними губами и демонстративно, но осторожно перевернулся на другой бок.

Корпа слегка отшатнулась и спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Можешь доложить начальству, что жить буду, — спросонья голос был немного глухой, но уже не сипел как вчера.

— Уверен? — и, не дождавшись ответа, продолжила, — мне пора, мобильник ложу у

тебя под рукой, — Белый проследил, как она кладет чуть выше головы мой сотовый, — если что понадобится, звони без промедленья.

Вот, блин, мне вдруг стало немного не по себе, че ж я такая черствая скотина по отношению к другим? Но этот мимолетный приступ был тут же задушен и я лишь буркнул:

— Всенепременно.

Но галантность все же проявил, открыв фамильяром перед ней дверь и так же закрыв, к сожалению, вчерашнего выражения лица у нее уже не было. Ну и хрен с ним, в теле ощущалась какая-то вялость и вставать е хотелось вообще, так что я планировал еще поваляться, а может, даже, и заснуть, если получится. Да только хрен мне, а не спокойствие. Сначала позвонила мама, справиться как дела и что делаю. Потом опять звонила Татьяна и я, все-таки сдержавшись, сообщил о своем скором физическом выздоровлении и готовности на подвиги во имя Корпуса. Плюс сосед затеял ремонт и около часа хреначил стену перфоратором, да так, что уж было подумывал сломать ему ее ко всем чертям, но сдержался. В общем, отдых был перегажен и ближе к обеду я таки поднялся, прошлепал в ванную, чертыхнувшись на холодный бойлер и, включив его, поплелся обратно в залу.

Очередной же звонок Татьяны оказался довольно интересным и совсем другого рода, ее голос был слегка взволнован, как и вчера, но речь сейчас шла совсем не обо мне:

— Влад, у нас чп, Кристине с Павлом очень плохо, ты как, сможешь приехать? — я прислушался к своим ощущениям и с сожалением вынужден был констатировать, что да, смогу. И хотя мне это совершенно не нравилось, все же понимал, ехать надо.

Поэтому, когда за мной заехал Стас, уже стоял во дворе, держась только за счет Плюща. Кое-как выперся на переднее сиденье и, пожав протянутую руку, кивнул:

— Поехали.

У ворот нас уже встречали, помимо корпы у ограды рядом стоял дородный такой дядька в очках и с белой шапочкой на голове, явно указывающей на его причастность к медицине. Втянув щупальца под одежду, свернул их и как обычно вжал в основание, почти полностью слив с основой. Придется играть слабость до конца, не было никакого желания открывать свои возможности. Вылезть наружу мне помогли обретающиеся тут же двое парней с той же причастностью, что и у не спускавшего с меня глаз доктора, вышедшего явно по просьбе Татьяны.

— Препарировать себя не дам, — буркнул ему вместо приветствия, и тот вдруг громогласно заржал, чем меня слегка озадачил, не такого я ожидал от местного эскулапа. Мужик же, отсмеявшись, окинул меня взглядом и сказал, что жить буду, до свадьбы все заживет и, подмигнув девушке, направился по своим делам. Я же хмуро уставился на корпу.

— Ты ведь все равно отказался бы обследоваться, — пожалла плечами та, — но у нас нет времени, — и, показав парням на меня глазами, направилась в сторону общаги.

Там же меня ждало нечто такое, что первоначально повергло меня прямо-таки в ступор. Но, быстро оправившись, сразу перешел к сути:

— Два варианта: или убить агрессора, или позволить ему дожрать кошмара и попытаться забрать на освободившееся место. Кстати, уже пытались это сделать? — вопрос был адресован, в основном, Кристине, безвольной куклой раскинувшейся на диване и не подававшей никаких признаков жизни. Павла же корчило на соседнем, парень сдавливал виски ладонями и, раскачиваясь, тихонько завывал, по всему выходило, что ему очень и очень хреново. Суть же проблемы прояснилась сразу же, как только меня втащили к ним на

этаж: справа от двери и чуть дальше под стеной лежали останки кошмара девушки, а питомца парня дожил уже не однажды видимый мною хищник, напоминающий тигра, только без кожи, всего перевитого жилами и костяными наростами, отвратная тварь, как на меня, хотя до Белого ей и далеко.

— Она вообще не воспринимает окружающее, — покачала головой корпа, посмотрев на Кристину, — полная прострация.

Я дал понять своим носильщикам, что меня нужно усадить рядом с девушкой, и как только очутился возле нее, отвесил ей звонкую пощечину. Но та лишь дернула головой от удара и больше никак не отреагировала. Что ж, ладно, попробуем по другому, наклонившись чуть ли не вплотную, приблизил губы к самому ее уху и зашептал:

— Павел скоро отбросит коньки. Он не такой сильный. Эта тварь убивает его так же, как и его питомца. Как убила твоего. Ты можешь валяться, а можешь отомстить, жестоко, зло, так, что бы эта тварь скулила о пощаде, — девушка слегка дернулась, черт, кажется, может сработать.

— Ударь по ней, собери все эмоции и пожелай ей смерти, мучительной, долгой, нескончаемой агонии, представь, как ты рвешь ее на части, выпусти из себя всю ярость, ударь по ней, — у девушки на глаза набежали слезы, она смотрела мимо меня, туда, где сейчас происходила трапеза, и ее губы дрожали, каждое мое слово, к счастью, находило благодатную почву.

— Ударь так сильно, насколько можешь, сровняй ее с землей, уничтожь, убей, ударь.

И девушка не выдержала, резко оттолкнув меня, так, что чуть не свалился с на пол, вскочила и прыгнула вперед. Кулачки сжаты, спина прямая, напряженная, тело все дрожит — сейчас явно что-то будет. И она заорала, даже зарычала, сквозь слезы, брызнувшие потоком, сквозь рыдания, истошно, зло, уставившись в одну точку и выдавая в голосе такие эмоции, что стало не по себе даже мне. Черт! Ну ни хрена себе, это ж насколько больно потерять питомца? Кристина словно превратилась в сгусток, буквально исходящий эмоциями, она не играла, не притворялась, из нее выходило все накопленное, и была бы возможность, то рвала бы голыми руками и грызла зубами, но это было невозможно и, скорее всего, злило еще больше.

В тварь же у стены будто ударили молотом, она выронила наполовину уже сожранную креветку и отчаянно сопротивлялась. Черные провалы глаз, на мой взгляд и не являющиеся ими, уставились именно на девушку и тварь предпринимала все попытки, что бы сделать несколько шагов, приблизиться хоть на чуть-чуть, но тщетно. Ее будто сносило жутким ветром, пригибая к полу и заставляя вжиматься в него еще больше, кошмара вдавливало с просто невероятной силой, а когда эмоции девушки получались наиболее острыми, то еще и отбрасывало назад. Кристина же делала шаг за шагом вперед и тварь сметало все дальше и дальше, она не могла же двинуться в бок, зажатая чудовищным давлением и лишь скалилась, не прекращая жалкие попытки продвинуться вперед. Но надолго девушку явно не могло хватить, и когда она дала достаточную слабину, кошмар метнулся вперед и они оба покатались по полу. Буквально доли мгновения прошли за то время, как я уже решил выбросить плети, наплевав на свое решение, и прикончить тварь, как девушка вдруг истошно заорала и, с силой вцепившись в шею твари, склонилась почти к самой ее оскаленной пасти и дико заорала. А потом, обмякнув, повалилась на пол, пройдя сквозь нее. Контакт состоялся.

Я откинулся на спинку, впечатленный увиденным. Так вот как оно со стороны видится,

да уж, сильно, ничего не скажешь. Это и я так себя, получается, веду в таких ситуациях? Остальные в комнате стояли, буквально оцепенев, такого они, думаю, еще никогда не видели. И если корпа видела только истерику девушки и то, как она в конце буквально оседлала воздух, зависнув прямо над полом, то народ смог оценить произошедшее по достоинству. К тому же, новообращенная тварь теперь спокойно сидела и лишь недобро зыркала по сторонам своими черными провалами. Все-таки жуткая тварь, уродство на уродстве, но теперь свое, прирученное, родное. Потом обратил внимание на Павла, тот тоже затих, поддерживая в зале тишину, но совсем по другому поводу — его кошмар был мертв, окончательно. Не знаю, прокатит с ним такой же вариант, как и с девушкой, но шансы есть. С ней же, как очнется, нужно будет обязательно поговорить, особенно интересовал вопрос о ее ощущениях, это многое бы дало.

Взглянув на Татьяну, показал ей на место рядом с собой. Она подошла сразу и напрямую спросила:

— Что произошло?

— Поменяли одного кошмара на другого, не знаю, пройдет ли такой номер с парнем, нужно поговорить с девушкой, когда очнется.

— А что с их монстрами?

— Мертвы, оба.

Она некоторое время что-то обдумывала, а я просто молчал, размышляя об случившемся, но потом она, все же, спросила, как я и ожидал:

— Остаться сможешь? Выделим тебе комнату со всем необходимым.

— Не вопрос, — на это и рассчитывал, дорогая, знала бы ты, как мне сейчас самому интересно во всем этом разобраться.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула она, — все, нечего здесь болтаться, у каждого есть чем заняться, — народ стал рассасываться. Парни, принесшие меня сюда, подхватили бесчувственную девушку и куда-то унесли, Павла же оставили тут. И правильно, толку его сейчас трогать, он же как овощ, замкнулся в себе и никакой реакции на окружающее. Его только какими-то препаратами пичкать или чего у них там на такие случаи имеется, или же попробовать повторить номер с Кристиной, и то не факт, что получится.

Кое-как поднявшись, с помощью ребят доковылял до, как оказывается, уже давно закрепленной за мной комнатой. Отдельной, с дверью и удобствами, выведенными в соседнюю комнату. Это что, специальный шик для, так сказать, начальства? Смешно, я рассчитывал на нечто более скромное, ну да жаловаться глупо. Холодильник, кровать, стол, стулья, окно, персональный компьютер, шторы непонятного зеленого цвета и бледно желтые обои создавали довольно приятную атмосферу. Не просторно, но и не в тесноте, нормально для одного человека. Пришедшая в голову мысль была тут же проверена, фамилляр, не высовываясь, оглядел все помещение, но однородность обстановки не была нарушена камерами или чем-нибудь еще следящим. Ни камер, ни микрофонов я не заметил. На всякий случай так же проверил вид из окна — все чисто, извне тоже ничего не подглядывало. Что ж, вроде, все по чесноку.

Завалившись на кровать, прикрыл глаза. Итак, что мы имеем? А имеем мы, в основном, вот какое дело, зависящее целиком от того, что скажет пришедшая в себя Кристина. Если при всей той хрени, что накрыла ее, она не ощущала этого паскудного давления на виски, то это может значить только одно — нет никакого времени обязательного приручения, есть лишь необходимый лимит. А это уже совсем иное, да такое "иное", что просто мама не

горной. Если исходить из этого, то получается, что есть, как я понимаю, некий лимит, который мы можем выбирать или нет. Но так как параллельно со всем этим и сами развиваемся то, по логике, данный лимит просто обязан изменяться, и когда это происходит, и при условии, что предыдущей его выработки было недостаточно, то наступает некий конфликт, просто и банально, извиняюсь за выражение, "разъебывающий нам мозг". Мол, что за непорядок, а ну быстро, отстаем от плана и все такое. По крайней мере виделось мне это все как-то так, ничего другого я сообразить не мог. Да и объясняло это довольно многое. Так что через пять минут уже перебирал в уме, кого, если это все так, можно заполнить себе еще. Но никто из кошмаров меня особо не прельщал, на фоне моей троицы они ничем особым не выделялись, и то сказать, способностей ведь большинства я просто таки не знал. Вполне может быть, что под самым носом обитают настоящие самородки. Но вот эта непонятка с лимитом и его границами заставляла осторожничать, что бы не получить себе какую-нибудь бесполезную тварь.

До вечера девушка так и не очнулась, так что я, промаявшись за компьютером, ночевать уехал домой, Стас был еще ранее проинформирован о моей ситуации, так что спустившись с помощью ребят и доковыляв до его машины, никак проблем с организацией доставки моей тушки по адресу не встретил. А добравшись до кровати, прямо-таки выпал, мгновенно погрузившись сон.

Утром же, как проснулся, чуть не получил инфаркт — не собравшийся в кучу мозг первым делом решил забить тревогу и начал паниковать, сердце учащенно забилося, глаза лихорадочно шарили по телу, но находили лишь половину, ног не было, хотя я и чувствовал их. На кровати лежала лишь часть по пояс, все, что ниже, отсутствовало. Испытываемый шок вдруг стих как-то сам по себе, вспомнились вольности Плюща, пока привыкали друг к другу, и сколько ночей полетов он мне устраивал. А эта же тварь со мной всего нечего, так что как только все встало на свои места, я стал успокаиваться. Перебесится и успокоится. Хреновым было только то, что понятия не имел, когда это пройдет и как мне теперь справить нужду, хотелось не милосердно. Блин, теперь даже выходить куда-то опасно, еще провалюсь в землю по пояс, ахренеть перспективка. Откинувшись на подушку, принялся ждать, суча от нетерпения в том мире ногами, еще немного и банально обоссусь. Но Кокон, как решил его называть, прекратил все это баловство довольно скоро и я пулей помчался справлять нужду. И только потом дошло, что вчерашняя слабость почти не ощущается, так, слегка, как напоминание. Но все же стоит еще пару деньков посидеть дома, переживая процесс привыкания.

Каких-либо особых ощущений от Кокона я не чувствовал, значит, придется хорошенько выmaterить его, подкормив и привязав поплотнее. Душ окатил живительной влагой и даже как-то не сразу сообразил, что все еще хоть и ноет, но уже не так сильно, да и шрамы стали уже частью не заметны, как на собаке заживает, что ли? Но мочалку брать, все же, пока не решился. Блин, как же хорошо не ощущать себя разваливающимся, дряхлым куском мяса, блаженство. Абсолютно ведь не ценим свою бодрость, отсутствие недомоганий, болей и прочей хрени. И только как прихватит, начинаешь понимать, насколько это хорошо, когда организм дышит здоровьем и полон энергии и сил.

Когда же вышел из ванны, раздавшаяся трель сотового заставила чертыхнуться: восемь утра, епт, какого хрена?! Забрав у фамильяра трубку, глянул на вызов — Татьяна, что б ее.

— Да.

— Привет, живой?

— Только благодаря тебе, — буркнул недовольно.

— Опять нет настроения? Ну, так я тебе его подниму. Наша спящая красавица пришла в себя и очень хочет с тобой поговорить.

— Рад за нее, и я хочу с ней поговорить, но только не сегодня.

— В смысле? Ты ведь вчера уже более-менее был.

— Блин, Тань, вот именно, что более-менее, мне время надо для восстановления, а с этими тасканиями по городу — мне покой нужен, понимаешь, покой, — вывалил скороговоркой в трубку.

— А кричишь ты будь здоров, — подозрительно проговорила в ответ.

Блин, ну что за несносный человек, вот бери и едь, и похрен на то, что в любой момент у тебя может пропасть нога, рука или вообще голова. Все равно должен быть на работе.

Трындец. Я устало вздохнул и повторил:

— Сегодня никак, буду отлеживаться в тишине и покое, завтра посмотрим.

Она некоторое время помолчала и ответила:

— Ладно, завтра с утра позвоню.

— Да дай же мне выспаться, садистка, — раздраженно выдохнул в трубку.

— В десять, и ни минутой позже, все, отсыпайся, — и пошли гудки.

Вот ведь стерва, я еще пару мгновений раздраженно смотрел на трубку, потом швырнул ее фамильяру и пошел завтракать. Хрен там! Правая рука исчезла по локоть в тот самый момент, когда вытаскивал из пакета понравившееся яблоко, и оно со стуком покатило по полу. С трудом сдержавшись, что бы не выматериться, наклонился и поднял его левой. Откусив кусок и тем самым дав понять желудку, что его заказ выполняется, поспешил в коридор и шмякнул плетью выключатель. Пришедшая в голову идея требовала незамедлительной проверки. Высветившийся в зеркале срез руки совсем не соответствовал моим представлениям, обрубок имел идеальный скол и был покрыт тончайшей сизоватой дымкой, так что не было видно ни кости, ни мяса, ни кровеносных сосудов. Причем дымка была точь-в-точь как у покойного кошмара Павла, только у того ее было больше, она прямо сгустками висела между частями тела, напоминая, скорее всего, клочья тумана. Но по цвету была идентична. Интересно, какими же свойствами тогда обладала та тварь, если подобный эффект вызывался при соприкосновении двух миров? Но мысли по этому поводу так и не приходили.

В принципе, этот день ничем таким не отличался, как и последующий, если не считать того, что эта тварь меня таки довела до нужной кондиции, чего я, собственно, ждал, и тогда, постаравшись усилить накопленные эмоции, выдал ей такую смесь раздражения, злости и банальной накрутки себя, что в конце выпал в осадок и чувствовал себя выжатым до последней капли лимоном. Все, должно хватить, иначе второй сеанс будет уже не скоро. После таких всплесков казалось, что меня будто выпили, высосали досуха, наступала апатия и полнейший эмоциональный штиль. Как-либо бурно реагировать я смогу не раньше, чем через пару тройку дней, а то и позже. Но Кокон оказался удовлетворен и полностью доволен подачкой, где-то под вечер пришли новые ощущения и я, не откладывая в долгий ящик, принялся с ними разбираться.

Отчасти это походило на то, как чувствовалась пустота, она будто касалась меня всего, только изнутри. С Коконем же было похоже, но все-таки иначе. Кошмар воспринимался чем-то теплым, мягким, гибким. Если пустота просто касалась меня, то он обволакивал, убаюкивал, успокаивал — чувства были настолько же приятными, насколько и

чужеродными. Так не должно было быть, но было, будто каждый орган, каждую кость, сосуд и клеточку обернули собственным мягчайшим покрывалом, защитив и укрыв, дав свое личное убежище. И чем больше я сосредотачивался, тем больше убеждался в том, что это можно контролировать. Созерцание уюта внутри себя на определенном участке вызывало немедленное поднятие температуры по сравнению с другими, и стоило лишь сконцентрироваться, допустим, на ощущениях не в груди, а в коленной чашечке, как тепло тут же перебрасывалось туда. Довольно приятный, но странный эффект. Что мне это давало, кроме внутреннего обогрева, я понятия не имел, ничего другого не откликалось и не происходило, так что постепенно стал разочаровываться, я-то надеялся совсем на другое. И какое же облегчение и радость испытал, когда уже энная попытка таки принесла свои плоды — получилось убрать руку. Из нашего мира в тот. Счастья было полные штаны.

Фишка заключалась совсем не в тепле, как на меня — это всего лишь побочный, хоть и приятный, эффект. Это был своего рода такой же командный импульс, посылаемый Белому, Плющу, руке или ноге, просто не отработанный, что ли. Получалось не всегда, срабатывало значительно реже осечек, но все же получалось. И спустя часа два такого мытарства я уже мог на пятый-шестой раз прятать в тот мир всю руку целиком. Устав же, сделал себе перерыв, а когда возобновил занятия, оказалось, что все достигнутое ранее пошло насмарку, печаль, одним словом. Так что придется отрабатывать как с фамильяром, денно и ночью, что чревато разоблачением. Хотя, если рядом не будет чужих кошмаров, можно вполне сносно тренировать руку и в кармане, ладно, там видно будет, главное, определились. Потом еще до вечера продолжал мучить правую ладонь, а на утро уже трясся в машине вместе со Стасом.

— Ну как, выздоровел?

— Ага, — кивнул, продолжая пялиться в окно, — почти.

— А что было-то? — продолжал любопытствовать парень.

— Если скажу, то придется тебя убить.

Тот рассмеялся:

— Опять секреты?

Я кивнул. Стас нормальный, адекватный парень, зря я на него в начале плохое подумал, но все же было в нем нечто простоватое, что ли. Он вполне мог, по моим ощущениям, с одинаковым расположением болтать, к примеру, обо мне с Татьяной и наоборот, абсолютно не чувствуя за собой вины. Вопрос только в том, кому он больше скажет? Думаю, ответ очевиден, а потому сблизиться с ним и налаживать взаимопонимание и общий язык не хотелось, ни к чему мне это.

Первый раз нас никто не встречал. Меня в лицо уже знали или были просто предупреждены, так что пропустили без задержек. Поднявшись в местную общагу Владык, как они решили себя называть, тут же попал в прицел всеобщего внимания, так что отойдя от двери едва ли пару шагов, тут же спросил:

— Чего?

— Привет! — тут же выскочила откуда-то сбоку чем-то донельзя довольная Кристина и попыталась чмокнуть меня в щеку. Дернулся было рефлекторно отстраниться, но сдержался, походу, совсем одичал уже.

Потом появился Павел и крепко пожал руку, с чувством, с расстановкой, и понеслось. Приветы, рукопожатия, еще одна девчонка сподобилась чмокнуть в щеку, и только под конец всего этого цирка заметил ехидно на все это взирающую Татьяну. Пришлось скривиться и

еле заметно кивнуть, но она поняла, хрен его знает что, но поняла, эмпатка чертова.

Как оказалось, встречали меня так не зря. Оба страдальца уже полностью отошли и оба были с новыми кошмарами. Кристининого питомца я уже видел, а вот Павел с гордостью и даже с каким-то пафосом вывел на всеобщее обозрение свое новое приобретение. Ба, да ему за ним пришлось к самой черте города ехать, и чего его туда понесло. Перед нами, в центре комнаты, висела кошмарная, уродливая помесь змеи и сороконожки. Помесь потому, что черный матовый покров изобиливал сотнями, если не тысячами отростков разной длины по всей своей поверхности. Отвратная тварь была примерно метров шести-семи в длину и по толщине превосходила меня вдвое, и все это извивалось, шевелилось и находилось в непрерывном движении. Особенностью этой гадины, о которой, по крайней мере, я знал, были плевки какой-то дрянью, которой она убивала добычу. Хватало буквально одного попадания и туша, примерно в два раза меньше моего Белого, заваливалась наземь и больше не шевелилась. Я уже видел такое, но с детства не питаю особой любви к сороконожкам и потому даже не рассматривал такой вариант. Это же чудовище было существенно крупнее виденных мною ранее, и чего ребята с таким восторгом его рассматривают, просто не понимал. Хотя да, в команде было два травоядных, теперь же стало два плотоядных, способных на агрессию и бой. Только вот это позиция дилетанта, при умелом использовании и не хищник может стать смертельно опасным инструментом.

— Впечатляет, — похвалил я парня, — а твой где? — повернулся к девушке.

Из правой стены тут же выпрыгнула кошмарная кошка и мягко приземлилась около своей хозяйки, да уж, это не Белый, грациозное и донельзя ловкое, как я посмотрю, существо, если б еще не такой видок.

— А ваши где? — раздалось от ребят.

Пришлось обернуться:

— Мои всегда при мне.

— А вы нам покажете?

— Нет, — покачал головой.

— Почему?

— Потому что это глупо.

Вокруг наступила тишина, все взоры опять устремились на меня, ну вот кто за язык тянул, сказал бы, что лень или еще чего сбрежал, а теперь начнется. Хуже того, за всем этим с интересом наблюдала корпа, ловя каждое мое слово, каждый жест.

— И почему же глупо? — спросила одна из девушек.

Вот что ей ответить?

— По твоему, чем вы здесь занимаетесь? В игрушки играете? Ваши кошмары как колода карт, и только глупец раскрывает свои козыри.

Все вдруг сразу же изменилось, будто я нечто сокровенное выдал, открыв им глаза на мир. Они поначалу бестолково хлопали ими, вникая в суть сказанного, а потом появилось понимание и стали щелкать тумблеры, я как будто даже слышал стрекот, что-то навсегда сдвигающий в их мозгах и отчасти сворачивающий розовые шторки. Да ребята, да, включайте голову, напрягайтесь и думайте, от этого в дальнейшем будет зависеть ваша собственная жизнь.

— Вижу, наконец начали хоть что-то понимать, — удовлетворенно кивнул и отметил недовольный взгляд корпы. Естественно, им это совсем не на руку, в системе для своих должна быть прозрачность, для лучшего контроля, а я сейчас несу совершенно не то, на что

она рассчитывала.

— Вы только забываете, что все мы в одной лодке и от слаженности наших общих действий зависит очень многое, так что какие-либо секреты заранее заказаны, — не преминула она вмешаться.

Я же украдкой отмечал эмоции ребят, читающиеся сейчас на их лицах, словно открытая книга. Большинство с ней согласилось, лишь Кристина с Павлом да еще пара ребят смотрели совершенно по другому. Надо будет к ним получше присмотреться. И если первых двух я уже более менее знал, то с Антоном и Виктором знаком был лишь поверхностно.

— Ладно, у вас есть еще полчаса, — и, схватив меня под руку, потащила к выходу.

— Ты мне чего дисциплину разлагаешь? — прошипела уже в коридоре, — Ты ребят учить должен, а не подрывной деятельностью заниматься.

— Ну так расскажи мне, недалекому, как ты видишь мою работу.

Она остановилась и сделала пару глубоких вдохов-выдохов.

— Ты меня в могилу сведешь, — и, помолчав, продолжила, — Значит так, начнем, как всегда, с теории, а потом плавно перейдем к практике. На все про все у нас примерно месяц, так что думай, как вложить в них самое необходимое, что бы они не сдохли в первом же бою.

— Грубо, — отметил я.

— Как есть, сам сказал, не в игрушки играем, — поправила она волосы.

— Как скажете, Татьяна Викторовна.

— То-то же, теперь о твоём видении процесса.

Я задумался, от меня что, требуется в краткой форме изложить схему обучения? Черт, как то раньше мне это в голову не приходило: с чего начать, как продолжить, чем закрепить. Все казалось много проще, ребята бы задавали вопросы, я бы отвечал, если хотел, и все. Но в свете последних фактов скрывать что-либо казалось не особо уместным и даже преступным, смерть ведь действительно будет ходить совсем рядом, а я далеко не такая мразь, разве что утаю пару-тройку чего для себя.

— Ну, для начала выделю сильные стороны и способы использования кошмаров, потом разберем их виды и что нам о них известно, следующим шагом, думаю, будет взаимодействие, этапы и возможные осложнения. Как-то так, в общем.

— Хорошо, — казалось, девушка была удовлетворена, — тогда каждый день с пол десятого и до победного.

— То есть допоздна?

— Именно.

— Не устраивает, — покачал головой, — до шести максимум.

— Влад, — начала было девушка, но я ей не дал продолжить:

— Не спорь, по другому не будет, — и толкнул дверь от себя.

Вернувшись к ребятам, сразу же взял инициативу в свои руки:

— Все расселись, не будем откладывать и приступим, — в голове уже был сформирован сюжет до конца дня и я хотел отыграть его как можно лучше. Народ довольно быстро рассосался по стульям, диванам и креслам, устремив на меня свои взгляды и поддерживая на удивление единогласную тишину. Надо же, такого я даже не ожидал, что ж, начнем.

— Итак, к черту правила и формы, — корпа тут же открыла рот, но опять не успела, — вы будете убивать, будете шпионить и, вполне возможно, умрете сами, так что слушать предлагаю внимательно. Более того, все, что мы с вами тут наговорим, на самом деле не будет стоять и выеденного яйца, если вы не станете развиваться самостоятельно. Это ясно? — все закивали головами, а Татьяна, нахмурившись, продолжила меня мрачно буравить взглядом. А что ты хотела, под вашу дудку я все равно плясать не буду.

— Татьяна Викторовна, попросите, пожалуйста, принести нам что-нибудь из лабораторных емкостей, устойчивое к кислотам и все такое, на подобии миски, — она удивленно подняла бровь но просьбу выполнила.

— Есть два никак не пересекающихся мира, и мы с вами поневоле стали гранью между ними, гранью активной и способной воздействовать. Для вас сейчас есть три типа кошмаров, назовем их хищниками, помощниками и инициаторами. У нашей парочки, — кивнул на Кристину с Павлом, — есть по инициатору на спине и по хищнику в подчинении. Почему именно так? Потому что над инициаторами у вас нет власти, а вот другим вы можете приказывать, они послушны так же, как ваши рука или нога, вы же при ходьбе не приказываете своим конечностям двигаться? Так и тут, кошмар мгновенно получает посыл к действию и при определенной практике выполняет его со стопроцентной точностью.

Дверь открылась и вошел человек в светло синем, скорее всего из резины, костюме. В руках он держал как раз подходящую под наши цели емкость, что-то типа небольшого тазика из толстого матового стекла. Что ж, отлично, подойдет, я указал ему на пол и обернулся к Павлу:

— Пусть твой питомец плюнет в миску.

Тот сначала замешкался, но спустя пару секунд его тварь выглянула из стены и харкнула темно-зеленой струей мимо емкости, заляпав той лишь самый край. Я указал мужчине на тару и продолжил:

— Забирайте, думаю, вам это будет интересно. А ты не расстраивайся, — обернулся к парню, — просто нужна практика. Итак, мы можем воздействовать на наш мир с помощью кошмаров, что делает из нас первоклассных убийц. Кроме того, кошмары способны проявляться как полностью, так и частично, что позволяет, к примеру, уничтожить человека, послав кошмара откусить тому половину сердца, и бедняга ничего не сможет сделать. Зубы вашего питомца проявятся в нашем мире только в момент соприкосновения с плотью органа и только частью, никак не влияя на окружающие его сосуды, ребра, мясо и что там еще у нас в груди. И да, я не знаю, что это за гадость, постарайтесь ее не касаться, — я на всякий случай отошел от ставшей чернеть части ковра подальше.

— Кроме того, когда ваша связь с кошмаром окрепнет, вы сможете пользоваться его органами чувств в обоих мирах, что опять таки будет зависеть от вашей с ним связи и

практики. Зрение, слух и прочее будут передаваться вам в качестве знаний, поначалу возможен определенный дискомфорт и, скажем так, нагромождение ненужной информации, но со временем это перейдет в иное качество, предоставив в ваше распоряжение действительно потрясающие возможности.

— Только эти два момента уже делают вас первоклассными шпионами и убийцами, к примеру, любой из вас мог бы, не выходя отсюда, перебить всю базу Корпуса в течении каких-то десяти минут, как вам такое?

Народ сидел почти не дыша и ловил каждое мое слово, корпа же уставилась в пол и ее кривая усмешка не предвещала мне ничего хорошего. Ладно, переживу как-нибудь, главное, все всё уяснили и, надеюсь, правильно. Один из ребят поднял руку, я кивнул.

— Но нас же могут запросто застрелить.

— Могут, вот тут и кроется основной момент: ваш потенциал должен подкрепляться еще и выживаемостью, а не только боевой мощью, мертвый боец — плохой боец, я правильно выражаюсь, Татьяна Викторовна? — та изобразила оскал и молча кивнула, продолжая буравить пол.

— И как нам это сделать? — спросила Кристина.

Я пожал плечами:

— Экспериментируйте, разные кошмары — разные возможности. Они дадут вам как способы атаки, так и защиты.

— То есть нам нужно понимать, что мы хотим получить в итоге, — вставил Павел и я кивнул, не дурак, мозг работает в правильном направлении.

— А для этого нужно знать о способностях кошмаров, — продолжила Кристина, — вы нам с этим поможете?

— Чем смогу, — улыбку пришлось выдавить буквально через силу, все же перспектива делиться знаниями не вызывала у меня вдохновения, ну да что поделаешь.

— Так с чего нам начать?

— Вам ни с чего, пока не займете собственного инициатора, — взглянул я на сидящего справа парня, — а вот нашей парочке уже есть над чем работать. Для начала следует определиться с возможностями ваших питомцев и уже начать подбирать себе новых. Со временем с вами будут происходить разнообразные изменения, вы станете по другому воспринимать ту или иную пищу, ваше психическое состояние так же может изменяться, возможны недомогания и другие неприятные ощущения. Все это нужно просто перетерпеть, так как это является частью адаптации, к слову, длиться она, по моим наблюдениям, будет постоянно. Кристина, кстати, когда ты тогда наподдала своему новому кошмару, присутствовало ли ощущение давления на голову или нечто подобное, схожее с тем, как перед приручением первого кошмара?

Девушка отрицательно покачала головой и я еле сдержал эмоции, выдавив лишь улыбку — да, детка, да, черт возьми! Внутри прямо отлегло, словно камень с души свалился, подспудно все это время давящий и гнетущий в ожидании ответа. Вопрос прямо-таки грыз меня, пилил и мучил своей неразрешенностью, и вот теперь все встало на свои места. И какие места! Теперь открывалось просто море возможностей, и я совсем не собирался их упускать.

— Так что в обязательном порядке стоит периодически проверять себя на способность приобретения нового кошмара, поверьте, вы не хотите подвести себя вплотную к черте лимита, вам это не понравится.

— А можно как-то ускорить получение инициатора? — послышался вопрос.

— Увы, мне об этом ничего неизвестно, — пожал плечами, — скажу лишь, что первоначально инициаторы могут жить и на голых стенах, тогда хватайте матрас и старайтесь проводить рядом с ним как можно больше времени, и то это вариант на авось, как это все действует, сам в догадках теряюсь.

— Так чем же нам заниматься, пока Пашка с Кристиной будут к делу приставлены? — отозвалась одна из девушек.

— А тем, чем можете принести хоть какую-то пользу, сбором данных. Та информация, которую я вам предоставлю, все равно не полная и собрана едва ли на одну пятую обитающих у нас в городе кошмаров. А знать, на что они способны и кого лучше занять первыми очень многого стоит.

— То есть придется сидеть на одном месте?

Я кивнул:

— Кто иницирован, занимаются со мной, остальные работают в поле, но это все после теории, когда дойдем до практики. Начальство не против? — обернулся к корпе.

— Не против, — кивнула та.

— Хорошо, тогда далее. Помощники, — я особо выделил это слово, — малоподвижны или вообще не имеют возможности двигаться, питаются эмоциональным фоном и потому чаще всего их можно обнаружить рядом с людьми, в квартирах, офисах, складах, транспорте и т. д. Но есть виды, предпочитающие селиться вдали, таких можно найти на заброшенных стройках, пустырях и в остальных малолюдных местах. И те и другие могут влиять на психическое состояние людей, и при особой концентрации на метр квадратный вполне способны вызывать повышенную раздражительность, злость, нервные срывы и прочие отклонения от нормального состояния человека. По своей сути, не являясь хищниками, равнодушны к другим кошмарам и нередко можно обнаружить три-четыре совершенно разных вида, делящих одно помещение. Но это не значит, что они не способны за себя постоять. Во-первых, у них могут быть особые способности, позволяющие проводить активную защиту, фактически уничтожая противника. Во-вторых, их строение само иногда позволяет эффективно наносить урон и даже убивать врага, что в целом делает подобных кошмаров довольно ценными питомцами.

Все слушали на едином дыхании, как сказку, рассказываемую на ночь, особенно мне понравилось выражение пересевшей на диван одной из девушек, та даже ладонь под щеку подставила, всем своим видом выражая заинтересованность. Прикольно, никогда не считал себя таким уж хорошим рассказчиком, и тут на тебе, стопроцентное внимание.

— Теперь о хищниках. Бывают всевозможных форм и размеров, чрезвычайно сильны и быстры, но тут с оговоркой, иногда встречаются виды, вот как у Павла, способные на почти мгновенные броски но не готовые к длительному преследованию, такие чаще всего предпочитают атаковать из засады, и при затягивающемся бое просто отступают, естественно, если им позволяют, так как при больших расстояниях их скорость оставляет желать лучшего. Питаются как эмоциями, так и себе подобными, могут и жрут, в общем, — я потер руки, так, что еще добавить, ах да, — Так же следует отметить, что каждая особь имеет свой, так сказать, предел, на который она может от вас удаляться. Эта характеристика растет по мере вашего личного развития и практики, так что стоит заниматься со своими кошмарами как можно чаще.

— Это основное, по глазам вижу, что есть вопросы, давайте пока разберем их.

И понеслось, руки росли как грибы после дождя и за каждой крылось не редко до десятка вопросов, при чем ребята иногда сами же на них и отвечали, облегчая мне задачу. Спрашивали разное, иногда глупое, иногда такое, о чем я сам не знал или просто не хотел отвечать, и тогда приходилось с легкой улыбкой отмалчиваться. Татьяна, просекшая подобные моменты, тут же вклинилась, но добиться ничего не смогла. Чего не знаю, все равно сказать не смогу, а мои тайны при любых раскладах останутся только моими, в том случае, конечно, когда они не касались ребят. В общем, после перерыва на перекус, устроенного при напоминании одного из парней, так как все банально забыли об этом и готовы были болтать хоть до самого вечера, решили перебраться на свежий воздух.

Облюбовав один из пустующих складов, притащили стулья и устроили, своего рода, показательный урок. Кристина вывела перед нами своего кошмара и стала по всякому его изводить, заставляя прыгать, крутиться, крошить бетон, проходить сквозь стены и т. п. Не знаю, чего они в этом такого нашли, но в течение часа-двух девушка без устали выполняла просьбы сделать то-то и то-то, народ же получал от всего этого просто несказанное удовольствие. Хотя чего я, когда сам столкнулся с подобным вначале, тоже был на седьмом небе. Плюс интересно было наблюдать за реакцией Татьяны, с глупым видом косящейся то на одних ребят, то на других, что как дураки мотали головами из стороны в сторону в пустом складе и с воодушевлением то восклицали что-то восторженно, то смеялись, то еще чего. Сборище придурков и одна нормальная, в общем. Хотя то, что вытворяли кошмары иногда было действительно забавным, так крутиться и выкручиваться не смогло бы, наверное, ни одно живое существо на нашей планете. А когда Павел стал завязывать свою гадину узлами или скручиваться всевозможными фигурами, и все это в воздухе, ведь его тварь по земле не бегала, то народ прямо-таки ахнул, настолько это впечатляло.

Только представить, почти полуметровый в поперечнике гад длиной метров семи со множеством находящихся в постоянном движении не то лап, не то отростков, вдруг начинает выделять в воздухе такие кренделя и с такой скоростью, что челюсть отвисает сама по себе. Во-первых, зрелище довольно жуткое. Во-вторых, восьмерки и прочие фигуры пилотажа, всплывающие в голове парня, сменились под конец чем-то вообще настолько замысловатым, что семь метров черного шевелящегося покрова слились в сплошную замкнутую сферу, иногда выпускающую наружу кошмарную морду, и тогда народ с удовольствием вскрикивал от неожиданности, так становилось действительно страшновато. Харя у этой твари была явно насекомоподобной, имела жвалы, бусинки глаз и все такое, с тем лишь отличием, что также могла выворачиваться почти наизнанку, выставляя на всеобщее обозрение мелкие ряды жутких, острых загнутых клычков, такими как схватит, уже не вырвешься. В общем, до вечера время пролетело весело и почти незаметно, все остались довольны, в том числе и я, без устали мучающий в карманах уже обе руки, что немало меня радовало. С такими темпами через неделю меня ждет довольно интересный, хоть и опасный, эксперимент. Ну да загадывать пока рано.

— Хорошо поработал, — похвалила под конец корпа, — интерес у них есть, желание тоже, а дисциплину выработаем, — я кивнул, — а вот твоя отсебятина не лезет ни в какие ворота, — перешла она на повышенное, злобное шипение, как только мы покинули ребят и направились к гаражам.

— А что ты ожидала услышать? Что у них все будет в порядке и работать им до конца жизни в офисе, менеджерами?

— Нет, но и запугивать их раньше времени тоже не стоит, должен понимать, — бросила

она отрывисто, — так что с завтрашнего дня что б без этого. И еще, что дальше планируешь?

— Да что планировать-то? Ту парочку на практику, остальных по машинам и пусть наблюдают, больше с них пользы никакой.

— И это все, теории больше не будет?

Я даже улыбнулся:

— Тань, мы, черт возьми, пионеры во всей этой хрени, или ты думала у меня вагон знаний? Спешу тебя огорчить, это не так, и многое, что у них пройдет гладко и без осложнений, я отработывал болью и кровью.

Девушка хмыкнула.

— Можешь не верить, мне без надобности.

— Серьезно что ли?

— Нет блин, вру, — раздраженно бросил я.

— Ладно, извини, ты же ничего не рассказываешь, куда завтра ребят посылать?

— И не собираюсь, а их по отдельности, завтра скажу куда.

— Хорошо, тогда до завтра, у меня еще работы вагон.

— Давай, не перетрудишься, — буркнул ей в спину и сам не понял, с чего вдруг такой настрой, обиделся, что ли?

Она тоже с удивлением обернулась и посмотрела с каким-то недоверием, словно уточняя, не ошиблась ли? И тут опять вспомнил, кто она и что может и, чертыхнувшись, ускорился в сторону машин. Чертова эмпатка, наверняка разобралась во мне лучше меня самого, а я ни сном ни духом пока, что это на меня нашло. Как же раздражает, когда тебя видят насквозь. И чего вообще взъелся, расстроило ее недоверие? С какого хрена? Ну да, симпатичная, и что? Чертовы гормоны, какого-то особого влечения я к ней не ощущал, но ее внимание было приятно, ну не из-за этого же, в самом деле? Тогда что? Влюбился? Я чуть не рассмеялся, настроение сразу подпрыгнуло до прежней отметки, так что Стаса я нашел уже в адекватном расположении духа.

— Привет, отвезешь домой? — и пожал его протянутую руку.

— А то, залезай, — а сам снова полез в капот.

— Случилось что?

— Да был на патрулировании, опять живность гоняли, — это они так тварей называют, "живность", — так опять новые кадры появились, плюются такой хренью, что представляешь, металл трухой осыпается. Вот и подпортили мне передок, теперь меняю.

— Пострадавшие есть?

— Да они всегда есть, куда ж без этого, пока тактику не разработаешь, ошибки случаются, а потом уже по накатанной. Вон, ребятам пулеметы довели до ума, теперь выдвигаются, не обязательно из фургона стрелять.

— Растем, — оценил новость.

— Ага, говорят, наши умники опять что-то там разрабатывают, может подкинут еще чего новенького.

— Вполне возможно, ты там скоро?

— Не терпится? — послышался смешок, — Ладно, потом доделаю, поехали.

Лихо закрутив около подъезда, Стас дал мне выбраться и укатил по своим делам. Я же не спеша поднялся на свой этаж, открыл замки, закрыл за собой дверь и замер на пороге. Еще в машине в голову внезапно пришла мысль и до сих пор не давала мне покоя. Ниточка к ее распутыванию вилась буквально перед глазами, но ни ухватить ее, ни проследить откуда

она берет свое начало пока не удавалось. И вот, вдалеке словно забрезжило что-то, слегка так, намеком, будто интуиция в слепой удаче случайно нащупала нечто важное, только что? Боясь упустить ценность момента, я замер и почти перестал дышать, надеясь даже не зная на что, на авось, скорее всего, и, как всегда, это сработало.

Бам! Догадка клином вошла в узел. Бам! Тот дрогнул, распадаясь и открывая сердцевину. Бам! И я в который раз ощущаю себя полнейшим дураком. Конечно, это была всего лишь догадка, но показавшаяся вдруг настолько реальной и красочной, что ее просто невозможно было не поверить. Смысл заключался в том, что мы всю жизнь воспитываем в себе принцип наработки, тяжелого труда над собой и прикладываем максимальные усилия ради того, что бы действительно что-то получилось, что бы чего-то добиться. И полностью отвергаем идею о том, что все необходимое в нас уже заложено и этого нам должно хватать с лихвой, потому как реалии нашего мира говорят совсем о другом. Но если все не так, если все действительно намного проще, по крайней мере для них. Я смотрел, как медленно колышутся плети, как они извиваются, будто поддаваясь напору несуществующего ветра, как повинуясь, мгновенно вытягиваются по струнке и тут же опадают, расслабляясь, когда исчезает контроль. Мне вдруг стало интересно, а что, если там, у них, действительно существует ветер? Тогда есть и множество другого, чего просто не может не быть, и я, расслабившись, ухнул в чужой мир.

Однажды я уже бывал здесь, тогда, во сне, когда наблюдал все словно с обочины, отстранившись от всего и не подвластный обычному течению времени. Сейчас было то же самое, сознание будто затопила волна отчужденности, спокойствия и равнодушия. Я есть здесь, сейчас и всегда. Реально только то, чего я хочу, все остальное не имеет ни малейшего значения. Отсюда все виделось намного проще, четче и оттого казалось более понятным. Здесь не было место эмоциям, они будто впитывались пространством, высасываясь и не отравляя своим пагубным воздействием. Им просто не было места, в мире без красок и без будущего. Мир изнанка, черновик, копирка, как угодно, но только не настоящий, позволяющий испытать всю гамму существования, он словно двойник был постоянно рядом и, в то же время, недостижимо далеко.

Цвета поблекли, приобрели оттенки серого и слились общим потоком в некое подобие теней, просматривающихся на фоне красок того, другого мира. Я словно смотрел сквозь затемненные, местами даже не просматривающиеся очки, на стены родной квартиры лег сумрак, частью повторяя ее контуры, частью искажая, имея разную плотность или вообще состоя из почти еле видимой дымки. Я сделал шаг в сторону и поразился тому, насколько четко и жестко среагировал на это движение окружающий сумрак, будто рывком подстроившись под мою ногу и скользнув навстречу. Второй шаг, третий и четвертый лишь добавили уверенности об абсолютно иной составляющей действующих здесь сил. Сила притяжения, несомненно, была, но не ощущалась, когда хотел — шел вперед, совершенный же прыжок вознес меня под потолок и по грудь погрузил в бетон, представив перед глазами хаос межэтажного перекрытия. Не чувствовалось ни легкости, ни тяжести, и это было не совсем понятным, но мысли плавно перетекли на другое.

Приблизившись к стене, без раздумий шагнул вперед, миг перед глазами пронес шпукатурку, кирпичную стену, металлическую сетку и через мгновение я уже опять стоял в коридоре. Всплыла мысль, что все получилось так, как я и хотел, но радости не было, просто осознание собственной правоты. В теле стояло уравновешенное тепло, было уютно и комфортно, и я не видел смысла покидать это место. Слишком уж большой контраст и

разницу в восприятии сулило возвращение назад, а здесь чистый, незамутненный покой. Плетки расслабленно колыхались в такт мыслям и показались вдруг настолько уместными и естественными, что возникло понимание того, насколько тот мир ущербен без этого. Я бы пожалел всех тех людей, не способных понять этой простой истины, если бы мог. Но мне было все равно. Меня их проблемы не касались. Потом зазвонил телефон и я, повинувшись выработанному за долгие годы рефлексу, покинул тени и протянул руку, ощущая возвращение эмоций.

Это больше походило на дозирование, нежели на шквал прорвавшихся эмоций, они возвращались неохотно, с трудом, я наблюдал, как во мне все растет удивление наравне с пониманием, а затем пришел и отголосок страха, мелкий такой, незначительный. Пришедшая же догадка уже обрела плоть и жила своей жизнью, раскладываясь по полочкам мозга и утверждаясь в своем праве быть. И это открытие меня совсем не радовало. Получалось, что мир кошмаров не терпел того, чего в нас было с избытком, и избавлялся от этого весьма качественно — эмоции были ему не нужны, как и всему, что в нем обреталось. И он влиял на это, каким-то образом отсекая возможность чувствовать, воспринимать или вырабатывать чувства, не знаю, как будет правильно, но то, что этот эффект какое-то время оставался и в нашем мире, говорило о многом. Как бы не потеряться, не утратить свою человечность, не стать бесчувственным куском мяса. Не такого я для себя хотел.

Рука сомкнулась на трубке и из нее прозвучал вполне ожидаемый голос, ну просто жить без меня не может, с мыслями обо мне ложиться, и с мыслями обо мне встает, блин. Голос у Татьяны был совсем не радостный, но я все еще не вернулся в норму и потому мне было слегка, так сказать, наплевать. Интересным было так же еще и то, что я прекрасно это понимал.

— Привет, все осложнилось, внизу тебя ждет машина, приезжай, — и это была не просьба. Я бы рассмеялся, если бы мог, но мне сейчас было все равно, оставаться дома или куда-то ехать, хотя раньше я не преминул бы поднять бучу. Что ж, ладно, покатаемся.

Стас тоже был отчего-то хмурый и не разговорчивый, ладно, без разницы, на месте все узнаю. Не перемолвившись за все время поездки и парой слов, подрулили к базе и разошлись по своим делам. Он в гаражи, я направился к общаге, около которой сразу же заметил знакомую фигурку. Вокруг всюду сновали люди, куда-то спешили, что-то делали, в общем стояла нездоровая суматоха, наводившая на определенные мысли.

— О твоём присутствии попросила Акши, если что, — и корпа без каких-либо объяснений заспешила в сторону уже известного мне своими достопримечательностями коттеджа. Я же, нагнав ее, задал всего лишь один вопрос:

— Началось?

И та не стала скрывать, кивнув. Вот оно, вот то, чего многие так подспудно ждали и откровенно боялись, а другие считали сказкой и полнейшим бредом — апокалипсис, вполне возможно принявший форму вторжения извне. Мы спустились на лифте и прошли пост охраны, миновали уже знакомую мне залу и прошли, что меня удивило уже на полную, в спальню. Ну и что за... какого хрена? Акши бледной тенью лежала в постели, подключенная к какому-то медицинскому аппарату и по ее лицу можно было вполне четко представить, насколько ей сейчас плохо.

— Что случилось? — шепнул остановившейся корпе.

— Покушение.

— Наши?

— Нет.

Ее немногословность начинала меня раздражать, но, поймав приглашающий жест одного из находившихся здесь мужчин, заткнулся и проследовал к одному из пустующих около кровати кресел. Помимо нас двоих, когда мы пришли, тут уже было человек пять-шесть, и все мне незнакомые, они о чем-то перешептывались и вид имели весьма озабоченный, так что тут явно произошло нечто нехорошее. Ну да, умник, тут же передразнил сам себя, раз чужачка в таком состоянии, то явно "произошло нечто нехорошее", кто бы мог подумать.

— Итак, все в сборе, — начал вдруг один из пиджаков, и все тут же замолкли, будто только этого и ожидая, — Акши, начнете?

— Да, давайте, — ее голос совсем не напоминал тот глубокий, с очаровывающими интонациями напев, которым она встречала меня в первый раз, — как вы понимаете, — она делала частые паузы, начиная учащенно дышать, — это только начало. Я вам ничем уже не смогу помочь, да и мало чем могла, хочу лишь поблагодарить за заботу и уделенное мне внимание, — она замолкла, закрыла глаза и скривилась.

— Где-то в городе есть их шпионы, — продолжила она спустя мгновение, — направляющие атаки и в определенный срок активирующие защитные и атакующие контуры, мы уже обезвредили некоторые из них, — она опять замолкла, — и поплатились, по крайней мере, вы теперь знаете, что искать.

Ее голос слабел с каждой фразой, было видно, насколько трудно ей это давалось, но девушка продолжила:

— Не забывайте только, если впустите к себе Царя Зверей, то проиграете окончательно, его вам нужно убить в первую же очередь, как только увидите и если хотите сохранить для себя свой мир.

Подключенный к девушке аппарат тревожно запищал и появившиеся тут же из соседнего помещения медики засуетились вокруг постели, что-то переключая, вкалывая и проверяя. Пиджаки поднялись, и стало понятно, что нам тут делать больше нечего. Я дождался, пока они пройдут вперед и, придерживав корпус за локоть, поинтересовался:

— Какого черта здесь происходит?

— Пошли, не здесь, — мотнула та головой и направилась к выходу.

— Итак? — покосился я на нее, когда выбрались под чистое небо.

— Незадолго до твоего отъезда Акши забила тревогу и подняла на уши всю охрану комплекса, мы тогда еще были вместе и я тоже об этом не знала. Она как-то почувствовала, что это началось и с оперативной группой покинула периметр базы. В общем, эти вторженцы, — она своеобразно повела в воздухе рукой, — начали переброску своих сил, пока только разведывательную часть, но и ее хватило, что бы изрядно потрепать наших ребят. Короче, перебили их всех и сами понесли потери, девушку же доставили в довольно плачевном состоянии, как и образцы иноземной технологии.

Она с прищуром посмотрела на меня.

— В общем так, объявлена боевая готовность, власти города уведомлены, мобилизованы все резервы, в течении пары-тройки дней ожидается существенное подкрепление. Тебе же придется на время забыть о гордости и поступиться своими принципами, мы не успели, нам не дали времени, у нас война, так что будь добр, соответствуй.

Я поднял бровь:

— Охранять базу, убивая всех незнакомых?

— Именно, и не только, пошли, — она взяла меня под локоть, чем смогла немало удивить, и потащила за собой.

— Ты, кстати, в моем вкусе, — зачем-то ляпнул и заслужил краткий смешок.

— Знаю, — прозвучало в ответ, но дальше тему не поддержала, — слышал про Царя Зверей?

— Да.

— Как думаешь, что она имела в виду?

— Разве раньше она этого не рассказывала?

— Нет, впервые упомянула.

— Да и звучит слишком уж детски.

— Только не часть про "проиграете окончательно", — покачала головой девушка.

И тут тряхнуло, жестко так, ощутимо. Девушка полетела наземь, раздался звук бьющегося стекла, и все вокруг покрылось красноватой дымкой. Звуки стали врываться густой, вязкой пеленой, странно растягиваясь, удлиняясь и коверкая содержимое бросаемых фраз, топота ног, взревевших двигателями машин и мешая все в одну кучу так, что разобрать что-либо становилось довольно сложно. Я же, повинувшись невольному импульсу, почти сразу скользнул в объятия теней, восприятие тут же упростилось, давящее на голову воздействие сошло на нет, а звуки очистились, вернулась адекватная оценка вещей, но вместе со всем этим пришло и равнодушие. Я спокойно наблюдал, как из ниоткуда появляются сразу же бросающиеся в стороны фигуры, как падают наземь попадающиеся им корпы, как льется первая кровь и не имел ни малейшего желания вмешиваться в набирающую обороты бойню. Просто стоял и смотрел, констатируя начавшееся уничтожение базы. Полуобнаженные фигуры пришельцев рубили корчащихся и пытающихся встать людей, добывая их короткими и точными ударами, редко когда доводилось заметить больше одного-двух выпадов, все происходило быстро и довольно профессионально. Одного бедолагу застали врасплох, тот выскочил из здания, уже корчась и не имея никакой возможности оказать сопротивления, впрочем, как и остальные вокруг. Два изогнутых клинка метнулись к нему почти одновременно, и так ничего не успевший понять парень оказался нанизан, как насекомое. Искривленное внешним воздействием лицо искривилось еще больше, глаза сощурились, моргнули, и последний выдох сорвался с его губ — назем падало уже бездыханное тело. Нападавшие работали довольно грамотно, каких-то пару минут, а в лужах собственной крови валялось уже больше двух десятков корпусовцев, и с каждым мгновением их становилось только больше. И все это время в метре над землей полыхал дымным, прерывистым контуром неправильной формы прямоугольник, выпуская из себя все новых и новых пришельцев.

Они сыпались как горох, появляясь и тут же растекаясь кто куда, ловя на эффектно отблескивающие в красной дымке клинки беззащитных, бьющихся в судорогах людей и бежали дальше, устилая за собой дорогу трупами. Во мне же словно что-то сломалось, умом я понимал, что нужно помочь, просто необходимо начать действовать, но затопившее равнодушие осаживало, задавая один единственный вопрос: "А зачем?"

Справа упала незнакомая женщина с наполовину перерубленной шеей и всю хлыщущей из раны кровью, чуть дальше, собирая более обильную жатву, один из нападающих приканчивал уже пятого бойца, банально несколько раз проткнув того насквозь и спеша к следующему обреченному. Вот очередной клинок совсем рядом, буквально в паре шагов пошел назад, намечая кривую траекторию замаха, затем мышцы воина напряглись и

послали вниз смерть, прямо к шее хрипящей, державшейся за горло девушке. Плеть вошла со спины под правую лопатку, прошла сердце и вышла наружу, явив удивленному взгляду бойца свое окровавленное окончание. Я бы удивился, если бы мог, но всего лишь отстраненно проследил от конца до начала пробившее война щупальце и пару мгновений тупо пялился на свое бедро, выбросившее смертоносный отросток. А потом вдруг пришло понимание, мертвая точка сдвинулась, решение было принято, и мир понесся вскачь.

Плети прынули в стороны и четверо пришельцев опали наземь расчлененные на куски, марая все вокруг кровью и привлекая внимание других нападающих. Прямо мне под ноги влетело округлое нечто, покрытое замысловатой вязью, и ярко полыхнуло, правда уже в воздухе, отлетая в сторону сбитое одним из щупалец. Часть меня наблюдала распускающийся огненный цветок, расправляющий свои лепестки и выбрасывающий в пространство новые смертоносные побеги, а вторая резко качнулась вперед, и пространство послушно приблизилось, мгновенно сократившись почти на десяток метров. Из груди рванулась кошмарная лапа, и жуткие когти вспороли стоявшего ряда человека от паха до горла, тот умер почти мгновенно, ненадолго опередив своих товарищей. Те падали, словно переспелые яблоки, брызжа карминовым соком и укрывая своими телами асфальт, и появляющиеся из ниоткуда войны тут же занимали их места и умирали, умирали, умирали. Молча, без криков, без стонов, опадая наземь и больше не поднимаясь.

Выбравшийся наружу Белый стоял в стороне и контролировал ситуацию за спиной, подобраться не смог бы никто, впрочем, как и уйти. Но меня это несколько не волновало, эмоций не было, убийства не вызывали ничего, кроме равнодушия, вот только я знал, что это временно, и потом, когда все закончится, эмоции будут бить меня словно тараном, вскрывая душу и уродуя сердце. И плети взмывали вверх снова и снова, и падали, сея среди пытающихся оказать сопротивление нападающих смерть и ужас. В какой-то момент до них дошло, что окутывающие их слегка дрожащие призрачные сферы не действуют, и они все так же продолжают гибнуть, без возможности ответить, без возможности ударить, нанести хоть какой-нибудь вред, и стали отступать. Постепенно воздух стал приобретать обычную прозрачность, красноватое свечение стало исчезать, звуки стали четче, более различимы, и со стороны вдруг ударила автоматная очередь. Через мгновение ей начала вторить еще одна, а потом еще и еще. Нападавшие стали сыпаться гроздьями, но потом вокруг некоторых вновь замерцали сферы, и вновь полилась кровь бойцов Корпуса. Пули не пробивали защиту атаковавших, отскакивая и давая рикошет на все попытки пристрелить разбушевавшихся пришельцев, и тогда грохнуло, затем начав грохотать почти непрерывно со стороны одной из машин. Сдвинутая до упора дверь фургона обнажила высунувшееся жало кошмарной пушки, устанавливаемой, насколько я знал, теперь на каждом корпусовском драндулете, и сейчас оно вносило настоящий ад в ряды гроздьями лежащих на землю пришельцев. Стас давил на спуск, дико ощерившись и водя дулом из стороны в сторону, разрывая атаковавших буквально на части, крупнокалиберная смесь из не пойми чего буквально опустошала противника, не оставляя тому ни малейшего шанса. Вот и все, момент упущен, внезапное нападение и минуты выведенного из строя противника давали неоспоримое преимущество, но не надолго, нападение захлебнулось.

По идее, можно было оставить все как есть и уйти, мне больше не было дела до происходящего вокруг, все было слишком мелким и незначительным, не стоящим и капли моего внимания. И в то же время было что-то еще, и это озадачивало, вводя в легкий ступор. Мозг не понимал и не принимал происходящего, эмоций нет, желаний тоже, но нечто не

давало уйти. Глаза равнодушно шарили по устроенной недавно бойне, натываясь на картины, от которых нормального человека скрутило бы в две погибели и нещадно рвало, я же пребывал, словно в какой-то прострации, и в какой-то момент просто решил остаться, непонятное состояние требовало осмысления, а тогда почему бы и не здесь?

Снаружи уже всю хозяйничали корпусовцы, быстрее всех отошедшие от обрушившейся на них атаки, стояло оцепление, из пары фургонов выдвинулись устрашающего калибра установки и водили своими жалами по территории, ожидая малейшего появления противника. База была готова защищаться и уже вполне можно выходить, переход закрылся, перекрыв поток появляющихся из него самоубийц, а если и откроется вновь, что ж, им же будет хуже.

Я вышел из соседнего гаража, ощущая, как эмоции текут в меня небольшим ручейком, медленно подтачивая броню равнодушия, и жуткая куча искромсанных, продолжающих кровоточить тел не вызвала никакой реакции. Я прошел оцепление, не взглянув на бросивших на меня хмурые взгляды бойцов и замер, оглядываясь. И понял, что потом пожалею об этом — туфли, словно два кораблика, омывал карминовый поток, огибая и продолжая свой бег дальше, разрастаясь в небольшое озеро, все ширясь и ширясь. И в какой-то момент меня, наконец, пробило на удивление — да откуда же в человеке столько крови, как она в нем только помещается? Стали раздражать звуки чужой рвоты и проклятий, мир постепенно возвращал меня себе, заполняя и предоставляя возможность воспринимать его таким, каким он был изначально, каким его видели остальные.

Постепенно народу становилось больше, будто вся база вышла на чистый воздух, стали слышны четкие приказы, отдаваемые и беспрекословно выполняющиеся, значит, Корпус жив, диверсия не удалась. Мне сразу стало как-то легче, а потом пришлось пожалеть, что я вообще вышел, надо было стоять в сторонке, не привлекая ничего внимания. Теперь же одинокая фигура, торчащая в самом центре новообразованного островка из плоти и омываемого личным кровавым морем, смотрелась, мягко скажем, не совсем уместно. Это отчетливо говорили взгляды бойцов, окруживших место бойни, это читалось в глазах выбежавших из гаражей людей, об этом шептали их губы, это было во всем и везде, и лишь мое пока еще бесстрастное лицо не выдавало того, что сейчас творилось у меня внутри. Досада, досада и злость на себя и свою дурость — отсутствие эмоций сделало единым все, уравнивая глупость и осторожность, выдвинув меня под еще более пристальный надзор Корпуса. Какой же я дурак! Зачем, зачем мне это все? Внутри начинало закипать раздражение с сожалением, надо что-то делать, причем срочно, бесчувственность хороша в меру, но она же, походу, и вредит. Я ведь в те минуты не видел ничего плохого в том, что меня могли соотнести с произошедшим, мне было все равно, равнодушие стало мерилom всему. Я даже не знаю, что вообще толкнуло меня вмешаться? Скорее, обычная логика, и только. И вот теперь это пугало меня по настоящему, пример вышел как нельзя более красочный. Ну, ничего, этим мы еще займемся, а пока...

— Влад, ты можешь подойти?

Я повернул голову и увидел в стоящую в стороне бледную Татьяну, прикрывающую рот платком. Она смотрела на меня так, будто только что увидела и пыталась рассмотреть нечто новое, не замеченное, пропущенное ранее. Кивнув, сделал шаг, потом еще один и еще, шлось легко, привычно, будто всегда до этого ходил по чужой крови. Она хлопала совсем как дождевая вода, отличить было почти невозможно, и это тоже не казалось мне странным. Белый послушно скользнул в меня и замер, погружаясь в уже привычное забытие. Я ощущал,

как он своего рода отключается, оставляя для меня только "кнопку пробуждения" и словно переставая существовать, это состояние устраивало их с фамиллярром, почему-то, больше всего. Уняв нарастающее внутри себя раздражение, остановился напротив девушки, слегка улыбнулся и сказал:

— Диверсия не удалась.

Она согласилась, кивнув и тут же спросив:

— Твоя работа?

— С чего ты взяла?

— Да или нет?

Пришлось пожать плечами, они все равно выяснят правду, банально опросив всех присутствующих, и если проверить смогут весь персонал, то единственным неизвестным фактором тогда останусь только я, так что смысла отрицать, в принципе, и так очевидное, не было.

— Тебе станет легче, если соглашусь?

Она кивнула.

— Ну, скажем так, я слегка поспособствовал, — и взглянул на девушку более пристально.

И ее это испугало. Она вздрогнула, словно от удара, и перевела взгляд на кучу наваленных тел. А потом снова на меня. И обратно, ее взгляд шарил у меня по груди, словно ища что-то, но не находил. И до меня вдруг дошло — она, эмпатка, искала стоящего перед ней человека и проваливалась с каждой очередной попыткой. Эмоционального фона не было, он восстанавливался, медленно, постепенно, и это сбивало ее с толку и, очевидно, пугало.

— Что-то не так? — натянуто улыбнулся.

— Н-нет, все в порядке, — сдалась, наконец, та.

— Хорошо, здесь слишком многолюдно, я буду у себя, — и, не проронив больше ни слова, направился в общагу. Блин, да и какая это, к черту, общага, так, наставили перегородок и дело в шляпе. Тоже мне, заселили людей в хрущевки и довольны. Хотя на обстановку не поскупились, это да. Подобный ход мыслей слегка отвлек, но брошенный в сторону взгляд вновь вернул на землю, неподалеку как раз грузили в целлофановые мешки тела погибших корпусовцев, и их было ох как не мало. Какие-то три минуты нападения унесли столько жизней, подумать только. А что будет, когда за них возьмутся по настоящему? Мозг почему-то вдруг четко выделил это проскользнувшее "их", неужели я настолько отдалился ото всех? Там, позади, тоже уже работали, разгребая учиненный мною завал, зевак в округе не было, все разошлись, у каждого была своя работа, своя роль в отлаженной системе. А я, какая роль у меня? Или я вне всего, или обманываюсь, ставя себя в стороне ото всех? В выделенную мне комнату поднимался уже в легкой задумчивости, хотелось отгородиться от всего мира и обмозговать в тишине и покое зудящие в мозгу вопросы. Но вряд ли это сейчас получится, по любому дернут в течение часа-двух, так что придется довольствоваться тем, что есть. Кровать еле слышно скрипнула, принимая на себя мой вес, и слегка прогнулась, взгляд же устремился в одну точку на потолке и замер, боясь спугнуть начавшие ворочаться в голове мысли.

Получается своего рода закон природы — за все нужно платить, ничто не дается просто так. Мир теней за пребывание в нем требует чуть ли не уничтожения личности, обесцвечивая и убивая эмоции вплоть до того, что все становится абсолютно не важным и не

стоящим внимания, и чем дольше приходится соприкасаться с его реальностью, тем сильнее воздействие, тем труднее потом прийти в себя. Он действует подобно отраве, проникая внутрь и отсекая доступ как человечности, так и к негативным эмоциям, превращая в обезличенное существо, пользующееся лишь логикой и памятью. И то не понятно, если появляется равнодушие абсолютно ко всему, то какое может иметь значение память и все то, что было ранее? Или до такой степени воздействия на себя я еще не дошел? Возможно, а может, просто еще что-то упускаю из виду. Кошмар, мозги можно сломать, но то, что нужно стараться как можно реже пользоваться Коконем — факт, мне совсем не улыбается превратиться в робота или кого похуже.

Из этого выплывает другая проблема, если защита мира теней не желательна, придется продолжать пытаться фамильяра, совершенствуя его как вторую оболочку со всеми вытекающими. Кошмар, повинувшись импульсу, тут же растекся по правой руке латной перчаткой, сформировав чешуйчатую поверхность и нарастив шипы. Меньше секунды понадобилось ящерице на предплечье для смены формы и укрепления своей составляющей. Насколько я помнил, даже Белому придется ударить с приличной силой, что бы пробить такую толщину, данные эксперименты я не останавливал и постоянно продолжал сжимать и укреплять плоть своего кошмара. Это получалось почти без участия внимания, на одних рефлексах, ящерица то подрагивала, оплывая, то вновь приобретала четкость с той лишь разницей, что верхний покров становился жестче и крепче. И так изо дня в день. Проблемой оставалось только смягчение атаки, меня спокойно могут сбить ударом на пол или вообще сломать шею, так что этот вопрос все еще висел в воздухе, и теперь им предстояло заняться именно что вплотную.

Латная перчатка истончилась и приняла форму руки, темно бурой, слегка увеличенной, но все же, руки, со всей необходимой детализацией: ногтями, мелкими волосками, морщинками, рисунком ладони и тому подобным. Кошмарно. Кожа тут же покрылась мелкой чешуей, костяшки проросли и вылезли наружу сантиметровой длины шипами. Фамильяр проявился и я, взяв в руку керамическую чашку, сдавил ладонь — тут же раздался треск и на пол посыпались осколки. Вот так, сам бы я просто не смог этого сделать, а кошмару раз плюнуть, даже такому вегетарианцу, как мой двойник. Спрятав его на предплечье небольшой ящеркой, внимательно всмотрелся в свою ладонь, как же все меняется, и не в лучшую сторону. Если не присматриваться, то ничего, вроде бы, и не заметно, но я явственно различал отличия "до" и "после" всего этого. Рука слегка вытянулась, имею в виду пальцы, и утончилась, сухожилия или кости на тыльной стороне, никогда в этом не разбирался, стали толще и когда сжимаю теперь кулак, создается впечатление, что натягиваются канаты. Про предплечье и дальше даже думать не хотелось, не говоря уже про все остальное, каждый вечер вижу себя в душе и легче от этого абсолютно не становится. Фигура меняется, и меняется кардинально, в теле появились заметные утолщения, усилилась жилистость, проявившись не в самых адекватных и ожидаемых местах, существенно просушилась жировая прослойка, обрисовав контуры и еще больше подчеркнув некую несуразность фигуры. Сказать, что выглядело это отвратительно, было нельзя, но и красавцем я себя назвать не мог, скорее некая неправильность, что ли, необычность, приковывающая взгляд своей ненормальностью. Кто-то мог бы даже сказать, что тело приобрело угрожающий вид, стало более хищным, жестким и пугающим, и всему виной была эта чертова рельефность, буквально отрисовавшая меня заново, даже, можно сказать, слепившая, что было не так уж и далеко от правды. В общем, длинные рукава и

высокие воротники по прежнему были и, скорее всего, будут являться неотъемлемой частью моей одежды. Ну да я уже привык к этому, не первый день, как ни как. Теперь же еще предстоит прокачать на новую тему фамильяра, и кое-какие мысли по этому поводу уже были.

Для начала хотелось проверить два момента, сможет ли кошмар незаметно заменить меня в этом мире и способен ли полностью избавить от необходимости носить одежду. И тот и тот случай были довольно трудны в исполнении, по крайней мере, в теории, и подойти ко всему предстояло со всем тщанием и усердием, а времени на это все пока явно не будет хватать, так что увы и ах. Я еще минут двадцать подбирал варианты облачения для руки и остановился на легкой форме гладкой, под вид человеческой ладони перчатке, наименее всего из перепробованного притягивающей взгляд. Да, именно то, что нужно. И тут в дверь постучали.

— Открыто, — бросил в пространство.

Внутри тут же заглянула Кристина и, не заходя, проговорила:

— Вас ждут снаружи.

Я кивнул, отметив это "вас" и спустил ноги на пол. Как и думал, хрен теперь будет свободное время, при всех этих трупах и прочем. Спустившись за девушкой на первый этаж, обнаружил, что все новоявленные владыки кошмаров выстроились снаружи около стены и пожирают глазами медленно прохаживающуюся взад-вперед корпусовку. Я становиться в строй не стал принципиально и подпер плечом стоявший рядом фургон, ожидая уставившись на Татьяну, и та не заставила себя ждать:

— С этого момента вводится военное положение, — начала девушка, — все подчиняются строгому графику и беспрекословно выполняют утвержденные инструкции, остаться в стороне не сможет никто, — и бросила на меня полный сомнения взгляд.

— Далее, разрядку получите ближе к вечеру, пока же продолжаете заниматься по плану и следуете всеобщему расписанию.

— Теперь ты, — она уставилась на меня, — тебя ждет шеф, дорогу помнишь?

Пришлось кивнуть.

— Отлично, выдвигайся, — и, махнув остальным рукой, повела их в здание.

Я же пару раз качнулся с пятки на носок, задумчиво пялясь им в след, затем сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Вот и все, официальное признание войны прозвучало, прощай спокойная мирная жизнь. Губы невольно разошлись в ухмылке — это когда же она у меня еще была спокойная и мирная? Уж и не припомню. Ну что, солдат, кругом и шагом марш смотреть, что там тебе приготовило высшее начальство. Я быстро пересек разделяющие до входа метры и поднялся на второй этаж, дежурный корпонец кивнул и указал на закрытую дверь. Ясно понятно, уже ждут, что ж, не будем испытывать их терпение. Нажав и толкнув от себя ручку, сделал шаг вперед и сразу оказался под прицелом пяти пар внимательных глаз — ну ничего себе встреча, откуда их столько? За столом в центре кабинета сидели настолько внушительного вида люди, что не проникнуться серьезностью атмосферы было просто невозможно, тем более, что я уже почти пришел в себя и ничто людское было теперь мне не чуждо.

Как-то сам по себе подтянулся и, кивнув сидящим, молча прошел к сиротливо пустующему в торце стола креслу. Мягкая обивка приятно приняла в себя тело, позволив откинуться и расслабить спину, а подлокотники услужливо приняли руки, слегка отвлекая от стоящего в помещении напряжения.

Сидящие напротив меня дядьки были все как на подбор внушительных размеров, в разномастной армейской форме с разнообразной символикой, мне их знаки отличия ни о чем не говорили, никогда этим не интересовался, но то, что тут собрались достаточно влиятельные люди, было ясно и так. И им что-то очень было нужно от меня. Я слегка улыбнулся, сглаживая затянувшееся молчание, и решил начать первым:

— Удобные у вас кресла, — и улыбнулся еще шире.

Виктор Анатольевич, восседающий во главе стола, вздохнул и обвел взглядом сидящих, словно говоря, мол, видите, с кем приходится иметь дело. Затем сцепил руки перед собой в замок и произнес:

— Ну что ж, начнем. Вам слово, полковник.

Сидевший справа от него лет сорока-сорока пяти солидный мужчина в темно-зеленом костюме, при погонах и с рядом наград на груди кивнул и открыл лежащую перед собой папку. Затем бросил на меня изучающий, по его мнению, взгляд, но быстро отвел его в сторону и, уткнувшись в бумаги перед собой, спросил:

— Соин Владимир Васильевич?

Я улыбнулся, они что, хотят пройтись по моим данным?

— Соин Владимир Васильевич? — повторил бывший полковником и поднял на меня взгляд.

Я опять кивнул, как болванчик, растягивая улыбку еще шире.

— Будьте добры отвечать, когда к вам обращаются.

— А позвольте узнать, с какой целью вы интересуетесь, да и вообще зачем, если вся информация у вас на руках, так много свободного времени? — умом я понимал, что не стоит обострять отношения с этими людьми, но внутри будто что-то заело и так и просилось наружу.

На пару секунд повисла гнетущая тишина, потом Виктор Анатольевич развел руками и, скривившись, бросил:

— Никакого понятия о субординации, ладно, Борис Владимирович, давайте перейдем к сути.

Тот понимающе покивал, явно выказывая свое неодобрение с порицанием моему поведению, переложил пару листков в папке и передал через соседей мне очередную бумажку, при первом взгляде на которую у меня чуть не взлетели вверх брови.

— Ознакомьтесь, — но я и так уже всю бегал глазами по строчкам и по чуть-чуть ахреневал.

Вот так карьера, вот так взлет, никогда не ожидал, да и представить себе даже не мог, что когда-либо буду иметь военное звание, обалдеть просто. В руках у меня был приказ о присвоении звания лейтенанта, заверенный, подписанный и с моими данными, в общем, добро пожаловать в младший офицерский состав. Хотя, опять-таки, меня даже не спросили.

— Почему лейтенант?

— Есть возражения?

— Есть интерес, — я оторвал от бумаги глаза.

— Вы будете работать в паре с лейтенантом, координировать совместные действия по выполнению поставленных задач и нести за свои действия соответствующую ответственность. Так что, было решено уравнивать вас в полномочиях, хотя более высокий приоритет будет и не у вас. Задел на будущее, так сказать. Еще вопросы?

— Уйма. Во-первых, я еще ни на что не подписывался, во-вторых, о какой

ответственности идет речь? В-третьих, мне не нужна эта военная субординация и вышестоящее начальство, имеющее возможность пинать меня, когда ему ни вздумается. Мне продолжать? — первоначальные эмоции довольно быстро меняли контраст, как только до меня стала доходить суть подsunутой мне свиньи. Да, с одной стороны "ох, как хорошо", но с другой — "на хрен мне это надо", и по всему выходило, что второе явно перевешивает первое.

Ненадолго повисшая в кабинете тишина была прервана осуждающим:

— Да уж.

И:

— Никакого чувства патриотизма.

Но на меня это не произвело никакого впечатления. Все эти, не стану спорить, много чего добившиеся люди и явно имеющие значительный вес в обществе, хотели от меня того, чего, по их мнению, достоин и заслуживает не каждый, взамен требуя вполне адекватное отношение и возлагая необходимые обязанности. Вот только это было их мнение, не мое.

— Значит так, — хлопнул ладонью Виктор Анатольевич, и по его лицу я понял, что чего-то подобного он и ожидал, — это не просьба, это уже свершившийся факт и тебя, лейтенант, — он выделил это слово, — просто поставили в известность. Более того, учитывая твое явно не армейское прошлое и понимая твое отношение, — он сделал паузу, давая понять, что тут уместно менее мягкое выражение, — тебе был сделан ряд неофициальных уступок. С тебя будет меньше спрос, учтен ряд послаблений и прочие моменты. Взамен твой приоритет принятия решений будет ниже, чем у твоего коллеги, собственно, как и сам спрос. Так что маршировать тебя не заставят, не волнуйся, но подчиняться приказам будь добр, все ясно? — и замглавы впери́л в меня взгляд.

Я улыбнулся, кивнул и, когда он, не выдержав, отвел глаза, поинтересовался:

— И кто же будет за мной присматривать и направлять?

— Вы уже работаете вместе, — ответил полковник.

Понятно, почему-то ничего другого я и не ожидал.

— Далее, — в дверь постучали, — войдите, — прервался хозяин кабинета, и в открывшуюся дверь вошла корпа.

Я сидел к ней спиной, но это не мешало мне отслеживать все происходящее в помещении и заметить ее легкое недоумение моим присутствием оказалось весьма забавно.

— Вы как раз вовремя, лейтенант, забирайте приказ, своего нового напарника, — сидящие кто ехидно ухмыльнулся, кто сочувственно покачал головой, — и зайдите за предписанием. До вечера вы уже должны быть полностью укомплектованы и готовы, выполнять.

— Так точно, — кивнула девушка и, взяв переданную ей одним из присутствующих чинов папку, четко развернулась и вышла за дверь.

— А вам особое приглашение нужно? — хмуро бросил серый китель справа от меня.

— Хочу уточнить кое-что.

— Что именно? — поднял бровь полковник.

— Что с оплатой.

— Владимир Васильевич, — процедил замглавы, — есть приказ, есть предписание, идите и ознакомьтесь, мне вам еще бухгалтерией заниматься?

— Всего доброго, — пришлось подняться не солоно хлебавши и выйти совсем не так браво, как до этого корпа. Трындец, если по деньгам решат просадить, то пошлю все это на

хрен и продолжу сотрудничать на свободной основе, наваливать на себя кучу обязанностей, о которых еще даже ни сном ни духом за копейки я не намерен. В коридоре ждала вычитывающая документы девушка и как только за мной закрылась дверь, произнесла:

— Ну, здравствуй, напарничек, самая быстрая карьера, какую я только видела, тебя стоит поздравить.

— Не завидуй, я еще не согласился.

— Как это? — она оторвалась от чтения.

— Кушать за что-то надо, а если тут платят копейки, то лучше я останусь на вольных хлебах.

— Не беспокойся, — махнула рукой, — с этим все в порядке, пойдем, — и махнула рукой.

В этом крыле я еще не бывал, вернее, пробежал ранее на скорую руку Белым, для ознакомления, так сказать, но сам лично не бывал. Как оказалось, здесь размещалась местная канцелярия, бухгалтерия и вообще все, что было связано с бумажной волокитой, так как всевозможных дверей с "макулатурными" указателями было довольно много. Бюрократия в самом соку, в общем. Открыв одну из таких дверей, мы попали в довольно-таки просторный кабинет, заставленный, тем не менее, просто уймой всевозможных шкафов, тумб и полок.

— Назначение на Соина и Вихляцкую, — обратилась в пространство девушка.

Одна из возившихся за компьютером женщин встала, проклацала печатями на стопке листков и передала их корпе, все молча, без единого звука, без единого взгляда, в глазах тотальная сосредоточенность и занятость. Похоже, работой здесь завалены по самую макушку. Та приняла бумаги и повела меня в очередной кабинет, где нам выдали платежные ведомости. Напротив моей фамилии стояла сумма, превышающая даже мои самые смелые ожидания. Ну, ничего себе, это столько здесь получают? Все? Или только избранные. Девушка лишь усмехнулась, увидев мой удивленный взгляд, и потащила дальше.

— Удовлетворен?

— Оплатой да, по работе еще не знаю, так что тебе желательно ознакомить меня с этим не затягивая, что бы не зря тягаться по коридорам.

— А ты сам как думаешь? Ну, не за компьютер же тебя посадят, — и добавила уже более серьезным тоном, — начальство оценило твой вклад в недавнем нападении и сделало соответствующие выводы.

— И?

— И единогласно было признано, что твое вмешательство, по сути, оказалось достаточно ощутимым, что бы всерьез рассмотреть твою кандидатуру в ином свете. Так что быть нам с тобой ударным отрядом, — последнее было произнесено уже не с таким энтузиазмом.

— В смысле, патруль?

— Нет, — она покачала головой, — как ты это, кстати, делаешь?

— Что именно?

— Не придуривайся, по периметру базы стоят камеры, ты просто исчез, а потом нападавших стало рубить в капусту. Куда ты делся? И как защитился от их воздействия? — девушка испытывающее посмотрела на меня.

— Так что там с обязанностями? — проигнорировал я ее вопрос.

— Как хочешь, напарник, — было видно, что она слегка обижена, — а заниматься мы

будем ликвидацией подобных очагов. Отряд будет создан из действующих владык, — последнее слово девушка произнесла с кривой ухмылкой, — и бойцов Корпуса. Основная координация лежит на мне, ты ответственен за своих ребят и вашу часть работы, но подчиняешься мне.

— И больше ничего? — переспросил равнодушно.

— С определенными уступками и послаблениями, — нехотя добавила девушка.

— Мне это ни о чем говорит, но рамки этих послаблений придется подгонять в процессе, иначе у нас мало что получится.

— Не беспокойся, ты у нас особенный, и отношение к тебе будет такое же, — ей явно не нравилась подобная ситуация.

— Славно, но вот и посмотрим на сам процесс, а там и решим. Что по плану?

— Ты иди к ребятам, бери Кристину с Павлом и спускайтесь вниз, мы вас там будем ждать.

Я кивнул и направился к выходу, по дороге сложив вчетверо приказ о присвоении лейтенанта и спрятав его в карман. Вот и все, почти, стоит только понять, по плечу ли мне на меня возложенное и, можно сказать, военная карьера началась. Мой визит народ встретил заинтересованными взглядами, а когда сказал, что забираю с собой только двоих, вопросы посыпались как из ведра.

— У Татьяны спросите, — пришлось от всего отгородиться и кивнуть парочке на выход. Их питомцы пристроились позади и составили нам своего рода конвой, кошмарный по своей внешности и донельзя нелепый в этих чистых и ухоженных помещениях. Что сказать, все кошмары были не от мира сего и не несли в себе абсолютно никакого позитива, разве лишь для таких как мы. Спустившись и выйдя наружу, сразу же заметили небольшую толпу, собравшуюся вокруг инструктирующей их девушки. Приметив нас, они расступились и обратили все взгляды на нас.

— Знакомьтесь, — сказала корпа, — Влад, Кристина, Павел, про них вам и говорила, с ними и будем работать.

— А это, — обратилась она уже к нам, — вторая половина отряда, с некоторыми вы уже знакомы, — я поймал кислую улыбку Стаса, — с некоторыми нет, но время есть, еще успеете. Дальше, нам выделены две каракатицы и полные комплекты второго уровня, — это вызвало у слушающих бойцов возгласы одобрения, — дальний гараж под размещение со всем необходимым и время до вечера, что бы полностью разместиться. По старшинству подчиняетесь мне, потом Владу и дальше как обычно. Вопросы есть? Нет? Отлично, выдвигаемся, на все про все три часа.

— Что еще за каракатицы? — спросил я по пути.

— Увидишь, умники умудрились еще доработать наши колеса, на все отделение имеется всего семь таких машин, и две из них отданы нам.

— Не мало одного отряда на весь город?

— Мы не одни, просто вам всего трое и задачи нам будут ставить несколько иные, чем другим.

— Дежурный режим?

— Примерно, мы понесли тяжелые потери и столкнулись с абсолютной беспомощностью перед внезапным нападением, если бы не ты, должна признать, неизвестно, чем бы закончилось, мало ли чего у них еще было припасено.

Пришлось невольно скривиться:

— Говори по тише.

Она покосилась:

— Какая скромность.

— Не хочу ненужной известности.

— Тем не менее, это так, но скольких они успели убить, — ее лицо помрачнело, — если бы ты только вмешался раньше.

Я промолчал, да и что сказать, что мог вмешаться сразу же, что большая часть потерь, понесенных Корпусом, могла бы уменьшиться чуть ли не втрое, да только мне было тогда наплевать на все это, и потому просто стоял и смотрел, как их вокруг убивают? Это ей сказать? Нет уж, да и вообще до сих пор не понимаю, что заставило вмешаться. По логике, база должна была быть истреблена, если только у корпов ресурсов не больше, чем представляю, а видел я тут уже не мало.

Впереди уже во всю сновали кары, завозя в распахнутые настезь ворота гаража мебель, какие-то ящики, упаковки и споро уносясь назад за новым грузом. Нас вселяли прямо на глазах, монтируя перегородки, ставя стены, собирая столы, кровати, проводя проводку и все такое. Условия без особого комфорта, но с максимально возможной эффективностью и только самым необходимым, а в правой части здорового склада стояло два чуда, непонятно как занесенных в наш городок. И если фургоны патруля с их выдвижными пушками смотрелись на фоне всего происходящего еще более-менее, то эти, действительно похожие на каракатиц машины являлись уже чужеродным телом, абсолютно не вписываясь в общую картину. Шестиколесные монстры в длину были, наверное, метра три с лишним и в ширину превосходили любую городскую легковушку. Форма кузова, да и вообще всего автомобиля больше походила на военную разработку, коей, наверное, и являлась, внушая уважение уже только своим видом. Машина, скорее всего, имела увеличенный запас прочности, высокую проходимость и прочее и прочее, и будь я ценителем всего этого, то сейчас прыгал бы вокруг в диком восторге, хлопая в ладоши и заламывая в умилении руки. Но мне был всего лишь интерес, и больше не к машине, а то, из-за чего ее так прозвали.

Абсолютно непонятная мне конструкция крыши позволяла делать из автомобиля кабриолет, хищно открывая взору спрятанное внутри чудовищное жерло какого-то нового оружия. Как объяснял один из бойцов, проводя ликбез для чайников, то бишь нас троих, данная модификация являлась усовершенствованным образцом установленных на машинах патруля орудий и была насколько мощней, настолько и дороже, позволяя буквально опустошать пространство в точке прицела, сея просто хаос и смерть. Каждый джип вмещал до восьми человек, не включая водителя, и имел еще место под снаряжение или еще какой груз. Про стоимость машины парень предпочел умолчать, заметив лишь, улыбнувшись, что отдельным людям такое никогда не будет по карману. Сходство же с каракатицей крылось в боевой раскладке машины, когда пушка приводилась в боевую готовность и выставляла в стороны над крышей защитные чехлы, при необходимости намертво сцепляющиеся с элементами разобранной крыши. По его словам данная конструкция была достаточно надежной и уже проходила проверку боем, полностью себя оправдав. Мощность же самого оружия должна была с лихвой компенсировать небольшую численность отряда, позволяя нам выполнить почти любую задачу в пределах города. Только вот нам к ней строго настрого запретили даже прикасаться, а лучше и вообще на нее не смотреть. Причем специально для нас это было повторено еще раз, с серьезным убедительным лицом, не сулящим ничего хорошего в случае нарушения приказа. Тут корпа показала себя во всей

красе, явив и строгость, и понимание, и умение поставить себя так, что бы услышано было все. Хотя, с ее-то даром, в общем, лично меня это мало впечатлило, а вот эти двое кивали как болванчики и смотрели, чуть ли не с подобострастием.

А потом пришлось заниматься тем, что помогали обустраивать свое жилье. Нам, как лейтенантам, было отведено по собственной каморке, Павел с Кристиной получили еще одну, а десять бойцов Корпуса заняли четвертую.

— А что с туалетом и ванной? Тут вода вообще хоть есть? — поинтересовалась Кристина, взявшая в привычку оглаживать холку своему кошмару. Со стороны это смотрелось довольно странно, девушка отстраненно, абсолютно не обращая на это внимания, елозила ладонью по воздуху, будто повторяя очертания чего-то округлого. Ее пальцы периодически расходились и будто чесали за несуществующим ухом, видеть которое кроме нас троих больше никто не мог. В оригинале же жуткая безглазая башка не проявляла никаких признаков удовольствия, видно, ни с какими кошачьими в родстве она, все же, никогда не состояла. Но хозяйке было на это плевать, собственно, как и твари, так что дискомфорта не чувствовала ни одна.

— Туалет устанавливают снаружи, душевая в здании напротив, а что, без привычных удобств уже и жизнь не мила? — ухмыльнулась Татьяна, — Привыкайте, мы теперь летучий отряд, так сказать, нам комфорт ни к чему.

— Ясно, — не особо и разочарованно кивнула девушка, — наши вещи тоже принесут или сами будем забирать?

— Принесут, обустраивайся пока с тем, что уже есть.

Меня же эти хлопоты мало чем заботили, кровать есть, отгородка ото всех тоже стоит, да и верх собранная конструкция тоже имела. Осталось только периодически проверять ее на наличие следящих устройств и быть осторожным с вверенными мне двумя "бойцами", чтобы не лезли не в свое дело. Открываться перед кем бы то ни было, абсолютно не входило в мои планы. Под потолком неярко горело полушарие светильника, при желании можно было отрегулировать его интенсивность, но мне и этого было достаточно. Разложив на кровати матрас, застелил его простыней, кинул подушку, одеяло, сверху бросил покрывало, на тумбочку поставил часы, такие выдали в каждую комнату, и счел обустройство почти законченным. Осталось только перевезти кое-что из вещей из дома, белье там, сменку и все такое. В общем, закончил я раньше всех, походу, и вышел наружу, устроившись на одной из пустых коробок. Спустя пару минут рядом опустились Стас и еще один боец.

— Кирилл, — протянул незнакомец руку.

— Влад.

— Так ты теперь лейтенант? — улыбнулся во все тридцать два Стас.

— Не было печали, взяли и припахали, — попытался отшутиться я.

— Зря, контора свои кадры ценит, уж я-то знаю.

— Может и так.

— Не может, а так и есть, правда, Кирюха?

— Правда, правда, — протянул тот не столь жизнерадостно.

— Да успокойся ты, выживет твой брат, сказали же — для жизни не опасно, — ткнул его локтем водила.

— Да знаю я, — отмахнулся тот.

— Под раздачу попал, когда заваруха началась, — пояснил Стас и добавил уже товарищу, — тем более сам знаешь, какая у нас больничка.

Мужик опять кивнул, соглашаясь, но было видно, что отпустит его не скоро, слишком уж переживал. Родной, выходит, брат, не двоюродный или еще какой более дальний, суть сама семья. Я невольно переложил на себя его ситуацию, брр, ну его такое на хрен, не будет с нами такого никогда, уж я-то постараюсь.

— Ты чего, — настороженно спросил Стас.

И я, повернувшись, увидел, как они вдвоем слегка отстранились, не сводя с меня глаз. Было в их взглядах нечто такое, что выдавало не страх, нет, его как раз не было, но некое знание, заставляющее относиться к тебе по-другому, с опаской, что ли, с нежеланием обидеть, оскорбить, что ли.

— Чего? — переспросил я.

— У тебя лицо, словно маска стало, каменное, не живое.

— И?

— Что "и"? Вот я и спрашиваю — ты чего?

— А, не обращай внимания, бывает, — пришлось отмахнуться.

— И часто?

— Иногда, — ответил и поежился, осознав, что произошло. Представленная картина с собственной семьей окатила сознание будто волной, откуда-то пришла отрешенность, граничащая с равнодушием, и сменяющиеся картинки убийств, десятков, сотен, тысяч, происходящих с пугающим хладнокровием и целеустремленностью. Вокруг меня падают враги, я разрываю их на куски, разбрасывая ошметки по сторонам, и воздух орошается кровавыми фонтанами, моя месть длилась бы вечность, это было бы настоящее шествие, геноцид со всеми вытекающими. Не дай бог такому случиться, холодному разуму нет дела до чужих страданий, бесчувственность глуха к любой боли, кроме собственной, и то под вопросом. Нет, такого для своей семьи и для себя я явно не хотел.

— Ну ладно, это дело такое, ты проставляться будешь? — вновь перешел на дружеский тон Стас, — К тому же в новой компании, ребята вот интересуются, что за птица такая.

— У вас тут разве пить не запрещено?

— Тут да, а в свободное время нет, — впервые улыбнулся Кирилл.

— Ну, тогда решено, — хлопнул себя по колену, — освободим время, будет вам застолье, — с такой зарплатой действительно не грех проставиться.

— Отлично, — водила расцвел, — готовь кошелек, нас хоть и не много, но здоровье отменное.

— Немного? — удивленно вскинул брови, — Вас же человек десять, если не ошибаюсь, плюс мои двое, плюс Таня, это ж четырнадцать человек, кагал целый.

— Это что, — отмахнулся парень, — у нас принято отдыхать в двадцать-тридцать рыл, правда потом все рассасываются кто куда, но вначале это и есть кагал, а тут так, дружеские посиделки.

— Неплохо вы гуляете, — я покачал головой.

— А то, — довольно осклабился тот, — тем более что работа такая, всякое может случиться.

Тут я предпочел промолчать, да и что говорить, смысл развивать болезненную тему, и так все все прекрасно понимают, особенно после сегодняшнего. Мимо продолжали сновать кары, заносились ящики, коробки, подвезли даже один холодильник и отдельной доставкой были приняты съестные припасы. Все сновали подобно муравьям, помогая разбирать и обустроить свое жилище, работали почти без перерывов, до упора, так что к вечеру, почти

уложившись в срок. Были произведены последние операции, и народ собрался около импровизированного стола, наспех собранного из двух здоровенных ящиков, уж и не знаю, что в них там такого привезли, но размерами они были метра полтора на два где-то. Появилась легкая снедь и за неимением альтернативы кто-то стал откупоривать минералку, по рукам пошли пластмассовые стаканчики, народ собрался в кружок и дружно поднял руки. Я же себя чувствовал чертовым отщепенцем, все никак не мог отождествить с себя с остальными, будто и нахожусь среди них, здесь, со всеми, но сам чужой, и лишь прикидываюсь своим, каким-то образом вписываясь в коллектив. Странные и неприятные ощущения. Руки столкнулись, расплескав воду, и пошли назад. Ребята загомонили, в процессе трехчасовой работы все перезнакомились и только мне не были известны все корпусовцы, так что проблем с общением у них не было. Я как-то сразу оттерся в сторону и незаметно отошел в сторону, для меня не было причин праздновать, не тот день, не то настроение, слишком много крови было пролито, и мной, и по моей вине, и сколько ее еще будет? Ладонь сама сжалась в кулак, комкая стаканчик и расплескивая остатки минералки, на душе было беспокойно, надо было уединиться, разобраться во всем, но времени просто нет, да и будет ли?

— Что-то не так? — сзади подошла Татьяна.

Обернувшись, взглянул на нее в начавших сгущаться сумерках и не узнал. Передо мной был не собранный, ответственный, знающий свое дело лейтенант Корпуса, а обычная девушка с бутербродом в одной руке и стаканчиком в другой. Даже странно, никогда не думал о ней так, не спорю, внешне она очень даже симпатична, но, все же, корпа, а это уже совсем другое отношение.

— Нет настроения праздновать, — ответил искренне.

— После такого ни у кого нет, но зацикливаться нельзя, от этого будет только хуже, — она аккуратно откусила кусочек и кивнула мне, — а ты чего, не голоден?

— Нет, — покачал головой, — какой план на завтра?

— Будем учиться взаимодействовать и быть готовыми исполнить задачу, — пожалала она плечами, — стандартный в таких ситуациях распорядок.

— Ясно, — пока она жевала, задумчиво всматриваясь в опускающиеся на базу сумерки, мне вдруг вспомнились их корчи и вопрос сорвался с языка сам собой, — ваши разобрались с сегодняшней атакой?

— Нет, и понятия не имеют, как быть с этим дальше, мало информации.

— А эта чужеземка, Ашти, что она говорит?

— Она толком ничего не знает, сказала лишь, что подобная практика применяется уже давно, но о ней мало что известно не посвященным.

— То есть, у нас ничего нет, и следующая атака может оказаться успешной.

— Ну, кое-какие меры были приняты, воздух наливается краснотой довольно быстро и среагировать и хоть как-то защититься не успеть никак, но вот сама площадь воздействия не так уж и велика. Так что рассредоточенные в отдалении снайперы довольно жестко смогут отреагировать на подобную угрозу, так что абсолютно беспомощными мы уж точно не будем. Да и умники обещали еще кое-что разработать.

— Так сказали ведь, что мало данных.

— Они имели в виду разработку дальнобойной автоматике или что-то типа турелей, насколько я поняла, техника-то не человек, ее не скрутит.

— Лишь бы своих крошить не начала, — выдал первую пришедшую на ум мысль.

— Ну, не дураки ведь будут заниматься, разберутся. А ты всегда так развлекаешься, в стороне ото всех? — она улыбнулась.

— Мне не претит одиночество, для нас это лучшее качество, — ответил я честно.

— Этим объясняются твои ночные прогулки?

— Не только, — кивнул, соглашаясь, — еще я люблю дождь, особенно в темноте и когда вокруг никого нет.

— Надо же, совсем один, в полнейшем мраке, под потоками воды, почти как сюжет для ужастика.

— Нравятся ужасы?

— Не без этого, — девушка улыбнулась, — покажешь своего?

— Надоело спокойно спать? — я недоуменно посмотрел на нее.

— Беспокоишься за мой сон? Не стоит, просто Артем еще тогда не слишком лестно отзывался о твоей твари, вот, пользуясь случаем и спросила, можешь мне его показать?

— Почему бы и нет, твои же нервы, — улыбнулся я, — готова?

— Давай, — она сделала два шага в сторону, и скрестила руки на груди, сделав серьезное выражение лица.

Я для спокойствия просканировал пространство вокруг, проверив на наличие возможной слежки и, повернувшись к единственной снимавшей это место камере спиной, заставил Белого вылезти и проявить личико. Подобное не было чем-то сложным, тем более, что дома я уже практиковал их полное проявление, так что это удалось без труда. Но целиком показывать кошмара не хотелось, потому придется ей довольствоваться и этим. Освещение базы прекрасно позволяло читать даже ночью, неосвещенного пространства практически не было, так что свет падал как нужно, и девушка смогла для первого мгновения рассмотреть вполне достаточно, что бы закусить губу и отшатнуться, враз побледнев лицом. Белый же, по моей инициативе, еще и раззявил пасть, явив на обозрение особенности своих челюстей, частоколом укрывших добрую их треть. Я был почти уверен, что она еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть, и уже за это почувствовал к ней уважение, сильная девушка, нельзя не признать. И спрятал кошмара обратно.

— Удовлетворена? — спросил спокойно.

Она кивнула, застыв на месте и неосознанно обхватив себя руками, когда скрещение рук в единое мгновение перешло в защитный жест шокированной психики и натянувшихся как струны нервов. Она еще только осознавала, насколько сильно впечатлена, а я уже отчетливо видел это по ней.

— И как, стоило оно того?

Девушка ответила не сразу:

— Они все такие? — наконец выдавила она, поежившись.

Я кивнул:

— Большинство, по крайней мере, ни одного красавца я среди них не видел.

— И вы видите их постоянно?

— Да.

— И каково это, постоянно наткаться на них взглядом?

— Привычно, — пожал плечами, — будто у таких, как мы, есть выбор.

Она приблизилась и уселась рядом на один из ящиков.

— И тебя это полностью устраивает? Никогда не хотелось избавиться от этого?

— Ты не понимаешь? — покачал головой.

— Возможно, — девушка не стала спорить, — что думаешь о пришельцах?

— Вы их так и решили называть, "пришельцы"?

— А что?

— Они же должны себя как-то называть, Ашти разве не в курсе?

— Она говорила, но там такое, что язык сломать можно, так что пока будут пришельцами.

— Ясно, да и что думать: мечи, защита от огнестрела, одежда как в средневековье — абсолютно чуждая нам культура и другой путь развития. Если перенять часть их технологий, задавим их без проблем, но пока что все зыбко.

— Ну, примерно так же считают и все остальные.

— А ты?

— А я выполняю приказы, тем более, что с каракатиц их можно перестрелять просто издалека.

— Если не будет засады или еще чего неожиданного.

— А вот для этого у нас есть вы, владыки, — она улыбнулась, — кто вообще додумался до такого?

— Блин, да я ляпнул, когда молодежь надела, сказал, что первое в голову пришло, им же пафос нужен, крутизна, а потом оказалось, что все было на достаточно серьезно.

— Да уж, приложил ты руку к будущему, — она негромко хохотнула.

— Чего смеешься, мы сами-то сейчас как называемся?

— Мы? Да никак, просто третий боевой, у нас с этим не заморачиваются, лишь бы толк был.

— Ну вот, а тут — Владыки, чувствуешь разницу? — улыбнулся уже и я.

— Чувствую, чувствую, — она уже откровенно рассмеялась, — ладно, владыка, пойду разгонять эту шайку-лейку по койкам, ты и сам не засиживайся.

— Вот как, значит, сама приказать мне не можешь?

— А ты бы послушался?

— Нет, — покачал головой.

— И я знала, что ты это скажешь.

— Естественно, — наши взгляды встретились, и она просто кивнула, давая понять, что поняла все правильно. Вот так-то, как бы там ни было, каждый знает о другом ровно столько, что бы не доверять полностью и спокойно принимать подобное отношение к себе самому. Такие вот дела. Она уже ушла, а я еще некоторое время сидел и размышлял. Рано или поздно о нас станет известно все или почти все, на что способны, чего стоим, что можем, и единственным верным решением будет постоянно прятать что-нибудь в рукаве и безостановочно наращивать свой потенциал, обучаясь и накапливая знания, приручая питомцев и ища другие пути самосовершенствования. Мы не простые люди, которые смогут спокойно жить в стороне под минимальным наблюдением со стороны государства и ничем особо не выделяться, за нами будет вестись жесткий контроль, и никуда от этого не деться. Как бы этого не хотел и как не старался до этого, но теперь я в системе, и даже если только частично, рано или поздно увязну в ней настолько, что просто встать и уйти станет очень трудно, если не невозможно. Хреновая перспектива, но обратного пути уже нет. Остается только грамотно себя вести и не подставляться, стараясь просчитывать все возможные ходы наперед.

— Для младшего офицерского состава отбой был полчаса назад, — донеслось от ворот.

— Иду, — я нехотя поднялся и направился к Татьяне, — иду.

Странное затишье после разыгравшейся трагедии настораживало и воспаляло нездоровый интерес к каждой тени, к любой странности и ко всему необычному, мало ли что еще может выкинуть недосягаемый враг. Корпус был приведен в полную боевую готовность и гудел, словно улей злых, кем-то потревоженных ос, готовых при первом же признаке опасности выстрелить, ударить, укусить. Принятые меры безопасности, вкуче с измененным графиком дежурств и кое-какими нововведениями, позволяли если и не перестать опасаться нового нападения, то уж, по крайней мере, не чувствовать себя полностью незащищенными.

Откуда-то пригнали два вертолета и усадили кварталах в трех на территории видно очередной приобретенной базы. Так что при необходимости мы бы получили еще поддержку и с воздуха, а уж навешано на этих двух монстров было немеряно. В соседних зданиях, с интервалом в сто метров, постоянно находились специальные посты, с высоты своих укрытий простреливающих добрые две трети базы. Да и сама территория значительно преобразилась, появились не чета старым укрепленные двери, окна заимели решетки вплоть до третьих этажей, а дежурившие части теперь располагались как снаружи, так и внутри. Так что при любом раскладе проникнуть в здания противник быстро не смог бы, понадобилось бы определенное время, за которое его можно спокойно было перестрелять. Более того, спустя несколько дней в разных концах базы были установлены три монстра, точь-в-точь копирующие турели из какой-нибудь компьютерной игрушки: укрепленная платформа позволяла подниматься многоствольному чудовищу на добрых три метра над землей и вести просто таки ураганный огонь, сметая в радиусе поражения абсолютно все, что имело несчастье попасться в прицел. В один из вечеров, после их монтажа, когда экскаваторы и прочая техника убралась восвояси, а корпусовские инженеры занимались настройкой и подключением, то чуть ли не треть базы постоянно наблюдала за всем этим процессом. Тогда и удалось узнать, насколько страшного соседа сегодня нам подселили. По своей огневой мощи, эта троица перекрывала в единицу времени чуть ли не треть всего арсенала базы, а радиус поражения позволял уничтожать противника в обзоре ста шестидесяти градусов по горизонтали и девяноста по вертикали, что позволяло практически перекрыть доступ любому врагу на территорию Корпуса. Для ликвидации же этих игрушек понадобилась бы приложить столько усилий, что проще было забросать взрывчаткой здания базы из-за забора, не входя в зону их поражения и не рискуя.

Но были и минусы, башни были жуть как не поворотливы и разворачивались немногим быстрее черепахи, что было вызвано, собственно, самой их конструкцией и стабилизаторами отдачи. В общем, один из техников тогда толкнул настолько заумную речь, что я понял лишь одно — сделай буквально шаг в сторону и это чудовище тебя даже не заденет. Правда, ты все равно останешься в радиусе поражения двух других монстров, но это уже частности, так сказать. Можно было банально спрятаться за их платформами, избежав тем самым огня, но воевать оттуда было бы полным безрассудством, так как все пространство у башен прекрасно простреливалось с постов вне базы. В общем, просчет был колоссальный, тем более, что умники уже занимались системой распознавания "свой-чужой" и обещали запустить своих "деток" уже завтра.

Но нам так и не удалось дожидаться рождения трех новых "коллег", в три часа ночи поступил сигнал готовности, и обе наши каракатицы, полностью укомплектованные и загруженные, стартовали в течение буквально десяти минут.

— Что случилось? — Кристина сонно жмурилась, пытаясь прийти в себя и трясаясь на заднем сиденье. Стас не особо деликатничал и, видимо, вдавил педаль в самый пол, потому как неслись мы просто как сумасшедшие, и если бы не устойчивость машины, давно бы уже перевернулись на очередном повороте. Зад постепенно превращался в отбивную, комфорта, как такого, не ощущалось, но сейчас это беспокоило меня меньше всего, да и все остальное тоже, происходящее как вокруг, так и в целом мире вообще, обесценивалось очень быстро — в висках начинало крутить. И внутри постепенно рос ком холодной, липкой паники.

Как? Так быстро? Но почему, ведь совсем немного времени прошло? Неужели так прогрессирую? Невозможно! Черт! Черт! Руки до белых костяшек сжали подлокотники, глаза же не мигая шарили за окном, скоро будет ой как херово, учитывая прошлый раз. Не пойму только, почему в те разы это обрушивалось словно лавина, неожиданно, без предупреждения, а теперь — теперь хоть есть время, только сколько? Схватить первого попавшегося? А смысл? А есть выбор? Остановить машину и уйти на поиски? И как это к себе представляю? Нет, так не пойдет, едем куда надо, а там посмотрим, по любому должен кто-то попасться. А если и нет, то найду в округе сам. Между висками будто стал металлический стержень с мелкой насечкой и стал медленно проворачиваться, шкрябая и периодически простреливая лоб так, что приходилось сжимать зубы. Сука! Как же не вовремя.

Кварталы мелькали с ужасающей быстротой, слабо подсвечиваемый город казался каким-то селом, если бы не многоэтажки и супермаркеты, попадающиеся вперемешку с частными домами и абсолютно темными, почему-то отключенными улицами. При остановке нас порядком потрянуло, так как Стас и не подумал снижать скорость, просто круто развернулся на тормозах и первым вылетел наружу. Вот так, все быстро, споро и профессионально. Корпусовцы посыпались наружу как горох, рассредоточившись и заняв позиции, взяв на прицел все подходы и обеспечивая более-менее безопасные минуты для дальнейшего планирования.

— Итак, — обернулась к нам Татьяна, — нужна разведка, будете отрабатывать как на учениях. Вон те склады, кто пойдет?

— Я могу, — вызвался Павел и корпусовка кивнула.

В тот же момент черная тень кошмара метнулась вперед. Народ уже несколько дней как научился смотреть глазами своих питомцев, и радости было выше крыши, если не считать того, что приходилось мириться с месивом из крови, костей и прочих прелестей при взгляде на живых существ. На меня же они старались не смотреть, тем более, что я полностью игнорировал их вопросительные взгляды. Что, увидели мою паутинку? Интересно? Ну так хрен вам, а не подробности. Меня тогда почему-то это жутко раздражало, но до причины докопаться так и не смог, просто отмалчивался целый день и старался поменьше общаться. Сейчас же меня начинало ломать и крутить так, что было абсолютно плевать на то, кто там и что во мне увидел. Мне было нужно. Именно что нужно найти того, кого захочу себе взять. Почему-то это было настолько принципиально, что возвелось в необходимость и даже мысль о принятии под руку кого попало, вызывала конкретный негатив.

— Ну что? — не выдержала корпусовка.

— Пока смотрю, слишком много всего, — поморщился парень.

— Люди есть?

— Есть, и не мало, штук десять, нет, пятнадцать, а, еще здесь есть, ох, с этими двадцать восемь.

— Уверен?

— Да, двадцать восемь.

— Показывай где, — и девушка сунула ему в руки бумагу и ручку, потащив в салон автомобиля.

Что было странно, радиус действия, так сказать, у кошмара Павла был существенно выше, чем у Белого в начале, и лишь немногим недотягивал до его сегодняшних показателей. Мне это еще раньше бросилось в глаза, выходит, каждый монстр действительно уникален и абсолютно по разному связан и взаимодействует со своим хозяином. Виски опять обожгло. Черт! Даже скривился, настолько было ощутимо. Долго я так точно не продержусь.

— Ты чего? — обернулась Кристина, ее кошмар в упор пялился на мое лицо.

— Твоя образаина следит за мной? — сдавленно процедил сквозь крепко сжатые зубы.

— Она везде следит, — не обиделась та, — что с тобой?

— Ничего, все в порядке, — а в башке уже стал появляться и второй стержень.

В то же мгновение из машины показалось начальство, и бойцы споро собрались около набросанной Павлом схемы складов. Я тоже пристроился в сторонке, но сконцентрировать внимание все никак не получалось, слишком уж настойчиво сверлило и зудело, казалось, еще чуть-чуть, и одна из височных долей вполне может лопнуть.

— Восемь больших складов, в этом тело сторожа, здесь трое, здесь девять, тут шестеро, еще восемь бродят по территории, и два у ворот. Задача: обезвредить и взять живьем. Руки, рты, ноги — сами знаете, не рисковать, при необходимости бить на поражение. Начнут они, — кивнула в нашу сторону, — дальше вступаем в игру мы. Влад, начнете с дальнего конца.

Я через силу кивнул, пряча лицо в тени и думая, что заниматься этим придется только им двоим, мне сейчас ну совсем не до этого, и тем более не до деликатности, шваркну плетью и пойду дальше.

— Тогда выдвигаемся, вперед не лезть, владыкам соблюдать осторожность и не открываться, каждому по бойцу в охрану.

Рядом со мной тут же нарисовался Стас со своей базукой наперевес, их новое оружие немного отличалось от уже виденных мною ранее автоматов, из которых корпы так качественно нашинковали гиганта, стало короче и более квадратным, что ли. Аккуратно высунувший стебельки глаз из волос, воротника и рукавов фамильяр давал прекрасный обзор, и ночь не была мне помехой, так что на видимость я не жаловался.

— Пошли, — глухо бросив и с трудом оттолкнувшись от капота, направился в сторону забора. Остальные взяли правее и левее, решив взять территорию в клещи.

— Что планируешь делать? — шепотом обронил напарник.

— По ситуации, — прошипел в ответ, очень хотелось схватиться за голову и прижаться к чему-то холодному, — или скручу, или убью.

— Если что прикрою, у тебя две секунды на решение.

— Устроит, — кивнул и выпустил Белого.

Тот метнулся к стене и через мгновение оказался за ней, так, склад со сторожем, вот и тело, ага, здесь никого, можем перебираться.

— Не дергайся, — предупредив Стаса, оплел его тремя щупальцами и, схватившись

остальными за край бетонки, перемахнул внутрь. Водила только охнул, но тут же взял себя в руки и, почувствовав, как спало давление с груди, припал на колено, взяв на прицел узкий проход. Мы сейчас были между стеной первого склада и забором, длинная такая кишка метров двадцати в длину и примерно полтора в ширину. Белый уже был около угла и буквально прожигал взглядом устроившегося в тени человека. То, что это был именно наш клиент, не вызывало никаких сомнений. И в следующий момент что-то сверкнуло, а потом и грохнуло, на мгновение залил светом дорогу, ворота и часть склада на противоположной стороне. На землю стали падать, громко стуча, какие-то обломки, а наша цель сорвала с пояса какую-то палку и метнулась в сторону.

Куда, гаденышь — Белый сбил его лапой наземь и вдавил в асфальт, ломая переносицу и почти ломая ребра. Его конечность перекрывала распластавшемуся воину всю спину, захватывая часть задницы и покрывая голову. Малейший импульс, и он просто раздавит его, схлопнув грудную клетку, голову и оборвав жизнь, пусть только дернется.

— Двигаемся, — хрипло проклокотало мое горло, и мы быстро засеменяли вперед. Стас все время держал на прицеле просвет, держась позади и чуть сбоку. Но опасности не было, все двадцать семь, если Павел не ошибся, сейчас уже участвуют в заварушке, откуда-то слева уже доносились редкие очереди, что ухало, рушилось. В общем, веселье началось без нас. Не доходя до поворота, спеленал пленника и втащил к нам.

— Берем?

— Ага, — напарник кивнул и стал споро стягивать тому руки и ноги пластмассовой стяжкой, потом залепил рот и притянул ноги к голове, обхватив шею еще одной петлей. Я же уже начинал кончаться. Пошатнувшись, еле успел ухватиться за стену, по верхней губе потекло.

— Стас, — слова давались с трудом, выталкиваемые буквально через силу, — ты, будь тут, мне надо, без тебя, тут, будь, — и пока тот не поднял глаз, продолжая обхаживать нашего пленника, юркнул в тень.

Возникшая дилемма была решена в кратчайшие мгновения: бросить всех и срочно найти кошмара или помочь своим и сдохнуть в процессе. Ответ пришел сам собой, решая оба уравнения — убью всех, устранив угрозу, и быстро найду кошмара. Мысли здесь четкими холодными росчерками ложились так, будто являлись звеньями единой цепи. Никаких сомнений, никаких переживаний. И только боль, раскаленным клещами вцепившаяся в мозг, не давала остыть и забить на все болт. Она гнала похлеще кнута, заставляя все ускоряться и ценить каждую секунду, каждое мгновение, ведь времени оставалось слишком мало, его просто уже не было. Первая четверка засевших в следующем помещении врагов буквально разлетелась фрагментами, марая пол и стены, но меня это мало интересовало. Голова готова была лопнуть. Белый с фамиллярмом сейчас всю шерстили территории других баз, прочесывая помещение за помещением, но пока тщетно.

Я же несся настолько быстро, насколько мог. Рывок, стена остается позади, плети оплетают очередного противника и растаскивают в стороны, руки, ноги, голова — все порознь. "Заложник", всплывает вдруг мысль, они хотели заложников. Иглы боли рвут сознание на части, мысли, хоть и не путаются, но становятся более редкими, им словно мешает что-то появляться, начинает тошнить, нутро все крутит. Выбираю более одетого противника и банально шваркаю им об стену — в отключке, трое других протыкаются насквозь и безжизненными куклами сползают по стене, оставляя за собой кровавые мазки.

Кошмары переключились уже на другие склады, и безжизненность пространства

начинает пугать. Гоню их дальше, быстрее, еще быстрее, найдите хоть одного, хоть какого-то, ну же! Уже неосознанно хлещу в бок и делаю рывок к следующей стене — пусто, врагов нет. Ноги вдруг подкашиваются, и я кубарем лечу наземь. Но здесь это не больно, здесь все не так, плети тут же обвивают начавшее слабеть тело и поднимают в воздух. И вдруг приходит знание — нашел, Белый, умница ты такая, прелесть моя, нашел! И уже не обращая внимания ни звуки продолжающегося боя, на крики и вдруг начавшуюся обваливаться стену, рвусь туда, к нему, вперед, только вперед. В глазах мутнеет, и они закрываются, так боль кажется меньше, мелькают стены, проносится пространство одной базы, второй, я уже почти угасаю, внутри будто включили медленно разгорающуюся лампочку мрака, заливающую свет вокруг пожирающей его тьмой. Еще немного, еще, плети неосознанно проявляются и буквально проламывают стену здания, вырывая огромный кусок бетона и проявляясь во всей своей красе.

А там, за следующей стеной, как раз напротив Белого роится нечто непонятное, оно уже чует, уже мечется, ему беспокойно, но мне плевать. Мой, ты — мой! Если б мог, я зарычал, заорал бы, но гаснущее сознание уже не могло позволить себе этого. И из последних сил бросил себя сквозь стену прямо в черный вихрь непонятно чего. И он схлопнулся, закрыв меня, укутав и начав пожирать. Но это и так уже был конец, и все, что я мог — это высвободить сейчас то, что у меня было. И шандарахнуть им в стороны, неважно куда, неважно как, но — получи!

"Сука, опять выжил, когда ж я уже сдохну!" — было первой мыслью, пришедшей в больное сознание, страдальчески принимающее отчеты пострадавшего тела. То, что все еще дышу, было единственной хорошей новостью, остальные же корежили и рвали мое тело буквально на части. Почему-то жутко ныли и чесались плечи, особенно сзади, впрочем, все остальное чувствовало себя не лучше. Хотелось материться, но вряд ли это помогло бы, и я сдержался. Гадство, и во что же я вляпался в этот раз? Сразу же вспомнилась черная воронка вихря и множество точечных, болезненных прострелов, будто одновременно втыкали несколько сотен игл, потом вытягивали и кололи снова. Но наспех проведенный осмотр не показал каких либо повреждений. А вот оттенок руки и, о, господи, задранная рубашка показала полностью синюшный оттенок живота, ребер и вообще всего, куда падал взгляд. И все ныло и болело. Пиздец! Я сел откинувшись на стену, прикрыв глаза, и тут же пожалел, потому как, любое движение отзывалось ноющей, вязкой болью, напоминающей потом некоторое время, что нужно быть осторожнее.

Мда, опять жив, и опять как отбивная, какие планы дальше? Где-то рядом раздавались удивленные голоса, кто-то возмущался и что-то требовал, но я лишь теперь обратил на них внимание. Чего? Люди? Здесь? Пришлось давать пинка Белому, выгоняя его наружу — открывать глаза не хотелось. Черт! Это офис и, похоже, напортачили мы здесь немало. У пролома в стене уже собралась кучка народу и живо обсуждала увиденное. Почему-то выходить к ним мне совершенно не хотелось. Впрочем, двигаться вообще не хотелось. Пусть приезжают и забирают меня сами, тележки там какие, аккуратно и осторожно. Мысль о том, что придется перебирать ногами, бросала просто в дрожь, от которой тут же становилось опять-таки хреново. Ну что ж за гадство, даже пукнуть сейчас будет больно.

Внутрь зашла девушка, и какое-то время возилась у обломков одного из столов. Выломанный мною кусок стены упал на него и буквально расхреначил в щепки, придавив собой, видно, какие-то документы. А потом она прошла в мою комнату и, естественно, заметила и меня.

— Эй, здесь человек, — она осторожно приблизилась и склонилась надо мной.

Через мгновение рядом собралась целая толпа и, по ходу, мой вид вызывал у них лишь сожаление. Черт, и так херово, так еще и пялятся.

— Ты живой, эй, как ты себя чувствуешь? — девушка осторожно протянула ко мне руку и я, предвидя очередные муки, сумел выдавить из себя:

— Телефон, позвонить...

— Телефон? Да, сейчас вызову скорую, — она быстро зашарила руками по карманам.

— Н в скорую, — губы вяло шевелились, слова падали с них многотонными блоками, отдаваясь чуть ли не во всей челюсти.

— А куда же? — было видно, что она не согласна.

Я по памяти медленно продиктовал номер Татьяны, и ведь запомнил-таки, обычно у меня с этим проблемы.

— Алло, здесь лежит парень, дал ваш номер, что? — и стала называть адрес, — Да, не трогаем, а скорую? Хорошо, ждем, — и закрыла мобильник.

— Ну что, что там? — загомонили стоящие рядом.

— Корпус, сейчас подъедут, — растерянно отозвалась девушка.

Вот и отлично, там у меня и постелька, и врачи не чета больничным. Теперь осталось только дожидаться. А ведь симпатичная, и не высокая, как раз в моем вкусе.

— Как зовут? — прошептал еле слышно.

— Что? Олей, — тут же сообразила та, — ты как, что тут произошло?

Но я не ответил, продолжая хранить неподвижность и узнав, что хотел. Совсем скоро где-то остановился автомобиль и в поле зрения Белого появилась Татьяна и двое дюжих медиков Корпуса, позади шел явно врач. Ага, таки сама явилась, похвально, значит ценна моя шкурка, искали, небось, вчера? Интересно, как все прошло? Без жертв?

— Освободите помещение, — тут же принялась отдавать распоряжения корпа.

Медики споро скрылись с глаз и через минуту появились с носилками. Блин, сейчас трогать будут, я заранее расстроился и приготовился сдерживать крик. Но хрен там, громкий ох и тонну стонов переброска меня на ложе все же вызвала, даже губу закусил, не в силах скрыть терзающие внутренности молнии боли.

— Осторожней, осторожней, — тут же гаркнула корпа, — не картошку везете.

Но это она зря, медики свое дело знали и сделали все настолько аккуратно, насколько могли. Дядька в синем, прошедший до этого быстрый осмотр и не выявивший никаких несовместимых с жизнью повреждений, лишь озадаченно покачал головой. Мне же за его прикосновения и все-таки раскрытые глаза хотелось оторвать руки и ноги, до сих пор аукается. Ну да ничего, перетерплю, сам подумал, и чуть не заскулил, когда мое ложе слегка подпрыгнуло, переезжая через порог. Черт, а ведь еще трястись всю дорогу. В общем, с горем пополам, но таки добрались, сгрузили меня на белоснежную простынь, и отгородили белой зановесочкой. Вот так, режим, тишина и покой. И как-то так сложилось, что даже сам не заметил, как, свыкнувшись с ноющим телом, выпал в осадок и заснул. Снилось же какая-то хрень, я то горел черными сгустками, почему-то вырывающимися из тела и не оставляющих на нем даже следов. То эти сгустки влетали в меня и исчезали, очевидно, прорываясь внутрь и успокаиваясь где-то в чреве, а то и вовсе парил, окутанный непрекращающимся черным хороводом, отчего-то выбравшим меня своим центром.

В общем, проснулся я абсолютно не выспавшийся и взмокший, откровенно хотелось в душ, а еще есть и что б уже ничего не болело. И хоть состояние, по ощущениям, было не чета

прошлому, но от неприятного зуда и покалывания избавиться так и не удалось. И, в основном, в области плеч. Само собой, рефлекторно обернулся и замер, тупо уставившись на то, чего там раньше никогда не было. И мозг проснулся окончательно — тупим, товарищ, ох, как тупим. Вся верхняя часть спины, плечи и даже частично грудь были покрыты словно панцирной коркой, почти черной, с темно бурыми оттенками, и все это как-то очень уж удачно совпадало с расцветкой Плюща и Звезды, будто тон в тон подбиралось. И вот оно-то и зудело больше всего. Дальше больше, видно мозг, не полностью себя осознающий, был не способен воспринимать картину в целом, и постепенно приходя в себя, выстраивал все новые и новые кусочки мозаики. Я вдруг понял, что пустота внутри стала более полной, что ли, и как только осознание этого пришло в голову, сразу же появилось и знание — Рой. Да, именно так и никак иначе это не назовешь. Где-то во мне, деля пустоту с Белым и Фамильяром, находились, нет, находился Рой, сгустки непонятно чего и, главное, много. Интуитивно потянувшись, послал импульс — наружу. И тут же в закрытом занавеской пространстве стало тесно и темно, во все стороны словно брызнуло мраком, мелким, редким, состоящим из крохотного, но жутко быстрого не пойми чего. И все это постоянно вращалось, вертелось и кружилось. Повинуясь приказу, Рой уплотнился и сбился в шар, зависнув и более-менее замерев в одних размерах. На протянутую руку отделилось и село несколько мелких точек, но мои глаза были бессильны что-либо здесь углядеть, так что пришлось вытаскивать Фамильяра и настраивать его на соответствующий обзор.

И обана и вот те раз, я с удивлением разглядывал копошащихся на руке существ. И данное им имя подходило лучше некуда, именно что Рой. Это были насекомые, если этих крошечных тварей можно было так назвать. Скорее капли тьмы с вдруг отросшими коготками, зубами и постоянно продолжающими менять свое месторасположение шипами по всей длине крохотных тел. Более того, у некоторых смещались и сами лапки, а ротовые отверстия просто пропадали, что бы вновь появиться уже с другой стороны. Кошмар какой-то, почему-то рефлекторно потер переносицу, будто сам пялил глаза, всматриваясь в это нечто.

В отдалении слышались шаги, ладно, потом со всем этим будем разбираться. Втянув в себя всех питомцев, накинул на себя лежащую рядом на стуле одежду, блин, они видели меня всего, и, слегка кривясь, дернул в сторону занавесь.

— Куда, куда, вам еще рано, — тут же метнулась ко мне женщина-медик.

— В самый раз, — взгляда глаза в глаза вполне хватило, что бы сбавить ее ретивость почти до нуля, заставив замереть на полпути.

— Но вас нужно еще не осмотреть, — все-таки не сдалась она.

— Уже не нужно, — я прямо-таки чувствовал, что со мной все в норме, и осознавать этот факт было настолько же странно, насколько и приятно. И мог наперечет выдать все места, где поврежден внешний покров, есть царапины и синяки, кои в множестве своем покрывали мое тело.

— Но доктор...

— Спасибо ему и вам, — оборвав на полуслове опять предпринявшую попытку остановить меня женщину, толкнул дверь от себя и вывалился в коридор. Стоять было некомфортно, по всему выходило, что нужно было еще отлежаться, но меня сейчас слишком интересовало другое. А тупо звать к себе Татьяну, отрывая ее от дел, мне совсем не хотелось. Так что по стеночке, по старинке, без посторонней помощи поплелся себе дальше. Медблок находился почти в центре базы и добраться до своих означало пройти ровно половину, что

было не так уж и мало, учитывая размеры территории и мое нынешнее состояние. Уж бегать-то я точно пока не смогу. Но стоило выйти за порог, как откуда не возьмись, появились Стас и компания, тут же подхватили под руки и процесс передвижения существенно ускорился.

— Дежурили, что ли? — спросил удивленно.

— Не надейся, просто не ты один пострадал, навещали паренька.

— Как в целом-то прошло?

В ответ немая пауза, было видно, что ребятам не очень хочется об этом говорить.

— Только не говорите, что погиб кто, — настроение стало катастрофически быстро падать.

— Да нет, — Стас помотал головой, — ранили только двоих, да и ты уже почти на ногах, только вот, — она запнулся, — ты куда исчез?

Блин, точно, надо же как-то объяснить свое исчезновение. Или не надо? Но ребята ждут, и обижать их не хочется, так что сказать что-нибудь все равно придется. Ладно, тогда так:

— У нас случаются моменты, — я осторожно подбирал слова, и они это явно понимали, — когда очень остро становятся ребром жизненно важные вопросы, от которых никуда ни деться и не отложить, в общем, так что я помог, чем смог, и пришлось решать свои проблемы.

— И как, решил? — спросил Стас.

— А по мне не видно? Чуть богу душу не отдал, — скривился я.

— Мда, то-то мы смотрели, как резво они вдруг сталидохнуть, а то, оказывается, ты просто торопился, — водила состроил понимающую мину и кто-то тут же прыснул.

— Очень смешно, мне блин ходить трудно, а они ржут, — сделал я кислую рожу.

— Да ладно тебе, главное живы все.

Пришлось кивнуть, соглашаясь.

— Взяли хоть кого?

— Да, того что первым с тобой повязали, плюс еще двух и того, кого ты на стену чуть не намазал, зачем так сильно-то было?

— Уже не разобрался, времени не было.

— Странно у вас там все.

— Странно, а еще больно и иногда до жути страшно, — ответил, вглядываясь в вываливший нас встречать народ, — это что за делегация?

— Ну, так, в самоволку ушел, как ни как, сейчас тебе пистон вставлять начальство будет.

— Не будет, мы с ней равны в полномочиях, — покачал головой.

— Дурак ты, Влад, — как-то слишком уж сочувственно протянул Стас.

— Ну-ну, ты больно умный.

— Ладно, дальше сам?

— Угу, в вольное плавание, — и меня отпустили, черт, тут же не за что даже ухватиться.

Кое-как сохранив равновесие, поплелся дальше сам. Кивнув молча ожидающим моего приближения ребятам, собирался уже пройти мимо, направившись к себе в комнатку, как под руку неожиданно резко схватили и потащили в сторону.

— Эй, я больной, со мной нельзя так, — попытался возмутиться, но меня проигнорировали и усадили на один из ящиков в глубине склада.

Корпусовка молча хмурила брови и сверлила меня взглядом. Потом, видимо, что-то решив, сменила лик на более милостивый и, подтащив второй ящик, уселась напротив.

— И что, я бы еще полежать не против, — опять подал голос.

Но на нее это не подействовало.

— Рассказывай, — коротко бросила девушка.

— Что рассказывать?

— Влад, хватит прикидываться дурачком, куда исчез, почему бросил отряд? — и ведь смотрит так пристально, испытывающее. Но воспринимается, почему-то, не как равный по званию, имеющий право спрашивать, а как женщина. Тьфу ты блин, вообще мозги в последнее время плавятся.

— Танюш, — вырвалось само собой, — я помог вам чем успел, а дальше наиболее вероятным было то, что сам бы не дожил до утра, но, как видишь, все-таки выжил.

— И ты это говоришь только сейчас?! — он вскочила, но тут же взяла себя в руки и снова села.

— А что бы изменилось, что со мной, что без меня, отряд не изменил бы своего количества, к тому же частично помочь я все же успел.

— Успел он, — хмуро бросила девушка, — менее кроваво никак нельзя было?

— Ну, извини, специфика кошмаров такая, не могу делать аккуратные миллиметровые отверстия, — развел в стороны руками.

— Что еще было? Почему оказался так далеко от первоначального места?

— Разве далеко?

— Почти в конце квартала.

Ух, епт, это же сколько я в бессознательном состоянии отмахал-то? В памяти стали всплывать образы минувшей ночи, но какой-либо четкости и осмысленности получить не удалось, слишком все размыто, а местами и вообще провалы.

— И зачем стену проломил? Что вообще забыл внутри? — продолжила допытываться девушка.

Я поднял на нее глаза:

— Себя, и свою жизнь.

Она некоторое время непонимающе смотрела на меня, силясь разгадать сказанное, но, в итоге махнула рукой и продолжила:

— Впредь будь добр предупреждать о собственных делах заранее.

Я кивнул.

— Может, хочешь еще что-нибудь рассказать? — несколько изменившимся голосом добавила она.

— Да, спросить, кто меня раздевал в медблоке?

— А что, пропало что-то? — ясно, она меня не видела, значит, только медобслуга, но рано или поздно об этом узнают все, кому нужно. Вот ведь не было печали. Мои отчаянные попытки сохранить свое естество в тайне с треском провалились, по любому ведь есть если не видео, то фотоматериалы. Так, этим займемся позже, придется поработать чужим среди своих, ну да сами виноваты, нечего лезть, куда не следует. А даже если и нет ничего, то всяко стоит в этом убедиться.

— Да нет, просто не люблю обнажаться перед посторонними, стеснительный, — посмотрел на нее в упор, — а теперь, если не возражаешь, я бы вздремнул немного.

— Да, иди, конечно, — она проследила за мной взглядом, что-то усиленно соображая,

брови сошлись к переносице, даже моргать перестала. Ладно, и это тоже выясним, дернув Белого к себе, повалился на кровать.

Рядом явно кто-то был. Медленно приоткрыв глаза, сонно сощурился, уставившись на почти неподвижную фигуру, занявшую стул напротив моей лежанки. Еще туго соображая, нашарил взглядом выпуклости груди и только потом перевел глаза выше, ага, вот кто у нас гостя.

— И чего тебе не спиться? — пробормотал неслышно, — Хочешь ко мне, я тут нагрел все.

— Нет уж, воздержусь как-нибудь, но за предложение спасибо, — последовал ответ.

— Ну и зря, тогда я досыпать, а ты не мешай.

И попытался отвернуться, зарывшись с головой под одеяло. Но не тут-то было, Товарищ лейтенант споро пересела ко мне и, нашарив под одеялом голову, впечатала ладонь в лоб. Это она что, проверяет температуру, что ли? Неужели заботится? Но тогда...

— Меня терзают смутные сомнения, почему ты отказалась еще часок подремать вместе со мной, — выдал я сквозь зевок, рука тут же исчезла.

— Не мели ерунды, тем более, что уже пора вставать, но так уж и быть, у тебя, походу, температура, сейчас вызову тебе медика.

Блин, какого медика, пришлось срочно гасить жар паутины, согревавший меня каждую ночь, обалденная, кстати, способность, я ее теперь часто использовал как грелку, врубил и не паришься, сколько вокруг градусов.

— Девушка, теперь попробуйте, — и сам подставился под ладонь.

— Странно, — она некоторое время не отнимала руку, — ты это сам делаешь?

— Нет, блин, лежанка подо мной, — и уже другим голосом, — так как, покемарим часик вместе?

— Еще чего, у тебя десять минут, жду снаружи, — и, поднявшись, торопливо вышла за дверь.

Ну что ж, делать нечего, придется-таки подниматься. Думал, хоть по самочувствию дадут отоспаться, так хрен вам. Нехотя спустив ноги с постели, принял вертикальное положение, фокусируя взгляд и соображая, куда вчера дел верхнюю одежду. Ага, нашел. Облачившись и пару раз подпрыгнув на месте, с удовлетворением обнаружил, что вчерашняя немочь почти отступила, а завтра вообще буду как огурчик. Единственное, что решил сделать во что бы то ни стало, так это качественно отмыться в душевой после утренних занятий, хотелось прямо отскрести с себя все за последние дни и смыть водой. И дело не в том, что ежевечерний душ не позволял качественно следить за своей гигиеной, просто возникло вот такое желание.

Снаружи уже во всю шла разминка, народ отжимался, пыхтел, бегал и прыгал, разминая суставы и вообще просыпаясь, и я, не особо размышляя, пристроился рядом. Взмахи, наклоны, скручивания, приседания, все слилось в сорокаминутную карусель, после которой народ бодренько потянулся в душевую: умываться, принимать душ, чистить зубы, кому что было нужно. Я же захватил из комнаты полотенце, мочалку и мыло, и решительно направился исполнять задуманное. Тело прямо само просило соскоблить с него минувшие дни и смыть их в сток, прямо наваждение какое-то.

— Неужели все так запущено? — насмешливо скривилась корпа.

— А сама, пропотела со всеми и будешь ходить вонючкой?

— Я не потею, чай не мужик, а леди, — она картинно приняла оскорбленную позу, отвернув лицо и задрав носик.

— Ну, как знаешь, только вот я вижу тогда по более твоего, — и, оставив ее разбираться в том, что сказал, направился дальше, что бы через мгновение услышать догоняющие шажки.

— Я тебе уже говорила, что ты хам? — спросила она, поравнявшись.

— И неоднократно.

— Отлично, выспался?

— Ты дашь выспаться, как же, — скривился я в сторону.

— То есть ты не рад, что тебя будит не Стас, к примеру, а я?

— Гм, с такой стороны я этот вопрос не разглядывал. А он бы покемарил со мной еще часик?

— Балбес ты, — она покачала головой, а я предпочел промолчать.

Душевых у нас было два варианта. Одна разборного образца и представляла собой небольшие кабинки с крохотными предбанниками для вещей. Зашел, разделся, принял душ в клетушке полтора на полтора метра, и можешь быть свободен. И общая, с натканными вдоль стен кранами и прочими приспособлениями для удобства. Я же принципиально ходил в кабинки, их и убирали чаще, каждые сутки, и для моих потребностей она более чем подходила. К счастью, четыре из них пустовали, так что даже ждать не придется. Через стенку послышался плеск воды, это Татьяна уже включилась в дело, я же, как всегда, сначала аккуратно проверил кабинку Фамильяром, а потом и окрестности — с появлением возможности у наших ребят следить через своих кошмаров, проблем только прибавилось. Приходилось осторожничать сверх всякой меры. И вот, полились долгожданные струи, обтекая лицо, грудь, живот и стекая дальше вниз, по ногам. Когда то представлявшаяся мне картина в процессе всего этого была совсем другая, теперь же ног не видно из-за плюща, спина почти полностью скрылась под Звездой и нашлапкой Роя, грудь так же частью закрыта, в общем, печаль. Намыливаться приходилось на ощупь, ну да я уже привык, не впервой. Как же, все-таки, хорошо, когда мочалка до красна натирает кожу, раскрывая все поры и прямо соскабливая суточную грязь. Тело будто обновляется, преисполняясь новой, чистой энергией. Становится бодрым, поднимается настроение — как же мне всего этого не хватало в последние дни.

Из душа вышел, словно заново родившись, помолодев. На ум вдруг пришел образ сочного, спелого яблока, во рту сразу образовалась слюна. И только тут поймал себя на мысли, что как-то странно себя веду. Слишком уж меня переполняет... а что именно? Да, энергии хоть отбавляй, даже чересчур. Оптимизм? Тоже верно, как-то его с перебором. Да и Татьяна, что-то я в ней слишком часто начал замечать девушку. Гормоны? Хрен его знает. Или, может, последнее воссоединение каким-то образом влияет? Я ведь в этом вопросе дуб пока еще полный. Вот ведь задачка.

— Полегчало? — раздалось сзади и, обернувшись, не смог не отметить, как ей хорошо с мокрыми волосами.

— Не знал бы, что ты из Корпуса, пригласил бы на свидание, — слова сами собой сорвались и улетели по назначению.

— А что, это тебя останавливает? — она хитро сощурилась.

— Меня все останавливает, — я, наконец-то, привел оторопевший от увиденного мозг в порядок и, развернувшись, пошел прочь. Вот ведь, всколыхнулось как, надо зайти в тень,

успокоиться, всегда помогает.

Через полчаса я вышел из комнаты с наполовину урезанным комплектом чувств и, встретившись глазами с Татьяной, почти ничего не почувствовал. Вот и отлично, мне только романов на работе не хватало. Девушка же словно окаменела, прикипев ко мне взглядом и явно ощущая изменения, что ж, можешь гадать сколько угодно, все равно ни к чему не придешь.

— Какие на сегодня планы? — устроился рядом.

— Как обычно, — настороженно протянула та, все еще пытаясь меня раскусить, — ты как, нормально себя чувствуешь?

— Вполне, а что?

— Я эмпат, помнишь?

— Помнишь, — кивнул.

— И сейчас ты словно не существуешь, будто закрылся от меня, как стеной.

— И?

— Что и? Как ты это делаешь? И зачем? — она непонимающе смотрела на меня, и было видно, насколько ее этот вопрос волнует. Что, так привыкла читать в людях, что чувство беспомощности выбивает из колеи? Ну да мне сейчас на все плевать, ну почти, уже начал оттаивать, так что извини, утешать тебя не намерен.

— А с чего ты решила, что это я делаю? И, уж тем более, специально?

— А разве нет? — теперь девушка уже хмурилась, лицо стало сосредоточенное, собранное.

— Тебе виднее, ты эмпат, не я, — растянул губы в легкой улыбке.

— Влад, мы ведь одна команда, зря ты так.

— Танюш, ты вот хочешь, что бы я был для тебя как открытая книга, а мне хочется хоть иногда высыпаться, и с тобой под боком, раз уж на то пошло, но ты же игнорируешь мои сетования, почему же мне отвечать на твои?

— Безалаберный подкат, — скривилась девушка.

— И в мыслях не было.

— Тогда что?

— Да ничего, ты спросила, я ответил, — зевок вырвался сам собой, расставляя все по своим местам, ну нет мне дела ни до этого разговора, ни до тебя, по крайней мере, сейчас. Что тут еще скажешь?

Девушка словно в ответ покачала головой и медленно поднялась.

— Знаешь, иногда складывается впечатление, что одна из сторон отдает гораздо больше, и больше принимает на веру, чем вторая.

— Возможно, только ты сама заметил, что это всего лишь впечатление, — сказанное почему-то зацепило за живое, мне уже не было все равно, и быть той самой стороной уж тем более не хотелось.

— А разве не так?

— Для меня нет.

— Вот как, и что же такое ты можешь добавить?

— Хотя бы то, что ты понятия не имеешь, что мы такое, — я устало посмотрел на нее, — с чем некоторым из нас приходится сталкиваться и чем платить, что видеть и что скрывать.

— Ну, так ты же ничего не рассказываешь! — воскликнула она в сердцах и вдруг

отвернулась, словно маленькая девочка. Вот те раз, откуда такие эмоции?

— Для рассказов у Корпуса есть свои подопытные, пусть экспериментирует с ними.

— Это не так, — возразила девушка.

— Пока да, пока не так, но я не настолько верю в человека, что бы отрицать очевидное.

— Значит, все-таки думаешь, что мы зло? — она развернулась и пошла на меня, — Мы защищаем людей, защищаем этот город, мы, а не кто-то другой, понимаешь, мы?!

Последнее было сказано буквально мне в лицо, и настолько эмоционально, с таким возмущением и непониманием того, как кто-то может этого не осознавать, что стало даже не по себе. Вот ведь упертая фанатичка, да нас в любом случае или на цепь, или к ногтю, по другому не будет. Разве что мы сами всех так же. И все, другого не дано, не тот мир, не те люди, не тот устрой. Вот что с нее взять?

— Нам бы с тобой выпить, да поговорить по душам, но ведь служба, — и разочарованно развел руками.

— А знаешь, как-нибудь сообразим, что б твоя тупая башка наконец приняла в себя то, что не все у нас так дерьмово, как тебе видится.

— Как скажешь, красавица, как скажешь, — это был шепот уже ей вслед, удаляющейся рассерженной, быстрой походкой.

Что ж, а пока мы предоставлены сами себе, надо бы покопаться в данных медблока, во избежание, так сказать. Но пролетевшие за этим занятием два часа так ничего и не принесли. Данных по мне не было ни в санчасти, ни в хранилище, где обычно собиралась подобного рода информация. Мое дело также не фигурировало нежелательными данными. Вот ведь, неужели действительно ничего нет?

По возвращению получил втык, где, мол, шлялся, когда остальные пашут. Народ же занимался тем, что в который раз отработывал совместное взаимодействие. Кто кого прикрывает, как бегут, куда, каким составом и все такое, рутинная, одним словом. В конце концов я плюнул и, воспользовавшись своими полномочиями, послал все куда подальше и скрылся у себя в комнате. Выставив Белого для охраны, в основном от любопытства этой парочки владык, вплотную занялся Роем. Его состояние, конечно, поражало, он был един во всех этих существах, по сути, их можно было скрепить в монолит, образовав любую форму и, вполне возможно, даже больше, но для этого требовалось время и тренировки. Сейчас же я пытался понять основное.

Изменчивость этих насекомых позволяла придавать им почти любую форму, сглаживая углы или вытягивая чуть ли не в нить, абсолютно невидимую из-за своей толщины глазу, ну, почти. Единственно что, так это их тяга к определенной форме, даже изменившись, со временем у них вновь прорастали конечности, появлялась пасть и бегающие по всей поверхности шипы. С этим разобраться пока не получалось, зато натолкнуло на мысль, тут же подтвердившуюся и увенчавшуюся успехом. Мои малыши были просто универсальным оружием — бетонный пол прогрызался, просверливался или бог знает что еще так, словно был из пенопласта. Крохотные пятнышки просто влетели в него, и через секунду зависли в метре над поверхностью, покрывшейся слоем бетонной пыли, покрывающей края новообразовавшегося углубления. И если учесть, сколько у меня таких малышей и что они могут сделать — просто в дрожь бросает. И ведь убить-то их не убьешь, основа-то у меня на плечах, а это так, руки, ноги, рабочий элемент. И, словно повинувшись приказу, со спины сорвалось небольшое черное облачко и влилось в общий коллектив. Я был просто на седьмом небе, еще много раньше думал о том, как будет жаль, если при подобных

обстоятельствах придется занять какого-нибудь абсолютно бесполезного кошмара. Но итог превзошел все мои самые смелые ожидания.

Новый питомец не позволял смотреть его глазами, так как был слеп, не давал лично мне каких-либо новых способностей, потому как и сам их не имел. Зато он уже был способностью, неуничтожимой, смертельно опасной и действенной. Спасти от него могли только атаки по площади, и то если я буду вести себя как последний дурак. Это было оружие массового поражения и более того, чем дольше я буду с ним практиковаться, тем более смертоносным и глобальным будет становиться и Рой.

Перспективы, достигнув мозга, частично ввели его в ступор, заставляя просто ахренивать и представлять картины одну похлеще другой. И если раньше я был заточен, в основном, под ближний бой, то теперь — часть Роя свилась тугим кольцом и метнулась в сторону, преодолев границы базы, затем пересекла улицу и пронеслась сквозь не принадлежащие нам склады. Скорость была просто потрясающей, Белый уже не успевал и, когда достиг максимальной своей дистанции — остановился как вкопанный, а малыши еще летели, летели и летели. И уже когда я начал было беспокоиться, что что-то может быть не так, пришел отклик — достигнут предел, дальше хода нет. Выдохнул я настолько же с облегчением, насколько и с восторгом. Эмоции переполняли сверх всякой меры. Но праздник длился недолго, в дверь постучали, и пришлось срочно сворачиваться.

— Открыто, — бросил с сожалением.

— Ты в норме? — корпа была сама доброжелательность, — а то сдулся, говорят, еще даже не на середине.

— Бесполезное занятие, — я отмахнулся, — мне это ничем не поможет.

— Ну, я бы на твоём месте не была бы так уверена, — девушка без спроса уселась на кровать рядом.

— Ну, я бы с этим поспорил, но не буду, чем обязан?

— Только не говори, что помешала, или ты занимался чем-то своим, чем занимаются только владыки? — она насмешливо приподняла брови.

— Угадала, — киваю, — учился кошмаром чесать себе спину.

— И как успехи?

— Да никак, почешешь? — и повернулся к ней спиной.

— Очень смешно, — скривилась корпа, — помнится, как-то было упомянуто желание выпить вместе?

Вот те на, это что же такое могло произойти, что наш супер-бупер отряд быстрого реагирования решили слегка побаловать? Неужели стало известно что-то новое о враге? И в мозгу щелкнуло — пленные.

— Пленники? — тут же задал всплывший в голове вопрос.

— Что пленники? — не поняла она.

— Что такого стало известно, что нас решили отпустить?

— А, ты про это, — она ухмыльнулась, — ну, тебе, как лицу не особо благонадежному, этого знать не полагается, а мне, как собравшейся сегодня хорошо отдохнуть и не без алкоголя, этого тоже не сказали. В общем, отдыхать будем в полном неведении, времени у нас до завтрашнего вечера.

— И у тебя не нашлось планов получше, кроме как провести эти сутки со мной, — подытожил я.

— Именно, — согласно кивнула девушка.

— Кстати не факт, что тебе понравится, — в мыслях уже крутился график на ближайшие двенадцать часов, — я хочу вкусно есть, сладко пить, хорошо смотреть качественное кино в домашнем уюте и, раз уж на то пошло и рядом будет женская особа, то и приятно ее обнимать. Так что лучше подумай еще раз, если что не устраивает, так как я банально хочу отдохнуть от всей этой армейщины, — и даже скривился под конец, довольно ясно выражая свое отношение к нашим условиям проживания.

— Ну да, тебя же здесь всячески притесняют, — оно состроила смешную мордашу, блин, я ведь даже не предполагал, что она может быть такой, — что?

— Да вот, не думал, что ты можешь быть девушкой, — сознался я, — по крайней мере раньше.

— И что же изменилось?

— Не что, а кто, — поправил ее.

— Ну, ты-то точно как был неотесанным хамом, так и остался.

Я кивнул:

— Так и не о себе говорил, я себя пока полностью устраиваю.

— Ладно, лейтенант, на все про все у нас полчаса, через которые лично я уже хочу что-нибудь есть и что-нибудь пить.

— Понял, встаю, дашь пару минут? — и показал глазами на дверь.

— Стесняешься, что ли? Это точно ты про "обнимашки" говорил или кто-то другой? — и даже с места не сдвинулась.

Ладно, плети послушно подали верх и я натянул его, закрыв горло, руки и грудь. И что стрельнуло спать без них, есть же постельный комплект, специально покупал. Затем подобным же образом натянул и штаны, девушка же с особым интересом наблюдала за прыгающей мне в руки одеждой, а потом не выдержала:

— И что же там у тебя такое, что приходится прятать?

— Может и увидишь сегодня, — последние слова получились скомканными, рот буквально разрывался от зевка, — да что ж такое-то, как спать-то хочется, который час?

— Семь утра, — с улыбкой подсказала корпа.

— Сколько?! — переспросил я охреневая.

— А что, лучше проваляться до обеда, убив ни на что полдня? Давай собирайся быстрее, как ни как, ты мне сегодня обещал комфорт и уют, тем более, что собственной квартиры у вас в городе у меня нет.

Ага, теперь я уже и обещал, прекрасно. Но семь утра! Какого хрена, хотя бы часик еще могла дать поспать, я мрачно посмотрел на улыбающуюся чертовку:

— Будешь должна мне два часа сна.

— Не смейся. Ты же раньше ночами даже гулял, а теперь выспаться не можешь?

— У меня какой-то новый период, спать хочется почти постоянно, — ответил я неосознанно, а потом вдруг понял, а ведь точно, было время, когда хватало буквально пары-тройки часов и как огурчик потом. Сейчас же просто спячка какая-то напала в последнее время.

— Ладно, позже придумаю тебе наказание, можем выдвигаться, — нашарив в тумбочке ключи, бросил в карман портмоне и мобилку, вроде бы все, готов.

От базы до центра города нас подбросил один из фургонов патруля, направляющийся куда-то по своим делам. Я же все никак не мог привыкнуть к тому, что рядом со мной сейчас сидела совсем не та Татьяна, которую я помню и которая отчасти меня раздражала. А

обычная молодая девушка, с которой, возможно, придется провести целые сутки. Не знаю, во что это выльется и выдержу ли я ее новую, но, думаю, все пройдет вполне неплохо. Вышли мы недалеко от супермаркета и сразу же направились в алкогольные ряды. Аванс нам уже начислили и, к тому же, весьма неплохой, так что позволить мы себе сегодня могли довольно многое. Вернее, она могла, я-то спиртное на нюх не переношу, но раз гулять, так гулять, какое-то хорошее вино один раз можно себе и позволить, чай, не вывернет наизнанку.

К кассе мы подкатили две тележки, заполненные почти доверху, и пока нас рассчитывали, моя напарница успела смотаться куда-то еще и принесла несколько коробок конфет: грильяж, с наполнителем и еще что-то.

— Мы это точно все съедим? И если да, нас в одно отделение положат? — не удержался я от вопроса.

— Не беспокойся, все под контролем.

— Сладкоежка.

— Не без этого, — кивнула девушка.

Потом вызвали такси и, доехав, с четырьмя огромными пакетами ломались по лестнице, так как карточки от лифта у меня, естественно, не было. А дома был срач, не в том смысле, что хаос, так-то все лежало на своих местах, и было более-менее прилично, но вот сама уборка не проводилась уже довольно давно.

— Мда, — констатировала спутница, — тут бы прибраться не мешало.

— Ага, вот прямо сейчас, в единственный день отпуска возьму, и буду драить полы.

Поставив пакеты, помог ей раздеться и, прихватив покупки, направился на кухню. По задумке было оприходовать сначала салаты, затем утрамбовать сверху набранную сдобу и под хорошее кино с бокалом вина предаться ничегонеделанию. Последнее время совсем не оставляло ни одной свободной минуты для подобного, а хотелось. Надеюсь, Танюха не будет против. О как, уже Танюха, в общем или прогресс, или "куда мы катимся", ладно, там видно будет.

В зале же уже был включен комп, сдвинуты пуфы и девушка занималась тем, что доставала спиртное, набрала которого на целый взвод. Как она все это будет пить, ума не приложу: три бутылки шампанского, шесть разных вин, какие-то ликеры, что-то типа виски или еще чего, я в этом не разбираюсь, да и не хочу. Но при всем этом разнообразии не мудрено и спиться за отведенное нам время.

— Чего смотришь? Салаты готовы? Тащи, и бокалы не забудь.

Я послушно развернулся и пошел на кухню, составил на поднос тарелки и понес в зал, сгрузил, вернулся на кухню и повторил процесс, потом так же доставил бокалы, салфетки, вазочки с фруктами и два раза пришлось ходить за сдобой. В общем, недельный план жрачки был выполнен, и мне даже стало интересно, как она все это будет поглощать. Так, еще застелить диван не помешает и, раз уж на то пошло, хоть переодеться. Обновив свой внешний вид и подыскав адекватную одежду девушке, захватил с собой покрывало и пару подушек.

— Держи, переодеться можешь в спальне, а я пока раскупорю твое алкогольное воинство, — с сомнением оглядел ряды бутылок.

— Давай пока шампанское и что-то из ликеров, сладкое.

— Как скажешь, — и принялся вскрывать бутылкам горлышки. Все-таки дом — это нечто, будто вернулся туда, где и должен был быть все время, тут покой и тишина, все

знакомое, свое, родное, эх! И ведь только на сутки! Ладно, постараемся оставить в памяти это время надолго. Разобравшись с едой и питьем, решил порыться в интернете на предмет чего посмотреть, думаю, какая-нибудь семейная комедия подойдет.

Через пару минут появилась Танюшка. По-другому это создание в моих штанах и футболке, висящих на ней частично мешком, назвать язык не поворачивался. Я сразу же указал ей на подушку и покрывало, потом подал тарелку и бокал, и нажал "пуск".

— Что смотрим?

— Пока комедию, должна быть отличная, хорошие отзывы, потом посмотрим.

— Устраивает, ну что, за отпуск? — и она протянула мне свой бокал, мы стукнулись и выпили, черт, таки сегодня я напьюсь, как-то очень уж хорошо пошло шампанское, вкусно, блин.

К середине просмотра пришлось вставать и идти делать даме кофе, так как пирожные и остальное сдобное она решила употреблять только с ним. Под конец же мы уже оба, расслабленные и сытые дегустировали открытую бутылочку вина, ухайдохав за прошедшие два часа два шампанских и небольшой ликер. В общем, были отчасти на веселее, тем более и фильм оказался что надо, стоящий.

Потом решили включить фантастику и в начале картины уже пили на брудершафт, а с середины смотрели уже обнявшись и немного посапывая, все-таки выпито было немало. А затем и задремали, так и не досмотрев до конца. В общем, план минимум был выполнен.

А потом само собой как-то получилось, что спросонья пошли поцелуйчики, потом еще пара бокалов вина под очередную поставленную картину и дальше пошла уже откровенная страсть. Одежда полетела в стороны, я подхватил ее на руки и уложил на спину, в голове шумел хмель, было хорошо и радостно, хотелось жить, хотелось ее, хотелось много чего. В общем, до самого вечера мы друг с друга не слазили и успокоились лишь часам к семи. Это был даже не марафон, а настоящее наворачивание чего-то давно упущенного, вымотался я изрядно, а про нее и говорить нечего. Она в изнеможении лежала, свернувшись калачиком и тихонько посапывая. А что, хорошо поели, подремали, посмотрели парочку фильмов, приняли внутрь алкоголя и закончили хорошим, продолжительным сексом, почему бы теперь еще и не поспать напоследок?

Я же осторожно, что бы не разбудить, встал и вышел в коридор, почему-то отчаянно хотелось под душ, взять мочалку и надраиться до блеска. И дело не в том, что ощущалась какая-то грязь или нечистота, просто хотелось, не знаю. В общем, весь нагретый за сегодня бак воды ушел только на меня одного, струи лупили по плечам, лицу, спине, а я драил и натирал невидимую мне кожу, тер и скоблил так, словно до этого извалялся в машинном масле или еще в чем похуже. И только когда сверху стало лить прохладным, даже не теплым, решил заканчивать. Из душа вышел уже посвежевший, бодрый и словно заново родившийся. Захотелось вдруг есть и я, осторожно заняв свое место рядом со все еще спящей девушкой, с энтузиазмом набросился на еду.

— Который час? — сонно пробормотала напарница.

— Начало девятого, выпалась?

— Ага, еще полежу немного только, там на меня воды хватит?

— Да, бойлер уже греет, тебя отнести? — шутливо предложил я, намекая на ее кажущуюся беспомощность.

— Сама, — протянула девушка.

— Ну, раз сама, так сама, только вот ты бы поторопилась, а то я уже тут все салаты

доедаю.

— Оставь мне красненького, — тут же послышалось в ответ.

Это какой? А, тот мы еще даже не открывали, ладно, принесу, пока будет принимать душ. Параллельно запустил сборку музыкальных клипов, наиболее подходящих под данный момент.

— Непременно, кстати, новое вино — просто высший класс.

— Учитывая, сколько мы за него отдали, — она села и потянулась, обнажив красивую, упругую грудь.

— Шикарно выглядишь, — не смог не прокомментировать я, буквально поедая ее глазами.

— Что, уже готов на второй заход? — улыбнулась девушка.

— Нет, повременим, — покачал головой, — успеется.

— И правильно, — откровенно рассмеялась напарница, — хорошего понемножку, ладно, я в душ.

И, скользнув на пол босиком и ничем не прикрывшись, пошлепала в ванную. Ох, я даже замер — точеная, подтянутая фигурка, стройные ноги, высокая попка, тонкая талия, а грудь, грудь словно не от этого тела. Обычно девушки ее комплекции имеют первый, максимум второй размер, здесь же аппетитно оформился хороший третий, упругая и такая манящая. Я помотал головой, так, гормоны хреновы, надо бы вас остудить, но впереди еще ночь и вы мне можете понадобиться.

Через минут пятнадцать она прямо-таки галопом влетела в залу и с наскоку прыгнула на меня сверху, глаза блестят, влажные волосы причудливо слиплись, делая ее еще краше, в общем, конфетка, а не девушка. И отказаться от такого было бы просто грешно, так что послал подальше блуждающие в голове мысли и занялся ею одной. Так хорошо мне не было уже давно и, надеюсь, ей тоже. Словно соединились две родственные души после долгой разлуки. Нет, ослиных ушей у меня не прибавилось и я четко понимал разницу между чувствами и страстью, но, господи, как же сейчас было все прекрасно. Мы откатились в стороны, тяжело дыша и, в то же время, не отпуская друг друга. Потом она снова взлетела сверху, оседлав меня подобно наезднице, и пришлось продолжить, до полного изнеможения, до дрожи во всем теле и полной капитуляции обоими. Это была совместная победа и проигрыш одновременно, сил не осталось ни на что, кроме как налить еще вина, вылезти на подушки и уставиться на экран, устало потягивая темно-бордовую жидкость. И в то время, как мозг воспринимал элементы очередной картины, рот утопал в гамме изысканного винного букета, а тело потихоньку продолжало отмирать, возвращаясь от сладкой истомы к более бодрому и жизнеспособному своему состоянию.

Скосив глаза на девушку, с удовлетворением отметил, что она переживает нечто похожее, что ж, мужское самолюбие получило то, что хотело, и успокоилось, и это радовало. Еще пару часиков и можно будет опять затащить ее в круговорот ласки и нежностей, а там сам собой придет сон, до которого мне было уже почти рукой подать. И только я подумал об этом, как раздались трели сразу двух мобильных. Мы переглянулись, и я встал, чуть не пролив на себя вино. Схватил свой и подал ее. Номер не определен, высветилось у меня, но корпа уже слушала.

— Так точно, выдвигаемся, — и, отключив трубку, взглянула на меня, — возвращаемся на базу, срочно, — и кинулась одеваться.

Я же чуть не чертыхнулся, собираясь проклясть и этот Корпус, и его работу, так не

вовремя прервавший вполне заслуженный отпуск, но, видя в каком бешеном темпе облачается напарница, прикусил язык и последовал ее примеру. Через семь минут мы спустились во двор и сели в машину, за рулем, как всегда, был Стас.

— Что случилось? — сразу спросила корпа.

— Не знаю, но база на ухах, вертушки уже снялись с места и полосуют черту за городом.

— Что-то не слышно, — заметила девушка, и тут же в отдалении глухо ухнуло, потом еще раз и еще, и тишина.

— Наши уже почти все на базе, времени нам дали в обрез, — бросил водила и вдавил педаль в пол. Фургон рванул с места как подстреленный, нас вжало в сиденья, заставив рефлекторно схватиться за подлокотники. Внутри все еще остывал жар от девичьих объятий, а мозг уже холодно просчитывал ситуацию, выделяя наиболее значимые моменты. И так, очередное нападение. На данный момент идет схватка и, судя по тому, что в дело пошла авиация, у противника также есть довольно весомый аргумент, иначе просто так палить топливо своих птичек Корпус не стал бы. Значит, началось? Или нет? Я искоса глянул на корпу, та, закусив губу, похоже думала о том же самом. Что ж, придется теперь еще озаботиться и твоей безопасностью, красавица. Я вздохнул. Все-таки жаль, такой отдых обещал быть шикарнейший, и тут на тебе. Ладно, надеюсь, еще удастся продолжить, и для этого она должна выжить.

В ворота базы мы влетели, даже не осознавая этого, тормознули у своего гаража и тут же заскочили в уже урчавшие моторами каракатицы. На приветствия времени не было, так что как только загрузились, тут же и рванули с места. Татьяна в это время получила от одного из бойцов вводную и уже вовсю ее изучала. По всему выходило, что дело намечается действительно не шуточное, уж больно сильно она хмурилась. Вскоре более отчетливо стали слышны раздающиеся впереди взрывы, появились первые отсветы периодически вспыхивающих зарниц. Послышались автоматные очереди, сначала редкие, а потом все более и более частые. Похоже, там разворачивался самый настоящий бой, и совсем скоро мы попадем в самый его эпицентр.

— Что приказывают?

— Только одно, — мрачно ответила девушка, — уничтожить любой ценой, не дать прорваться, — и посмотрела на меня, — началось.

Я кивнул, что ж, рано или поздно это и ожидалось, вот теперь и посмотрим, чего стоит Корпус и насколько нас всех хватит. В том, что нас просто не хватит, что бы остановить полномасштабное вторжение извне, как его описывала Акшти, у меня сомнений не было. Как и в том, что враг сможет закрепиться и начать переправлять сюда все новые и новые силы, слишком уж их возможности благоприятствовали этому. И если подобное произойдет не здесь, то где-то еще, так что это лишь вопрос времени. А вот потом кто его знает, все-таки не думаю, что они смогут защититься от ракет, бомбардировок и прочей тяжелой артиллерии, сдохнут, но только уже под этим небом. Хотя и наших жизней с собой заберут немало.

Грохотало теперь уже постоянно, в воздухе носились две громадные тени, поливающие все внизу огнем и озаряя вспышками взрывов. Жутко стрекотали крупнокалиберные пулеметы, разрывая ночь бешено мечущимися точками снарядов — боеприпасов тут явно не жалели. Чуть впереди и справа был организован целый пункт встречи, фургоны корпуса стали в линию и, расчехлив своих монстров, вовсю поливали невидимого пока нам

противника. И только когда мы подъехали немощным ближе и, затормозив, стали готовиться к бою, стали заметны блики защитных оболочек неприятеля. Их купола вспыхивали то тут, то там, буквально на секунду и тут же гасли, затухая уже навсегда. Вот почему не было слышно автоматных очередей — они тут были бесполезны, просто зря расходуя боеприпас. И только такие вот, установленные на машины монстры давали результат, уничтожая любое препятствие, какое встречали, посылая к цели снаряд за снарядом.

Обе наши каракатицы расчехлили и развернули уродливые жерла пушек в сторону атаки. Миг, и дружный залп сотряс барабанные перепонки. Далеко впереди тут же вспыхнули и погасли несколько куполов. Есть попадание. Бойцы, не занятые работой с оружием, рассредоточились в округе и заняли позиции на подступах, готовые защищать огневые точки. Я же во всю рассматривал ползущее на нас воинство, и если бойцы рядом наводились на цели с помощью каких-то своих приборов, то мне полный обзор давали мои питомцы, и какой это был обзор — просто дух захватывало!

Их были сотни, если не тысячи, они выныривали из темно-очерченного прямоугольника, чужеродным элементом вписавшимся в ночной пейзаж, и шли, шли и шли. Словно саранча, они поглотили под собой все поле, проезжую часть и двигались даже в соседнем подлеске, создавая впечатление единого живого покрывала, жуткого, умеющего мыслить и нацеленного лишь на одно — на доминирование и превосходство. Пленных брать не будут, это я понял точно так же, как и то, что всех их нам не остановить. Тем более, что некоторые наши орудия уже не справлялись, враг каким-то образом сумел усилить свою защиту, и теперь урон наносили только каракатицы, ведущие беспорядочный огонь по приближающемуся противнику, и царящие в ночном небе вертолеты. Пилон боевые машины уже были пусты и теперь работали только их пулеметы, выкашивая в рядах противника настоящие просеки, впрочем, тут же затягивающиеся новыми воинами. И то, что дело швах, стало понятно уже многим.

В ближних фургонах отчетливо заголосили рации, отдавая новые приказы, и те, в считанные минуты сложившись, срывались с места и укатывали прочь. Вскоре запросили и нас, был отдан приказ отступать, Корпус готовит вторую линию обороны, и мы все нужны там. И тут, вдруг, с земли оторвался луч такой яркости, что я невольно закрылся рукой. Яркий росчерк прошил небо, достал до одной вертушки и скрылся в вышине, а громадная птица стала медленно заваливаться на бок. Это было словно во сне, вокруг стоял гул и грохот, что-то кричали бойцы, приказывала рация, а в чуждое и враждебное нам впереди море противника падал и падал наш корабль, сбившийся с пути и терпящий крушение. Я видел судорожные движения лопастей, каждый градус поворота мощной брони, заковывающей летающего союзника в непроницаемые латы, но так и не спасшей того от гибели, видел все, словно в замедленных съемках. А потом здоровенная туша врезалась в землю, продолжая сминаться и расплываться в стороны, вокруг полетели обломки и ошметки человеческих тел — это враг попал под удар. Лопасты страшно взрыли твердь, прокрутившись и дернувшись раз, второй, а потом что-то треснуло и взорвалось, птица неба выбросила огненный всполох и запольхала нестерпимо ярким огнем, высвечивая все вокруг себя на добрые несколько десятков метров.

И тут, из кабины вдруг выскочила тень и метнулась в сторону к нам. Казалось, к ней были прикованы взгляды всех присутствующих, будто все только и ждало этого, что кто-то спасется, просто не может не спастись.

— Это наш, наш, Стас, прикройте его ребята.

И вот каракатица уже берет выше и начинает вести прицельный обстрел, вырывая из земли целые фонтаны и отрезая путь начавшим сближение с нашим пилотом противникам. Их подбрасывало вверх, рвало на части и вминало в грязь, пропахивая поле глубокими бороздами, парень бежал отчаянно, стараясь петлять и держась на виду, но отсюда было видно, что не успевает. Авангард врага выбросил назад целое щупальце из нескольких десятков бойцов, и те сейчас бежали ему прямо наперерез. Застрекотавшие из других фургонов крупнокалиберки лишь впустую молотили воздух, отлетая от вражеских воинов ярко вспыхивающими росчерками, не пробить, не достать, бесполезно. А пилот не сдавался, и бежал, и верил, не мог не верить, ведь ничего другого ему просто не оставалось. Там свои, они прикроют, они дождутся, они там, туда, быстрее, еще быстрее.

И меня словно завело, и больше не таясь, будто внутри лопнул какой стержень, не позволявший плюнуть на конспирацию, я впился щупальцами в землю и резко бросил себя вперед и вверх, туда, к ним. Корпусовцы рядом увидели только мою взмывшую вверх фигуру, а потом я ушел в тень, став недосягаемым ни для кого и смертельно опасным для всех остальных. Ступни мягко впечатались в исходящую дымкой землю и сделали шаг, пространство послушно рванулось, приблизившись на добрый десяток метров, потом еще шаг и еще. Плети тут же взмыли в воздух, отсекая конечности, пропарывая плоть, сминая кости и гася защитные сферы. Парень впереди уже снял шлем и тащил его в правой руке, он устал и тяжело дышал, но продолжал двигаться, и я шел ему на встречу, обрывая чужие жизни одну за другой. Безэмоциональный холод постепенно заполнял грудь, проникая все дальше и глубже в тело, он будто ввинчивался через солнечное плетение, распространяясь подобно заразе. Хотя, по логике, сейчас как раз шел отток чувств, выплескивающихся и отмирающих в пространстве теней, но ощущения обманывались и давали совсем иную картину.

Вот очередной выстрел достигает своей цели, и вражеский боец в каких-то пяти метрах от парня взлетает в воздух бесформенной куклой и вперемешку с комьями земли падает в стороне. Второй выстрел промахивается и уносит жизни далеко позади бегущего из последних сил пилота. Я уже рядом, еще пара шагов, и он окажется под моей защитой, но я не успеваю. Вырвавшийся из задних рядов луч, по дуге, сверху вниз прошивает тело беглеца, вспучивая его безобразными нарывами, и разрывает на куски, разбрасывая ошметки по сторонам. В земле же остается глубокий выжженный след, это я вижу отчетливо даже отсюда, а потом бросаю взгляд вперед и выше, и даже сковавший эмоции холод дает трещину. Из задних рядов, по направлению к фургонам, по дуге вверх скользнуло несколько десятков ярчайших росчерков. Это летела смерть, быстрая и страшная, подобная той, что настигла бедолагу пилота. Ноги сами разворачиваются, бросая меня назад. Все смазывается до одной единственной фигурки, что-то отчаянно кричащей бойцам, отстреливающимися от уже переваливших через ближайший к ним овраг воинов противника. Часть из них слушается и бежит к машинам, но другая остается и продолжает прикрывать отступление. Уходят группами, но почему, почему не все сразу? А сверху уже падают первые звезды, и я никак не успеваю, слишком все быстро, слишком... Взрыв! Посланная чужаками смерть оказалась более мощной, чем предполагал. Пламя хлынуло в стороны, накрывая фургоны и сметая на своем пути все, что только могло. Прямо на глазах покореженный металл разлетался плавящимися обломками, земля плавилась, спекаясь и запекаясь коркой. И сейчас там, в этом пекле, в этом аду, пылала фигурка так раздражающей меня некогда корпы.

Дыхание сперлось, стало трудно дышать, броня безразличия треснула и стала

осыпаться, опадая черными, тут же вспыхивающими струпами, мгновенно испепеляющимися от начавшего разгораться пламени ярости. Сжимающие разум тиски холодного безразличия треснули, обдав потоками внутренней боли все мое естество, и пелена отчужденности пала полностью. Я. Убью. Вас. Всех. Глаза закрылись, на лице застыла жуткая маска смерти, и руки пошли в стороны, и в следующее мгновение во все стороны хлынул Рой, мой новый, неиспробованный кошмар, и да станешь ты воистину Кошмаром, моей карающей дланью и бичом, бедствием для врагов моих и их гибелью.

Жуткая, огромная туча мрака на мгновение зависла вокруг меня, уплотняясь и полностью перекрывая обзор, а потом ринулась всюду, где мой взгляд находил врага. Черная смерть прошивала тела и неслась дальше, а позади оставались кровоточащие сотнями, а то и тысячами ран куски мяса, и ничто уже не могло им помочь. Противники падали десятками, потом сотнями, и я не выдержал, тоже ринувшись мстить. Плети рвали пространство с таким неистовством, что ошметки разлетались на много метров вокруг. Белый жутким снарядом сметал целые десятки, вспарывая внутренности, сминая кости и ломая тела, словно игрушечные, люди гибли жуткой, неотвратимой смертью, а бойня все шла и шла. Но наибольший, просто колоссальный урон наносил противнику именно Рой, уничтожая целые отряды за считанные мгновения, спасения от него не было, ни спрятаться, ни убежать было нельзя, смерть в своем чистом, первозданном виде.

И когда вокруг уже просто не стало, кого убивать, когда противник в спешке стал исчезать в открытом им портале, я ринулся следом и даже не заметил, как переступил черту. Как вновь брызнула кровь, падая уже на землю другого мира, с каким ужасом на лицах поворачивались в мою сторону солдаты вторжения и, так ничего и не разглядев, замертво падали кучами изрубленной плоти. Я метался подобно зверю, потерявшему самку, детеныша или просто загнанному в угол, и убивал, убивал, убивал. И вместе со мной смерть и ужас сеяли все мои кошмары, пропитываясь кровью и наливаясь разлившимися в округе предсмертными эмоциями. Это был самый настоящий ад, и он шествовал за мной.

В какой-то момент, фамильяр покрыл меня броней, и я стал на мгновения появляться в реальности, уничтожая врагов поблизости и исчезая вновь. Рой следовал по пятам черным плащом и уничтожал всех на подступах, не давая ни малейшего шанса скрыться или подобраться вплотную. Противник каким-то образом смог вычислить траекторию моего движения и теперь на пути то и дело взрывались звезды, плавя и сжигая все вокруг, в том числе и своих воинов, вспыхивали окна мрака, засасывающие землю, камни и все остальное в небольшом радиусе. В общем, велась лихорадочная работа на опережение, превентивные меры, так сказать. И скоро выходить в реальность стало опасно, но разум уже спал, полностью отдав вожди накатившему безумию, и я рвал и метал мир вокруг, подобно стихийному бедствию, и таки попался.

Бессмертных нет, как и неуязвимых, а зарвавшихся и возомнивших себя неодолимыми опускают на землю очень быстро. Что постигло и меня. Боль и ярость в груди еще клочкотали вулканом, выплескиваясь наружу и пожиная кровавые всходы, и в один такой момент чуть в стороне несильно ухнуло, а потом с жуткой силой рвануло на себя. Очередная атака завершилась полным фиаско, меня всосало в черную воронку, и я почувствовал, как начинаю падать, стремительно и безостановочно.

Фамильяр тут же отрастил органы зрения, и полный мрак рассеялся, явив еще не полностью осознающему беснующемуся разуму картину. Я падал в пропасть, быстро, как камень, обрушившийся со скалы, до стен поглотившей меня бездны было метров сто, не

меньше, а вниз, в глубину, взгляд кошмара просто не доставал. И меня начало пробирать. Ярость в душе боролась с чувством самосохранения, постепенно пришло понимание безысходности и стало нарастать отчаяние. Ни замедлить падение, ни зацепиться за что-либо не было никакой возможности. Фамильяр тут же выбросил в стороны подобие крыльев, и мы начали неумело планировать, но их площади было недостаточно, что бы хоть как то замедлить падение, так что смертельный спуск продолжался.

И тут на самом краю сознания забрезжила мысль, за которую я ухватился буквально ногами и руками. Схлопнувшийся в меня при проходе через воронку Рой тут же получил увесистого пинка и раскрыл надо мной свои крылья. Затем опустился ниже, окутав меня и уплотнившись, и стал расходиться вширь, на подобии парашюта, скрепляясь между собой каждой своей частичкой. Процесс продвигался достаточно быстро и буквально через минуту я уже парил, полностью управляя своим снижением. Дна бездны все еще не было видно, и мозг терялся в догадках, куда меня забросило. По спине уже откровенно полз неприятный холодок, не припомню ни одной такой глубокой расщелины, разве что в океане, но тут-то водой и не пахло. Да и не Земля это уже. Наконец, внизу наметились хоть какие-то очертания. Но фамильяр и так выдавал максимальную дистанцию обзора, так что более детально разглядеть пока ничего не получалось. И я медленно, но верно спускался все ниже и ниже.

Стало вдруг интересно, с какой высоты в тених можно упасть и не разбиться, но проверять это сейчас не было никакого желания. Постепенно стала проявляться рыхлая, испещренная множеством нор и борозд поверхность, где-то с краю даже наметилось шевеление, значит, живность тут какая-то, но есть. И чем больше я спускался вниз, тем меньше мне нравилось то, что ждало меня впереди. Это была пещера, ну, или ее часть. Видимые же участки стен были вдоль и поперек изрыты неизвестными копателями, а пол просто изобиловал следами и логовами множества явно хищных существ. Кости, панцири, какие-то роговые ошметки валялись прямо у черных провалов то ли входов, то ли выходов. И ни души, будто все замерло, в ожидании очередного моего шага, или просто находясь в состоянии извечной засады. Извилистые ходы испещряли твердь такими причудливыми лабиринтами, извиваясь и перекрещиваясь иногда в столь неадекватных развязках, что невольно в уме вставала картина встречи двух незадачливых копателей, в исходе которой погибал наиболее незадачливый. А победитель продолжал рыть дальше. И ни одного кошмара по близости, неужели не их среда обитания, нечем кормиться или просто не добрались сюда?

Ноги коснулись поверхности, и из глубины ближайшей норы наружу метнулось нечто несуразное и невероятно быстрое. Скорость атаки была просто потрясающая, еще мгновение, и я бы просто не успел, но фамильяр не зря просматривал землю вглубь, и это меня и спасло. Тени приняли меня раньше метнувшейся сбоку смазанной тени, и та, поймав лишь воздух, с громким скрежетом припала на передние конечности. Так как задних просто не имела, из туловища в нору вел шипастый, поделенный на сегменты хвост, и когда взгляд кошмара выдал истинную картину внешности монстра, меня чуть не передернуло. Даже не смотря на пробирающийся в грудь холод безэмоциональности.

Напавшая на меня гадина оказалась всего лишь конечностью, жуткой, безобразной и, тем не менее, настолько опасной, что встретиться с ней еще раз я бы просто не захотел. А на глубине добрых двадцати метров, в выщербленной пещерке находился сам монстр, раскинувший подобные руки-ноги в еще несколько ответвлений. По ходу, так он и кормился,

лова незадачливых "прохожих" и затягивая к себе, в процессе транспортировки буквально сминая жертву своими лапами и получая под нос уже что-то типа фарша. Свежего, еще трепещущего и истекающего кровью, и оттого, наверное, еще более аппетитного. Ну и мерзость. Плеть взлетела сама собой и, проявившись уже внутри лапы, сделала мельницу, вспарывая внутренности жуткой конечности. Та дернулась и обмякла, а потом рывками стала втягиваться назад в нору. Ударить щупальцем сверху у меня не возникло даже и мысли, толщина панциря была просто ужасающей, навряд смог бы хотя бы поцарапать его.

А потом произошло совсем уж неожиданное. Из одной из нор существенно правее вдруг выскочило нечто, больше напоминающее скорпиона переростка, и с удивительной скоростью и проворством метнулось вслед за удаляющейся конечностью. Спустя пару секунд внутри завязался ожесточенный бой. Лапа пыталась убраться восвояси, но более мелкая тварь вцепилась в роговую поверхность и не отпускала, упершись всем своим множеством лап в стены прохода. Более того, хвост ее вдруг треснул посередине и стал разделяться надвое, по вертикали, и все это с противным треском, скрежетом и свистом. Рука сидящего метрами ниже монстра дернулась еще раз, другой, а тут скорпион ударил — половинки хвоста вдруг стремительно обвили одну из подвижных частей лапы и дернулись, будто пропуская по себе разряд. И в то же мгновение соединяющий "ладонь" и само чудовище хвост лопнул посередине и скорпион буквально вылетел из норы, продолжая удерживать в жвалах оторванную конечность.

Чудище под землей забилося в агонии, круша и стачивая неровности своего убежища, по пещере пошел низкий, глухой шорох, и отнюдь не из убежища пострадавшего монстра. Скорпион, видно, тоже это почуял, так как стал очень быстро оттащить в сторону своего логова отвоеванную добычу, но не успел. А потом стало поздно, и он включился в неожиданно начавшуюся всеобщую бойню. Для меня же это было сродни фантастике вперемешку с ужасами: сотни, если не тысячи кошмарных существ, больше смахивающих на каких-то насекомых или жуков мутантов, явно превысивших все мыслимые и допустимые размеры, схлестнулись в кровавой бойне. В стороны брызгало и чавкало, отлетало ошметками и нередко даже требухой, скрежет стоял такой, будто тысячи роговых лап специально сучили по каменной поверхности. В принципе, именно так оно и было, в массовом всеобщем истреблении сошелся просто сонм существ, умудряющихся убивать, жрать и подыхать одновременно.

Здесь плевались, рвали, резали и кромсали, обвивали щупальцами и давили, прогрызали панцири и выедали нутро буквально за секунды, вокруг шла настоящая бойня, без победителей, без причины, просто бездумная, голая ярость боя с наплевательским отношением к своему существованию. И в какой-то момент меня захватило, затянуло в омут все нарастающей злобы, кровожадного безумия и желания убивать, как можно больше, как можно чаще. Это было сильнее меня, словно впиталось извне и стало наркотической потребностью, противиться которой я не хотел, да и не имел сил. И плети метнулись в стороны, а вокруг раскинул свои крылья Рой, и жатва началась.

Холод в груди сменился на черное пламя, поглощающее с головой, желание нести смерть оказалось настолько сильным и ярким, что все ранее пережитое показалось лишь бледной тенью. И жизненные соки тварей потекли рекой, из оторванных лап, голов, вытекая из глазниц и вспоротых мягких подбрюшьях. Если не удавалось пробить или сломать панцирь, я разрывал существа на части, отделяя все, что поддавалось, или просто взрывал вихрем щупалец внутренности, оставляя валяться безжизненные оболочки с фаршем внутри.

Передвижения по территории оставляли за мной горы трупов, вяло шевелящихся и источающих последние капли жизни, коктейль из эйфории и злобы буквально напитал мое естество, заставляя все продолжать и продолжать. И я шел все дальше и дальше, позади осталась огромная пещера, заваленная кучами мертвых тварей, приходилось спускаться к ним в норы и уничтожать нечисть прямо там, не жалея и не щадя никого. Потом проблеск разума подсказал вытащить на поверхность один из трупов, ставший отличной приманкой, и через пару мгновений учиненная ранее бойня повторилась вновь. У обитающих здесь существ не было мозгов, лишь тупой уродливый голод и злобная жажда убийств, и манипулировать ими оказалось более чем просто.

Я вычищал целые гроты, уничтожая тварей сотнями, оставляя позади себя настоящие кладбища, и, в конце концов, почти потерял себя. Бездумье от заполнившего нутро черного огня стало нормой, как и сон разума, впавшего в спячку и отдавшего бразды правления инстинктам. А те полностью подчинились черным языкам, полыхающим со всех сторон и втягивающихся в меня так, словно я пожирал их. И в какой-то момент сознание покинуло меня полностью.

Холод. Станный, иррациональный холод. Как я могу ощущать его? Почему? Кокон откликнулся мгновенно, и по телу разлилось приятное тепло, так-то лучше. Попытка открыть глаза закончилась неудачей, те будто покрылись коркой, скрепившей их подобно цементу. Неопределенность с собственным состоянием заставила мозг ворочаться быстрее, просыпаясь и приходя в норму. Черт, а ведь уже почти начал паниковать — все тело было покрыто прочнейшей на вид матово-черной, с бордовыми оттенками броней, плотно обхватившей каждый изгиб и повторяющей каждую линию. Более того, я буквально смотрел ею во все стороны, даже в пол, создавая вокруг себя сферу чистого знания. Ничто не оставалось сокрытым, занимая в уме своеобразную информационную нишу. Разум оторопело свыкался с действительностью, воспринимая новое для него как данность, а лицевые пластины растеклись в стороны и глаза смогли-таки открыться.

То, что я находился в пещере, знал уже и так, но привычка возобладала и поднявшиеся веки дали иной обзор, урезанный, менее полный, но более родной, привычный. Действительно, пещера, небольшая, с двумя выходами, один слева, другой впереди. Из какого пришел, оказалось сокрыто завесой мрака, этих воспоминаний просто не было, были лишь...

Меня передернуло, перед глазами стали мелькать четкие картинки хлещущих во все стороны плетей, устроившего мясорубку Белого и жуткое движение Роя позади меня, уничтожающего всех и вся. И кучи, просто горы мертвых существ, из пещеры в пещеру, из грота в грот, целые кладбища отнятых мною жизней. Я невольно схватился за голову, внутри замутило, пришлось сесть, опершись о стену. Господи, что ж ты натворил, что наделал, сколько это все длилось, где вообще теперь нахожусь? По всему выходило, что пробыл здесь я не один день, провал же в памяти мог означать как неделю, так и месяцы. Но, позвольте, провести столько времени без еды и питья? Столько не живут. Или?

Это "или" клином вошло в рассуждения и заставило замереть. Голода не было, будто только недавно питался, но чем? И меня осенило. Кошмары жрут любые эмоции, мир теней сам по себе уничтожает их более чем эффективно, потому, наверное, они и восполняют этот недостаток таким образом. Я же отчетливо помню, как меня буквально переполнила до краев черная злоба, выросшая буквально из ниоткуда, так о чем это мне говорит? Уж не о том ли, что подобно своим питомцам превращаюсь в нечто нереальное, потустороннее?

Тьфу ты, мерзость! Даже скривился от подобных мыслей. Нет уж, лучше считать, что каким-то образом начал поглощать обогащенный негативом эмоциональный пласт пространства. Как ни как, то же энергия, своего рода, эти ж жрут, так почему бы и мне не начать?

Ладно, общее состояние вполне удовлетворительное, питомцы спят на местах, если можно так сказать, а вот фамильяр порядком удивил. Я более внимательно оглядел закованную в броню руку — хищные, жутковатые очертания явно боевой формы, такой кистью можно как бить, так рвать и колоть, только вот что-то не помню, что бы додумывался именно до такого дизайна. Повинуясь импульсу, шипы и прочее колюще-режущее втянулось, образовав обычную перчатку, панцирь на груди оплыл и принял форму приталенной накидки с высоким, закрывающим подбородок воротником. Еще пара минут экспериментов, и конечный вид был закончен. А что, довольно хорошо смотрится да и сидите вполне, если б еще сама одежда не мешала. Проскользнувшая мысль тут же была одобрена и я, без какого-либо зазрения совести стянул с себя все шмотье, оставив лишь нижнее белье, и вновь облачился в накидку. Штаны, обувь и прочее банально запихнул в одно из опустевших теперь жилищ, в округе не было ни единой живой души, лишь мертвые груды из плоти и панцирей, которые еще не один месяц будут тут гнить, распространяя вокруг себя трупную заразу.

За прошедшие десять минут в моей голове было переосмыслено и поменялось достаточно многое. Пришлось принять факт того, что про возвращение назад можно пока смело забыть. Сразу же накатила горечь утраты все-таки успевшего стать не чужим человечка, я реально всей душой сожалел, что не успел, не спас, не смог. Ее образ некоторое время стоял перед глазами, сдавливая грудь, мучая душу. Как же так, неужели все из-за того, что был слишком слаб, а так бы она жила? Бронированный кулак с силой вонзился в камень, кроша его и выпуская сеть трещинок. В горле запершило, на глаза навернулись слезы, но уже через мгновение веки смежились и я замер, беря себя под контроль. А родственники, как они там, что вообще сейчас у них происходит? Остановлено ли вторжение? А если нет, что тогда? Мелькнувшие нерадостные картины всколыхнули внутри нечто злое и чуждое. Суки, дайте только время, найду способ и доберусь до вас, кулак повторно впечатался в стену, словно давая обещание. А потом я развернулся и направился в дальний проход, оставляя за спиной тот, из которого вышел, там, в темноте овального грота было слишком уж много трупов. Значит, мне не туда.

В поле зрения пока не попадалось никого живого, лишь раз или два на самом краю досягаемости мелькнули и исчезли какие-то тени. И все за сумасшедшей толщей камня, не думаю, что они как-либо могут мне угрожать, тем более что замечу их еще на подходах. Дальше путь сужался и в итоге переходил в сплошное блуждание по заброшенным норам, тогда я нырял в тени и просто шел насквозь, стараясь держаться путей, заворачивающих кверху. Но прошел, наверное, час, а, может, и два, но пейзаж по сторонам нисколько не изменился, все тот же голый камень и ничего нового. Но останавливаться не хотелось, да и сил еще был порядочно, так что упрямо продолжал двигаться дальше. И в какой-то момент мне повезло, много правее в стороне проходила водная жила, это была настоящая удача, и ноги сами стремглав бросили меня в бок. Сколько бы вода не петляла в толще камня, рано или поздно она выведет наружу, пусть в реку, пусть в море, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Мир подземного мрака и каменных небосводов уже порядком надоел, хотелось вздохнуть полной грудью, увидеть небесную синеву, почувствовать дуновение ветра на коже, в конце концов. Периодические вхождения в тень, естественно, отрубали какие-либо

эмоции, но уже не так жестко, видно, какая-то адаптация, все же, существовала. Так что мыслил я вполне здраво, не как робот, и совсем не чужд был эмоциям.

Но когда то расширяющийся, то вновь сужающийся поток уверенно повернул свой бег вглубь скалы и заставил переться за собой сквозь всю толщу камня чуть ли не несколько часов кряду, в мозгу зародились вполне здравые сомнения. Но холод теней уже порядком вытеснил чувства, и рациональность взяла верх, заставив продолжать следование. И, как оказалось, не зря. Потом мне было просто страшно вспоминать, сколько я прошел в толще скал, но итогом оказался того достоин. Еще на подходе твердь слегка гудела, вибрируя от передающихся ей звуков, а потом и вовсе раскрыла передо мной удивительную картину. Падая с невероятной высоты, метров, наверное, с пятнадцати, небольшой поток еще в воздухе искривлялся, разбиваясь на множество мелких ручьев при соприкосновении с торчавшими из стен то тут, то там длинными и острыми каменными шипами. И уже дробленный, множеством рукавов ниспадал в огромное, абсолютно черное озеро, принимавшее в себя еще около десятка таких же бегунков справа и слева.

Я вцепился плетью в стену справа и стал, как паук, обходить водную гладь по периметру. И хоть озеро было отнюдь не глубокое, метра три четыре, не больше, лезть в воду мне почему-то не хотелось. Тем более, что там, куда я хотел добраться, виднелся проход, и, причем освещенный, что придавало немалой прыткости моему передвижению. И каково же было мое разочарование, когда вместо ламп, светильников или, хотя бы, банальных факелов, обнаружил гроздь здоровенных, светящихся грибов. Вот, гадство, разочарование плетью хлестнуло по нутру, но сразу же было задушено на корню. Не время и не место для этого, тем более, что лаз дальше забирал существенно вверх.

Но все, чего я смог добиться спустя пару часов, это лишь очередная грибная грядка, дающая света не меньше, чем хороший такой прожектор, заливающий каждую щель и каждый отнорок. Дальше шел уже без настроения, тупо переставляя ноги и мониторя пространство вокруг. Надежда выбраться еще не погасла окончательно, можно было, в принципе, идти так и дальше, а можно было вернуться к озеру и пройти вслед его пути в толще скал вниз, но опять зарываться еще глубже под землю желания не было. Так что решил пока сбивать ноги в этом направлении. И каково же было мое удивление, когда через две стены обнаружил ни что иное, как искусную резьбу по камню. Даже с шага сбился, замерев на мгновение, а потом кинулся в тень и буквально пронесся вперед, остановившись лишь перед громадным, в человеческий рост лицом неизвестного существа. Слишком большие глаза, уши отсутствуют, как, впрочем, и нос, вместо которого были лишь дырочки, губы тонкие, сжаты в полоску, и все, больше никаких особых примет не было. Не человек, однозначно. Но тогда кто? Тем более, что выполнено было действительно качественно, каждый скол, каждая линия говорили сами за себя — рука мастера, не иначе. Невольно вспомнились наши памятники, куда им до этого, жалкая пародия.

Но еще больше меня заинтересовал сам коридор, одним своим концом уводящий куда-то вправо, параллельно пути, которым я шел до этого, а вторым, уходящий куда-то совсем в сторону и вверх. И вот последний аргумент возымел на меня наибольшее влияние, и я выбрал его. Полчаса прошло в сумасшедшей гонке почти без остановок, когда на очередном повороте тишину мертвых скал нарушил посторонний звук. Сам ход уводил много левее, так что, недолго думая, опять воспользовался тенями и ринулся в сторону шума, прямо сквозь толщу камня. И не зря, много ниже, метрах в десяти шел самый что ни на есть настоящий бой, и уже только то, что одной из сторон в нем были, несомненно, люди, сделало выбор за

меня.

Оттолкнувшись от выпустившей меня стены, я камнем слетел вниз и, приземлившись, выбросил в стороны плети. Наполовину закованные в латы воины вполне исправно сдерживали натиск тварей, немного похожих на тех, которых упокаивал много ранее, но более мелких, однако перших на удивление упорно и качественно. Еще некоторое время, и бойцов просто задавят количеством.

Щупальца при выпаде нанесли просто колоссальный урон, завалив трупами противника область диаметром почти в добрых пятнадцать метров, и я, проявившись, включился в бой уже сам. Закованные в броню и усиленные кошмаром кулаки наносили просто чудовищный урон, панцири трескались и лопались, подобно яичной скорлупе, единственное, чего мне не хватало, так это скорости, но данный момент с лихвой компенсировался смещением в тень и подлыми ударами из ниоткуда. Сражающиеся воины, заметив явное изменение ситуации, воодушевились еще больше и стали теснить тварей, устроив настоящие вихри из стали. А потом в бой включился неожиданный элемент. Откуда-то из-за спин бойцов полыхнуло ярким, всепроникающим светом, и тварей буквально скрутило, заставив попадать наземь и забиться в судорогах. Чем бойцы не преминули воспользоваться и в считанные минуты добились агонизирующих монстров.

Я же благоразумно решил пока не показываться им на глаза. Очень уж странный свет, да и оружие их — мечи, копья, какие-то странные не то алебарды, не то топоры. Средневековье, что ли? А потом воины расступились, и из-за их спин вышла пара женщин и принялась пристально рассматривать лежащие на земле трупы.

— Это сделали не мы, — одна вдруг вскинула глаза и внимательно осмотрела пространство вокруг, мазнув по мне взглядом.

— Но, госпожа, мы думали, это вы нам помогаете, — высказался почти весь укрытый сединой воин, — а то и не сдержали бы их.

— К сожалению, Астар, мы задержались, из Академии путь не близкий, знаешь ли.

— Тогда кто же это?

— Вот и нам интересно, — включилась в разговор вторая.

И по взглядам, бросаемым в пространство, я понял, что пока лучше действительно не контактировать с местными обитателями, тем более, что убивать их мне совсем не хотелось, а то мало ли что им в голову взбредет. Так что лучше, для начала, самому осмотреться, а там видно будет. И, приняв решение, прошел мимо озадаченно переминающихся с ноги на ногу вояк и скрылся в туннеле у них за спинами. Наружу, под небо, выбрался лишь пропетляв еще добрых минут двадцать, и с сожалением констатировал, что стоит ночь, а рядом с зевом пещеры нет абсолютно никаких указателей. Да и сама пещера находится на крутом обрыве, и где-то внизу, метрах в двадцати начинаются кроны деревьев, и никакой дороги, никакой тропинки. По всему выходило, что забирались люди сюда нечасто. Ладно, тогда план "Б", сформировавшийся буквально только что, заодно и проведем эксперимент. Рой раскрылся подобно крыльям, укрепившись у меня на груди и спине, а потом, недолго думая, я сделал шаг вперед, в пропасть. И уже планируя, чуть ли не скрестив пальцы, вышел из теней — сразу же ощутимо трянуло, и полет стал неуправляем, меня сильно накренило и бросило в бок, задрав почти горизонтально ноги. Черт, твою ж бабушку, ну, не силен я в этой аэродинамике и остальной хрени, может размер крыльев не тот, или форма, но полеты пока мне не светят. Так что, быстро переоформив крылышки в подобие парашюта, стал уже более сносно парить, постепенно спускаясь все ниже и ниже. И только когда ноги прорвали

первую линию крон и стали ломать все на своем пути, пробивая себе дорогу вниз, пришла умная, но запоздалая мысль. И менее как идиотом я обозвать себя не смог. Рой летает ведь, а не планирует, и чихать ему на ветер, силу притяжения и все остальное. Так какого черта просто не облепился им и слетел? Мозгов не хватило? А потом в ноги жестко саданула земля, и я покатился по склону, считая головой каждый ухаб и рытвину.

Плети вовремя выстрелили в сторону, и я завис, лишь немногим не достав лбом до примерившегося поставить мне здоровенный шишак камня. Сука! Пнув его в сердцах, почувствовал себя лучше, тем более что не было больше давящих на сознание каменных стен и однообразия скальных туннелей. Вокруг зеленело и шелестело, порывы ветра носились в кронах, а над головой на темном небосводе мерцали редкими огоньками звезды. Вот и выбрались, вот и хорошо, теперь осталось только разобраться, в какую сторону идти и где можно чего поесть, а то неожиданно вдруг начал проступать голод. Вот ведь не было печали. Да и устал уже порядком, чего уж скрывать. Поспать бы.

Так что следующим шагом Рой облепил меня, словно мухи варенье, и поднял над ближайшими кронами. Так, ничего, ничего, ничего, ага, что это там такое? Вдалеке виднелись очертания каких-то зданий, или здания, отсюда не разобрать. Туда? А есть выбор? Так что, спустившись, взял направление на примеченное нечто. И чуть сразу же не загремел носом в землю. Повсюду торчали корни, соседствовавшие с ямами и прочими лесными ловушками, и просто чудо, что смог сделать хоть пару шагов. Пришлось опять включать фамильяра, в сознание сразу же пошел поток знания, сообщающий обо всем, что только творилось в округе. Ну, хоть живность уже нормальная, какие-то крысы, пичужки в гнездах, грибы, трава, деревья, земля, камни. В общем, обычный лес, правда, так и норовящий сделать подлянку. Но передвижение таки заметно ускорилось, особенно после того, как плюнув на все, тупо поднялся на плетях на метр над землей и понесся вперед. Да уж, так существенно быстрее и проще.

Со стороны это, наверное, смотрелось, мягко скажем, фантастично. Одетая в черно-багровую тунику фигура несется над самой землей, облетая деревья и слегка приподнимаясь выше, когда на пути встречались кусты. По факту же все выглядело несколько иначе: около десятка плетей банально использовались вместо ног, касаясь кончиками земли и неся меня вперед, а их количество позволяло избавиться от каких-либо толчков и рывков. Так что "полет", если его можно так назвать, проходил плавно и довольно быстро. Лицо пришлось скрыть маской, что бы уберечь от ветра и неприятно хлеставших мелких веточек. А потом начал моросить дождь, и я закутался уже полностью, не желая попусту мокнуть. Так и двигался, стараясь не петлять и не сворачивать, ловя капли дождя и мониторя пространство вокруг.

И когда монотонность происходящего стала понемногу усыплять, случилось неожиданное, на краю видимости вырос бледно-голубой купол, уходящий далеко ввысь и теряющийся где-то в небосводе. Не доходя до него метров двадцать, от греха подальше, ушел в тень, и сперва коснулся его плетью — ничего, никакой реакции. Потом протянул руку и также не ощутил никаких изменений, так что решил не обращать внимания и следовать дальше. Каково же было мое удивление, когда решил взглянуть на него обычным зрением, и не увидел ровным счетом ничего. Купола не было! Абсолютно. Вот что за бред? Но через мгновение фамильяр показал совершенно точно — голубая стена на месте и никуда не делась, теряясь где-то далеко вверх. А глаза подвели опять. Чертовщина! Ладно, плевать, в желудке уже начало урчать и, чувствую, к тому моменту, как доберусь до цели, жрать будет

хотеться немилосердно. Так что придется ускориться.

А буквально через час я замер подобно статуе, пораженный величием открывшейся мне картины. Огромная, в три человеческих роста вычурная стена, расписанная по всей своей длине, по крайней мере, куда хватало взгляда, какими-то узорами, скрывающими диковинных зверей и переплетающимися со всевозможной растительностью разнообразных форм и оттенков. Да-да, все полотно стены было выполнено в цвете, причем настолько ярко и четко, что, казалось, дотронься, и шелхнет куст, дрогнет деревце или всполошится один из зверьков. Это было настоящее произведение искусства, но подумать только, сколько труда и сил вложено во все это, ведь расписать так только один этот участок заняло бы не одну неделю. А тут целая стена, конца и края которой даже не видно.

Под сильным впечатлением скользнул в тень и сделал шаг вперед, что бы тут же замереть вновь. Ну, вот и цивилизация пожаловала, передо мной на несколько десятков метров во все стороны от стены располагался настоящий парк, с аллеями, дорожками, аккуратно подстриженными кустами, скамеечками и прочей атрибутикой. Все было ухожено и смотрелось очень прилично. Даже сама атмосфера здесь была совсем иная, чем за стеной, более умиротворенная, что ли. Невдалеке показался фонтанчик, а когда подошел ближе, оказалось, что самый что ни на есть настоящий питьевой. Вода била невысоко вверх из декоративной пимпы, а по бокам, наверняка специально для рук были сделаны небольшие, аккуратные ухваты. Недолго думая, я наклонился и принял к живительной влаге. О, боги, как же хорошо. По горлу в желудок скатилось нечто настолько вкусное, словно не пил несколько месяцев. И одним глотком данное действие явно не ограничиться. Так что я пил, пил и пил, пока не почувствовал, что живот скоро станет похож на воздушный шарик. А потом нашарил взглядом скамейку и с блаженством усадил на нее свою тушку. Голова сама собой запрокинулась назад, глаза закрылись и меня сморил сон.

То, что на меня смотрят, я осознал уже как пару минут назад, и сам не без интереса рассматривал разглядывающего меня индивида. Мужичок был довольно странен сам по себе, как одеждой, состоящей из странного покроя штанов, стремного пиджака, застегнутого под самое горло, и черных туфель, так и своим видом, вернее, прической, торчащей во все стороны темно-коричневыми пучками. Лицо было самым обычным, лишь нос выдавал заядлого пьяницу, красной картошкой выделяющийся на фоне всего остального. Но в целом чудак был очень даже ничего.

Я медленно открыл глаза и уставился на незнакомца. Тот, как и ожидалось, вздрогнул, встретившись взглядами, и вынужденно отвернулся. А потом, как ни в чем не бывало, развернулся и пошел в сторону, игнорируя дорожки и протаптывая свою собственную на аккуратно подстриженном газоне. Бред, уж не в дурку ли я попал? А что, средневековая такая себе богадельня, правда, слишком уж со вкусом отгроханная.

На небе уже светило солнце, слышалось щебетание птиц, и день обещал просто чудесную погоду. И все это портило лишь то, что не получивший вчера подачи желудок теперь всюду крутило и сводило голодом. Найдя глазами вчерашний фонтан, медленно и неохотно встал и направился завтракать. Более сытную трапезу придется банально стырить в виднеющемся за парком здании. Или зданиях, черт их отсюда разберет. Но и попить мне спокойно не дали. На одной из дорожек стояла небольшая группка девушек лет восемнадцати, и во все глаза меня рассматривала. Ну что еще, я искоса бросил на них взгляд и, не заметив ничего интересного, кроме, явно школьного покроя формы, продолжил наполняться водой. А когда внутрь уже просто не лезло, проигнорировав раздавшиеся возгласы, и направился по одной из дорожек в сторону белых стен, виднеющихся сквозь листву. По пути мне еще пару раз встречались молодые парни и девушки, всегда почему-то уделявшие моей персоне нешуточный интерес, и, в конце концов, до меня дошло. Одежда! Они все тут в какой-то форме. Но черта с два я на себя такую напялю. А потому окинул себя взглядом со стороны и убрал пару ненужных штрихов, придав тунике более штатский вид. Длинные рукава доходили до середины кистей, полы также достигали начал бедер. Ноги оказались закутаны в подобие жатых штанов и обуты в обычной формы сапоги. Единственное что воротник облегал горло сначала плотным кольцом, а потом уже вторым, более широким, достигая края подбородка. Ну, вроде все в порядке, можно двигать.

Какое же было мое удивление, когда оставшийся позади парк явил моему взору всю картину целиком, а не урывками, скрывающимися пышной листвой. Центральный вход, а это был именно он, находился от меня в добрых полу ста метрах и отделялся сначала изысканной формы ступенями, потом тремя рядами почему-то неработающих фонтанов. Далее шла замысловатая развязка дорожек, и только оттуда, по направлению к парку, змеилось несколько небольших ответвлений и одна мощенная камнем дорога. В общем, подошли ко всему этому с явным пониманием дела, по крайней мере, смотрелось все очень гармонично и хорошо. Само же здание ничем особым не отличалось, шесть этажей, белоснежный, идеально оштукатуренный фасад и покатым скат крыши, выложенный коричневой черепицей.

Я прошел по мощенке, обогнул фонтаны и, поднявшись по ступеням, толкнул от себя

дверь. И первым, что бросилось в глаза, были ковры, множество ковров и дорожек, без которых не обходился ни один проход, ни один коридор. На стенах так же висели полотна, вернее, это уже были не ковры, а, если мне не изменяет память, кажется, гобелены. Но суть та же, все было укрыто и подогнано так, что бы лишний раз подчеркнуть красоту и строгость этого места. Здесь все было на своих местах. Брр, это ж как тяжело содержать такое в чистоте и порядке. По довольно крупному холлу сновали по своим делам люди, в основном, все в единой расцветки форме, темно-красный, как основной цвет, а остальное уже разнилось как угодно. Я сразу же заметил, как из бокового коридора вышел парень, доедая что-то съестное, и сразу же послал туда Белого. Так и есть, вниз вела широкая, но крутая лестница, выводящая прямоком к здоровенной арке, открывающей проход к множеству столов. И там всюду уже ели и пили, я сглотнул. Ноги сами сделали поворот и понесли меня в нужную сторону.

Как оказалось, здесь был, своего рода, шведский стол, так что, недолго думая, схватил из стопки поднос и принялся накладывать все, до чего только дотягивался. В итоге, выбрав один из пустующих столиков, принялся методично поглощать сразу два салата, нечто, похожее на хорошо прожаренные овощи, какие-то стручки в темно-красной пасте и запивать все это прихваченным стаканом с водой. Шло хорошо, я бы даже сказал, очень хорошо. Но не успел проглотить и трети, как рядом кто-то уселся. Мне же было недосуг отрываться от еды, да и не хотелось вовсе, так что фамилляр опять был включен в обозрение. Ба, да тут девушки со всех сторон, впрочем, побоку. Но они так, видно, не считали.

— Вкусно? — спросила севшая напротив.

Я промолчал, тупо игнорируя их.

— Ясно, — кивнула, — а с какого ты хоть курса, парень?

Занесло, институт, похоже, какой, но отвечать все равно не собирался.

— Значит так, доедай, и пойдешь с нами, — девица напротив нехорошо ухмыльнулась.

В мозгу сразу же пронеслась череда кровавых картин, что я смогу с ними со всеми сделать, не дай бог они ко мне полезут. Шутить и поддаваться женским чарам, а они таки были достаточно хороши, сейчас было не уместно. Чужой мир, неизвестные правила, все может обернуться боком и выйти ох как не хорошо. Я же был себе нужен целым и невредимым. Так что, доев, отставил тарелки в стороны, допил воду и медленно поднял на девушку взгляд. Та дрогнула, сразу как-то сникнув, а потом, все же, кивнула:

— Берите его.

Плети толкнули не сильно, но достаточно ощутимо, и девиц просто сдуло в стороны. Послышался грохот переворачивающихся столов, падающей посуды и ругань потревоженных людей, однако, материться здесь умеют. И только подумал об этом, как над головой сидящей напротив брюнетки, сформировалось что-то типа петли и метнулось в мою сторону. Рывок в сторону и очередной толчок щупальцем, стол опрокидывается на бок, а девица, непонятно как удержавшаяся на ногах, уже во всю полосует передо мной воздух. И что самое хреновое, он поддается, наливается красным и приобретает очертания. Пора заканчивать, что бы это ни было. Плети сковывают девушку по рукам и ногам, прерывая ее занятие, и уже не церемонясь, с силой отправляю ее в полет в другой конец столовой. А это без малого метров сорок. По любому себе что-нибудь переломает, если шею не свернет. Жалости не было, только собранность и готовность дать сдачи. Наклонившись, подобрал с пола поднос, собрал на него осколки посуды и пошел сдавать. Вернее, тупо поставил рядом с другими отработавшими свое и ждущими мойки.

Теперь можно поймать какого-нибудь сопляка и расспросить о том, где вообще сейчас нахожусь. И лучше это сделать вне стен этого здания, а то слишком уж тут многолюдно. Да и переполох могут поднять по поводу заварушки. Быстро поднявшись по ступеням в холл, вышел наружу и сразу же заметил удаляющуюся по одной из дорожек спину. Ага, вот и жертва. И, ничем не выдавая спешки, отправился вслед удаляющемуся парню. Где-то пройдя метров двадцать, решил начать действовать, но успел сделать лишь пару шагов вперед, как незнакомец обернулся и смерил меня взглядом.

— Чего тебе? — недружелюбно поинтересовался он.

— Поговорить, — таким же тоном бросил в ответ.

— Ну, говори.

— Здесь слишком людно, отойдем?

И хотя в округе не было ни души, и парень это явно понимал, но лишь улыбнулся и кивнул, показав взглядом на уводящую вбок тропку. Меня это слегка насторожило и Белый, выбравшись наружу, пошел рядом. Отойдя на достаточное расстояние и скрывшись от глаз возможных соглядатаев, парень развернулся и, вытащив руки из карманов, спросил вновь:

— Так чего?

И по тому, как он замер, ожидая ответа, стало понятно, что он тот еще тертый калач, и ему не впервой вот так "отходить".

— Пять вопросов, — я показал ладонь, — Что это за место? Где мы находимся? Как отсюда выбраться? Чем мне это может грозить? И почему на меня все косятся?

Тот посмотрел на меня как на идиота.

— Ты больной?

— По-хорошему не хочешь, — констатировал я.

Парень растянул губы в улыбке.

— Отлично, — и шваркнул его плетью, отправляя в полет за ближайšie кусты. Каково же было мое удивление, когда в ответ, буквально через мгновение я получил удар такой силы, что не будь на мне фамильяра, точно получил бы пару, а то и больше сломанных ребер. Согнувшись буквой "зю", я с нарастающим раздражением наблюдал, как точно так же из-за кустов выползает мой противник. Чем это меня он, если сам вон как корчится. Похоже, ему с ребрами повезло куда как меньше.

— Это Академия искусств, — выдавил сквозь зубы парень и выбросил в мою сторону руку, но в этот раз уже все было иначе. Еще до начала движения вокруг его ладони сгустилось нечто на подобии плывущего воздуха, и я, предвидя очередную каверзу, резко прынул в сторону и тут же сделал шаг вперед, впечатывая ребро ладони ему в кадык. Глаза напротив вылезли из орбит и чудак, схватившись за горло, повалился на колени. Ему сейчас было значительно хуже, чем мне, так что пока он приходил в норму, я присел рядом и молчал, ожидая.

— Крепко ты меня, где такому научился? — наконец хрипло выдавил он.

Я промолчал, ожидая продолжения, в следующий раз придется приложить его чуть сильнее.

— Ладно, этот раунд за тобой, — он протянул руку, — Кайр.

Пожав протянутую ладонь, назвал сам:

— Влад. Ты мне должен.

— Да, да, еще четыре вопроса, помню, — он тоже сел, облокотившись о ствол росшего рядом дерева, — Знаешь, ты первый, кто меня так быстро вырубил.

Потерев горло, парень взглянул на меня.

— А ты неразговорчив, так что там тебя интересовало?

Пришлось повторить.

— В общем, Академия, будь она неладна, — собеседник скривился, — находится между тремя государствами и абсолютно независима. Слинять отсюда не получится, я уже пробовал, поверь. И было мне за это два месяца строго режима, так что не советую. А косятся потому, что так никто не одевается, ты откуда вообще вылез такой?

Он достал из кармана самую обычную самокрутку и коснулся ее пальцем, та начала тлеть. Что за на хрен, очередные фокусы?

— Будешь? — я с сомнением посмотрел на вторую появившуюся скрутку и покачал головой.

— Ясно, бережешься? Зря, нет смысла жить, не попробовав всего понемногу, — затянувшись, парень задумчиво уставился на тлеющий кончик, — Так откуда ты?

— Издалека, — слова дались с трудом, от его косяка тянуло такой едкой дрянью, что впору было читать молебен его легким, — ну и гадость, тебе от нее не хреново?

— Неа, — он снова затянулся, выпустив чуть позже наружу облако мертвого воздуха, я прямо-таки видел, как оно складывается в форму черепа и зло скалит зубы.

— Меня, кстати, и за это на строгий режим хотят посадить, ну да никак не поймают, — и парень весело заржал.

— Когда-нибудь поймают, — сам не пойму, почему сижу и слушаю этого дурака, когда надо буквально давить из него информацию, — вы ходите между мирами?

— Чего? — он закашлялся, — Между какими еще мирами?

— Между вашим и другими.

— Какими другими? — его глаза выражали полнейшее непонимание.

Ясно, значит, не ходят. Печально. Для меня. Черт. Я поник. Выходит, застрял здесь навеки?

— Ты чего, Влад? — он толкнул меня в бок, — чего понурился?

Мне захотелось опять забросить его в кусты, но вспомнил про ответную атаку и сдержался. Похоже, местным жителям таки есть, что мне противопоставить. Да и парень явно не взрослый, так, лет двадцать пять, что он мог еще показать? Я бы мог убить его уже много раз, вот только зачем? Как же это хреново, не иметь возможности вернуться домой, туда, где тебя ждут, где можно отомстить. Зубы скрипнули, выдавая внутреннее состояние.

— Похоже, тебе таки надо развеяться, что-то ты совсем плох, — Кайр поднялся и двинулся прочь, — пошли, покажу кое-что.

А что, собственно говоря, мне еще делать? Я посмотрел ему вслед и не придумал ничего лучшего, кроме как подняться и пойти за ним. Поравнявшись, дал Белому забраться в себя, ничего мне теперь уже не грозит, настроения нет ни на что, а защита, ее и так хватает — я удлинил воротник и перекрыл им губы. Мог бы вообще все лицо закрыть, накинув капюшон, но нет, сойдет и так.

— Смотри, — шепнул Кайр, — сейчас главное не шуметь, а то спалимся, — и раздвинул ближайšie ветви.

То, что нам сейчас открылось, когда-то мог бы назвать раем для несовершеннолетних. Около десятка стройных, загорелых и обнаженных по пояс красоток, занимались какой-то оздоровительной гимнастикой. Медленно, плавно и довольно эротично. Оформившиеся полушария призывно смещались в такт движениям, подпрыгивали в нужные моменты и

вообще очень возбуждающе действовали на мужское естество. Так и вижу, как каждый день бегал бы сюда и наслаждался бесплатным зрелищем. Только вот плевать мне на них и их прелести, а вот Кайр прямо-таки светится нездоровым энтузиазмом.

— Ты что, девственник?

Он чуть не подпрыгнул от неожиданности, явно не ожидая такого вопроса.

— Тише говори, тише, — тут же прошипел назад и, осторожно отпустив ветви, сдал назад, — и не мели ерунды, просто это же такая красота, как ты не понимаешь?

— Не спорю, только не проще с ними познакомиться?

— Ага, и сразу же получить по шее, они с последнего курса, свернут в бараний рог.

— Найди тогда цель попроще, — пожал плечами я.

— А, ты не ценитель, — вынес вердикт Кайр.

Потом вдруг засунул руку за пазуху и некоторое время молчал, будто прислушиваясь к чему-то. А спустя пару минут смотрел на меня уже совсем другими глазами, улыбаясь во все тридцать два.

— Ну, ты даешь, только что передали, что ищут очень похожего на тебя типа. Признавайся, что учудил?

— Да ничего, пообедал и вырубил приставших трех девиц.

— Как вырубил? — не понял парень.

— Молча, так что там?

— Для тебя ничего хорошего, и я бы на твоём месте уже линял, да только куда тут сбежишь, — он кисло скривился.

— А что будет-то? — не понял я.

— Был бы ты учеником, получил бы строгий, а так даже не знаю, могут и за разбой принять.

— Плевать, карты тут есть? — план оформлялся сам собой.

— Да, тебе какие нужны?

— Все, — хрен его знает, что у ни тут и как, тут лучше взять больше, чем недобрать.

— Ну, знаешь, все я тебе никак не смогу достать.

— И не надо, просто отведи меня туда, где они хранятся, я сам разберусь.

— Ты в своем уме? — он постучал себя по лбу, — да тебя схватят, как только увидят. Да и нельзя сейчас, там народу куча, разве что ночью, — он задумался.

— У тебя комната есть?

Кивок.

— Сам живешь?

Опять кивает.

— Тогда до ночи побуду у тебя, а там подскажешь, куда идти.

Кайр вздохнул:

— Даже если и так, как ты собираешься попасть внутрь не замеченный?

— Это оставь мне, сейчас просто иди к себе, я буду там.

— Каким образом, ты что, скрытый маг? — меня словно обухом по голове ударили. Маг? У них что здесь, на магии все замешано? Тот свет в пещере, потом голубой купол в лесу, не кислый удар Кайра под дых, это что, все магия?

— Просто иди, — озадаченно буркнул и отвернулся, вот приплыли, так приплыли.

Когда же парень отошел подальше, шагнул в тень и последовал за ним. Его комната оказалась в правом крыле на втором этаже, и когда он протянул руку к двери, я быстро

прошел внутрь и сел на одну из кроватей.

— Ты, как это? — все, что и смог выдавить из себя Кайр, — Ты как здесь очутился?

— А говорил, что один живешь, — кивнул ему на вторую кровать.

— Один, не беспокойся, со мной никто не выдерживает.

— Ясно, сколько там до вашего отбоя?

Он опустил на другую кровать и вытянул ноги.

— Да весь день, так что давай, располагайся, спешить пока некуда.

— Что это вообще за Академия такая?

Кайр покосился на меня.

— Знаешь, я ведь действительно думал, что прикалываешься, а ты всерьез, да?

Пришлось кивнуть.

— Ну, и дела, — покачал он головой, — не знаю, найдется ли еще кто-то, не знающий об Академии. В общем, это все, — он обвел рукой комнату, — и вся территория до Стены, ты Стену хоть видел?

— Да.

— Так вот, все это и есть Академия. Единственный, так сказать, общепризнанный центр по развитию и изучению искусств, — но его кислая мина, почему-то, говорила совсем о другом.

— Но ты с этим не согласен? — поинтересовался я.

— Да согласен, согласен, — перевернулся парень на бок, — но, понимаешь, ничего идеального не бывает. Вот скажи, зачем мне нужен ментал, если я в нем ни в зуб ногой? И еще пара-тройка искусств, портящих мне всю статистику.

— Погоди, так ты что, неуч типа?

Он ухмыльнулся:

— Ты первый, кто смог ответить за свои слова, так что прощаю, — и вдруг, сменив тон, продолжил, — да не неуч я, просто дается мне только пламенник, но зато с лихвой и перебором, даже преподы опасаются.

— Ясно, так ты тут хулиганом числишься, — я понимающе улыбнулся.

— Ну, типа того.

— А что вообще за искусства такие?

— Если по учебнику, то способы и меры взаимодействия с силами, частично и в целом и еще че то там. Короче, есть семнадцать видов искусств, — он запнулся, — или двадцать, не помню точно, к изучению обязательны десять, из них, в лучшем случае, по одаренности выбирают основой максимум пять, чаще три или два, ну, а такие как я попадают вообще очень редко. У нас всего один профиль, зато ярко выраженный.

Он вытянул руку, и буквально через мгновение над ней повисла ярко пылающая сфера огня, фыркающая и сыплющая во все стороны искрами. Я же будто завис, удивленно таращась на неожиданное чудо, а в голове копошилось то самое слово — магия. Мозги тяжело ворочались, пытаюсь принять сказку, потому как по-другому эта хрень в мое мировосприятие не вписывалась.

— И чему еще тут учат?

— Да разному, самое распространенное это плоть, ментал, предвиденье, артефакторика и целый чертов список бытовых умений, ненавижу все это, — Кайр поморщился.

— А твой, твое умение?

— А я могу только нагревать, взрывать и испепелять, так что все остальное мне до

задницы, но нашему ректору до задницы мое мнение, так что я в черном списке. Кстати! — он ухмыльнулся, — а ведь и ты теперь на заметке!

— Не понимаю, чему ты радуешься, — заметил я.

— Ну, до этого я один был, а теперь нас двое, — Кайр стал по очереди вызывать пламя на каждом из пальцев, приковывая мое внимание необычным зрелищем, — А что у тебя способность?

Пришлось задуматься, и что ему ответить?

— Даже не знаю, что тебе сказать, у вас шаманы есть?

— Кто?

— Значит, нет.

— Да откуда ж ты такой взялся-то? — задумчиво проговорил парень, — Что ты там говорил про миры?

— Я спрашивал, умеют ли у вас перемещаться между мирами.

— Не, брат, никогда о таком не слышал. Это ж получается, что... — он оторопело уставился на меня и огонек над его большим пальцем погас, — да ну, правда, что ли? Врешь!

— Думаешь? — я серьезно посмотрел на него.

— Блин! У тебя глаза точно не человеческие, — Кайр подхватился и, сделав пару шагов, навис надо мной. Мне стало немного не по себе, готовый мгновенно дать отпор, я, тем не менее, понимал, что ничего плохо парень мне не сделает, — Слушай, а ты не демон часом?

— У вас что, и демоны есть? — мне становилось все веселее и веселее.

— Есть, — он кивнул, — так как, Влад, откуда тебя к нам занесло?

— А сам не догадываешься? Мне чужд ваш мир, — я вздохнул.

— Вот это да! — он как стоял, так и сел на пол, там же.

— Только держи язык за зубами, очень тебя прошу.

— Да не вопрос, слушай, а как ты к нам попал-то?

Вот пристал, но отмалчиваться и обижать единственного пока возможного помощника не хотелось, да и ничего такого я ему не скажу.

— Война у нас, вот и затянуло.

— Война? С кем? И кем служил? — глаза Кайра просто-таки фанатично загорелись.

Да он явно помешан на подобном.

— Да с такими же людьми, просто другими. А там я был сам по себе, — внезапно вставшая перед глазами картина корчащихся и исчезающих в ярком пламени фигурок всколыхнула былую злобу, и Кайр удивленно присвистнул:

— Да у тебя там долги остались, как я погляжу.

Я кивнул, знал бы ты, какие долги, и какой кровью они окупятся, дайте только вернуться назад.

— Ладно, не бери в голову, если я чего-то не знаю, это не значит, что этого нет. Тебе бы с нашим ректором пообщаться, ну да теперь тебе мало что светит, разве что... — он запнулся.

— Что? — повернулся я к нему.

— Смотри, — Кайр задумчиво начал расхаживать по комнате, — сейчас к тебе относятся как нарушителю и разговаривать никто не будет. Схватят и влепят по первое число, могут и сослать куда даже. Но если ты будешь числиться учащимся, то максимум получишь строгий, зато потом сможешь найти подход к ректору.

Он повернулся ко мне.

— Влад, айда в Академию, поселишься со мной, — парень явно загорелся родившейся идеей, но я его охладил.

— Не проще поймать этого вашего ректора и вытрясти из него все необходимое?

Собеседник сначала глупо клипал глазами, а потом дико расхохотался.

— Что? — не понял я.

Отсмеявшись, он сел на свою кровать.

— Во-первых, наш старик получил магистра по четырем искусствам, и размажет по стенке, даже пальцем не пошевелив. Во-вторых, даже если ты и сможешь ему что-то сделать, то все равно ничего не добьешься, у него степень в ментале. Так что не вариант, забудь.

— Хорошо, а если ему вырвать руки и ноги, он будет продолжать упорствовать? — на полном серьезе спросил я.

— Шутишь? — он ухмыльнулся, но мое лицо оставалось каменным.

— А чем ты занимался у себя, если не секрет? — парень довольно хреново скрывал свой интерес.

— А чем у вас занимаются во время войн?

— Солдат, значит? Погоди, но ты же сказал, что был сам по себе, наемник, значит?

— Так я о себе даже не думал, — слегка озадаченно протянул и вдруг понял, а ведь Кайр прав, кем я был, как не наемником? Идея Корпуса так и не стала моей, я сотрудничал совсем по другим причинам, ну да что теперь об этом вспоминать, толку.

— Значит, наемник, — удовлетворенно кивнул собеседник, — так что, как тебе моя идея?

— Даже не знаю, потрясти вашего ректора не проблема, но если ты говоришь, что это мало чем поможет — хотя ты ведь можешь и ошибаться, — мы встретились взглядами.

— Могу, но не думаю, — он пожал плечами, — но идея достать карты тебе тоже ничем не поможет. Ну, найдешь ты способ выбраться отсюда, доберешься до Мешраба или Дивании, а дальше что? Они тем более тебе ничем помочь не смогут. Их лучшие маги тоже когда-то обучались здесь, а самый лучший исследовательский центр находится в Академии. Так что сам понимаешь, смысл?

Блин, не веселая какая-то вырисовывается картина, и так не так, и эдак не то.

— Хорошо, какие вообще шансы, что мне скастят ту потасовку и запишут в ученики?

— Ну, брат, — Кайр задумался, — тут я тебе ничего сказать не могу. Тебе придется чем-то заинтересовать ректорат, что бы они закрыли глаза на бывшее и захотели получить тебя в роли учащегося.

Так, вот это уже ближе.

— А какую вообще выгоду Академия получает от своих выпускников?

— Огромную. Во-первых, она всегда остается домом для своих чад, — и даже ведь не скривился, произнеся это, неужели правда, — и любой встанет на ее защиту. Во-вторых, нанимая искусника, наниматель в течение определенного времени выплачивает в казну Академии некоторую сумму, и иногда очень даже не малую. Ну, и в третьих, что бы оставаться мировым центром, нужно постоянно развиваться и вести исследования, а для этого свежие умы просто необходимы. И это только общеизвестные основы, а сколько еще всего второстепенного.

— Значит, мне нужно их удивить?

— Как бы да, есть мысли?

— Да масса, — я кровожадно улыбнулся, — только они им не понравятся. Ладно, как у

вас с телекинезом?

— С чем?

— С этим, — обвив плетью стоящую у изголовья кровати тумбочку, поднял ее в воздух и помахал ею у него перед носом, — как у вас такое называется?

— Ничего себе, как ты это сделал? — Кайр оторопело следил за висящей над полом тумбой.

— У нас бы это назвали телекинезом, — если б не знали правду, добавил я про себя.

— Это им наверняка понравится, а что ты еще можешь?

— Кайр, этого хватит или нет?

— Думаю, да, — он кивнул, — хотя тебя все равно еще проверят на дар в отношении остальных искусств.

— Мне это без надобности.

— Ага, только им без разницы, мне вот тоже приходится отбывать кучу всевозможного бреда.

Но, с другой стороны, это может занять столько времени, что придется буквально прописаться здесь, а дома в это время может происходить что угодно. Нет, надо решать быстро и жестко, и если понадобится — кровью. Видно, на моем лице таки что-то отразилось, потому как Кайр озадаченно произнес:

— Задумал что?

Я кивнул.

— У меня мало времени, если пойму, что смогу узнать необходимое сразу, буду действовать с позиции силы, в обратном случае придется подписаться на всю эту трахомудрию.

— И как ты себе это представляешь? — он нахмурился.

— Меня еще могут не принять, помнишь? Да и даже если примут, посмотрю еще на вашего ректора. Кстати, кроме него еще кто-то может обладать нужной мне информацией?

— Влад, ты это сейчас серьезно сказал?

Я бросил на него взгляд, ба, да парень не просто так это спрашивает. И мне необходимо было учесть его интерес во всем этом, не зря ведь он сказал про то, что любой встанет на защиту родной Академии, а ректорат, как ни как, является ее сердцем. Да уж, мой бок.

— Ударись в спину, — наши взгляды скрестились, и он отвел глаза в сторону.

— Если нападешь, то да, — сказано было без тени сомнения, без страха и угрызений совести. Парень был честен и открыт со мной, и я не знал, как поступить. Оставить остывать его тело здесь? Но сама мысль об этом вызывала отвращение, нет, не настолько я еще монстр. Хотя, с десятков минут в тени смоют все сомнения, и тогда буду способен абсолютно на все.

— Честно, — кивнул, — так и поступим, если решишь, что нужно, нападешь, но и я тогда отвечу.

— Договорились, — он протянул руку, и я с неммым удивлением, чуть запнувшись, пожал ее.

— Каков план?

— Да все просто, пойдем рядом, для всех я тебя поймал и веду в совет.

— Что еще за совет?

— Совет Академии, препода уже давно сбагрили половину своих обязанностей на учащихся и проводят лишь общее руководство.

— То есть у вас тут заправляют ученики?

— Ну, не просто ученики, в совет так просто не попадешь, — он ухмыльнулся, — меня туда и близко не подпустят, как и тебя после всего этого, впрочем.

— И каким образом я смогу заинтересовать ректорат, если ты отведешь меня не к ним?

— Влад, ну ты как маленький. Покажешь им свои способности и скажешь, что хочешь записаться на экшафт.

— Куда? — не понял я. Меня еще раньше удивила мысль, что удастся так свободно общаться, но найти адекватное объяснение так и не удалось, для меня все разговаривали на моем родном, изученном в школе и впитанном с молоком матери. Хотя нет-нет, да и проскальзывали неизвестные слова, впрочем, как и сам иногда выдавал подобное, вообще не использующееся здесь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Экшафт — это процесс выявления дара, — пояснил Кайр, — не волнуйся, все безболезненно и абсолютно безопасно.

— Ну, хорошо, давай тогда не затягивать, — я спустил ноги на пол.

— Да погоди ты, рано еще, пусть разойдутся по учебкам, потом и пойдем.

Мы помолчали.

— А вообще круто будет, если все получится и мне не придется тебе наподдать, — мне оставалось лишь улыбнуться его словам, — поселишься здесь, на пары вместе ходить будем, да и со старшекурсницами полегче станет.

— А что с ними? — не понял я сути сказанного.

— Ну, ты же можешь повторить все как с ней, — он указал на спокойно стоящую на месте тумбу, — они и рыпнуться не смогут.

— И зачем это тебе?

— Ну, как, я ведь не могу пользоваться пламенем, за что их палить-то? А так повисят в воздухе и успокоятся.

— Нет уж, ты меня в свои причуды не вписывай, а лучше познакомься с кем-то, найди себе девушку.

— И на кой она мне? — удивился Кайр.

— У тебя имеется что-то против женщин? — я недоуменно на него уставился.

— Здесь — да, тут нормальных нет.

— Ну-ну, — меня немного развеселила его позиция.

— Ты сам-то, у себя там, как, был женат?

— Нет, — мне не хотелось затрагивать эту тему.

— Ну а девушка была хоть?

— Погибла, — мрачно бросил я и замолк, нахлынувшие воспоминания не располагали к дальнейшему продолжению разговора. По сути, я ведь действительно начал что-то к ней испытывать, и эта была не банальная подростковая влюбленность или банальная похоть, нет, все это было уже пройденным этапом. К тому же, она могла меня и раздражать, и бесить, иногда я не мог ее даже видеть, но в итоге, в последние дни стал отчетливо осознавать, что только тени обезглавливали то чувство, постоянно пытающееся выпрямиться во весь рост и поднять голову навстречу бескрайнему небу.

— Извини, не подумал, черт! — он зажмурился, и стал остервенело тереть переносицу.

— Расскажи лучше, что у вас тут и как, — решил я сменить тему.

— Да скука. Первая пара в девять и далее по расписанию, прием пищи в свободное

время и по желанию, вечером обязательное участие в одной из групп по интересам, а потом твори что душе угодно. Но могут поймать, — он поднял указательный палец.

— И в какой же ты группе? — честно говоря, я даже представить не мог, что его могло заинтересовать, разве что-то связанное со взрывами и пожарами. Ему бы в военную академию какую, а не сюда поступить учиться.

— А, — он флегматично отмахнулся, — записался в один какой-то.

— И что?

— Да после первых двух-трех возгораний они стали закрывать глаза на мои пропуски.

— Прогуливаешь, значит, — я ухмыльнулся.

— Сам потом поймешь.

— Если все удастся.

— Ну да, — Кайр вздохнул, — если честно, ты словно глоток свежего воздуха в этой дыре, одни заучки да умники.

— Ботаники, — подал я голос с кровати.

— Кто? — не понял собеседник.

— Это из моего мира, означает безраздельно отдающийся учебе, и больше ни о чем не помышляющий.

— А, ну да, все правильно, — кивнул парень, — кстати, можем уже идти.

— Окей, — я встал, — если что, прости и без обид.

Он понял и кивнул, потом зачем-то хлопнул меня по плечу и шагнул к двери. Покинув комнату, обнаружили совершенно пустой коридор, похоже, с дисциплиной здесь все было в порядке. Потом поднялись этажом выше и двинулись вдоль проплывающих мимо арок дверей, за которыми всюду раздавались споры, кто-то о чем-то рассказывал, иногда даже пели. Меня это немного позабавило, довольно оригинальный у них тут подход к обучению. Но тут Кайр остановился и замер, потом обернулся, глянул на меня и, кивнув, толкнул дверь от себя.

— Кайр? А ты что тут делаешь? Опять натворил чего? — тут же раздался высокий женский голос.

— Сразу натворил, Кайси, ты меня за кого-то не того принимаешь.

— Да нет, первокурсник Кайр, я тебя принимаю за кого надо, — и уже спокойнее, — почему не на парах, с чем пожаловал?

— Влад! — вместо ответа позвал он, я сделал несколько шагов и встал с ним плечом к плечу.

Мда, такого увидеть я явно не ожидал. Думал, будет обычный кабинет или классная комната, но здесь же все просто вопило от роскоши, ковры, стол, диван, стулья, даже стены были оббиты какой-то красной, довольно дорого смотрящейся тканью. И все это богатство сейчас окружало одну единственную особу, устремившую на меня взгляд своих синих пресиних глаз — хороша, однако.

— Нарушитель, — не то спросила, не то констатировала девушка.

— Да нет, — вступился за меня Кайр, — он на эшафт пришел, но сначала загел перекусить, а тут твои псы цепные привязались.

— И он отправил их к лекарю.

— Правда, что ли? — парень удивленно обернулся ко мне, но я промолчал, давая ему возможность и дальше гнуть свою линию.

— Правда, правда, — подтвердила, девушка.

— Значит самооборона, они ж больные у тебя, кидаются без предупреждения.

— Кайр! — она сверкнула глазами, — Попридержи язык, — и уже в мою сторону, — что скажешь?

— Мне нечего добавить, уже все сказано.

— И почему нас должно это заинтересовать?

— Это сойдет? — и, обвинив шупальцами стол, резко дернул его на себя, выдергивая из под сложившей на нем руки девушки и вознося его под потолок. Затем сделал им в воздухе круг и плавно опустил на место.

— Круто, — тихо шепнул Кайр, я же не сводил глаз с почему-то хранившей молчание студентки, от которой сейчас зависело довольно много. Хотя, даже если и не сыграет мне на руку, мне ничто не мешает показать тот же фокус перед ректоратом. Но, наконец, она выдохнула:

— Интересно, и где ты этому обучался?

— Врожденное, — соврал я.

— Врожденное, — повторила та и задумалась.

— Кайр, можешь быть свободен, — обратилась она наконец к нам, — а ты пойдешь со мной, — и вышла из-за стола.

— Кайси, давай я...

— Давай без давай, — оборвала она его, — ты еще здесь? Может, мне зайти к твоему куратору?

— Уже ухожу, — поднял руки тот и на прощанье шепнул, — держись и не делай глупостей.

— Как зовут? — спросила девушка, когда мы остались вдвоем.

— Влад.

— Влад, значит, — она несколько раз пыталась выдержать мой взгляд, но у нее это не получалось, — странные у тебя глаза, полезные.

— В смысле?

— Потом, может, узнаешь, с рождения такие?

Я кивнул, не собираясь открывать правду.

— Ладно, следуй за мной, думаю, ректору будет интересно с тобой пообщаться.

И все время, пока мы шли, меня не покидало чувство, что за мной наблюдают. Когда же ради интереса вывел наружу Белого, то оказалось, что около головы идущей впереди девушки застыл бледно сиреневый фон, по форме напоминающий мотоциклетный шлем. И повернута эта штука была именно в мою сторону. Когда же чуть ускорился, почти поравнявшись с синеглазкой, эта штука чуть развернулась, продолжая удерживать меня в поле зрения. Выходит-таки слежка, не доверяет, значит, что ж, вполне логично. Когда же мы поравнялись с аркой очередного входа, мне было велено молчать и не говорить ничего, пока не спросят, и только затем мы вошли внутрь. Да уж, если мне показался роскошным кабинет совета, то это, стало быть, царские покои, и никак не меньше.

Всюду, куда падал взгляд, прямо-таки разило антиквариатом и дороговизной. Шикарная резная мебель была выполнена с таким искусством и изяществом, что использовать ее по назначению уже казалось грехом. Ковры и гобелены на стенах создавали уютную и, в то же время, строго выдержанную атмосферу под стать остальному убранству помещения. Не покрытый пол был выложен темно-желтой плиткой, если не чьей-то костью, и настолько гармонично подчеркивал вкусы хозяина кабинета, что я невольно стал уважать,

умудрившегося собрать воедино такое величие человека. Но тут часть интерьера сместилась в сторону, и мы оба оказались под прицелом недоуменно смотрящих на нас из под кустистых бровей глаз.

— Кайси? Чего тебе?

— Доброго дня, милорд ректор, — девушка слегка поклонилась, — у нас новый прошенец, думаю, вам будет интересно с ним пообщаться лично. Тем более, что именно он является виновником сегодняшнего происшествия.

— Даже так? — старик, а на вид ему было под все сто, хоть и держался он довольно бодро и движения его нисколько не навевали мысли о дряхлом и больном теле, уже с интересом заново взглянул на меня и даже вздрогнул, — Однако, какие странные глаза. Как зовут?

— Влад, — ответила за меня девушка.

— Гм, не припомню, где дают такие имена.

— Откуда ты? — шепнула синеглазка.

— Издалека.

— Вот как? А название у этого "Издалека" имеется? — с прищуром спросил ректор.

Кивнув, вдруг понял, что уже все для себя решил.

— Если позволите, я бы хотел переговорить с вами с глазу на глаз, — и покосился на стоявшую рядом девушку.

— Вот как? — повторил вновь старик, это было явно его любимое словосочетание, — Ну что ж, ладно, Кайси, подожди за дверью.

Девушка поклонилась и, одарив меня хмурым взглядом, направилась к двери.

— Итак, юноша, вот мы и одни, — он показал рукой на диван, а сам направился к креслу за столом, — слушаю вас.

— Поначалу у меня не было четкого плана, как себя вести, и было несколько вариантов развития событий, — начал я, усаживаясь, — но потом понял, что откровенность будет наиболее уместна.

Ректор молча кивнул.

— Моя проблема в том, что я настолько издалека, что даже понятия не имею, как вернуться назад и куда меня занесло. Следовательно, наиболее адекватным решением в моей ситуации считаю получить шанс и присоединиться к тем, кто, возможно, владеет необходимыми знаниями и возможностями.

Я замолчал, ожидая реакции, но старик не спешил, о чем-то размышляя.

— Чем можешь подтвердить свой рассказ? — спросил он вдруг.

— Ничем, — пожал я плечами, — вы можете верить мне или нет.

— Так-с, хорошо, а что там с инцидентом в столовой?

— На меня напали, и я решил проблему, — добавив в конце, — бескровно.

— Мне доложили, что ты не пользовался искусством, как же тебе это удалось?

— Могу показать, — он кивнул, и я повторил фокус уже с его столом, проделав лишь это более аккуратно и осторожно. Все-таки ценная вещь, вовек потом не отработаю.

— Занятно, — он побарабанил пальцами по вернувшемуся столу, — и насколько действует эта твоя способность?

— В смысле? — не понял я.

— Как далеко, с каким весом?

— Даже не знаю, никогда не испытывал, — пожал плечами.

— А, к примеру, можешь вытащить содержимое отсюда, — он указал на стоящую на столе резную шкатулку, — не открывая крышку и ухватив лишь то, что внутри?

И я сразу понял, куда он клонит. Ох, и хитер ты милорд ректор, или умен, даже не знаю, как правильнее будет. Или же это у меня паранойя разыгралась, но почему-то сразу же стал очевидным подвох вопроса. В данной ситуации я неизвестный фактор, данных обо мне нет, способности так же незнакомы, и вполне очевидно, что имеет смысл выявить мою степень опасности. Ведь если я смогу схватить то, что внутри этой коробки, то точно так же смогу и воздействовать на человека, сжав ему сердце, передавив трахею и что-нибудь еще в подобном духе. И хрен что кто сможет мне сделать, мгновенное убийство, бездоказательное, идеальное. Только вот я вам не дам про себя такое знание, и не надейся, старик.

— Нет, — покачал головой, — я должен видеть, с чем работаю, а как иначе?

— Ясно-ясно, — покивал тот в задумчивости, а потом хлопнул по столешнице рукой, — хорошо, считай, что принят на первый курс, Кайси объяснит тебе все необходимое, плюс тебе придется некоторое время уделить нашим изысканиям в отношении твоих способностей.

Я кивнул, меня это более чем устраивало. Через мгновение в кабинет вошла синеглазка и, поклонившись, показала мне глазами на дверь. Но со мной вместе не вышла, и я запустил к ним Белого. Что примечательно, наружу, за дверь, не вылетало ни звука, но для меня с кошмаром это не было помехой.

— Да, милорд ректор? — девушка стояла, вытянувшись и замерев, ожидая распоряжений.

— Зачислишь на первый курс, все как положено, единственное что — присмотри-ка за ним первое время.

— Все сделаю, — синеглазка поклонилась и направилась к двери.

Я же стоял у окна, делая вид, что любуюсь пейзажем и думал о том, что не прост, совсем не прост милорд ректор. Поверил он мне или нет, но присмотр совета лишь формальность, стоит ожидать чего-то более неявного.

— Следуй за мной, — бросила, выйдя из дверей девушка и, не озаботившись даже тем, иду ли я следом, направилась дальше по коридору. Пришлось отметить, что фигурка у нее довольно аппетитная и сзади она смотрится очень даже вполне, особенно ей шли школьные тона и сам покрой формы, выгодно подчеркивая все ее достоинства. Но мысли об этом недолго крутились в голове, сменившись на более приземленные, как только остановились перед дверью с табличкой, размалеванной неизвестными каракулями. Вот, кстати, и еще одно дело, хочешь не хочешь, а придется учиться грамоте. По ту же сторону порога оказалось довольно просторное помещение, даже, я бы сказал, целый лекционный зал с рядами кресел под стенами. В центре находился пьедестал с вычурной работы столом на трех ножках и несколько простых стульев. Пройдя вперед и жестом предложив мне сесть, Кайси сняла крышку со шкатулки по центру стола и из стоящего рядом графина стала разливать воду в открывшиеся взору колбы, плотным кольцом обступившие грубо сколотый мутный кристалл. Закончив с разливкой, девушка уселась сама и, подвинув к себе какой-то бланк, кивнула мне:

— Клади ладонь, — я послушался.

Она тут же сделала несколько пассов над ретортами с водой и камень под рукой вдруг начал меняться. Нет, не формой, содержимым, его оттенки стали плыть, хаотически перескакивая от темно-серого, до светло-голубого, почти небесного, и обратно. Все это время синеглазка неотрывно следила за происходящими с кристаллом изменениями, а потом

я заметил, как вода в колбах стала менять цвет. Не вся сразу, по очереди и очень медленно, сначала первая слева от меня окрасилась тускло-синим, потом третья и пятая налились серым и вдруг стали набухать пурпуром, становясь все темнее и насыщеннее. Девушка удивленно дернулась, но более ничем не выдала явной ненормальности происходящего.

— Что-то не так? — спросил я.

— Молчи, — прошипела она в ответ и продолжила наблюдать за изменениями.

Еще три колбы выбрали себе новый окрас, потом с минуту ничего не происходило и сияние у меня под рукой пошло на убыль. По всему выходило, что сеанс закончен, и пора оглашать результаты. Но спрашивать не хотелось, сама потом все скажет. Далее была писанина, в коей я прокололся как абсолютно безграмотная личность, которая не в состоянии написать даже собственное имя, на что девушка лишь презрительно скривилась и забрала у меня анкету, начав задавать с нее вопросы и вписывать ответы самолично.

— Имя.

— Влад.

— Род.

Я вопросительно уставился на нее.

— Знать, государственный ставленник, простой житель или еще кто? — раздосадовано буркнула девица.

— Житель, — ответил бесстрастно.

— Возраст.

— Тридцать.

— Тридцать чего? — я внутренне поморщился, ну что за хрень, у них тут и меры исчисления, походу, отличаются.

— Лет.

— Так молод? — она удивленно подняла глаза, но встретилась с моими и тут же продолжила опрос, — Родственники.

— Нет.

— Состояние.

— Нет.

— Значит льготник с последующей отработкой.

Я лишь усмехнулся про себя подобной формулировке. В общем, еще вопросов на тридцать пришлось ответить или подобрать наиболее вероятную версию, а потом меня наградили походом в кабинет по изучению дошкольного курса, так и сказала:

— Зайдешь отсюда во вторую дверь по правой стороне, и скажешь, что Кайси просила дать неучу общенаучные знания, в частности по грамматике, — и насмешливо улыбнулась.

Мне же не оставалось ничего другого, кроме как подняться и молча пойти выполнять поручение, как ни крути, а чтение мне тут явно пригодится. Каково же было мое удивление, когда вместо согласования посещения занятий, меня усадили на стул, всунули в рот мундштук, наказав зажать его зубами, а потом опустили на голову нечто вроде шлема, нашигованного со всех сторон мелкими сверкающими камушками. Потом отсчитали перед носом рукой от трех до одного, и меня шваркнуло током, причем так, что зажатая в зубах хреновина оказалась очень даже кстати, а то банально откусил бы себе язык. В глазах помутнело, стало подташнивать, повело в сторону и я завалился на правый подлокотник. Мозг же продолжало бить мелкими разрядами, абсолютно никак не отдаваясь в остальном теле, лишь подташнивать стало сильнее. В ответственный момент мне поставили на колени

таз, и меня вырвало, но муки не прекратились. В общем, истязание длилось еще минут пять, потом мне дали стакан воды и со смешком, мол, получил знания, иди теперь, используй, указали на дверь. Но перед уходом я, пересилив дурноту в желудке, развернулся и так посмотрел на присутствующих, что улыбки сами собой стерлись с их лиц. Все-таки люблю я свои глаза, да и морда почти каменная со временем стала, прямо маска какая-то.

Вернувшись к Кайси, получил в руки уже заверенную заковыристой печатью свою анкету и с немым удивлением стал читать по строкам. Буквы словно всплывали в памяти и когда попадались снова, уже не казались чем-то необычным и чуждым, я реально умел читать и писать, от чего не привыкший к подобному мозг медленно охреневал. Ну, ни хрена себе технологии, десять минут мучений вместо сколько там сидят у нас за партой? Просто земля и небо, собственная система обучения вдруг показалась недалекой и ущербной, стало даже немного обидно.

— Теперь с жильем, — обратила мое внимание на себя Кайси, — я так понимаю, жить будешь с Кайром?

— Да.

— Так и думала, — она усмехнулась, — вещи какие есть?

— Нет.

— Тогда свободен, это возьми с собой, ознакомишься, а анкету подпиши и верни.

Я взял протянутый девушкой стержень и расписался, небрежно выведя в единый символ три свои заглавные буквы. Она взглянула на получившееся и подняла на меня удивленный взгляд:

— Ты же сказал, что простой житель.

Я кивнул.

— А роспись говорит совсем о другом.

— Это проблема? — не понял я.

— Да нет, иди, в общем, — она озадаченно прикусила губу.

Но мне было плевать, что опять там не так учудил, со всей этой их бюрократией и неизвестными мне правилами и устоями. Теперь главное разобраться с предметами и найти библиотеку, предстоит хорошо потрудиться и рыть если не саму информацию о межмировых переходах, то хотя бы след на нее.

Дверь в нашу общую с Кайром комнату открывалась касанием руки и автоматическим приказом медальона, выданного мне Кайси перед самым уходом. Такие были у всех учеников и выполняли простейшие функции связи, доступа и тому подобного. Внутри никого не было, сосед был то ли на парах, то ли, как я понял, прогуливал по привычке, но мне это было лишь на руку. Повалившись на уже мою кровать, стал вчитываться в последнюю оставшуюся непрочитанной бумажку. Ага, свод правил, что можно, а что нельзя, существующие на данный момент течения и направления в Академии по интересам, то есть те самые группы, о которых упоминал Кайр. Выбрать одну из них мне предстояло в течение недели, начиная с сегодняшнего дня, и если опоздаю хоть на один день, получу соответствующие санкции. Далее шли обязанности в отношении учебного процесса и график на весь оставшийся год начиная с завтрашнего дня. А далее, отдельным листом шла моя личная специфика, на которой значился всего один единственный пункт — деформация. Это что же, выходит, я как и мой сосед оказался в числе тех редкостных, как я понял, неудачников, пригодных всего к обучению одному искусству? Поначалу стало даже обидно, но потом мозг дал себе оплеуху и я одумался, а какая мне, в принципе, на хрен, разница? Да

хоть вообще бездарь, жить я тут собираюсь, что ли? Деформация так деформация.

Из всего написанного выходило, что до вечера я полностью свободен и могу шататься, где душе угодно. Отбой тут был в одиннадцать, после чего появляться в коридорах было строжайше запрещено, разве что в туалет, и то в своем блоке. Так что недолго думая, бросил стопку листов к себе в тумбочку и решил убить время сном, как ни как, уже и не припомню, когда последний раз занимался этим. Но не удалось даже задремать, ворвавшийся в комнату, словно вихрь, Кайр, тут же с ходу рявкнул:

— Празднуем заселение, братан! — и вытащил из-за спины бутылку грязно-синей мути.

Я с сомнением посмотрел на явно алкогольное произведение искусства и поморщился.

— Зря кривишься, — заметил мою реакцию сосед, — лучшего здесь не достанешь.

— Я не пью.

— Ты серьезно, что ли? — он даже расстроился.

Пришлось кивнуть.

— И что с тобой не так? — Кайр покачал головой, — Ладно, на кого хоть приставили?

Я достал из ящика бумаги и протянул ему.

— Ого, — довольная ухмылка растянула его лицо, — да мы с тобой прям два самородка, оба редкие и необычайно дорогие.

— В смысле?

— В прямом. Одиночек, то есть узкоспециализированных искусников очень мало, а наши направления так вообще редки, к тому же еще и боевые. Понимаешь, что это значит? — он подмигнул.

— Неа, — помотал головой.

— А значит это то, что нас в конце оторвут с руками и ногами, думаешь, почему меня тут терпят? Хотят по найму побольше денег отхватить, — он снова улыбнулся, а потом даже расхохотался, — смотри, если взять обычного ученика с тремя-четырьмя направлениями, то его мощь в каждом из них будет раза в три, а то и больше уступать одиночке по своему потенциалу. Так что не куксись, деформация сама по себе тоже очень крута, станешь первоклассным мечником.

— Кем? — ошарашено переспросил я.

— Мечником, — с улыбкой повторил парень, — а, ты же ничего не знаешь, смотри, я в боевых специализациях профи. Деформация позволяет создавать разделяющий все и вся луч, ни один доспех не выдержит, даже магический, только другим таким клинком можно отразить. В умелых руках страшное оружие, правда, настолько редкое, что все искусники на госслужбе состоят, никого в вольных нет.

— Постой, это мне что, придется фехтованию еще учиться?

— Нет, какому фехтованию, это ж тебе не железкой махать, хотя и это тоже настоящее искусство. Тебе потяжелее придется, мозг свой учить необходимо будет, как создавать и управлять деформацией. Это ведь только называется клинком, а так бесформенное нечто, которое нужно собрать и придать потом форму. Так что готовься, я пока с собой разбирался, думал, повешусь, все вокруг взрывается, горит, лопается, — он усмехнулся, — в твоей ситуации даже не знаю, чего ожидать, но рядом находиться точно не буду, — и он опять рассмеялся.

— Весело, — констатировал я, — а что по остальным предметам?

— Да ничего, я, поначалу, ходил на все, а потом по желанию, ну смысл их посещать, если ничего не дается? У меня даже бытовуха не выходит, которую все щелкают, как орехи.

— Ясно, тогда хотя бы гляну вначале, кстати, расскажи о вашем совете, кто и чем тут заправляет?

— Да все просто, есть мы, ученики, и есть совет, состоящий из двенадцати учеников старших курсов. Кайси, ты ее сегодня видел, главный помощник, остальные десять просто помощники, и глава, великолепная АЙСА Руан, — ее имя Кайр выделил особенно.

— Запал? — поинтересовался я.

— Увидишь ее, сам поймешь. У нее одна из специализаций плоть, так вот пользуется ей очень умело, хороша не то слово. Единственная, кстати, к кому бы я не полез, у нее тоже есть боевое направление. Красива настолько же, насколько и сильна, — он мечтательно улыбнулся.

— Что за направление такое?

— Чего? А, вечно забываю, что ты не отсюда. Плоть позволяет контролировать свое тело, организм, настоящим мастерам не страшны никакие яды, заживает все в разы быстрее, да и само по себе название говорит уже о многом. Бабы вообще считают за удачу получить подобное, была грудь маленькая, стала большая, после родов все отвисло, а потом бац — и ты снова на коне и в центре внимания.

— Понятно, но не интересно, нам-то это точно не светит.

— Да, жаль, в боевом деле очень полезный навык.

— Кайр, а почему ты именно сюда пошел учиться, а не в какую-то военную академию?

— Ну, тоже скажешь, только здесь я смогу развить свой дар так, как нигде более. А в обычной академии максимум, чему бы научили, так это мастерски вертеть саблей, которая ничто против того, что уже могу.

— Ясно, — больше спросить его было не о чем, и повисла затянувшаяся пауза.

— Что старик-то, как принял? — наконец поинтересовался он, занимая свою кровать.

— Хитрый он и мутный какой-то, — протянул с сомнением.

— Ну, на то он и ректор, не зря уже шестой десяток занимает эту должность.

— Это же сколько ему лет, под сотню?

— Ты чего, какая сотня? Он в том году свое двухсотлетие отмечал.

Черт, прокол.

— А скажи-ка, Кайр, тебе сколько?

— Если лет, то сорок два года, а что?

Меня чуть не начало нервно колотить.

— Просто мне тридцать.

— Так ты еще моложе меня? — он приподнялся на локте.

— Выходит, так, — кивнул, — а в чем еще у вас измеряют возраст?

— Ну, так, есть же еще часы жизни, мне вот на данный момент около пятидесяти.

— Это как?

— Ну, можно считать по временам года, а можно по состоянию организма. То есть иногда бывает так, что вот как мне, к примеру, сорок два, а тело по своему развитию, учитывая все болезни, травмы и прочее, по сути, соотносится с пятью десятками. В некоторых государствах только так и считают.

— И как это определяют?

— Да просто, — он достал из-за пазухи медальон и, сжав его в руке, быстро произнес какую-то белиберду, — вот, сорок девять часов, а год назад было пятьдесят два.

Потом он помог заучить мне сказанную им ранее несурязицу, и я, аналогично достав

свой медальон, повторил процедуру — в голове тут же прозвучал низкий, приятный женский голос — пять часов жизни. Чего? Я снова повторил процесс, и опять, то же самое. Видя проступающее у меня на лице недоумение, Кайр поинтересовался:

— Чего?

— Эти штуки ломаются? — потряс медальоном.

— Да нет, простейшая комбинация.

— Тогда получается бред.

— Что именно?

— Мне пять часов, — бросил на него взгляд.

— Да ну, не врешь?

Я покачал головой.

— Вот это номер! Это ж сколько тебе еще жить, может и мне тогда не пить? — он задумчиво смерил стоящую возле его тумбочки бутылку.

— А так же не курить, не есть мяса и прочей вредной пищи, — я с сомнением оглядел его фигуру, слишком крепкую и сбитуго для подобного.

— Согласен, не потяну, придется ради удовольствий положить на алтарь жизни несколько десятков часов, — он улыбнулся.

В общем, провалялись мы так, болтая о том, о сем почти до самого вечера, а потом решили сделать набег в столовую. Жутко хотелось яблок или чего-то подобного, только сочного, не пошли мне их салаты впрок, придется учесть это на будущее. Почти все столы пустовали, лишь кое-где сидели, уткнувшись к себе в подносы ученики, почему-то не находящиеся на парах. Видать, тоже прогуливали. Мы набрали себе блюд по вкусу и заняли один из пустующих столиков. Кайр перед трапезой пробормотал про себя какую-то молитву и, не глядя на меня, принялся поглощать содержимое своих тарелок, я же с аппетитом захрустел фруктами. Вдруг напарник замер и прошептал:

— Помнишь, ты тут на днях отправил троих лечиться, готовься, идут.

Но я и так уже об этом знал, Белый теперь всегда был рядом. Со стороны же входа к нам неторопливо шла тройца девушек, по которым и не скажешь, что недавно попали к врачу. Они медленно приближались по левой стороне и не сводили с нас взглядов, а когда поравнялись, та, которую отправил в полет через весь зал, облокотилась о стол и тихо произнесла:

— Соблюдай правила, новенький, и только дай мне повод взяться за тебя, уж ты у меня попляшешь.

И на этой веселой ноте тройца оставила нас в покое, мы же с Кайром лишь переглянулись и тот потом тихо буркнул:

— Теперь береги свой зад, эта просто так не отстанет, не дай бог проколешься.

Я промолчал.

Спать легли рано, заняться было особо нечем, пить я отказался, а самому шляться Кайру не хотелось. Так что погасив свет, забылись праведным сном. Наутро же впервые почувствовал, что такое "дежавю", направляясь за соседом, вызвавшимся посетить со мной по очереди все мои предметы, на свое первое занятие. Как ни странно, началась лекция по истории становления и развития искусств, и я прямо-таки с головой ушел в казавшееся фантастической сказкой чужое прошлое. Преподаватель, чьего имени запомнить так и не удалось, рассказывал довольно интересно и с примерами, красочно описывая те или иные прорывы, достижения, упоминал авторов известных здесь открытий, заставляя погружаться в

свою речь все глубже и глубже. В общем, занятие пролетело на едином дыхании, более того, оно натолкнуло меня на возможно столь важное для меня открытие, что на перерыве, с трудом опомнившись, я чуть ли не за грудки схватил Кайра и оттащил его в сторону.

— Нужно в библиотеку.

— Сейчас? — он удивленно посмотрел на меня, но потом кивнул и двинулся в сторону.

— Что угодно? — старушка за столом подозрительно осматривала нашу парочку.

— История развития распознавания комбинаций, — произнес я по памяти.

— Седьмой ряд, четвертый стенд, пятая полка, зеленые корешки со второго по седьмой, — без запинки отбарабанила та.

— Спасибо, — слегка поклонившись, как того требовал здешний этикет, я ринулся на поиски, но Кайр добрался до нужных мне книг раньше.

— Здесь, — поманил он рукой, и уже через минуту я листал пожелтевшие страницы.

Это точно было оно, то, о чем упоминалось на занятии. В более ранние времена, когда здесь всюду гремели войны и развитие магии шло буквально семимильными шагами, очень сильна была необходимость в магическом противодействии. Соответственно, развивались навыки по определению типов искусств. И если сейчас все сводилось к банальным комбинациям, тут же разлаживающим по полочкам все составляющие, то раньше, пока до этого не дошли, приходилось все выявлять самолично, разбираясь в цветовых схемах и формах наложенных заклятий. И не просто так, а со специальным оборудованием, так как человеческий глаз не приспособлен выявлять и вообще как-либо замечать магический фон и формулы. То есть тогда умельцы одевали вот такие шлемы, на один из которых я сейчас и смотрел, и, сверяясь с записями, или по памяти соотносили цветовую гамму и форму оставленной магии с уже известными эталонами. К примеру, синий цвет олицетворял защитные заклинания, мне тут же вспомнился купол в лесу, а оттенки белого — удержание, паралич и все такое подобное, что я и наблюдал тогда в пещере. В общем, кошмары видели все это прекрасно и не нужны мне никакие шлемы, только и оставалось, что разобраться во всем этом самому.

Схватив первую книгу, пошел ее оформлять на себя, с намерением постепенно изучить их все. Старушка покивала, почему-то явно удовлетворенная моим выбором, неужели и сама когда-то пользовалась подобной техникой, и выдала разрешение. Кайр же недоумевал:

— Зачем тебе это старье?

— Интересно, — ответил односложно и больше он ничего из меня вытянуть не смог.

Остальные предметы не вызвали никакого интереса и я занимался лишь тем, что штудировал полученную книгу. К вечеру она была прочитана полностью, а на следующий день пошло само изучение. Цвета, формы, оттенки, места нанесения, соседствования, наложение и еще много чего другого — все было важным и нужным, упустить какую-то мелочь означало неверно истолковать суть заклинания и так толком и не понять, чем оно грозит. А так, как ничего более полезного пока узнать или понять не получилось, я целиком погрузился в изучение "магической радуги", как в обобщении назывался весь известный перечень магоформ. Кайр на все это смотрел довольно скептически, но больше ничем своего отношения не выказывал. Да мне, в принципе, плевать было, кто там что думает. Меня сторонились, шептались за спиной, сам никто первым не заговаривал, и это было только на руку. Даже дорогу уступали, отходя в сторону и не желая связываться. Я был личностью на языках, но с опущенными глазами при встрече. Но так и не мог понять, боялись они все или нет. Уже потом удалось узнать, что та пострадавшая тройка отделалась отнюдь не ушибами

и ссадинами, и лекарю пришлось постараться, что бы привести их в прежний вид. Более того, девушки были с одного из последних курсов и никакой первокурсник не то что бы одолеть, даже дотронуться бы до них не посмел. А тут такое, в общем, моя персона постепенно обрастала историями и небылицами.

Да еще и одежда. Поначалу совет пытался впарить мне школьную форму, но она на мне тут же расходилась по швам, осторожно прорываемая фамильяром, и, наконец, они плюнули, оставив меня в покое. Так что я был единственным среди учащихся, кто носил черное, скрывающее меня почти полностью. С другой стороны, плевать на все это было с высокой колокольни, зубрил нужные книги, тренировался с деформацией, оставляя все остальное плыть по течению. Как и сказал Кайр, преподаватели очень скоро закрыли на это глаза, и проблем никаких не было.

Про само выбранное направление стоит сказать отдельно — очень тяжело и муторно, мозги после первых же уроков начинали в буквальном смысле плавиться, и приходилось переться к лекарю, снимать головную боль. Но прогресс был налицо, уже через неделю занятий мог фокусировать вызываемое поле в некое подобие подрагивающего, норовящего распасться, но, все же, клинка. Так что пот и кровь были оправданы и лишь подстегивали заниматься еще упорнее. Что я и делал, начав прогуливать остальные предметы и почти весь день проводя в зале для тренировок. Сначала под присмотром учителя, а когда уже достаточно овладел сутью и мог следовать правилам безопасности, то и сам. Тогда же и удалось повлиять на Кайра, когда у нас состоялся очередной разговор на тему нашего времяпрепровождения.

— Ну, ты и ботан, — вставил он однажды, припомнив сказанное мной словечко, — нет, что бы составить мне компанию, прошлись бы, подышали свежим воздухом.

— А смысл? — спросил, не отвлекаясь от чтения.

— Влад, ты меня удивляешь, действительно, о каком смысле может идти речь, если ты возвращаешься только под вечер и весь зеленый от своих потуг, — он покрутил пальцем у виска.

— Ты действительно так думаешь? — уставился на него, — вспомни, что у меня было, когда только это началось, и что было у тебя? Прошло две недели, чем ты можешь похвастаться, чем удивить таким, чего не мог раньше?

Он замер, внимательно слушая, я же продолжал:

— Через полтора месяца мне была обещана первая ступень, а когда ты достиг своей? Или еще не достиг? И это с твоим-то потенциалом? Не стыдно? Не обидно? Не жаль? И вместо этого твоего огонька, которым ты балуешься каждый вечер, уже мог бы создавать что-то в разы мощнее. Улавливаешь? — наши глаза встретились, — ты губишь себя и обкрадываешь.

Когда я замолчал, он сел, потом лег и до утра со мной не разговаривал, а под вечер буквально приполз, уставший и выжатый, словно лимон, но довольный.

— Будет толк, — бросил он мне впервые за сутки, — ты был прав.

И с того дня в Академии на одного маньяка стало больше. Пока все разрывались между десятью предметами, мы усердно долбили один, вгрызаясь в него так глубоко и с такой скоростью, что преподаватели только головами качали. Вскоре это стало даже сродни соревнованию, кто будет к концу дня более убитый и измученный. Иногда лица западали так, что учителя просто заворачивали назад и заставляли брать отгул и отсыпаться. А потом все продолжалось заново, без поблажек и уступок, до пота, крови и полного изнеможения.

Учеба была адская, но от этого не менее интересная. Меня даже отчасти перестали посещать тревожащие душу мысли, но забыть о них я не забыл. Просто отложил до поры, сосредоточившись на боле весомом. Но нет-нет, да и вспыхивало внутри злое пламя, перед глазами вставали лица родных, город, знакомы, Танька, и разум тут же дорисовывал всевозможный ужас, уничтожающий все, что было мне дорого. И тогда приходилось увеличивать нагрузки, буквально уничтожая любые мысли и заставляя стонать от перенапряжения, только тогда становилось легче, только это и спасало. А в библиотеке так и не было ни намека на то, что интересовало, ни единой крупицы информации, ничего. Оставался только ректорат, но к ним пока подхода у меня не было. Зато была деформация и "магическая радуга", коим и отдавался со всей возможной настойчивостью.

Два месяца пролетели неожиданно быстро, и настала пора сдавать профильные экзамены. Народ пыхтел, старался, всюду можно было увидеть учеников с книжками, кипами бумаг и схем, для нас же не изменилось абсолютно ничего. Мы продолжали тренироваться так же, как и до этого, все необходимое нам уже было проставлено автоматом, так как нужный уровень был пройден еще месяц назад, качественно и наглядно закрепленный. Я формировал клинок, если можно так назвать невидимый глазу пучок энергии, в два метра длиной и удерживал его на протяжении получаса, всячески перемещая в пространстве, что лишь усиливало напряжение и осложняло контроль. На практике же подобное оружие, не ощущая преград, и ни на мгновение не останавливаясь, проходило сквозь дерево, камень и сталь, разделся их пока еще рваным разрезом. В идеале же форма и размер луча варьировались по необходимости, и все зависело лишь от самого использующего данное оружие. Так что лично мы не почувствовали никаких перемен, зато стали ощущать изменение отношения непосредственно к нам самим.

И если Кайр, как ни крути, все же был одним из своих, хоть и слыл отщепенцем, то мое положение было особым. Чужак, от меня неизвестно чего можно было ожидать, появился непонятно откуда, ни семьи, ни родословной, ничего. Весь в черном, постоянно один или в паре с этим головорезом Кайром, ни с кем больше не общается, потенциально опасен. Примерно так думал обо мне каждый ученик Академии, и оттого сторонился. Когда я появлялся в столовой, разговоры, что поближе — стихали сами собой, в коридорах вокруг постоянно образовывалась пустота. Кайр еще шутил, что я, типа, чумной, и из-за этого все меня сторонятся, хотя и сам частично подпал под этот рикошет. И если раньше у него были какие-то свои терки со старшекурсниками, то теперь с ним связываться не хотел больше никто. А в моем присутствии и подавно.

Более того, однажды даже услышал, как за глаза стали называть демоном, тогда это так рассмешило, что расхохотался во весь голос, обернувшись на этот бред назад. Вокруг тут же все замерло, а породившие эту ересь две милovidные девчушки испуганно зажали рты. Но более всего их занимали мои глаза, чертовы два ока стали со временем еще более выразительны, так что хватало буквально пары секунд, и собеседник нервно отводил взгляд, явно стараясь провалиться сквозь землю. Хотя какие теперь собеседники? К тому же, вспомнив свой тогдашний разговор с Кайси, встретил ее однажды вне пар и напомнил, спросив, что она тогда мне не досказала.

Девушка была с подругами, и мое появление явно выбило их из колеи, а некоторые из них меня откровенно побаивались.

— Восемнадцатый тип искусств — внушение, — сказала и попыталась обойти меня, тем самым закончив разговор. Но я придержал ее за руку, так что выложила она мне тогда

все, что знала:

— Внушение возможно только при прямом и длительном контакте глаз, внушающий должен доминировать, подавляя чужую волю и навязывая свою. С тобой же это вряд ли пройдет, — и вдруг покраснела. Меня это насторожило, и уже только потом узнал у Кайра, что внушение как раз является одним из ее направлений. А потом он вообще словно обухом меня по голове огрел, говорит, у меня, оказывается, есть даже тайные почитатели, кумиром ты стал, и ржет, впрочем, как и он сам. Я же ему тогда не особо поверил, и зря.

Стало холодать, погода испортилась, а затем пришли и заморозки. Академия постепенно готовилась к зимнему периоду, всячески утепляясь и запасаясь провизией. Оказывается, поставки в этот сезон существенно сокращались, и приходилось учитывать этот момент, хотя почему не делались заготовки еще с лета — не понимал. В каждой комнате появился персональный миниатюрный обогреватель в виде обычного светильника, вешающегося под потолок и за пару часов обогревающего любой минимум жилья. Лично мне он был на фиг не нужен, а Кайр уже настолько пропитался пламенем, что не мерз, в принципе, вообще.

Плюс ко всему через месяц начнутся курсовые экзамены, и мы из первокурсников перейдем на второй этап обучения. Это и радовало и печалило одновременно. Сколько я уже здесь торчу, а так ни на йоту и не приблизился к разгадке желаемого. Ректорат просто магическим образом избегал моего общения, то постоянно заняты, то в разъездах, то еще чего. Однажды уже хотел плюнуть и просто вытрясти все, что нужно, да Кайр не дал:

— Остынь, парень, не рушь идиллию, всему свое время, ты глянь, сколько достиг, а я? Я ведь по гроб жизни тот день вспоминать буду, а ты хочешь все спустить в сток?

Одумался я тогда, в общем, и не стал перегибать палку. А через пару дней стало уже не до этого. Начался новый набор, Академию буквально запрудили новички с родителями, каретами, слугами и прочей ерундой. Для нас же это ознаменовалось тем, что учителя, нагруженные теперь еще больше, решили часть своих обязанностей переложить и на нас. Как тогда нам было сказано, кроме преподавателей возглавить группы по направлениям пламени и деформации больше некому, и, невзирая на наши кислые лица, разговор был закончен. Более того, по уставу Академии, лица, принимающие непосредственное участие в учебном процессе, обязаны быть вхожи в совет, но мы вдвоем уперлись буквально рогом и категорически отказались, так что от нас отстали.

— Чуть не запрягли, — бурчал Кайр, — вообще ни стыда, ни совести, кучу бездарей на шею повесили, так еще и это хотели.

— А сам-то кем был? Прогульщик хренов, — мы переглянулись, кисло ухмыльнувшись, игнорируя замерших перед нами первокурсников. Слева стояли его чада, справа — мои. Нам предстояло ввести их в курс дела и помочь сделать первые шаги по выбранным направлениям. Вся теория у них уже была проработана, и теперь требовалась практика, основы которой мы вполне смогли донести до них и сами, без помощи учителей. Как-никак, все-таки узкая специализация имеет свои плюсы, выводя уровень знания при должных стараниях на намного более высокий уровень, чем у остальных.

И мне повезло больше, в моей группе было всего четверо против его одиннадцати, и все девушки. Это, кстати, до сих пор меня еще путало, вроде бы и первый курс, но им-то всем от тридцати до сорока, уже полностью, в моем понимании, взрослые мужчины и женщины, по крайней мере, выглядят так, а вот ведут себя как двадцатилетки. В общем, пока мы тихо переругивались, ожидая, когда рассосутся все новоприбывшие и, надеясь, что к нам больше никто не подойдет, нашу компанию заметил совет Академии в полном составе. И да, Айса Руан была также с ними. Кайр тут же по молодецки вытянулся, расправив плечи, я же лишь равнодушно мазнул по приближающимся взглядом, и стал высматривать снующих туда сюда

НОВИЧКОВ.

— Надо же, какая встреча, знаменитая пара одиночек, — Айса приветливо улыбнулась.

— Не ведись, — ни капли не стесняясь их присутствия, бросил я напарнику.

Тот лишь поморщился и улыбнулся главе совета, мол, не слушай его, он всегда такой. Мне же было его просто жаль, статный, высокий, уверенный в себе парень просто таял в присутствии этой чертовки. А уж то, что она было чудо как хороша, и устоять против нее вряд ли кто-нибудь мог, только оправдывало его, но, к сожалению, мозгов не прибавляло. Я же был сосредоточен совсем на другом, уже которую неделю готовясь добратся-таки до тушки ректора и поговорить с ним по душам.

— Влад, с чего такое отношение? — Кайси покосилась в мою сторону, но встречаться взглядами не решилась.

— У вас к нам дело? Или дружеское чаепитие намечается? — в привычной манере отшива проронил в ответ. Обычно после такого тона, подкрепленного взглядом, народ ретировался в считанные мгновения.

— Как грубо, — скривилась Айса, — но мы хотели узнать, почему отказались от членства в совете?

— Не интересно, — ответили почти одновременно, с той лишь разницей, что я бесстрастно, а мой напарник улыбаясь.

— Даже так? — видно, она ожидала несколько иного развития разговора, но, видя, что ничего не клеится, пожала плечами, — Ладно, оставляем вас с вашими заботами, всего доброго, Влад, — и то, как она это сказала, не понравилось ни мне, ни Кайру.

— Эй, напарник, ты мне ничего не хочешь рассказать? — тут же зашипел он в ухо.

— Сам в догадках теряюсь, — медленно произнес я, косясь ей в след.

А потом стало не до этого, ко мне добавилось еще двое парней, а к нему три девушки и четыре парня. Все, кажись, комплект. Окинув взглядом опустевший двор, развернулись и повели своих ребят на первые занятия по профилю. Кайровы свернули в сторону поворотом ранее, нам же предстояло пройти почти столько же, и все время, пока двигались, вокруг соблюдалась полнейшая тишина. Народ шел позади на почтительно расстоянии и не издавал ни звука, постоянно пялясь мне в спину. Они даже под ноги не смотрели, черти. Наконец, мы пришли, и я велел им занять свободные места. Сам тренировочный зал состоял из размещенных по кругу на достаточном отдалении друг от друга каменных плит, являвшихся одновременно и партами, и стульями, и артефактами защиты. В общем, всем тем, что было необходимо в нашем случае.

Я встал в центр и начал рассказывать о деформации, связанных с ней нюансах и возможностях ее использования. Меня слушали молча, не сводя глаз и почти не дыша. А девушки нет-нет, да и пытались поймать взгляд, но тут же сконфуженно опускали лица. Потом пришел черед тренировок, и битых два часа упорствовали до возникновения головных болей почти у половины ребят. Для меня это было хорошим признаком, значит, поработали на славу. А когда все ушли, вздохнул с облегчением, настала пора заняться и собой. Деформационный поток возник на кончиках пальцев и удлинился сначала на шесть, потом на восемь и двенадцать метров, пока что для меня это был предел. Учителя же знали лишь про два с половиной, в то время как рабочим, боевым, считался и вовсе клинок в полтора метра. Рука пошла вверх, ускоряясь и придавливая мозги многотонной плитой, но это были лишь цветочки, потом шаг в сторону и поворот, давление усилилось, опять шаг, опять поворот, и так до бесконечности, до полного изнеможения, тумана в глазах и хлыщущего из

носа потока крови. Подобное случалось уже не раз, полностью доказав свою эффективность — чем больше себя нагружал, тем сильнее становился, и тем ошутимее был результат. Далее клинок сократился и движения стали более быстрыми и плавными, выпады получили продолжения и превратились в восьмерки, косые взмахи и кольца, ограждающие меня от всего вокруг. Затем снова максимальная длина и замедление движений, упрощение и полная сосредоточенность. Именно в таком состоянии меня и нашла АЙСА.

— Не хочешь сделать перерыв? — она присела на одну из стоявших под стенами скамеек.

Я продолжил двигаться, вращая над собой лезвие, невидимое ни для кого, кроме меня. Белый видел это как яркий, отчасти слепящий, плывущий разводами, словно после брошенного камня, сгусток непонятно чего, начинающийся буквально в сантиметре от кончиков пальцев и находящийся постоянно в движении. Он был абсолютно послушен моей воле и настолько же красив, насколько смертоносен. Иногда было даже жаль, что никто не может оценить всю его красоту и непорочность, он не мог испачкаться или затупиться, не имел дефектов и не мог сломаться, оно просто было, изменчивый и прекрасный. Но становился таким он не сразу, а только после сжатия, и чем сильнее приходилось на него давление, тем ярче он сверкал, тем быстрее струились разводы, тем сложнее от него было отвести взгляд. И если бы меня спросили о красоте искусств, я бы, не задумываясь, в первый ряд поставил именно деформацию. Очередной выпад ушел в замах и я, чисто интуитивно, бросил руку назад, четко отмеряя Белым движения всепроникающего сгустка. Росчерк прошел по стене и остановился в миллиметрах от свободно свисающих белоснежных локонов.

— Настолько эмоционально? — уголки рта девушки дернулись, выдавая легкий испуг.

— Тебе нечего бояться, мы не противники, — я распустил клинок и уселся рядом, тяжело дыша и наверняка не очень хорошо пахнув, вспотел сильно, как ни как.

— А иногда кажется, что готов меня убить, — проронила девушка.

— Тут не может казаться, чем обязан?

— Просто зашла проведать, — и усмехнулась, — странно звучит, да?

— Странно, — кивнул.

— Но ты еще более странный, — скосила глаза девушка.

— Чем же, тем, что не хочу быть как все? Здесь это порицается?

— Нет, почему же. Ты просто слишком другой, выделяешься, одним это нравится, другим нет.

— А третьим безразлично, как и мне, — вставил пять копеек, следя за восстанавливающимся дыханием. Нет, на сегодня хватит, пожалуй, продолжу тренировку завтра.

— А что о нас думаешь?

— О ком? — удивленно взглянул на нее, к чему такой вопрос.

— Ну, Академия, совет, я, — последнее произнесла почти шепотом.

— Академия как академия, до совета мне дела нет, а ты принцесса, сидишь выше всех и крутишь всеми как хочешь, но только не в моем случае, — рубанул, что думал, и девушка от неожиданности вздрогнула, услышав столь нелестный отзыв.

— Ты серьезно обо мне так думаешь? Но это не правда, — получилось несколько жалко и еле слышно.

— Я тебя не знаю и не мне тебя судить, говорю лишь, что вижу со стороны.

— Ты ошибаешься, — она слегка поникла, — и ты не мог не смотреть на меня так, сам знаешь, как оно, — и закрылась волосами.

— Как скажешь, — я хмыкнул.

— Кстати, из-за тебя на днях была драка и две дурехи попали в лекарскую, знал об этом?

— Нет, и почему из-за меня-то? — что за бред.

— У тебя уже свои фанатки есть, не знал? — Айса усмехнулась, — обожают издалека и все такое, а распускающим про тебя гадости и слухи рвут патлы.

— Мне без разницы, у самой-то есть фанаты?

— Есть, — потупилась девушка.

— Дерутся?

— Нет, — покачала головой.

— Значит, как справиться в данной ситуации ты уже знаешь и я тебе не нужен, — с этими словами, поднявшись, направился на выход. Сейчас приму душ и пойду искать ректора или кого другого из ректората, но максимум до конца недели визнаю или вытрясу все, что нужно. Хватит, и так уже застрял здесь чуть ли не на полгода.

— Постой, — за руку сзади схватили.

— Что?

— Ты не прав, мы не такие, мы лучше, помни об этом, — и, скользнув к двери, скрылась из виду. Я же пару минут оторопело стоял и пялился на пустой проход, и к чему это все было?

Добравшись до душа и убедившись, что рядом никого нет, схлопнул фамильяра и стал под водяные струи. Потом намылится, покрываясь белесой пеной, смыл с себя наработанный за день пот и намылится снова. Эх, благодать, хорошо быть чистым. Настроение тут же улучшилось. Потом зашел в столовую, прихватил пару яблок и направился в комнату, Кайр был уже там.

— Айса сегодня странная какая-то, запала, может, — протянул ему фрукт.

— Тогда я тебя убью, — он вгрызся в яблоко и прошамкал, — с чего взял-то?

— Знаешь, как оно, когда девушки мнутя и не могут ничего сказать. Или же я болван и передо мной просто ломают комедию.

— Гм, Айса, ломает комедию, ни за что не поверю, — он задумчиво уставился в потолок.

— Вот и я думаю.

— Вот ведь везучий сукин сын, сама шикарная самка Академии, и ту себе забрал.

— Не мели ерунды, во-первых, лишь догадки, а во-вторых, сам знаешь, что мне нужно.

— Постой, — он с удивлением на меня воззрился, — на тебя запала сама Айса, а ты еще и раздумываешь? — он покачал головой, — ты действительно идиот.

Пришлось хмыкнуть:

— Кайр, тебе напомнить, кто я и что ищущ?

Он замер и ухмыльнулся.

— Точно, всегда забываю об этом.

— Вот-вот.

— А если ничего нет, если не судьба, то что, так и продолжишь маяться? — скосил на меня взгляд.

— Не знаю, до конца недели найду ректора и вытрясу все, что мне нужно, давно уже

пора.

— Только не глупи, очень тебя прошу, — Кайр даже привстал, — ты единственный, с кем мне комфортно делить комнату.

— Самое главное — комната, — я ухмыльнулся, — ладно, пошел его искать.

— Не глупи, — раздалось вслед.

Но никого из ректората найти сегодня не удалось, Белый облазил все здание и оббегал окрестности, но те словно попрятались куда-то. В общем, опять не судьба. Что ж, тогда зайдем в совет, может, хоть там подскажут, где все. Поднявшись на нужный этаж, уже собиравшись толкнуть от себя дверь, как она сама распахнулась и в меня буквально влетела Кайси. Я рефлекторно подхватил ее, и девушка прижалась ко мне, а когда поняла, кто ее держит, ойкнула и резко сдала назад, начав заваливаться на спину. Тут уж пришлось подхватить ее еще крепче и буквально на руках занести в помещение, осторожно сгрузив на диван. И только тогда понял, насколько гробовая тишина стоит вокруг. В комнате собрался весь совет и все таращились то на меня, то на Кайси.

— Зашел узнать, где можно найти милорда ректора или кого еще из ректората.

— Как говорится, о ком заговоришь, тот сам и прибежит, — донеслось вдруг сбоку. Говорила сидевшая в кресле у самой стены женщина, я бы сказал, лет тридцати, но здешние мерки уже давно перевернули для меня все с ног на голову, и ей вполне могло быть и за пятьдесят.

— До нас дошли слухи, — проронила она, — что появился некто абсолютно без прошлого, незнающий элементарных вещей и совсем безграмотный, и он совсем не похож на наших людей, — говорившая отставила в сторону чашку и спросила, — так кто же вы такой, сударь?

Ну, и кто ты такая, барышня? С чего вдруг такие вопросы? Решили поднять старое, а ведь я думал, что вас все устраивает, как ни как, столько времени прошло.

— Зависит от того, кто спрашивает, — проронил и распустил плети, закрывая броней фамильяра и голову, проявить его всяко быстрее, чем уйти в тень. Да и не хотелось этого, безразличие все еще пугало с прежней силой, грозя утерей человечности, хоть и временно, но кто его знает, как будет в этот раз.

— Спрашиваю еще раз, чужеземец, и советую ответить прямо, — глаза говорившей вдруг стали наливаясь светом, — кто ты и что здесь ищешь? Милорд ректор, может, и не придавал этому особого значения, я же не хочу иметь под боком неизвестно кого.

— Поздновато спрашивать подобное, не находите? И, раз уж упомянули, то где мне его найти?

— Не в Академии, ученик, но я задала вопрос, — и Белый увидел, как перед ней стала вычерчиваться незнакомая мне ярко бирюзовая схема, неужели решила атаковать? И сознание тут же отреагировало, напомнив, кто я и что здесь делаю. Что вокруг потенциальные враги, а я чужак, припавший к их источнику знаний. Спящая внутри боль проснулась и всколыхнула дремлющую злобу, а отчасти поблекшая и периодически преследующая меня картина стены пламенны, пожирающего сам воздух и одиноко стоящую фигурку приобрела цвета и вспыхнула ярче прежнего, освещая похороненное в памяти прошлое.

— Думаешь, успеешь? — бросил, не глядя и, оббив плетью ножку стула, резко дернул на себя. Женщина упала на пятую точку и тут же выбросила в мою сторону руку, так и не угасшая схема тут же оформилась, видно, до конца и, налившись цветом, метнулась ко мне.

Доля секунды, всего лишь доля и я бы не успел, скорость была умопомрачительной, но тени все же успели принять меня раньше. Потом рывок в бок и обвитая по рукам и ногам женщина воспарила над полом, судорожно хватая ртом воздух — кольца плетей понемногу сжимались. Не рискуя, проявился за ней, отгородившись от совета словно щитом:

— Есть что сказать?

— Влад, ты что, прекрати! — воскликнула Айса, и совет вторил ей следом.

— Раньше она бы уже была мертва, — бросил на них мрачный взгляд, — но я хочу услышать, что она собиралась со мной сделать и, главное, почему? — и сдал кольца еще сильнее, женщина вскрикнула, ощущения однозначно не доставляли ей удовольствия, лицо покраснело, дышать стало еще труднее.

— Через минуту ты умрешь, — напомнил ей.

— Ты... тебя надо проверить... откуда... и кто, — она уже явно сдавала, начав сипеть, и совет не выдержал, начав действовать. Под ногами тут же образовался кругляш схемы, почти мгновенно заполнившийся знаками и вспыхнувший красноватым свечением, со всех стороны образовалось некое поле, искажающее видимость и наверняка как-то по не доброму влияющее на попадающих в него живых существ. По бокам в воздухе зловеще горели символы, искра и сыпля во все стороны истлевающими дымными росчерками, в общем, ребята взялись за меня по-настоящему. Пространство буквально цвело и пахло от пронизывающих ее магоформ, с тем лишь прискорбным "но", что все это я наблюдал уже из тени, ощущая, как внутри начинает нарастать безразличие. Зла я им, как такового, не желал, а потому действовать пришлось быстро, пока их жизни для меня вконец не обесценились.

Отбросив почти придушенную бабу к дивану, стал в темпе раздавать увесистые тумачи, вихрем пройдясь между членами совета и заставляя их разлетаться в стороны, как кегли. С кем-то перестарался, и брызнула кровь, тела касались пола и, по большому счету, больше не поднимались, явно оглушенные. Нормалек, зато живые. Весь разгром занял считанные секунды, максимум, что они получили, это по паре переломов и расквашенные лица, как никак, врезаться мордой в пол или стоящую везде мебель не сахар. Но дышали все, сердца, по крайней мере, бились у каждого. С одной Айсой лишь сминдальничал, попросту оттолкнув ее к дивану и затянув на горле кольцом щупальце:

— Не хорошо как-то вышло, не находишь? — произнес, проявляясь и усаживаясь рядом, а сам выстраивал дальнейшую картину поведения, — ты как, дергаться не будешь?

— Зря ты так, — девушка попыталась покачать головой, но удавка сжалась и она скривилась, — это лишнее.

— Хорошо, — убрал щупальце, — мне тоже не нужна лишняя кровь.

— А это тогда что, — кивнула на тела.

— Они живы, этого хватит, теперь о главном: кто и зачем?

Глава совета потеряла рукой горло:

— Весь ректорат сейчас отбивает нападение на Академию, ее же прислали замещать и решать спорные вопросы.

— Такие, как я?

— Для милорда ректора ты не был вопросом, раз тебе позволили обучаться.

Лежащая рядом на диване женщина понемногу приходила в себя, она явно смогла оценить ситуацию и больше не предпринимала никаких агрессивных действий. Только тяжело дышала и постоянно ощупывала себя, проверяя, все ли на месте. Это меня насмешило, ее трепыхания показались довольно забавными, и я, не сдержавшись, бросил,

предварительно осмотрев ее:

— Кости целы, но если есть желание, могу это исправить.

— Прекрати, — опять попросила АЙСА.

— Мы пока по разные стороны баррикад, — напомнил я ей.

— Ты ошибаешься, это не так, просто все пошло неправильно, — девушка подняла на меня глаза. Неправильно, говоришь? Ну-ну, скажи еще что не хотели меня трогать, и если бы я был покладистым и пушистым, то не получил бы по загривку, так? Она, как и все, не выдержала и потупилась. Нет уж, пора брать быка за рога и прекращать ждать, хватит, да и момент как раз соответствует, сами начали. Осталось только дожать:

— Теперь это уже не важно, миром не получилось, — и, подождав, продолжил, — мне нужна помощь, если ее предоставят, никто не пострадает, и я уйду.

— И что же ты хочешь? — сипло проговорила женщина, она уже окончательно пришла в себя и смотрела на меня теперь с явной опаской.

— Домой, а от вас — как туда попасть.

— Ты бредишь, — покачала она головой, — других миров не существует, это все знают.

— Глупая женщина, — я оскалился, — если ты чего-то не знаешь, то этого нет? Да ты о мире и тысячной доли не знаешь. В общем, так, не поможете вы, поможет ваш ректорат, даже если придется из них вытрясти это вместе с жизнями.

— Они не помогут, — покачала головой АЙСА, — я же говорила, ректорат всем составом сейчас на передовой.

— Отлично, — кивнул, — собирайся, покажешь, где это.

Она подняла голову, ошарашено на меня уставившись:

— Там сейчас бойня, можем попасть под удар, и добираться около дня по лесу, заблудимся.

— Вот и займись тем, чтобы не заблудились и остальным тоже, выходим через десять минут. И не пытайся меня обмануть, я пока все еще не хочу крови, как ни как, полгода под одной крышей, время пошло.

Девушка на удивление быстро подхватила и выбежала в коридор, я же устроился поудобнее и стал пристально следить за окружающим. Время мира окончено, я теперь на военном положении, стоило быть готовым ко всему.

— Она еще ребенок, — произнесла вдруг женщина, — я с тобой пойду.

— Не пойдешь, не нравитесь вы мне, леди, — покачал головой.

— Что с ней потом будет?

— А что с ней будет? — уставился на нее, — я не вы, исподтишка бью только врагов, не будете глупить, останетесь живы.

Немного помолчали, потом она снова не выдержала:

— Так это правда?

— Что именно?

— Насчет других миров.

— Нет, конечно, шучу я так.

Она удивленно на меня уставилась, о, господи, у нее совсем нет чувства юмора.

— Утомили вы меня, дамочка, ни ума, ни чувства юмора, сидите молча.

Женщина нахмурилась и замолкла, возродив тишину и дав продумать все до конца. Находим ректорат, даем по шее всем, кто будет мешать, своим, чужим, без разницы, пусть ждут своей очереди. Получаем нужные мне сведения и проваливаем. Красиво? Красиво. А пс

факту все это умоются кровью не раз, прежде чем это станет действительностью. Что ж, тогда так тому и быть. Если пан ректор с коллегами подохнут, черта с два мне что удастся узнать, как ни как, за проведенное тут время удалось понять, кто светоч знаний в этом мире.

Через некоторое время в комнату вернулась Айса, буквально преобразившаяся и тащившая за собой целый мешок, раздувшийся от впихнутой в него поклажи. Это что же она туда запихала?

— Перебор, Айса, выбрасывай половину.

— Там еда и спальники, — покачала головой девушка, — больше ничего нет.

— Ладно, на выход, — и, забрав у нее рюкзак, вышел в коридор. Белый же пока остался в комнате, на всякий случай, так сказать, потом догонит. Фамильяр же немного преобразился и заимел со всех сторон глаза-щелочки, давая полноценный обзор и мониторя пространство на предмет каких-либо неожиданностей. Когда вышли на улицу, бросил:

— Не пугайся, — и обвинил ей поясницу, потом свернул одну из плетей кольцом и усадил девушку сверху, как на сиденье, под ноги тоже дал уступку, а в конце еще сделал спинку и сунул в руки два конца — пусть держится, — в какую сторону?

— Туда, — указала все еще шокированная происходящим спутница, а когда мы поднялись в воздух и понеслись в указанную сторону, набрав приличную скорость, то даже вскрикивала поначалу.

— Бояться нечего, — бросил на ходу, решив так облачиться полностью и затянуться в боевую форму, преображаясь. Плоть фамильяра стала толще, а потом уплотнилась, покрывшись мелкочешистой чешуей и острейшей колючкой. Голову затянуло кошмарной маской, ладони превратились в кошмарные лапы, меньше всего теперь походящие на руки, в общем, полная копия монстра, когда-то давно сеявшего смерть в пещерах этого мира. Хрен его знает, есть ли в этом мире хоть что-то, способное пробить эту броню. Хотя, вру, с деформацией фамильяру точно не справится.

До стены добрались в считанные минуты, потом Айса что-то прошептала и мы миновали арку ворот, те открылись сами и точно так же пошли назад, закрывая за нами проход. Магия, что б ее, и никакой электроники. Дальше опять уточнив направление, ломанулся уже не сдерживаясь, плети подняли нас еще немного выше и засемили почти в полтора раза быстрее. Лес вносил в передвижение свои коррективы, и приходилось часто лавировать, хорошо хоть Белый позволял составлять путь на десятки метров вперед. По бокам проносились деревья, кусты, мелькая с умопомрачительной быстротой и уносясь куда-то назад, а впереди вставали все новые и новые препоны, мешаясь и будто всячески стараясь нам воспрепятствовать. Только меня это мало волновало, плети без труда переносили нас через овраги, ручьи, поваленные деревья, делая настоящие просеки в густом пролеске и иногда буквально стеной встававших кустах. Девушка со временем привыкла и стала переносить путешествие более спокойно, иногда, все же, поглядывая в мою сторону. Один раз я даже не выдержал:

— Что?

Но она покачала головой и уставилась вперед, ладно, без разницы. Так прошел час нашего пути, мы не перемолвились ни словом и меня это полностью устраивало. Потом потребовалась корректировка, и пришлось остановиться, Айса полезла в рюкзак и некоторое время водила пальцем по карте, что-то соображая. Потом перевела взгляд на меня:

— Мы преодолели почти половину, — в ее голосе явно слышалось удивление, — если будем двигаться с той же скоростью, то доберемся еще до вечера.

— Понятно, то есть я зря тащу все это, — кивнул на висящий в воздухе мешок, хотя щупальцам было по хрен на его вес и размер, им вообще не было дела до всего этого, пока не достигалось определенное давление.

— Ну, я же не знала, как это будет, — смутилась девушка, — хочешь, давай я его понесу.

— Садись, понесет она, — и опять сунул ей под колени кольцо щупальца, — куда?

И опять гонка, опять мельтешение зелени, мелкие веточки лупят по голове, плечам, мешают обзору, и до меня вдруг доходит, куда мы движемся. Далеко впереди, когда просветы в листве становились пошире, можно было заметить вершину горы, черную, как смоль, и острую, как иглу, пиком уходящую высоко в небо. Уж не та ли это твердь, из которой мне чудом удалось выбраться, не к ней ли мы движемся?

— Впереди гора, — бросил девушке, — нам к ней?

— Да, а что?

— Я там был.

— Был, когда?

— Давно, когда попал к вам.

— И выбрался наружу? — она с интересом уставилась на меня.

— Как видишь.

— Но, там ведь полно тварей, как ты их обошел?

— Я не обходил их.

На ее лице застыло непонимание, а мелькнувшая вдруг догадка заставила глаза распахнуться еще шире.

— Ты их что, убивал?

— Смотри вперед, — сознание кольнула легкая досада, болтаю много, язык надо держать за зубами.

Оставшееся время до горы пролетело почти незаметно, оба молчали, явно думая каждый о своем, по крайней мере, я проигрывал варианты будущего разговора. Для начала, все же, придется попробовать по хорошему, разнесу к чертям их противников, а там и разговор можно будет начать, на крайний случай смогу пригрозить, что их ждет та же участь, если будут артачиться. Главное не переусердствовать с тенями, как бы, не вышло чего нехорошего. Все-таки эмоции убиваются не равномерно, что-то быстрее, что-то медленнее, и не дай бог останется злоба или вспыхнет то пещерное безумие. Сколько не штудировал тот провал в памяти, пока что образовывались лишь какие-то обрывки, смазные картинки чудовищной бойни, везде чавкает и льется, брызжет, жуткий треск и глухие всплески, перед глазами сплошное мельтешение плетей, а руки, руки, затянутые в точно такие же перчатки, как и сейчас, буквально рвут чужую плоть как бумагу. Страшные воспоминания, жуткие. Поначалу даже опасался проникать в свое черное пятно глубже, но страхи нужно преодолевать. Так что полгода по крупицам позволили собрать хоть что-то, и слайд-шоу получилось совсем не утешительное.

Через пару десятков метров деревья кончатся, и откроется небольшая равнина, чуть позже переходящая в скалистую землю и подводящая вплотную к самой горе. Походу, добрались, да и кроны уже не были столь плотными, и черный пик был прекрасно виден. Вылетев из леса и за пару минут преодолев свободное пространство, на ходу бросил девушке:

— Куда?

— Вправо, там должна быть тропа.

— Она по спирали идет или вертикально вверх?

— По спирали.

— Влево, вправо?

— Кажется, влево, — непонимающе отозвалась та, а потом вскрикнула, судорожно вцепившись в видимые кончики плетей, когда мы не останавливаясь, на полном ходу взлетели вверх и продолжили двигаться над уходящей вверх поверхностью. Почти треть щупалец сейчас цеплялись за уступы, проникали в щели и хватались за все, что только можно. Мозг получал информацию, складывая мозаику из постоянно считывающихся данных в сферическом пространстве вокруг меня, непроизвольно и без особого напряжения координируя все отростки, это получалось уже на уровне рефлексов, как управлялись бы руки или ноги, будь у меня их больше. Хотя, у меня и так их сейчас явно с переизбытком, и постоянно растут все новые и новые.

Девушка же пицала на протяжении всего нашего подъема и замолкла, только когда вылетели на тропу и понеслись вдоль нее, приняв вертикальное положение. Ее глаза были расширены, и дышала она отнюдь не ровно и спокойно, похоже, все-таки перепугалась. Ладно, не умрет, не маленькая. И тут послышался отдаленный взрыв или нечто похожее, потом еще один и еще. И чем дальше мы продвигались вперед, тем громче и отчетливее становились звуки сражения. Спустя пару минут уже во всю было слышно, как ревет пламя и крошится камень, как что-то истошно скрипит и издает противный скрежет, и до меня не сразу дошло, что подобное я уже когда-то слышал. Ну, вот и свидимся вновь, твари, скоро кому-то станет по-настоящему страшно, и прибавил еще быстрее.

А спустя некоторое время нам открылось поразительное зрелище, огромный зев пещеры буквально светился из-за того, что происходило внутри. Создавалось впечатление, что отрабатывается невероятно дорогое светозвуковое представление, плюс дым и постоянно осыпающаяся горная порода. А когда приблизились еще ближе, стала видна и сама битва, и я буквально ахренел.

Почти весь ректорат, хотя я толком никогда и не знал, сколько их, около пятнадцати, вроде бы, стоял, перекрывая выход и, в прямом смысле, заливал пространство перед собой смертью, пуская в ход такое, от чего раньше у меня бы просто волосы встали дыбом. С их рук срывались потоки чистейшего пламени, били молнии, хлестали какие-то черные порывы, твердь вокруг трескалась и дрожала, а гул и шум стояли такие, что было не понятно, как они все это там выдерживают. Но человеческое зрение очень сильно уступало тому, что показывали мне кошмары, и это было поистине жутко. Весь воздух вокруг людей был буквально пропитан схемами и знаками, расчертившими пространство мельчайшей сеткой и заполнившими собой каждый сантиметр, каждый дюйм пространства. И все это жило, пульсировало и дышало, по-своему отражаясь в реальном мире, калеча, убивая или еще что-то делая с наплывающими волнами противника. И я таки угадал, это были все те же твари, разве что несколько помельче. И их сейчас сжигало, рвало на части и плющило, подбрасывало вверх и с чудовищной силой впечатывало в землю, кроша ими же других монстров, отчего во все стороны летели обломки лап, куски панцирей и стоял тот самый жуткий скрип и скрежет. Это была самая настоящая бойня, пола почти не было видно, всюду, куда не кинь взгляд, валялись трупы, искалеченные и изувеченные остатки некогда кошмарных чудовищ. Некоторые еще шевелились, агонизируя или продолжая жить, по ним толклись свои, добивая и втаптывая, а ректорат все лупил и лупил.

Напор полутора десятка человек оказался настолько мощным, что волны монстров

накатывали и оставались лежать горами мертвой плоти, разбиваясь о них, словно о волнорез, непоколебимый и прочный, уверенный в своих возможностях и уже бог знает сколько времени сдерживающих их натиск. И это впечатляло, я впервые видел столько боевой магии сразу, за считанные секунды успев запечатлеть такие подробности, которые с лихвой перебели все то, с чем довелось столкнуться за эти полгода. Сила ректората поражала и даже ужасала, воздух буквально звенел от перенапряжения и бросаемых ими заклинаний, и при других обстоятельствах соваться к ним было бы полнейшим безумием, сродни самоубийству. Проще было бы самому прыгнуть со скалы или повеситься, чем наглеть, пытаясь добиться от них чего-нибудь силой, только у меня был бесспорный козырь, который побить им было нечем — тени. И хоть эта палка о двух концах, все же, она стоила своей цены, только и требовалось лишь, что быть осторожным с ее применением.

Притормозив, бросил на землю рюкзак и кинул на него сверху Айсу, та лишь пискнула от неожиданности, и понесся дальше, ощущая, как кровь насыщается адреналином. Захотелось взречь в прямом смысле слова и шарахнуть в копошащихся впереди тварей Роем, рассеяв их в прах, но рисковать кошмарами, посылая в творящееся там пекло, я не хотел. И, не доходя каких-то десять метров, нырнул в тень. А самого уже трясло, хотелось рвать и метать, вонзить руки в твердые панцири и расколоть их одним движением, почему-то именно эти гады вызывали во мне лютую злобу, не знаю, то ли запомнились те пещеры, то ли еще что, но убивать их буду с наслаждением. Из руки выметнулось деформирующее поле, сжавшись в тонкую полоску и удлинившись до максимума, и рванулся вперед, рассекая первые три твари. И понеслось.

Я метался, подобно бесноватому, истошно полосую пространство и отмечая все большее и большее увядание чувств, с определенного момента это станет опасным и придется выйти из боя, а то или вообще остановлюсь, потеряв интерес к происходящему. Или начну убивать всех подряд, покончив и с ректоратом и с Айсой, чего мне совсем пока не хотелось. Пока же время еще было, и клинок разил просто с умопомрачительной быстротой, валя нападающих просто горами, заваливая их трупами выходы и обрушивая сверху еще и горную породу, что показалось мне отнюдь не лишним. Из-за того, что скорости в тенях и в реальном мире существенно отличались, то, что творил сейчас я, оказалось намного более эффективным действий ректората. Они сейчас уже стояли у самого выхода и ошарашено наблюдали за тем, как в центре пещеры работает настоящая дробилка, кромсающая и буквально уничтожающая вокруг себя любую жизнь. Я специально отправил к ним Белого, пусть будут глаза еще и там, лишний обзор никогда не повредит, и то, что он мне показывал, могло заставить выпасть в осадок и вполне крепкого нервами человека.

Да и меня спасало лишь то, что чувства были уже на пределе, еще минут пять и пойду под откос, и тогда бог его знает, чем все закончится. А пока же вокруг был сплошной хитин, плоть и десятки, сотни челюстей, лап, голов, глаз и прочей мишуры, в мгновение ока отделяющейся от тел устилающей и так заваленное трупами пространство. И все это скрипело и скрежетало, терлось друг о друга, создавая непереносимую какофонию звуков. И чавкало, чавкало, хлюпая и брызжа, вокруг все было мокрым от пролитого ихора и прочей дряни, исторгающейся из мертвых кусков плоти. И каждую секунду, каждое мгновение, по живым и мертвым раз за разом проходили чудовищные разрезы, вспарывающие так же легко как их тела, так и саму скальную породу. Большинство нор уже были завалены и обрушены, но со всеми управиться явно не успевал, рисковать не хотелось, так что под конец просто запустил туда Рой, и пока он перерабатывал там все живое, забивая проходы, выбрался из

пещеры и приготовился к сюрпризам. Айса уже некоторое время стояла вместе с ректоратом и по любому все им рассказала, так что, вполне возможно, кого-то из старичков придется отправить на тот свет, если начнут резвиться.

— Добрый вечер, господа, думаю, нам есть с вами, что обсудить.

Ко мне тут же обернулись и взяли на прицел глаз, явно не узнавая, точно, я ведь не по форме одет, но так даже лучше.

— Я так понимаю, суть вопроса вы уже знаете, и предполагаете мои действия в случае вашего отказа, итак, ваш ответ? — а Рой уже заканчивал последние несколько нор и начал собираться за их спинами.

— Влад, насколько я понимаю, — шагнул вперед милорд ректор. Да уж, вот так смотришь на сухонького старичка, и даже не подозреваешь, сколько мощи в нем таится.

Я кивнул:

— Но это к делу уже не относится, моя попытка добиться желаемого миром провалилась, так что буду действовать теперь прямо, ваш ответ, милорд ректор, — и для подтверждения своих слов сформировал на кончиках пальцев лезвие деформации, будет для них лишняя мотивация.

— И что, вот так убьешь всех? — покачал старик головой.

— Мой мир гибнет, а может и погиб уже, пока полгода живу здесь на всем готовом, — и самому стало странно, насколько эмоциональна получилась эта фраза, хотя внутри все еще зияла пустота теней, — ответите себе сами, смогу ли?

— Сможешь, — наконец согласился он, — но в этом нет необходимости, мы поможем тебе.

И я ему почти поверил:

— Если обманите меня, постарайтесь тогда и убить, иначе я найду каждого, и вы будете умолять меня о смерти, — а когда они вздрогнули, понял, что слегка переборщил и справа от меня стоит Белый во всей своей кошмарной красе. А клинок у конца получил свободу, и бесконтрольное поле лупило в землю нестабильным потоком, расшваркивая каменное основание в стороны и глубоко уйдя вглубь.

— А ведь я тебе сначала не поверил, — устало бросил ректор, — хотя и увидел потенциал.

— И я благодарен за понимание, и дождался бы вашего внимания, но теперь это уже не имеет значения.

Он покивал.

— Что ж, тогда спасибо за помощь, я так понимаю, завалены все выходы?

— Да, но не думаю, что надолго.

— Это хорошо, так как нам придется разобрать хотя бы один.

— Это имеет отношение ко мне? — насторожился я.

— Именно, мы знаем о возможности переходов из мира в мир, но не владеем этими знаниями. Но они есть у тех, кто посылает к нам этих тварей, и кто, насколько могу судить, вторгся и к вам.

— С чего такие выводы?

— Айса сказала, что у нас ты очутился внутри этих самых гор, из них же много лет назад к нам и стала вылезать вся эта нечисть. Если подумать, то довольно велик шанс, что ваши агрессоры и наши суть единое целое, не думаю, что один враг случайно забросил тебя к другому. И, вполне возможно, где-то там, внутри, остались и их технологии, не просто так

ведь они оживились в последнее время, ими явно управляют.

Я буквально охренел от его выводов, ведь как просто, и логично.

— Мне жаль, что мы по разные стороны баррикад, — ответил я.

Он опять покивал.

— Что ж, ты сможешь повторить свои сегодняшние действия? — и кивнул за спину.

— Это был минимум возможного, только ваша деформация, — и подчеркнул "ваша".

— Ясно, а этот? — старик бросил взгляд на Белого.

— Без приказа не тронет.

— Хорошо, — он обернулся к своим, — опечатаете все, ну и как всегда, нас не ждать, — и снова мне, — пойдем вдвоем, час на сборы, устроит?

Я кивнул — более чем, а сзади него тут же начался возмущенный ропот. Часть его коллег была не согласна, с предубеждением посматривая на меня, другая же хранила молчание, явно предпочитая держать свое мнение при себе. Ко мне вдруг, нерешительно дернувшись, двинулась Айса, ну, что еще?

— Влад, — девушка остановилась в метре, не доходя до меня, — верни его живым.

— Ты понимаешь, что нас там ждет?

— Влад, — она умоляюще подняла глаза, — не дай ему погибнуть.

— Без него я не разберусь с их технологиями, сама ведь понимаешь, — я все еще не понимал ее.

— А потом, потом, приведи его назад, — и столько в ее голосе было мольбы, что меня словно переключило, неужели это та самая Айса Руан?

— Если будет возможность, доставлю его в целости и сохранности, не волнуйся, — кивнул согласно, — но большего не обещаю.

— Хорошо, — она запнулась, — и еще, ты ошибался насчет меня, — и, развернувшись, направилась к остальным.

Я же не знал, что и думать, да и какая теперь была разница, впереди ждет довольно сложное путешествие, и за ректором еще придется приглядывать, как бы не учудил чего старик. Ведь может, вполне может, что как раз вписывается в логичную схему обезопасить остальных и попытаться справиться со мной в одиночку. Они наверняка уже проанализировали увиденное и сделали какие-то свои выводы, явно наметив возможные пути противодействия. Только вот горькими слезами прольются их потуги, я от сказанного не отступлюсь — обманут, умрут, найду всех и каждого.

И пока они собирали старика, шушукаясь в сторонке и собирая ему небольшую сумку, я устроился поодаль и не сводил с них глаз, не своих, естественно. Мои были закрыты, мне это все, почему-то, совсем не нравилось, какое-то нехорошее чувство жило внутри и все время грызло и грызло, предчувствие, что ли? Но что может случиться? Но ответа не было и это нервировало, эмоции почти полностью пришли в норму, так что рассуждать получалось вполне соответствующе человеческим меркам. Так что все, к чему пришел, так это к ужесточению контроля, быть более собранным и относиться к ректору как к врагу, только тогда не получу удар в спину, только так шансы остаться в живых останутся приемлемыми. Наконец, они закончили, милорд ректор теперь больше походил на какого-то профессора, все карманы топорщились, за плечами небольшой рюкзак, тоже набитый до отказа, в общем, собрали старика по полной.

— Готов, — он бросил на меня взгляд, и я, оттолкнувшись плетьюми, буквально подлетел в воздух, в мгновение ока оказавшись рядом. Народ отшатнулся, нервно дернувшись, и лишь

Айса осталась на месте, все так же расстроенная и несчастная. Блин, да мне-то какое дело?

— Готов, не дергайтесь, — и, подхватив его плетью, двинулся вперед. Предстояло расчистить путь, выбрав одну из нор и продолжать это делать и дальше, не думаю, что у моего напарника найдется более действенный способ. За милордом ректором же постоянно будет следовать Белый, в случае чего готовый выпотрошить его в единое мгновение, да и в мою сферу контроля старик тоже попадает. Так что, думаю, все обойдется, по крайней мере, для меня. Особо долго искать не пришлось и вскоре остановились перед прилично забитым трупами двухметровым, если не больше, проходом. Рой тут же рванул вперед, существенно искромсав содержимое туннеля, а плети быстренько повыкидывали наружу все останки. Черт, знал бы, хоть один бы да оставил, я же их еще и обрушил все, ладно, справимся. Затор удалось разобрать в течение минут десяти, и все это время за работой и мной лично пристально наблюдали цепкие, совсем не старческие глаза. Что, продумываешь возможные варианты? Зря, первым успею ударить именно я. Но ему об этом знать совершенно не нужно, пусть все идет так, как идет.

Покончив с расчисткой, опустил спутника на изгвазданный кровью и бурой слизью пол, шагнул вперед, бросив ректору:

— Двигаемся, — и пошел по уводящему в неизвестность туннелю.

Пахло, признаться, прескверно, так что пришлось подрегулировать фильтр у лица, сделав его сеточку чуть более плотной — стало лучше. За шедшего же сзади особо не волновался, тот уже приложил платок к лицу и всячески старался обходить мерзкое месиво, полностью укрывавшее наш дальнейший путь. И, насколько я видел, во всем этом дерьме придется шлепать еще метров семьдесят, Рой оказался слишком уж усердным. Ну, да это и хорошо, в принципе, по крайней мере мне было на комфорт глубоко наплевать — через пару шагов поднялся на плетях в воздух и далее решил передвигаться только так. Благо диаметр прохода вполне позволял это делать без каких-либо усилий.

— Как ты их достал здесь? — произнес вдруг сзади милорд ректор, — в других ведь норах также?

— Также, об остальном вам знать не обязательно.

Он замолк, перебираясь через очередной кусок мертвой плоти. Сюда плети уже не доставали, и пришлось послать Белого, буквально прочистившего весь этот тромб своей немаленькой тушей. Он просто вмантулился в него и пропер до конца, заставив вылететь пробкой, но убрать, все же, полностью все не смог. И старику приходилось с этим сейчас бороться, и если бы не ореол света, окружающий его, то он бы уже давно изгваздался во всей этой гадости полностью. Интересная, кстати, магия, бытовая, я так и не смог ей овладеть, с легкой завистью наблюдая, как другие шелкали ее как орехи, абсолютно без труда вызывая те или иные полезные эффекты. Тогда и решил, на хрен все, и углубился в то, к чему лежала душа.

— Зря, мы не враги, делить нам нечего, — произнес он, наконец, перебравшись через очередной небольшой завал.

— Если бы мы были врагами — вы бы все уже были мертвы, — бросил тихо, — просто доверие исчезло.

— И ведь запретил ей к тебе лезть, — с легкой досадой пробормотал ректор.

— Что, сами хотели?

— Было в планах, только по-другому, нам бы очень пригодилась твоя помощь, особенно в свете теперешней ситуации.

— Не думаю, что смогли бы меня заинтересовать.

— Ну, допустим, что тебе надо ты озвучил еще когда, и без нас бы сам не справился, согласишься.

— Возможно, — было не особо приятно это осознавать.

— А далее нужно было бы просто договориться, — продолжил старик, — но ситуация повернулась не совсем тем боком, — он покряхтел.

— И чего бы вы захотели, если бы вышло по-вашему?

— Ну, у нас сейчас одна главная проблема — эти твари.

Я скривился:

— То есть мы все равно делаем то, что нужно вам.

— Не совсем так, понимания и доверия нет, а это может все осложнить.

— Не беспокойтесь, вас пускать в пекло не собираюсь, постоите в сторонке.

— Решил побережь старика? — вот шельмец, еще и ухмыляется.

Далее некоторое время двигались в тишине. Под ногами уже почти не чавкало, а метров через пятнадцать пойдет ответвление и придется решать — куда? Но долго молчать спутник явно не мог, или же действительно хотел исправить ситуацию. Да только зря, слишком близка цель, что бы допустить шанс провала из-за банальной доверчивости.

— Ты в курсе, что мы ищем?

— Примерно, — сразу вспомнились разговоры в Корпусе, вторженцы использовали какие-то тотемы, влияющие на пространство, но как они выглядели, мне было неизвестно. Ладно, разберемся.

— Не поделишься?

— Лучше покажу, как увижу, или вы сами сообразите, если что-то упущу я.

— Ясно, примерно так я и думал.

— Скоро будет развилка, все ходы идут примерно в одном направлении. Вам что-нибудь известно об этой горе?

— Нет, — старик покачал головой, — это все эти прорыли, тут их вотчина, мы сюда не забирались никогда.

— И не пытались найти их гнездо?

— Вряд ли оно у них есть, скорее матки или что-то подобное.

— Царь Зверей, — осенило вдруг меня.

— Что? — переспросил он.

— У нас была информация, что когда этот враг терпит поражение, то выпускает нечто под названием "Царь Зверей", — ответил ему задумчиво, — и если у вас здесь те же вторженцы, тогда и это что-то вполне может быть и маткой или, как вы выразились чем-то подобным.

— Гм, может быть, кто-то же должен контролировать всех этих тварей, а им проще приказывать одной конкретной, главной, а уж та будет координировать всех остальных.

— Муравейник какой-то.

— Кстати да, хороший аналог, — пробормотал себе под нос старик, — тогда выходит, — он замолчал, уставившись мне в спину.

— Выходит, что вы опять-таки на коне, когда увидим этого монстра, придется прибить, — продолжил за него, — и от проблемы избавитесь, и от меня. А там и всю эту ораву перебьете по одному.

— Вот видишь, нам совсем не из-за чего враждовать, — он развел руками и тут же

оскользнулся, начав стремительно заваливаться вбок. Плетки выстрелили мгновенно и старик, спеленутый, словно младенец, был вновь приведен в вертикальное положение и отпущен.

— Спасибо, — оторопело произнес он, толком даже не успев понять, что произошло.

— Под ноги смотрите, не на прогулке, — буркнул в ответ, — куда пойдём?

Перед нами лежало четыре кривых туннеля, начинающихся изгибаться уже через пару метров. Все шли примерно в одну и ту же сторону, так что особой разницы я не видел. Пусть сам выбирает.

— Тогда этот, — ректор кивнул на правый, — и шире и суше, как ни как.

Ах, да, это ж мне плевать, а ему на своих двоих топтать, тогда да, все верно, правый больше подходит. И буквально через минут пятнадцать нас вывело к чьему-то гнездовью, пустому.

— Первый раз такое вижу, — шепотом произнес старик.

— Здесь никого нет, можете говорить свободно.

— Ну, да, не хочу просто лишний раз тебя провоцировать, еще решишь вдруг, что вместо опознавания боевое что-то готовлю.

— Вот и хорошо, поступайте так и впредь, и если здесь все, то предлагаю двигаться дальше.

И мы пошли, но милорд ректор явно чем-то был озадачен, очень уж ему приглянулась та изрытая ходами куча наваленного и будто спекшегося камня. Ну да мне было все равно, впереди начиналось нездоровое оживление и совсем скоро враг узнает о нас. И если где-то там действительно сидит так называемый "Царь Зверей", следует ждать немедленной реакции. А пока будем бить на упреждение.

Рой черной тучей вырвался из живота и тугой струей устремился в проход. Десять метров, восемь, пять, два, есть контакт — во все стороны брызнуло. Снующие в небольшом гроте твари прожирались буквально насквозь, становясь похожими на мельчайшее сито и начиная активно орошать пространство вокруг себя. Звуки агонии эхом пошли по отноркам и докатились до нас.

— Что это? — настороженно спросил следующий следом старик.

— Чищу нам путь.

Он кивнул, будто понимая, что увижу его движение, но, на самом же деле, милорд ректор явно был просто взволнован, интересно, с чего бы вдруг?

— Не тряситесь, сначала им придется добраться до меня, а через меня они уже не пройдут.

Он покряхтел:

— Очень вежливо говорить такое пожилому человеку.

— Мне вам соврать? Тогда тряситесь.

— Иногда просто поражаюсь, что в тебе Айса нашла, — бросил он с укором и меня прямо пробило. Чего?

— О чем это вы?

Он помолчал, но потом, все же, ответил:

— Не забивай себе голову, все с нее глаз не сводят, а тут ты, полностью ее игнорирующий, естественно девочку это задело. Вот и воспылала по юности, так что забудь, пройдет. Ты ведь не...

— Нет, — перебил его, — и ей тоже желательно нет, — а сам нахмурился, вот, черт,

таки не показалось. Слишком странно она себя вела в последнее время. Даже когда просто мимо шли, выходит, я ослеп? Черт, да какая разница! Рой дожирал последнего гада, в конвульсиях громившего хвостом ближайшее гнездовье и распространяя в отнорках колоссальный шум. Прекрасно, теперь о нас узнают даже те, кто на другой стороне этого лабиринта. Ну, и по хрен, им же хуже, мысль закончилась ядовитой улыбкой, всех порешу к чертовой матери. Внутри стала вдруг просыпаться злость, холодная такая, неприятная. А мозг безуспешно пытался проанализировать и выявить причину, но тщетно. Сзади с довольно приличной скоростью стало вдруг ломиться нечто многоногое, очень быстро нас нагоняющее. Пришлось посылать на встречу Белого — глухой удар, что-то треснуло, истошно заскрежетало и лопнуло, тишина. Кошмар вернулся и занял прежнюю позицию, не спуская со старика взгляда.

— Гости? — стараясь не подать виду, что взволнован, спросил тот.

— Были, — кивнул я, — впереди еще один грот и опять разветвление.

— Чуть больше часа идем, — заметил спутник.

— Знать бы еще, куда.

— Ну, на крайний случай, эту проблему я смогу решить, главное, что бы ты не воспринял все превратно.

— А конкретнее?

— А конкретнее существует магия поиска, правда, в такой толще камня она будет не столь эффективна, как снаружи, тока воздуха почти нет.

— Какой цвет?

— Что?

— Цвет магоформы какой? — произнес по слогам.

— Ты их видишь? — оторопело переспросил милорд ректор, — но, как? Хотя, твои глаза, в них дело, да?

Я не ответил и старик продолжил:

— Если мне не изменяет память, то бледно розовый, кажется, — и добавил, — у вас там все такие?

— Пробуйте, — проигнорировал я его вопрос, — и без глупостей.

А когда спутник повел перед собой ладонью и словно толкнул воздух вперед, почти мгновенно образуя перед собой незамысловатую схемку, тут же оформившуюся в небольшое розовое облачко, чуть не присвистнул от удивления. Оно вдруг стало расти и увеличилось чуть ли не втрое, пульсируя и выбрасывая во все стороны небольшие протуберанцы. Такое себе явно понравившееся девчонкам чудо.

— Одно из самых красивых заклятий, — будто прочитав мои мысли, бросил спутник, — когда-то специально занимался по старой методике, такого успел насмотреться.

— Да уж, выглядит довольно, эксцентрично, — согласился я.

— Ты еще приворотные не видел.

— А есть и такие?

— Много чего есть, но тебе это не грозит.

— И почему же?

— Глаза. Эти чары из раздела внушения, а с тобой такое вряд ли пройдет, — пояснил старик.

— Кайси, если не ошибаюсь, имеет такую специализацию.

— Имеет, имеет, способная девочка, да только тебя не удалось охомутировать, — и опять

ухмыляется, — девки на тебе в последние время вообще помешались.

Я промолчал, да и что тут скажешь?

— А сам-то, как, там у тебя есть кто?

— Была, пока не погибла, — по жилам тут же плеснуло кипятком, зубы скрипнули.

— Извини, не знал.

— Проехали.

Дальше разговор не клеился, да и не хотел никто болтать. Старик думал о чем-то своем, явно не собираясь посвящать меня в свои мысли. А мне было все равно, тихая злость рвалась наружу и выливалась на начавшие попадаться гнездовья и бродящих вокруг тварей. Так и шли, каждый занятый своим делом, он, осторожно переставляя ноги и стараясь не упасть, и я, непонятно почему становящийся только злее с каждой минутой. Хотя почему непонятно? Перед глазами то и дело всплывала горящая фигурка, и тогда хотелось самому обернуться напалмом и сжечь всех этих тварей и их хозяев собственноручно. Суки. Придет время, и я до вас доберусь.

Скоро пришлось делать привал, милорд ректор вдруг заявил, что отдых и питание так же необходимы, как воздух, который здесь, кстати, совсем ему не нравится. Я покривился, но перечить не стал, старик действительно выглядел уставшим, пусть отдохнет немного. Но тот решил все сделать более основательно. Под моим неусыпным надзором развел из ничего костер, расстелил матрас, непонятно как поместившийся в его рюкзак, и стал раскладывать снедь. Ну, ни хрена же себе, у нас тут что, пикник намечается?

— Не слишком? — кивнул на приготовления.

— В самый раз, будешь? — и протянул мне бумажный пакет с чем-то абсолютно несъедобным на вид.

— По дороге подобрали?

— Очень смешно, между прочим, Айса передала, чтобы не оголодали в дороге, — с явным намеком протянул милорд ректор. Это что, типа для меня специально?

— И из чего оно? — выдавил, наконец, рассматривая содержимое.

— Очень вкусно, кстати, — он уже всю чавкал своим свертком, — тесто, фрукты, мясо, зелень, ассорти, в общем, с корочкой.

Да уж, а больше похоже на дохлого запеченного жука, невесть как спекшегося до такой степени, что стал полностью черным. Это что ж за мука такая, или просто пригорело? Откусив сначала кусочек, с удивлением отметил, что, оказывается, очень даже недурственно. Второй кусок пошел уже лучше, а там и вовсе понеслась. Хрен его знает, как она это готовила, но было вкусно и даже очень. Никакого привкуса пригорелости, лишь довольно вкусная и, походу, очень сытная еда, чем-то напоминающая салат с кусочками мяса и под хлеб. Только свернутое и запеченное в тесте, ну, что-то типа того.

— Оценил?

— Умеет готовить, — кивнул с набитым ртом.

— Ну, чем не жена? — я поперхнулся, а старик довольно рассмеялся, — молод ты еще, Влад.

Скривившись, спросил:

— Это сейчас к чему было?

— Разряжаю атмосферу, да и правду ведь говорю, девочка просто чудо, и учится хорошо.

— Вы что, сватаете ее мне? — подозрительно уставился на него.

Он широко раскрыл глаза:

— Боже упаси, мне-то оно зачем, — и добавил, — сами разберетесь.

Понятно, ума ему не занимать, старик хитер, как лиса, только вот я тоже все это понимаю, так что хрен. Далее жевали молча, он с удовольствием, будто и не давили на сознание со всех сторон каменные стены и трупы тварей, продолжающие изредка булькать и испускать воздух. И я хмуро, прикидывая, что лучше вообще болтать с ним поменьше, ему явно хватит опыта заболтать меня и вот, мы уже не враги, а чуть ли, не лучшие друзья. Утрирую, конечно, но что-то типа такого вполне может быть, так что фильтруем все его слова и помним главное — зачем мы здесь. Закончив с трапезой, полчаса ушло на отдых, милорд ректор, заверив, что не собирается предпринимать никаких враждебных действий, провел более глубокий ритуал поиска. И каждое мгновение, когда магоформы приобретали темные оттенки, я готов был выпотрошить его в буквальном смысле слова. Если бы он только знал, как часто был почти в шаге от гибели, наверное, поседел бы. Но, походу, его старания таки увенчались успехом, судя по тому, как довольно улыбается, что ж, посмотрим.

— Есть что?

— Идем правильно, впереди очень большое скопление живых существ и, если выживем, — он, наконец, открыл глаза, — за ними будет небольшой грот, и вот там находятся уже люди.

Он победно растянул губы в улыбке:

— Мы нашли их.

Я покачал головой, припомнив, сколько сам бродил в этой толще камня:

— Что-то слишком просто, час-два, и уже у цели.

— Не стоит усложнять, все идет так, как и должно, — и не согласиться с этим я не мог.

Стали собираться.

— Так что впереди, насколько их много?

— Трудно сказать, — старик производил какие-то манипуляции с матрасом, и тот удивительным образом влезал в рюкзак гораздо меньший его размерами — но явно не меньше, чем было в пещере наверху.

Пришлось задуматься, не хотелось ни рисковать, ни терять ректора, ладно, тогда так:

— Сможете постоять в сторонке, сделав упор на защиту?

— Да, — кивнул старик, — но тебе помощь разве не нужна?

— Справлюсь как-нибудь, лишь бы не почувствовать удар в спину и не прибить вас в отместку, — кулаки в броне сжались, подтверждая серьезность моих слов. А что, самый на то момент, если все до этого было лишь игрой, если буду не в тених, не думаю, что у милорда ректора не найдется чего-то способного прошить фамильяра насквозь, а заодно и меня с ним, — так что лучше не рисковать.

— Молодость и паранойя, — покачал тот головой, — незавидный тандем, хорошо, как скажешь, уйду в глухую защиту. Но если будет край, извини, вмешуюсь.

На том и решили, сборы были закончены и мы вновь отправились вперед. Проход же только расширялся, и чем ближе мы приближались к уже во всю раздающимся звукам, тем больше становился его диаметр. В пространстве же стоял скрип и скрежет, что-то пищало и свистело, а шорох стоял такой, будто тысячи ног или лап специально елозили по каменистой поверхности. Хотя, возможно, так оно и было. О нас явно знали и готовили теплую встречу, почему-то это не вызывало никаких сомнений. И вот, Белый дал обзор, ну, ни хрена ж себе! Я чуть не присвистнул, сколько же их здесь?!

Далее, за поворотом и чуть ниже, тоннель выводил в огромных размеров пещеру, и она вся буквально кишела тысячами существ, устремивших все свои буркала в одну единственную сторону — твари ждали и были готовы встретить гостей, нас. Везде, что ни прошивал взгляд кошмара, были панцири, челюсти, лапы, мясо, и все это переминалось, двигалось, дергалось, создавая непрекращающуюся картину нетерпения. Твари явно нервничали, или просто создавалось такое впечатление, не знаю, но то, что старика туда пускать нельзя, понял сразу.

— Останетесь здесь или при входе, мне будет некогда вас защищать, — бросил, замерев и прикидывая план дальнейших действий. По идее, пустить туда Рой и перемолоть их всех в фарш — при таком количестве противника он потеряет, от силы, максимум половину, если не треть, что не так страшно, восстанавливался кошмар довольно быстро. Но что толку? Зачинщики, как только поймут, что их дела плохи, тут же слиняют, то есть мне необходимо будет самому к ним пробраться, Белый сам не справится, думаю. Он только и может, что убивать. Но, блин, где их пещера? Я до сих пор ее не видел, хватит расстояния для управления кошмарами? А то ректор останется сам и долго он явно не продержится, насколько бы крут не был. Что ж, остается только рискнуть и оставить его без присмотра, другого пути не вижу, кошмары сейчас понадобятся мне все.

И больше не обращая внимания на открывшего что-то сказать рот старика, метнулся к выходу. Тени приняли в себя как раз в тот момент, когда со стен вокруг выхода ко мне метнулись крючковатые лапы, поймавшие лишь воздух. Стук от их столкновения вышел настолько громкий, что эхом разошелся в пространстве и будто послужил отмашкой к действиям. И вся эта лавинно членистоногих, панцирных и прочих монстров настоящей лавиной ломанулась к проходу. Зрелище было жуткое: вал хитиновых тел, несущийся вперед неумолимой стеной, скрежещущий и скрипящий, остановить не смог бы никто. И пока эмоции еще держались, и я мог чувствовать, ощутил всю гамму, весь спектр "прелестей" того, с чем скоро предстояло столкнуться.

Поймав себя на том, что отчаянно хочется закрыть глаза, сделал шар вперед и выпустил из себя Рой, а сам метнулся дальше. Если не выгорит, потеряю или ректора, или зачинщиков, или все вместе. И везде клин. Так что должно выгореть, просто обьязано. Черная туча распространялась довольно быстро, редая и растягиваясь на всех тварей, попадающих в поле обзора Белого. Он стал, своего рода, связующим звеном между ней и мной, буквально пожирающим пространство в сторону, указанную милордом ректором. Чем были еще хороши тени, так это своим соотношением расстояния, скорости и прочих моментов с реальным миром, давая находящемуся в них колоссальные преимущества. И вот, метров через пятьдесят открылся абсолютно свободный проход, вся панцирная нечисть сейчас бесновалась в другом конце пещеры, увядая и издыхая на глазах, расплзаясь в стороны и агонизируя. Не безрезультатно, конечно, Рой так же медленно и неустанно уничтожался, как бы не крепки были его малыши, но и они страдали от чрезмерного давления, кислотных выделений или еще чего, что было на вооружении противостоящей им мерзости. Я буквально чувствовал как он уменьшается, как перестают откликаться сотни тысяч его долей, как ему становится неуютно и плохо, но все же давил и гнал его вперед. Ослушаться он не мог. Пока потери были вполне приемлемы и стоило продолжать.

Белый замер на самом краю своего поля зрения, не спуская глаз с творящегося ада, и я понесся дальше. Тридцать метров, двадцать, десять, пространство буквально само стелилось под ноги, уносясь назад с невероятной скоростью. Влетев в проход, заложил крутой вираж

на повороте и оказался в небольшом гроте. И понял, что успел, что повезло. В груди вспыхнуло злое пламя, я готов был голыми руками порвать на части группу устроившихся поодаль нелюдей. Та же одежда, те же прибаамбасы, даже прически похожи. А чуть в стороне идеальным кругом выстроились девять вбитых в землю вычурных тотемов, по-другому назвать их язык не поворачивался. Исписанные до самого низа, испещренные резьбой и выкрашенные чуть ли не во всю радугу цветов. Один из врагов встал и подошел к кругу, провел рукой над одним из столбов, потом коснулся пальцами верхушки, и воздух в центре вдруг дрогнул, поплыл. Пора!

Ближайшие даже не поняли, что их убило, плети прошли их тела насквозь и отбросили в стороны кровавыми ошметками, порвав их еще в воздухе. Проявившись, вмял лицо еще одному до самого затылка, проломив кость и отправив на тот свет, пусть горит в аду, надеюсь, черти о нем позаботятся. А двое оставшихся уже болтались в воздухе, крепко спеленутые по рукам и ногам, фактически попав в кокон из щупалец. Ни дернуться, ни шевельнуться они не смогут, им даже дышалось с трудом и мне очень хотелось сжать их посильнее, что бы вообще прекратили поганить воздух своими легкими. Но нам могут понадобиться их знания, если милорд ректор опростоволосится и будет не в состоянии самолично разобраться в принципе действия их порталов. Черт, повезло то как, с первой попытки нашли именно то, что и искали, я ведь сначала сразу настроился на многодневный поход, а тут такая удача.

У Роя тоже пока все шло терпимо, и понесенные им потери не шли ни в какое сравнение с тем, что потерял противник. Целое море агонизирующей мерзости. Твари сдыхали тяжело, упорно цепляясь за жизнь, и дергались, толкались, бессильно клацая жвалами и подыхая. Десяток за десятком, а существенно поредевшая туча продолжала убийственное пиршество. Белый давал четкую картинку, позволяя направлять Рой именно туда, куда и требовалось, твари больше не пытались добраться до проема, откуда мы пришли. Они всячески разбегались, топчя друг друга и прыскавая в стороны от черной смерти, угрожающей тучей снующей по пещере и приносящей всему встречному скорую, но жуткую смерть. Старика видно не было, слишком далеко от него удалились, надеюсь, выжил. Меня же понемногу отпускало, все-таки, со временем, появлялся своего рода иммунитет, дающий в тених чуть больше времени и позволяющий принимать адекватные решения в соответствии со своей человечностью. И хотя это период был совсем кратким, все же, успехи были на лицо. Потом же, за чертой, оставалось лишь голое безразличие, доберись до которого и все, потеряешь не только себя, но и весь мир, становящийся тогда просто ненужным, бесполезным и абсолютно неинтересным.

В пещеру вышел, уже не скрываясь, да и толку, устроенная бойня выбила из тварей любые агрессивные позывы, они спасались бегством, и частью им это таки удавалось, другая же мертвой или издыхающей плотью укрывала пол или останки себе подобных. Чудовищный разгром, кошмарная мясорубка, но оно того стоило. За спиной в воздухе плыло три кокона, плети крепко держали двух пленников и собранные в кучу тотемы. Так что цели, можно сказать, достигнуты. Осталось лишь перебраться через эти завалы — глаза тщетно искали более-менее свободный проход, но тщетно. Вся округа была завалена таким количеством трупов, что пола под ними просто не было видно. Более того, вся эта масса еще жила, цепляясь за остатки своих жизней, и от этого ее шевеление воспринималось еще более мерзко. Напалма бы сюда, или заряд какой помощнее, что б разнести все это кодро к чертовой матери. Скривившись, поднялся на щупальцах как можно выше и двинулся вперед.

Мерзость, хоть бы сниться потом это все не начало. Хотя рассудок, поди, закаленный уже и мне было лишь противно, как от пролитого на штаны пива, разве что немногим хуже.

Милорд ректор нашелся у самого входа, с бледным лицом и расширенными до предела глазами шарящий взглядом по учиненному мной кошмару, и меня заметил не сразу. Лишь дернулся, обратив внимание на движение, и явно защитного предназначения купол засиял в разы ярче. Черт, как слепит-то, гад, пришлось закрыть лицо маской кошмара и воспринимать окружающее только через фамильяра.

— Живы? — бросил, приблизившись на достаточное расстояние.

— Влад? — непонятно для чего спросил старик.

— Нет, мать Тереза, ладно, вижу, у вас все в порядке.

— Ты видел ее? — старик озадаченно уставился на меня.

— Кого?

— Тварь, матку! — ба, да в себе ли старик? Голос явно выдает нервное напряжение, слегка дрожит, да и о чем он вообще?

— Не было никакой матки, добьем этих и на выход.

— Да нет же! — вскричал он, — она была здесь! Ее надо найти, она в самом центре этих тварей находилась.

И, окутавшись нехорошим темно-красным свечением, ринулся мимо меня в пещеру. Я чуть было не огрел его щупальцем, раскроив от плеча до поясницы, но таки сдержался, внимательно следя за каждым его движением. А старик, словно с цепи сорвавшись, подскочил к ближайшим кучам агонизирующей плоти и развел руки в стороны. Часть тварей дернулась, и разлетелась в стороны, расчистив проход, ректор сделал пару шагов и вновь раскинул руки, разгребая завал. Дурак чертов, чуть не развалил его пополам, предупреждал ведь! Но ректор был слишком погружен в себя. Он явно вознамерился перерыть всю эту кучу, но таки найти искомое, в существовании которого я очень сильно сомневался. Ну, не мог я пропустить какую-то особую тварь, и хоть их и было тут несколько тысяч, но уж матку или кто там у них был, признал бы, думаю, точно. Ладно, не успокоится ведь, и буквально через минуту чуть не ахнул — вот те на! Гораздо правее того места, где как экскаватор работал старик, под грудями трупов зияла дыра, и не маленькая. Ее ведь не было здесь раньше, так какого? Сместившись ближе, принялся споро раскидывать в стороны завалы, и в какой-то момент сцепившиеся на подобии гати тела ухнули вниз, царапая по стенкам обломанными конечностями.

— Что там? — рядом уже находился и старик, во всю таращась на черноту уходящего далеко вниз прохода.

— До нас этого не было, и я тут не причем, — констатировал медленно, с расстановкой, пытаюсь сообразить, каких же размеров должен быть монстр, что бы оставить после себя подобный след. И мало того, края были словно обуглены, это что же, тварь буквально прожигала себе проход? Не может быть, тут бы такая температура тогда стояла, нечета теперешней.

— Влад, куда оно могло пойти? — озабоченно пробормотал ректор, явно не ожидая от меня ответа.

— У этих спросите, — и спустил к нему сладкую парочку, всю красную от слабого доступа кислорода. Их ребра чуть ли не трещали, сдавливаемые тугими кольцами, и мне ох как хотелось сжать их еще больше.

— Они говорить не смогут, ослабь хватку-то, — попросил старик и, грозно сдвинув

брови, обратился к доходягам, — куда оно пошло, ну?

Но в ответ послышалось лишь злое бульканье, эти твари смеялись над нами, будто не мы, а они были хозяевами положения. Что ж, похоже, левому, к примеру, ноги совсем не нужны. Плети сжались, и раздался отчетливый треск, вызвавший вслед за собой чудовищный вой пострадавшего. Вниз закапало красным. Ректора передернуло, но он сдержался и повторил вопрос.

— Куда? — вперив глаза в еще целого, но уже кандидата в очередного инвалида.

Тот растянул губы в усмешке:

— Туда, где вас нет, конец вам, рабы, все сдохнете, — и опять расхохотался.

— Влад, — обернулся ко мне мгновенно побледневший ректор, — оставляй их мне, ты должен оставить эту тварь, слышишь?!

Старик явно сбрендил, глаза перепуганные, нервные, кровь отлила от лица, еще немного и схватится за сердце, вот прикол-то будет. Я к нему что, на побегушки устраивался? Сами с тварью разберутся, после того как меня домой отправят. Но высказаться он мне не дал, схватив за руку и уставившись туда, где, по его мнению, должны были находиться мои глаза:

— Влад, ты понимаешь, оно ушло к Академии, ты должен его остановить, должен, понимаешь, должен! Они не справятся сами, это не простая тварь, а я не успею, но ты, ты-то можешь!

Черт, блин, вашу мать! Как все это вовремя! Внутри где-то зрело понимание, что это будет правильно, что так и должно поступить, но откладывать то, чего так долго ждал, очень не хотелось. Хотя, что я смогу сам с этим всем поделаться, разве разберусь в одиночку? И притом там куча если не друзей, то знакомых, и Кайр, и Айса, в конце концов. Впору было схватиться за голову.

— Хорошо, — бросил зло, — но потом вы отправите меня домой.

Он кивнул.

— Справишься с ними? — бросил пленников на землю, — и сам хоть выберешься?

— Не теряй время, спеши, ну же! — старик был согласен уже на все, лишь бы я поторопился, что ж, держись, тварь, за тобой иду.

И метнулся в зияющую черным провалом воронку, плети мгновенно впились в стены туннеля и дальше я буквально несся, пожирая десятки метров круто петляющего хода. И где-то там, далеко впереди, слышалось невнятное гудение, будто кто-то включил трансформаторную будку. Влево, вправо, потом долго прямо и опять пришлось петлять, да оно пьяное, что ли? Запутанность тоннеля поражала, тварь иногда умудрялась делать чуть ли не мертвые петли в скальной породе, и лишь преодолев очередной такой вираж, додумался пристальнее всмотреться в самую твердь. Вот оно что, гадина, оказывается, не везде может пройти, и ей приходится искать более приемлемые пути для продвижения. Выходит, здесь скала более плотная или еще что, но монстру эти участки явно не по зубам. В общем, гонка продолжалась, я уже перестал следовать пути и при возможности просто пересекал расстояние между частями петляющего тоннеля в тених, существенно выигрывая в скорости. Хреново было то, что лишь частично представлял, в какой теперь стороне Академия, гораздо проще было бы направиться именно туда. Но со всеми этими зигзагами я полностью потерял направление. Так что оставалось только плестись сзади. Сколько длилось это сумасшествие в кротовой норе, просто не представляю, но в какой-то момент стены стали земляными, начали попадаться оплавленные корешки и прочий мусор, опадающий с потолка. А далее начались еле ощутимые толчки, будто небольшое, но частое землетрясение. А ход все уводил

и уводил дальше, во тьму и неизвестность. И когда уже было совсем решил рвануть наверх, наплевав на преследование и желая хотя бы определиться с местоположением, тряхнуло и грохнуло особо сильно. Будто прямо надо мной в землю врезался метеорит, с потолка посыпалось, туннель впереди начал оседать.

Плывать, вперед и только вперед, и через минут пять бешеной гонки я пробкой вылетел под открытое небо, что бы в следующее мгновение поразиться царящей вокруг разрухе. Части стены просто не было, она обрушилась и скукожилась, покрывшись черной гарью, некогда цветущий и пахнувший за ней сад был жутко искалечен и смят, будто по нему пришлось нечто столь огромное, что втаптывало и ломало деревья, как кусты у себя под ногами. И вся эта кошмарная просека уводила дальше, к Академии. Черт! И я метнулся вперед, так не успел, тварь оказалась шустрее, чем предполагал.

И как только подумал об этом, земля дрогнула еще раз и буквально метрах в пятидесяти от меня вспучилась, выпуская под солнце нечто столь чудовищное, что вся живность в пещерах показалась мягкими плюшевыми игрушками. Это был какой-то демон, абсолютно не похожий на тех клацающих клешнями и жвалами тварей. Я бы отнес его к кошмарам, если бы они тут вообще были, но этот мир их не знал. И представшая передо мной тварь кошмаром если и была, то не по сути, а по названию. Чудовищная помесь перевитого жилами моллюска с омерзительно бурыми отростками то ли медузы, то ли еще чего, свободно развивающимися сзади. И все это вибрировало, заставляя воздух вокруг себя плыть и струиться, подобно воде. Тварь дернулась в сторону, явно показывая, что свободно парит в пространстве, и вдруг с бешеной скоростью врезалось в землю. В стороны полетели комья, а края образующейся воронки стали запекаться. Творилось, бог знает что. Но это была не температура, деревья и кустарники вокруг даже не задымились, хотя от того, что творилось с поверхностью, должны были просто-таки вспыхнуть факелами. Еще миг, и тварь скрылась с глаз, будто ее и не было.

Но ушла не глубоко, метров тридцать, и рванула туда, где мне меньше всего бы хотелось ее ловить, к Академии. И я опять не успел. Крики и вопли послышались почти сразу же, вместе с начавшим оседать правым крылом здания, рушившимся в себя как карточный домик. А тварь просто воспарила из обломков и стала заходить на новый разворот. В нее тут же полетели сгустки огня, какие-то синие копья, стали прямо на ее броне лопаться зеленые брызги, но шкура монстра тут же затягивалась, показывая просто невероятную регенерацию. Потом тварь, завершив движение, снова резко ушла под землю, оставив после себя еще одну чудовищную воронку и парящий, плывущий воздух. Пройдет мгновение, и она снова покажется на поверхности, неся с собой смерть и разрушение. Но и в Академии были отнюдь не дураки, из нее уже вовсю выбегали наружу и уходили как можно дальше, формируя своего рода отряды. Будут сражаться? Черта с два у них что получится, слишком уж оно быстрое, над землей висает ненадолго и раны затягивает просто невероятно быстро. Я скривился, каких-то тридцать секунд наблюдаю весь этот хаос, а в голову так ничего и не пришло. Чем помочь, как это убить? Рвать и резать ее бесполезно, зарастет мгновенно, а больше я ничем не располагаю. Рой сейчас не помощник.

Земля опять содрогнулась и монстр, разбрасывая вокруг себя обломки и мусор, величественно поднялся из соседнего крыла, снося его напрочь. Весь направленный в него боевой потенциал Академии ушел в молоко, гадина позволила себя лишь ужалить и тут же вильнула в сторону, вновь намереваясь грохнуться в спасительную твердь. Это был кошмар, они ничего не могли противопоставить этому монстру, просто не успевали. А потом окрик и

время сжалось, сердце сделало удар и остановилось. Тварь падала под углом прямо на группку людей, и первой среди них стояла Айса, во всю вычерчивающая перед собой защитную схему, явно надеясь выиграть для остальных время. Как глупо...

Если бы меня сейчас могли слышать, наверняка испуганно сжались бы от вырвавшегося из горла злого рева. Тени приняли меня в себя и мгновенно швырнули вперед, наперерез, в тщетной попытке сделать хоть что-нибудь. Ни оттолкнуть фигурку в сторону, ни изменить траекторию монстра я был не в силах, и потому сделал то единственное и глупое, что первым пришло в голову. Если бы чудовище падало вертикально, черта с два успел бы, а так, пройдя сквозь его переднюю часть, вынырнул между ним и девушкой, и заорал от натуги. Чудовищная тяжесть ударила в спину, заставив ноги по колени войти в землю. Кости затрещали, грозя вот-вот полопаться, а грудь сжигало бешеное пламя, не позволяющее сдвинуться, ни на йоту. Впереди же испуганно смотрели ее глаза, такие близкие, и такие сейчас совсем здесь не нужные. Беги, дура, беги, твои ведь уже ушли все. А она стоит и смотрит и по щеке катится слеза.

А меня все гнуло и гнуло, хребет трещал, не знаю, что там может издавать такие звуки, но я стал прощаться с жизнью. Рот наполнился кровью, и чтобы не захлебнуться, дал ей просачиваться сквозь фамильяра на землю. Плетки облепили тварь и частью уперлись в землю, помогая удерживать нереальное давление. Выпорхнувшая наружу черная туча скользнула прослойкой между мной и монстром, но легче от этого не стало. И я вновь заорал, ощущая, как завибрировал воздух, и стало жечь, как погибает Рой, стараясь отодвинуть от меня эту непоколебимую громаду, содрогаются в конвульсиях плетки, не выдерживая чудовищного воздействия. Тварь таки додумалась включить свою чертову бурилку, и совсем скоро от меня останется лишь пепел.

Ноги сгибались, словно под прессом, но я все давил и давил, разрывая горло и харкая кровью, внутри что-то лопалось от чрезмерного давления, не выдерживая и отказываясь работать. Грудь ежесекундно прошило болью, стало невыносимо хреново, но я все еще давил, не надеясь уже ни на что, просто давил, отгораживая собой хрупкую фигурку, такую же, какую не смог спасти тогда, укрыв собой от буйства чудовищной твари.

И тут давление ослабло, не намного, на чуть-чуть, и уплывающее сознание смогло уловить то, что происходило вокруг. Народ не сбегал, как мне думалось ранее, они оказались гораздо крепче, чем ожидал. И сейчас, разбившись по группам, они методично обстреливали застрявшего на поверхности монстра. Но более ощутимый урон наносили четверо с другой стороны: трое преподавателей и Кайр, лупивших по твари чем-то невероятно мощным, прожигаяющим ее лучше всего. Истекающее с рук соседа по комнате жирное, режущее пламя переплеталось с точно такими же потоками, но только другого цвета, и вся это какофония смерти с разрушительным грохотом впивалась в плоть почти доконавшей меня гадины. И из последних сил, чувствуя, как чудовище начинает сдавать, напрягся, ощущая, что еще немного, и просто сломаюсь, сложусь пополам с лопнувшими жилами и мышцами, толкнул ее от себя. И мешком грохнулся наземь. Чувств не было, только сплошное расстройство и боль, терзающая нутро огненным червем. Конец? Возможно. И как глупо. Буквально в шаге от цели.

А тварь грохнулась на землю и дико извивалась, корчась от терзающих ее боевых заклятий, выжигающих в ней целые дыры и вырывающих взрывами здоровенные куски плоти. Она уже не успевала регенерировать, истошно корчась и пытаясь хоть как-то зарыться в спасительную твердь, но тщетно, видно, ей там внутри что-то пережгли и былая

способность дала сбой, так что убежать монстр уже не мог. И медленно, но верно погибал. А ведь мог, вполне мог уничтожить тут все, да вот я подвернулся. Кривая улыбка натянула губы и отозвалась резкой болью, черт! Сука, как же больно.

Со стороны вдруг ко мне метнулась одинокая фигурка. Белый! Кошмар тут же загородил меня, угрожающе оскалившись, не знаю, правда, от кого, сознание плыло и не хотело собираться в кучу. Если бы не питомцы, то вообще бы ничего не различал, глаза слепило и резало, и все было очень и очень хреново. Кое-как привстав, застонал от прошившей в очередной раз нутро боли, и повалился Белому на спину. Сам не смогу идти, пусть несет, и скользнул в тень. Нужно убраться куда подальше, ведь все еще не знаю, могу ли им верить. Да и момент самый что ни на есть удобный, устранить слабую и почти не опасную угрозу сейчас самое то. Так что бежать, спрятаться, затаиться, а там решим. Или отлежусь, приду в себя, или придется искать и заставлять лечить себя кого-то из учеников, других вариантов не было. Преподавателей лесом, сейчас любой из них отделает меня даже мизинцем. Передвигаться в тенях оказалось намного легче, и трясло не так, и весил меньше.

Только вот куда податься? А не все ли равно? Черт, как-то быстро накатило, сознание мутилось все также, а эмоции испарялись просто с ужасающей скоростью. Если потеряю сознание, то или не очнусь, или очнусь уже не человеком, этот мир высосет меня досуха, как паук бабочку, оставив, лишь, равнодушную ко всему оболочку. Этого мне совсем не хотелось и, понимая, что протяну еще совсем немного, сделал то единственно, что казалось здоровым — забрался как можно дальше в уцелевший парк и сполз с Белого в густой кустарник, росший здесь в изобилии. Если захотят, найдут, но уж лучше так, чем превратиться в то, что мне сулили тени. Совсем скоро сознание померкло, и я ухнул во тьму.

Пробуждение совсем не напоминало то, что ожидал, было мягко и удобно, и еще хорошо пахло, что странно, все это совсем не соотносилось с кустами, землей и прелой травой. Глаза распахнулись сами собой, а сверху тут же завис Белый, прикрывая от возможной угрозы. Секунд пять я ошарашено воспринимал действительность и испуганно вскочившую со стоявшего рядом стула Айсу. Девушку явно напугало то, что из ниоткуда появилась такая образина. Мой кошмар и раньше не блистал красотой, являясь скорее порождением чьих-то дурных снов, а теперь, к тому же, успел вырасти, став еще более жутким, чем ранее. И теперь девушка боялась даже шевельнуться, не спуская с него полных ужаса глаз и не решаясь даже вздохнуть.

— Уйди, — зачем-то сказал вслух и только потом увел Белого в сторону, и уставился на главу совета.

— Привет, — нерешительно произнесла она, — как ты себя чувствуешь?

Я проигнорировал вопрос, продолжая молча на нее смотреть. Зачем ей это? Неужели чувства? Глупо, кто она, и кто я. Скоро меня вообще здесь не будет, и что тогда? Будет убиваться и вспоминать? Да первый же понравившийся тебе хахаль заставит забыть обо мне. Черт, почему-то подобная перспектива совсем не понравилась. Ревность? Смешно. Тогда что?

— Есть хочешь? — вновь попыталась наладить контакт девушка, а потом, все же, собралась с духом и села на стул обратно.

— Зачем тебе это? И где ректор? — сорвалось с губ самое насущное.

— Ректор у себя, разбирается с вашими пленниками и артефактами.

— А ты?

— Я? — она непонимающе уставилась на меня.

— Что я делаю в твоей комнате в твоей кровати? И что сейчас делаешь ты? — мне-то все было уже понятно, но нужно было услышать это от нее, что бы понять, насколько я прав.

— Ну, тебя оказалось довольно сложно найти, слишком много магии было разлито в воздухе, в общем, принесли сюда, подлечили и оставили отдыхать, — она отвела взгляд.

— И все?

— А что еще?

— Я голый, — бросил негромко.

— А, ну, да, — замялась Айса, — но мы тебя таким уже нашли.

Черт! Это как понимать? Но проведенная ревизия кошмаров все расставила на свои места. Фамильяр, поганец, уже во всю мирно дрых внутри меня, да еще и щупальца, изогнувшись, тоже почти полностью были погружены туда же. Твою ж мать, видно, не совсем еще отошел, раз не ощущаю всего этого. Стоп, а Рой?! И чуть не дернулся от представившейся картины, еле сдержавшись. Кошмар почти умер, от бывшего величия осталась едва ли жменя, жалкое прозрачное марево, сиротливо клубившееся где-то в моем личном пространстве. Это был удар под дых, он отдался почти весь, спасая хозяина и рискуя исчезнуть вообще. И как я только не уследил? Хотя, какое там при таком состоянии, мозги плыли в буквальном смысле, думать вообще не получалось. Эх, беда, беда, одно радуется, со временем он восстановится, только вот, сколько на это всего уйдет — дни, месяцы, годы?

Еще интересно, когда это успел фамильяра загнать на отдых, что-то не припомню такого. Ладно, значит, они меня видели, но кто "они"?

— И кто тебе помогал?

— Кайси и Кайр, — ответила девушка.

— Завернуть хоть додумались?

— В смысле?

— В простыню, не нагишом же несли через всю Академию?

— А, нет, в смысле нашли тебя уже глубокой ночью, никто не видел. Да и потом не до того было, Кайси почти до утра с тобой сидела, залечивая. Много внутренних органов просто отказало и, — она вдруг запнулась.

— Что "и"?

— Ты отличаешься от нас, энергия циркулирует не так, тело, да и все остальное тоже не такое. Ты только внешне человек, у вас все такие?

— Не все, — покачал головой, — и что со мной? И кто еще знает, что у тебя гость?

— Пока только мы трое, — и, не дав ей договорить, перебил ее:

— Отлично, пусть так и остается, чем меньше народу знает, тем лучше.

Айса покачала головой:

— Мы не враги, Влад.

— Посмотрим, — получилось не особо убедительно.

— Тогда зачем спас меня? — и бросила такой взгляд, что стало не по себе.

— Не знаю, — голова сама собой откинулась на подушку, а глаза закрылись.

— Я так понимаю, Кайси все сделала правильно? Тебе уже лучше?

Пришлось прислушаться к себе, вроде, ничего не болит, руки, ноги на месте и целы, двигаются.

— Да, спасибо ей, со мной все в порядке.

— Ну, не все, она обещала заскочить утром, сказала, такого еще не видела, хочет проверить еще раз.

— А сейчас не утро?

— Светать уже скоро будет, — зевнула девушка.

Меня осенило:

— И ты всю ночь вот так сидела, потому что твоя кровать была занята, — укоризненно уставился на нее.

— Ну, да, — опустила голову девушка.

— Ладно, иди сюда, я тебе все равно пока уступать место не собираюсь, но вдвоем, думаю, вполне поместимся, — и отодвинулся к стенке.

Девушка тут же смущенно переплела пальцы рук, она что, стесняется? Я вздохнул:

— Тебе сколько лет? Маленькая, что ли? Не собираюсь я к тебе приставать.

Аргумент возымел действие и вскоре рядом появился сосед, почему-то сразу же ухвативший меня за руку и заставивший себя обнять.

— А еще краснела, — буркнул втихаря, сам же, вдруг, получая какое-то незнакомое или давно забытое удовольствие от подобной близости, даже не знаю, как это определить.

— Это для удобства, — нашлась Айса и притихла, замерев.

А я, незаметно для себя вскоре задремал, голова была пуста, сны не шли. А мерное посапывание лежащей рядом девушки доносилось откуда-то издалека, будто и не рядом лежим. Потом скрипнула дверь, и женский голосок почти неслышно ахнул, выдав в гостье

Кайси. Пришла-таки, уже утро? Глаза продирает не хотелось, но Айсу уже вовсю теребили, что сказывалось и на мне. Наконец, та проснулась и обе девушки перебрались в другой конец комнаты, подслушивать их шушуканье не хотелось, и я продолжил предаваться сонной неге. Все-таки женская постель существенно мягче мужской, что за несправедливость? Подобная мысль тут же была со всех сторон обмозгована и, не придя ни к каким выводам, решил, что проще себе забирать то, чего не можешь получить само собой. То есть тупо перетащить ее кровать к себе, а ей поставить свою. В мозг тут же прилетела оплеуха, какую свою, мне сваливать из этого мира надо! И глаза распахнулись — обе девушки все еще находились в отдалении. Так, я ведь голый, придется завернуться в простыню. Сказано, сделано, и постель тут же лишается одной из своих частей, устраивающейся на моих бедрах и позволяющей, в конце концов, встать. Ого, слегка шатает, что за? Под руки тут же подхватили и усадили назад.

— Тебе еще рано вставать, — бросила Кайси, — как минимум до вечера лежать будешь. Так-то я тебя подлатала, но сил тебе передать не смогла, странный ты, так что копи сам, отдых и легкая еда все восстановят.

— Боишься странностей? — произнес сипло, ощущая, как все вокруг медленно и неотвратимо ходит ходуном.

— Вот еще, — девушка присела рядом и стала вполне профессионально ощупывать спину. Знала бы она, во что сейчас погружаются ее пальцы, выбежала бы вон, визжа и ругаясь, — болит?

— Нет.

— А здесь?

— Тоже нет.

— И тут?

— Нет, — вздохнул от безысходности, и ведь не пошлешь на хрен, вылечила, как ни как.

— Ничего не понимаю, — пробормотала, наконец, та, — совсем другое ожидала услышать. Ты точно не чувствуешь в себе ничего такого, может, болит, давит где?

Я повернулся и взглянул ей прямо в глаза, понимая, что контакт продлится не более пары секунд:

— Кайси, спасибо тебе, но у меня ничего не болит, я в порядке, и за мной должок, а теперь прости, но до вечера ждать не намерен, — и, опершись о кровать, опять вознамерился встать.

Куда там, меня снова подхватили и чуть ли не силком уложили на спину. Простыня сползла, явив скрываемое содержимое, и девицы замерли, явно соображая, стоит ли отвернуться или что-либо сказать. Понятно, мужика вам надо, а то совсем учебой мозги себе запудрили. Прикрывшись и проигнорировав неловкий для них момент, устало проронил:

— Отлично, лежу до вечера, но тогда, надеюсь, что о моем пребывании здесь никто кроме вас троих так и не узнает.

Девушки нехотя кивнули, а Кайси слишком уж подозрительно улыбнулась.

— Что?

— Ну, я сегодня у ректора была, советовалась по поводу твоего лечения.

Черт! Старый хрыч знает, где я, и, вполне вероятно, что для меня это может закончиться довольно плачевно.

— И что он сказал? — спросил, нахмурившись.

— Сказал передать тебе, что в этих стенах тебе ничего не угрожает и что пока он не

разберется, как переправить тебя в твой мир, тебе следует полностью нам подчиняться, — как-то строго произнесла та.

Черт, опять уйти в тень и свалить куда-нибудь? А смысл, то же самое смогу сделать и здесь, спрятаться ведь точно не получится, как ни как, нашли ученики, а милорд ректор сможет тогда это с закрытыми глазами. Ладно, пока пусть будет так, а там посмотрим. Может, у меня действительно паранойя?

— Хорошо, как скажете, — и уставился в потолок.

— Есть хочешь? — спросила вдруг Айса.

— Можно, — пришлось нехотя согласиться, чувствовать себя таким было не очень приятно, — а вам на учебу не пора?

— Совет пока освобожден от занятий, помогает в организации и восстановлении разрушенных частей Академии.

— Ясно, но надеюсь, кроме профессора обо мне больше никто не знает.

— Никто, полегчало? — насмешливо спросила Кайси.

— Полегчало, — кивнул.

— Ладно, отдыхай, мне пора.

— А я завтрак сейчас принесу, — отозвалась уже от двери Айса, и я лишь вздохнул.

Всю эту неделю, в итоге, только и делал, что вздыхал. Например, когда девушки приносили поесть, или Айса вызвалась по совету подруги разминать мне спину, надавливая на какие-то там точки, когда по ночам помогали добраться до душевой, моя слабость ведь все еще не прошла, зараза такая. А днем я наотрез отказался куда-либо выходить. Потом стал появляться и Кайр, приходилось выслушивать его подначки и стенания о том, как же повезло мне жить в обществе сразу двух таких очаровательных и желанных для него девушек. Когда же спросил, что ж так, вроде бы ему только Айса мила и по сердцу, на что получил ответ, что бывший сосед готов осчастливить собой и ту, и ту. Но по злему стечению обстоятельств, этот шанс выпал почему-то мне. В общем, спал от души, набивал желудок и креп, как говорится, не по дням, а по часам. У Айсы уже вошло в привычку спать со мной в одной кровати, а когда попытался перебраться на пол, то получил целую бурю возмущений. С тех пор и спит под боком, иногда ставя в довольно неловкое положение. И под конец недели все это вылилось в то, во что и должно было. Я окреп настолько, что мог уже сам передвигаться, правда, все еще пошатываясь и держась за стеночку, но функционировал организм вполне адекватно. И когда в следующий раз кровь прилила совсем не туда, куда надо, прошептал на ухо спокойно лежащей рядом девушке:

— Айса, иди ко мне, уже который день мучаюсь.

И тут же был заключен в нежные объятия, а губы девушки впились в мои.

— Думала, уже и не позовешь.

— Ну, извини, — ответил, натужно дыша, — держался, как мог, да оказался не железный.

— Ничего, я прощаю, — она тихонько рассмеялась, и пошло-поехало.

Девушка была чудо как хороша, причем всем и во всем. Я невольно позавидовал ее будущему парню, понимая, что назад, сюда, уже вряд ли вернусь, и рано или поздно у нее все равно кто-нибудь да появится. Да уж, вот такая мужская ревность и чувство собственника. Владеть и не давать владеть другим. Потом все мысли вылетели из головы, когда на нее накатила волна особой страсти, и думать пришлось другим местом. В итоге заснули уставшие и вполне друг другом довольные, по крайней мере, хотелось в это верить.

Наутро почти ничего не изменилось, кроме того, что теперь меня поцеловали перед уходом и, скорее всего, будет это делать и дальше. Даже слегка покоробило, вот что я за мужик такой? Знаю ведь, что уйду. Стоп, она ведь тоже знает. Тогда к чему все это, просто так? Не похоже, вроде все более глубоко и чувственно. Или же ошибаюсь? Ладно, раз оба все прекрасно понимаем, значит, я не сволочь, и могу спать спокойно. Легче стало сразу, совесть поставила штамп "годен", и отпустила восвояси. Вторая неделя пролетела куда более приятно, особенно порадовало то, что силы постепенно возвращались, а кошмары приходили в себя. Фамильяр уже почти полностью восстановился и завтра-послезавтра займет свое законное место. И именно тогда меня осенило. Ведь если им было хреново, и они лечились внутри меня, значит, и за мой счет? То есть вся эта слабость объясняется именно тем, что организм тратил уйму энергии еще и на этих паршивцев. Когда мозаика сложилась, дышать сразу стало свободнее, ясность во всем всегда была для меня основной целью, особенно в отношениях с питомцами. Единственное что Рой все никак не набирал численность, оставаясь все той же крохотной тучкой, и с этим нужно было разбираться. Впрочем, времени сейчас было навалом, так что это не проблема, избавиться бы только от своей соседки, что было очень сложно, когда она попадалась на глаза. Очень уж я изголодался по женскому вниманию. А потом час-два обязательно отсыпался, вот и выходило, что время есть, и его как бы нет, парадокс.

Айса же ходила довольная, как кошка, объевшаяся сметаны, и я начал воспринимать ее совсем по-другому, нежели как зазнайку и прочее, как было раньше. Или она действительно изменилась, или просто я был слепцом. Все может быть, но такая она мне очень даже нравилась, еще месяцок с ней под боком и уходить будет очень сложно. Так что все надо решать как можно скорее. Последовавший вздох оказался очень тяжким, действительно ведь уже не равнодушен к этой прелестнице.

А со следующего дня вплотную занялся Роем. Что с ним делать и с чего начинать, понятия не имел, так что просто смотрел, как он крутит хороводы, и ловил любую проходящую в голову мысль. Но пока ничего путного не шло. И только на третий день меня, наконец, озарило. Банальность ситуации просто добила, и когда его гнездовье на плечах стало усиленно заниматься воспроизводством, опять толкнув меня в пучину слабости и недомогания, не на шутку перепугал обеих девушек, так что пришлось еще тратить время на заверения, что так и надо, и все идет как и должно быть. Кошмару просто нужен был приказ, импульс, дающий толчок и позволяющий приступить к процессу. Свой предел у него, несомненно, был, дальше которого он просто не сможет разрастись, пока не подрастет, но до тех пор он мог штамповать себя, не переставая. Лишь бы хозяин снабжал всем необходимым. И потому в течение следующих четырех дней я жрал буквально не в себя, и очень много пил, особенно нравилась выпечка, ее мог лопать сколько угодно. И совсем скоро по Академии поползли слухи о главе совета, сожительствующей с кем-то неизвестным, но в свете последних событий особо это, вроде бы, никого и не волновало. По крайней мере, Айса рассказывала об этом с легкой усмешкой и, похоже, нисколько этим не тяготилась. Ну, а мне тем более было все равно, учитывая, к тому же, что мозги были заняты совершенно другим.

Рой, он эволюционировал, или развивался, не знаю, но то, что получалось нечто отличное от бывшего, стало заметно сразу же. И я даже не знал, как реагировать. Его части стали мельче, причем существенно, теперь даже кошмарам не получалось разглядеть их хоть сколь-нибудь точно, просто микроскопические точки, вечно копошащиеся, вечно в

движении, сплошная круговерть и карусель постоянно мельтешащего в хороводах гнуса. И их было много, очень много, кошмар штамповал их просто с поразительной скоростью, оттого-то мне, наверное, и было так хреново в последние дни. А потом пришел шок от того, как эта мелочь среагировала на импульс собраться вместе, да поплотнее, это был, своего рода сюрприз. Цельная, монолитная структура зависла в воздухе и с каждым мгновением лишь разрасталась, принимая в себя все новые и новые части, а их прибывало просто невероятное количество. По сравнению со старым Роем это новее нечто явно таило в себе еще массу сюрпризов. В общем, не зная, как к этому и относиться, решил просто дождаться конца и посмотреть на итог. А через пару дней пришла и весточка от ректора — есть разговор.

Что ж, давно пора. Фамильяр привычно затянул тело черной броней и тут меня опять ждал сюрприз, и скорее неприятный. От былой эластичности не осталось и следа, кошмар наотрез отказывался или просто не мог сохранить те же качества при необходимой гибкости. Та же толщина делала движения более резкими, одновременно сковывая былую свободу и лишая маневренности, зато удар, нанесенный с теперешней вариацией брони, думаю, получится значительно более существенный. Это было одновременно и хорошо, и плохо, ведь не боевая форма, она не должна сковывать, и обязана быть комфортной и удобной, так как, по сути, являлась повседневной одеждой. Ладно, ничего не исправишь, значит, и он тоже развивается по какому-то своему принципу, и придется просто смириться с этим.

По пути к ректору на меня постоянно косились и шепотки за спиной вдруг вернули в недалекое прошлое, все, как и раньше. Это радовало, меньше всего мне сейчас нужны были друзья и нелепые разговоры. Старик сидел за столом и явно ждал меня, будто зная, что приду по первому же зову. Да я бы прибежал, если бы не до конца прошедшая слабость, но пока мог только ковылять, Рой все силы вытягивал, да еще и Айса по ночам. В общем, кое-как добрался.

— Милорд ректор?

— Проходи, Влад, садись, — старик кивнул на стул.

— Разобрались? — кивнул на прислоненные к стене у шкафа тотемы.

Тот кивнул:

— В принципе, да, но есть сложности.

— То есть? — руки сжались в кулаки, ощущая, как фамильяр, явно приняв мой эмоциональный всплеск, тут же стал наращивать массу. Это что за номер, такого раньше не было, но броня продолжала утолщаться, выпуская шипы и формируя настоящие защитные пластины. Ахренеть, с какого такого вдруг?

— Ты чего? — ректор ошарашено на меня уставился, не сводя глаз с происходящих метаморфоз.

— Нервы, — дернул головой, — ожидал несколько других новостей.

— Да не все так плохо, успокойся, — старик откинулся назад, впери в меня испытывающий взгляд, — как самочувствие?

— Приемлемое для возвращения домой, — буркнул, ощущая, что уже начал раздражаться, к чему такие вопросы, — что с нашей договоренностью? Я свою часть уговора выполнил, тварь мертва.

— И мы тебе очень признательны за это, — склонил седую голову ректор, — со своей же стороны хочу заверить, что делаю все возможное, что бы выполнить данное тебе обещание.

— И? — мне все больше не нравился текущий ход разговора.

Хозяин кабинета вздохнул:

— Но проблема в том, что, что данные артефакты работают явно по незнакомому мне принципу и приходится буквально шарить наугад, тыкая пальцем в пустоту и надеясь на удачу.

— То есть сейчас вы не можете переправить меня в мой мир, — горло скорее выплюнуло фразу, нежели произнесло, внутри словно зарождался исток хриплого рыка, готового вот-вот вырваться наружу. Почему-то мне не особо верилось в то, что со мной сейчас были честны и откровенны.

— Не могу, — развел тот руками, — при всем желании, очень уж у нас с ними отличаются знания о мире, артефакторика никогда никого не интересовала, играя лишь вспомогательную роль. А у них это целая наука, в этих деревяшках столько всего понакручено.

Я же молчал, соображая, как будет правильнее поступить. Сразу размазать его по стенке, придушить, припугнув и заставив выложить правду или, все же, поверить на слово. Вариантов было не много, но разум все никак не мог определиться, а пауза все затягивалась и затягивалась. В итоге старик, видно, правильно поняв мое молчание, встал и, крякнув, что у него явно было привычкой, подошел к шкафу и начал рыться в одном из его отделений. Спустя пару минут развернулся, держа в руках какой-то рулон, и все так же не спеша направился к столу. Мгновением позже передо мной развернулась громадная карта, полностью, и вдоль, и в поперек, испещренная всевозможными записями и пометками. Глаза тут же прикипели к доселе неизвестной и такой полной информации, нам ведь ни историю, ни географию толком не преподавали ранее, так, для общего ознакомления разве что.

— Это наиболее полная версия, что у меня есть, — заметил старик, — и видели ее совсем немногие.

— И как мне это поможет?

— Мы вот здесь, — указал он пальцем на и так приметный хорошо выполненный рисунок миниатюрной Академии, — сердце континента. Вот гора, Инистри, где мы с тобой были, — еще один тычок в карту, — а здесь государство Кастрия, наш сосед и, во многом, поставщик всего необходимого.

Пришлось кивнуть, с трудом сдерживаясь и ожидая продолжения.

— В прошлой войне с этими тварями оно пострадало больше всего, но и вклад внесло также равносильный, в общем, там много было умных людей, и в государственной библиотеке, я это точно знаю, сохранились летописи тех времен. Наиболее подробные, — выделил старик спустя небольшую паузу, — именно их маги первыми столкнулись с возможностью хождения врага между мирами и вплотную занялись этим феноменом.

До меня стало доходить, чего хочет старый лис: вроде бы и мне помочь и, с другой стороны, заполучить наверняка важную для него книгу или что оно там такое. Вот старый козел, ну, не верю я в твои чистые намерения, в любом случае поимеешь с этого и сам.

— Так попросите у них, что нужно, раз вы в таких тесных отношениях, и выполните свою часть договора, — я нехорошо скривился, — а то нехорошо получается.

— Само собой, — он кивнул, — но в этом вопросе у меня связаны и руки и ноги, да и у любого другого тоже. Тут придется пойти нехорошим путем.

И я не выдержал:

— Сдается мне, что кто-то кого-то пытается водить здесь за нос, — и пристально уставился на него. Белый еще с самого начала разговора находился рядом с ректором, и пусть старик даст мне только повод, вмиг укорочу его на пару конечностей, а то и на голову, — свою часть сделки я выполнил, так еще хотите, что бы помог выполнить и вашу?

— А у меня нет выхода, — развел тот руками, — я и так делаю для тебя больше кого-либо в этом вопросе и сознательно ставлю под удар долгие годы сотрудничества с Кастрией. Думаешь, мне это особо нравится?

— Не знаю, но ваш интерес в этом явно есть.

— Не настолько глобальный, что бы рушить в случае неудачи добрососедские отношения.

— То есть, еще может ничего не получиться?

— Такое всегда может быть.

— Отлично, — внутри уже кипела волна раздражения, — и что вы предлагаете? Перебить там всех и вынести нужные бумаги? Или украсть по-тихому, не привлекая внимания? Что будет более удачным для вас вариантом?

— Ни то и ни другое, — он укоризненно посмотрел на меня, — сам факт исчезновения летописи уже вызовет подозрения в наш адрес, а просто просьба подымет ненужные вопросы и, опять-таки, подозрения. Как ни как, но соперничество в магическом искусстве никуда не делось.

— То есть, никакой крови, никакого нарушения законов.

— Естественно, — покачал головой ректор, — а ты думал, что я буду просить тебя о чем-то подобном?

— Была такая мысль, — кивнул.

— Напрасно, вижу, ты все еще не доверяешь нам.

— И это верно, — опять кивнул.

Он вздохнул:

— Экий ты, ладно, я предлагаю другой вариант, услуга за услугу здесь будет наиболее уместна.

— В смысле? — меня опять начали одолевать сомнения, что сейчас вновь поймут.

— В смысле наиболее простым способом будет предложить им что-то взамен временного пользования нужной нам летописью.

Я скривился:

— И насколько может затянуться подобное, соглашение?

— Надеюсь, я смогу предложить им что-нибудь, что заинтересует их, но, вполне вероятно, с их стороны могут поступить и иные условия.

— Ясно, значит весь этот разговор на случай, если у вас не получится договориться с Кастрией.

Старик кивнул, что ж, он мог бы уже попробовать привести свой план в исполнение и поставить меня в известность об этих самых интересующих их условиях, если бы такие возникли, в случае неудовлетворения тамошних глав его предложением, уже по факту. Но он решил заранее раскрыть все карты, однако, явно намек на открытость и чистоту намерений. Меня даже слегка покорило свое первоначальное отношение, хотя, ума ему однозначно не занимать, так что все это может быть и хорошо продумано. Ладно, не буду загадывать, придется положиться на то, что старик искренен, и надеяться на лучшее.

— И как долго?

— Запрос отправлю сегодня, а там останется только ждать ответа.

— Понятно, а мне, значит, просто сидеть и ничего не делать, — черт, похоже, опять все затягивается.

— Ну, почему же, насколько мне известно, ты еще не полностью выздоровел, а на это требуется время. Плюс ко всему, все уже в курсе твоего не совсем здешнего происхождения, и явно хотят пообщаться более, так сказать, тесно. Тем более, что твое участие, практически, спасло большинству жизнь.

— Не стоит преувеличивать, — я скривился, — и сами бы разобрались.

— Ну, да, — ректор покачал головой, — справились бы, ладно, в общем, мое тебе предложение и очередное доказательство доверия: предлагаю тебе, пока не разъясниться ситуация с твоим вопросом, место преподавателя кафедры Деформации.

Я опешил:

— И зачем это вам и, в первую очередь, мне?

— Влад, — старик грустно улыбнулся, — несмотря на твою силу и способности, ты все еще так молод и не видишь картины в целом, — его лицо утратило былую доброжелательность и омрачилось, — треть Академии разрушена, тридцать восемь погибших, сорок восемь тяжело ранены, про остальные проблемы я вообще молчу. Но как Академия — мы должны продолжать учебу, так что, — развел руками, — сам понимаешь. Так как?

И я согласился.

— И правильно сделал, — отозвалась Айса, — мы с ног сбиваемся, восстанавливая все, и твоя помощь будет как нельзя кстати.

А сама вся лучится прямо, довольна, видать, что проникаюсь жизнью Академии, всяко ближе к ней буду. После разговора с ректором с затворничеством было покончено и я, зайдя за девушкой, отправился вместе с ней завтракать. Внимание со всех сторон еще по пути к старику несколько раздражало, а когда теперь рядом шла еще и Айса, интерес у публики явно зашкаливал. Но заговорить пока никто не решался, то ли мое нахмуренное лицо было тому виной, то ли недавние события возвели меня в ранг некоего неприкасаемого чудовища, не знаю, но все это было лишь на руку. Голова была занята оценкой и анализом ситуации, передвигался я исключительно благодаря фамильяру, так как без него едва ли прошел бы и половину, держась за стену, и если бы еще пришлось на каждом шагу что-нибудь отвечать, настроение испортилось бы полностью.

— Чего такой хмурый? — поинтересовалась девушка, заметив мое состояние.

— Пытаюсь понять, как к этому всему относиться.

— Положительно, конечно, ничего ведь не исправишь, так что ищи хорошее, например, что я рядом.

— Ну, ты это несомненный плюс, — улыбнулся я.

— А тебе мало?

— Нет, но у меня есть цель, и только что она была почти в руках, и вот, опять непонятно где.

Айса грустно вздохнула:

— Милорд ректор всегда доводит дела до конца, просто наберись терпения.

— Так и сделаю, — кивнул.

После завтрака настроение упало еще ниже, так как опять вспомнилась неприятная особенность этого мира — Тень здесь была, но абсолютно не было кошмаров, ни одного, ни единого. Когда столкнулся с этой новостью, желание найти путь домой возросло еще больше, так как на кону теперь стояло еще кое-что — собственная жизнь. Ведь как скоро тело сможет принять и будет готово к новому питомцу, понятия не имел, но что последует за тем, когда наступит время, представлял прекрасно. Этот страшный сон то уходил на задний план, затухая и забываясь, то вновь выныривал на поверхность, напоминая, что вот оно, рано или поздно придет, явится, причем тогда, когда совсем не будешь ждать. В общем, настроение было никакое.

Когда Айса убежала по своим делам, решил провести день на воздухе и выбрался в парк, или то, что от него оставил почивший монстр. Кстати, так и не поинтересовался, добились ли его или, может, для изучения оставили, по частям. Надо будет спросить вечером у моей красавицы, по идее должна быть в курсе. Вокруг же вовсю кипела работа, Академия часы теории, насколько я понял, заменила практикой, и ученики в полной мере отдавались восстановлению всего того, что имело несчастье попасться на пути разбушевавшегося монстра. Не сказать, что выходило все гладко, довольно часто патронирующие их преподаватели и просто наставники со старших курсов довольно громко, затейливо и совсем не стесняясь распинали своих подопечных так, что невольно вспоминались бухие бомжи из

родного мира. Но процесс шел, прежний вид уже имела довольно обширная часть парка, не было, ни чудовищных воронок в земле, уродующих гармонично устроенную сеть аллей, ни выкорчеванных и буквально вмятых в твердь останков некогда великолепных деревьев, дающих в жаркие дни спасительные тень и прохладу. Все время, пока я отлеживался и отъедался, народ пахал как проклятый, судя по тому, что уже было сделано. Единственное, к чему не подпускали учеников, была работа над самим зданием, там трудились уже сами преподаватели, довольно умело восстанавливая стены, наращивая сколотый камень и реставрируя целый, но хоть сколь-нибудь пострадавший фасад. В общем, работа кипела и шла полным ходом, мне же себя приложить было абсолютно некуда. Поэтому забрался, куда подальше от посторонних глаз и пустил мысли на самотек, ситуация была удручающая. Почему-то не особо верилось, что у ректора пройдет все гладко и вопрос разрешится сам собой, нет, со мной давно уже ничего подобного не происходило, всегда нужно было что-нибудь сделать и приложить хоть толику усилий. И сейчас не имел ни малейших сомнений, что получится то же самое.

Ладно, что мы имеем? Первое — кошмары непонятным образом эволюционировали, оба, кроме Белого, тот как был здоровой кошмарной дылдой, так ею и остался. Может, из-за того, что не подвергался таким нагрузкам и не был почти полностью уничтожен? Ведь оба других сосали из меня силы, дай бог, восстанавливаясь, и что-то же толкнуло их на определенные модификации, заставив в буквальном смысле слова эволюционировать. Что Фамильяр, что Рой, я не узнавал их как старых и знакомых мне кошмаров, новые особенности, условия и реакции на, казалось бы, одни и те же импульсы. Первый стал более резким, что ли, буквально в разы быстрее реагируя на приказы и отзываясь даже на малейшее изменение эмоций, вот и сейчас, явно уловив мою, то ли хандру, то ли еще что на меня нашло, выпустил дополнительные сферы обнаружения. Привычные ранее "глаза" куда-то исчезли, вернее, я мог бы их вернуть, но эффективность новых "плюшек" оказалась существенно выше. Не знаю, с чем это связано, просто заметил, что несколько другая форма и они уже не топорщатся во все стороны, а как бы утоплены в основание кошмара, тем не менее имея возможность при необходимости выдвигаться. И таких "ноу хау" было в избытке, теперь даже поморщиться или покривиться нельзя было спокойно, любая смена эмоционального фона тут же воспринималась как приказ, и на тебе, уже появилась броня, укрытая мелкими колючками и шипами покрупнее, движения стали менее свободными, но приобрели силу и резкость, в общем, придется привыкать.

Рой так же заставил присматриваться к себе заново, став более мелким и плотным. Если раньше я знал, что из противника получится очень мелкое, сочащееся кровью и прочей дрянью сито, то теперь он, скорее всего, просто растечется по земле жижей, просеянный настолько часто и густо, что просто не сможет удерживать былую форму. И ко всему прочему, размеры Роя, соответственно, накладывали на его возможности определенные особенности, делая его еще более тонким инструментом, чем ранее. Как более ловко со всем этим управляться, пока не представлял, но то, что он явно не стал слабее, осознавал вполне четко.

Второе, по сути, я уже до хрена времени провел в этом мире, пора бы уже и наступить время очередной ломке, с давлением в висках, головной болью и кровью, сочащейся откуда только можно. Так что, думаю, у меня осталось совсем немного времени, по логике, свой лимит я уже давным-давно исчерпал, но, почему-то, пока не корежит. Может, из-за состояния кошмаров, или просто этой уже предел? Кто его знает, но рвать когти отсюда

пора. И тут в голову пришла очередная мысль — а что, если?

Чем отличаются знакомые мне два мира? Магией, более насыщенным магическим фоном, собственно, и позволяющим ее использование. Так что вполне возможно, что вот этот фон и отпугивает кошмаров. А раз так, то, может быть, на этой планете имеются места, где магии нет? Идея буквально ошарашила своей простотой и доступностью, какого хрена я раньше об этом не задумывался?

Мгновенно подскочив, опрометью кинулся к зданию Академии, надеюсь, милорд ректор сможет удовлетворить мое любопытство и ситуация из, скажем так, аховой, перейдет в разряд "терпимая". Взлетев по лестнице, замер перед закрытыми створками и, деликатно постучав, дождался стариковского "Войдите".

— Влад? — поднял на меня взгляд хозяин кабинета.

— Можете уделить мне пару минут своего времени? — решил я не особо деликатничать и после краткой формальности тут же взял быка за рога, — в этом мире есть места, где магия невозможна или затруднительна из-за низкого магического фона, ну, или по другим каким причинам?

Тот моргнул пару раз и откинулся на спинку.

— Странный вопрос, — наконец произнес старик, — есть конечно, аномальные зоны, почти полностью безжизненные, а тебе зачем?

— Мне нужно туда.

— Вот как? — он потер переносицу, — что ж, ладно.

Через мгновение на столе появилась уже знакомая мне карта, и ректор стал задумчиво ее рассматривать, наконец, что-то для себя сообразив, начал показывать.

— Нам известно всего лишь о двух подобных местах, вот первое, — его палец уткнулся почти в самый конец карты, походу, это другая сторона планеты, в общем, черти где.

— Далековато, — нехотя высказал я мысль.

— Да уж, не близко, — кивнул тот, — и вот второе, — расположение второй точки обрадовало меня куда больше, — это следующее государство за Кастрией — Текка, страна воинствующих жрецов. Довольно опасная для чужеземцев, должен заметить.

— И что там с магией?

— Что и говорил, аномальные зоны, даже простейшее воздействие если и получается, то с огромнейшим трудом, в общем, устойчивый бедный магический фон. Тебе-то зачем?

— Должен добраться и посмотреть на месте сам, — у меня не было ни малейшего намерения рассказывать, что к чему.

— Ясно, планируешь туда отправиться? И когда?

— Сегодня.

Старик тут же удивленно на меня уставился:

— К чему такая спешка, давай дождемся ответа Кастрии, вполне может понадобиться твоя помощь.

— Успеется, это важнее, мне нужна будет подробная характеристика дороги и кое-какая провизия, — смотрю на него.

— Хорошо, — кивает, — зайди в библиотеку, скажешь Агне, знаешь ведь ее, что б помогла, а за припасами в столовую.

— Спасибо, — и, не теряя ни минуты, разворачиваюсь, и молча ухожу.

Теперь осталось спуститься на два этажа ниже и по широкой лестнице, уводящей в подвальное помещение, добраться до госпожи заведующей Библиотекой. Именно так, с

большой буквы, потому что то, куда я сейчас направлялся, было действительно эпохальным местом. Подвальное помещение было не просто огромным, там вполне спокойно терялся народ, и из-за этого пришлось даже делать специальную разметку на перекрестках. Когда первый раз с этим столкнулся, думал, какая-то шутка, а потом увидел план-схему, размещенные, кстати, через каждые три пролета, и юмор тут же потускнел. Госпожа Агни занимала главенствующую должность и курировала вверенных ей в подчинение библиотекарей более мелкого ранга, как паук, сидящий в центре паутины и дергающий всех за ниточки. И, по сути, так оно и было, ее кабинет находился на специально выведенной в центре над всеми возвышенности и еще со всех сторон застеклен, то есть она вполне могла просматривать Библиотеку в любой конец. Меня к ней пропустили без слов, похоже, ректор уже связался и предупредил, что приду.

— Какими судьбами? — оторвала взгляд от книги пожилая женщина, как только закрыл за собой дверь, кстати, тоже стеклянную. Я ее видел впервые и, должен признать, впечатление она производила внушительное. Не в плане телес, нет, передо мной за столом сидела вполне ухоженная худощавая женщина лет шестидесяти по нашим меркам, а по их даже представлять не берусь. Но то, как она сидела, как бросала взгляд, острый, пронзительный, каждое ее движение, казалось, было отточено и предназначено лишь для одного — показать всю пропасть между ней и собеседником. Да уж, ежовые рукавицы тут правят, да мне вот только абсолютно плевать.

— Мне нужен план пути до Текки, желательно с подробностями.

— Ясно, что ж, молодой человек, вот ваша карта, с подробностями, — она взяла лежащий на столе сверток и протянула его мне.

— Благодарю, — я даже ахренел от такой оперативности. Понятно, конечно, что не сама ее сообразила, а подчиненные, но какова скорость, дала указание — сделали буквально сразу же.

— И помните, молодой человек — это имущество Академии, вернете.

Я лишь улыбнулся, слегка покачав головой, какова, а? И вышел, решив ничего не говорить, смысл, она попыталась, я проигнорировал. Заняв один из свободных столиков, развернул бумагу и поразился детализации рисунка. Все было испещрено лесами, домами, лугами, дорогами и подписано, подчеркнуто и даже сделана куча сносок, настоящая схема какая-то. Более того, карта большей частью показывала именно нужный мне участок пути, а сверху, вынесенным в отдельное окно был прописан краткий путь через Академию в Текки. То есть имелся ракурс удаленный, дающий приблизительное понимание маршрута, а ниже раскрывался детализированный, причем все довольно понятно излагалось. Где селения, где развилки дорог, четко и ясно.

Остатки приготовления не заняли слишком много времени, сумку с едой получил в столовой, они набросали туда каких-то брикетов и целый сверток сухофруктов, снабдив меня, таким образом, на целых пять дней путешествия, по их словам. Айса же, явно сразу сообразив, что к чему, когда лишь увидела на пороге аудитории совета, тут же вылетела навстречу и, схватив за руку, отвела в сторонку.

— Ты куда, а как же преподавание, а я?

— Это важно, да и по времени не терпит, — улыбнулся явно встревоженной девушке, — только не говори, что боишься, будто сбегая.

— Попробуй только, — нахмурилась красавица.

— И не думал даже, — последовавший вслед за этим поцелуй частью развеял витавшие

вокруг нее тревоги и позволил продолжить дальше, — Айса, просто ты должна понимать, к чему все идет.

— Я понимаю, — прошептала она, — но что прикажешь моему сердцу делать?

Ну, вот, когда-нибудь подобное явно бы прозвучало.

— Дай ему свободу, пусть бьется как желает, не ограничивай его ничем, — обнял девушку, прижав к себе, — и время само все расставит по местам.

Черт, теперь еще и расплакалась.

— Сама не знаю, как так вышло, просто пришло понимание, и все. И ничего уже не поделаешь, а свободы нет и не было никогда, слишком уж второе сердце рвется в сторону, — Айса отстранилась, пробежав пальчиками под глазами и вытерев одинокие слезинки, — иди, сам сказал, что должен торопиться, а когда решишь свои дела, возвращайся.

Затем поцеловала еще раз и скрылась в кабинете, оставив меня с паршивым, почти предательским ощущением где-то внутри. Что же я за скотина такая, с одной стороны, хотелось хорошенько дать себе под дых, с другой — прекрасно понимал, что был с ней абсолютно честен, всегда, и нет моей вины в том, что так по подлому выкрал ее сердце.

Добираться до отмеченного на карте каньона решил, существенно срезав, следовать параллельно тракту, огибая чуть ли не каждый холм, петляя по лесу и делая значительный крюк вокруг отмеченного озера, казалось идиотизмом. А затем еще на границе с Кастрией, неизвестно сколько, париться на их таможне, так как со стороны Академии ничего такого не было. Да и дальше не лучше, от города к городу, через всю страну, вернее, крайний ее участок, дорога лишь еще больше удлиняла путь. Так что нет, двигаться решил по прямой, через лес, потом, добравшись до соседнего государства, пересечь отделяющую его от нас реку и снова по лесам, даже болото одно, если верить карте, придется миновать. А там уже и Текка.

Скрывшись за зеленым занавесом леса от посторонних глаз, привычно уже послал Белого вперед, разведывать местность, а сам выпростал с десятков плетей и понесся на взятый заранее ориентир. Всего таких на самой карте в более менее последовательной цепочке оказалось ровно восемь, но зато каких: одинокая и невесть как оказавшаяся посреди леса скала, потом обгоревший то ли остов, то ли каркас чего-то невероятно громадного, а может и не обгоревший, просто на карте оно было зарисовано черным, как в копоты. В общем, тупо от точки "А" в точку "Б", потом в "В" и так далее, ничего сложного. На ночь останавливаться тоже не стал, не видел смысла, темнота мне не помеха, а время-то поджигает, будет совсем не смешно окочуриться где-нибудь по дороге.

Лес со временем перестал вообще замечаться, проносясь сплошной стеной стволов, зелени, кустов и травы, сливаясь и теряясь в своем бесконечном мелькании. Живность на пути, едва замечала мое присутствие, тут же кидалась наутек, и по бокам только так и шелестели, скрывая своих обитателей густые и разлапистые листья всевозможных форм и оттенков. Сколько тут всего жило, просто диву иногда давался, буквально каждый метр кишел прямо таки умопомрачительным количеством насекомых, разнообразных грызунов и хищников что помельче. Настоящий рог изобилия какой-то, еще бы лианы со всех сторон свисали, и можно было бы считать, что в джунглях. Вот в них да, в разы больше всех и всего. А тут-то что, ну, густое зеленое покрывало, ну, деревья через каждый метр почти, и все, откуда здесь столько всего. Но потом и это перестало интересовать, а когда добрался до первого ориентира, стал понимать, что не все так хорошо и складывается. Слабость-то усилилась, причем существенно. А вскоре стала кружиться и голова, причем в самый

неподходящий момент, и я на всем скаку врезался сначала башкой, а потом и всем телом в немаленького такого обхвата ствол, прилично приложившись и безвольно заскользив по нему вниз.

В висках шумело и хотелось помотать головой, прогоняя этот назойливый стук, внезапно хлынувший в черепушку со всех сторон. И поначалу я даже слегка испугался, приняв его за начало той самой ломоты, которая все это время нагнетала на меня такой негатив. Но потом все утихло, и мой принявшийся было паниковать разум, констатировал небольшое сотрясение, других объяснений у меня просто не было. И когда продолжил путь уже на менее высоких скоростях, без особой спешки и внимательно выбирая путь, у меня было чем заняться.

Любой подобный удар посильнее хоть и не пробьем броню фамильяра, но запросто вышибет из меня дух, а то, и хуже — просто убьет. И потекли долгие часы изысканий, сначала думал сотворить нечто вроде сминаемой и пружинящей подкладки, но отменил эту идею как бред сивой кобылы. Ну, сомнется она, погасит часть удара, а потом что? Нет, не то. Потом экспериментировал с самоподстройкой кошмара под удар на основании его силы и скорости, и тоже отказался из-за сложности воспроизведения подобного приказа. Далее на ум попала мысль про активную составляющую брони, как у танков, идет принятие информации о поражении, и тут же начинается контратака. Особых проблем данное преобразование вызвать было не должно, схему я представлял прекрасно, но это выгодно в сражении, а если опять дерево? Меня же отбросит назад с черти какой силой, как бы что не порвалось внутри от подобной встряски. В итоге пришел к выводу, что останавливаться на чем-то одном не имеет смысла, и придется воплощать в жизнь комплексное решение.

На что и потратил следующие два, а то и все три часа, повторяя попытку за попыткой и отказываясь от одного неудачного варианта за другим. Под конец кошмар преобразился и стал шире, что в плечах, что в талии, что и в других местах, слегка укрупнив и увеличив мою фигуру. Зато результат оказался очень даже ничего, дорабатывать его все равно придется, зато, по крайней мере, уже есть с чем заниматься.

Фамильяр вдруг резко отклонился в сторону, заставив клацнуть зубами, и самовольно затянулся на голове, закрыв меня полностью. В основание шеи тут же что-то довольно сильно клюнуло, вновь вынудив покачнуться, и только спустя мгновение кошмар зафиксировал упавший вниз предмет — стрела. Осознание проблемы пришло так же молниеносно, как и очередная атака, густо оперенная, толстая, почти в полтора пальца толщиной. Попадание в грудь оказалось довольно ощутимым и даже оттолкнуло слегка назад, но не более, а в следующую секунду Белый уже летел в ту сторону, я же прыгнул к ближайшему укрытому мхом стволу. Плети обвили лесного гиганта, зацепившись концами за глубокие борозды в коре, и бросили тело вверх, позволив укрыться в густой и пышной листве.

Нападение было столь же неожиданным, сколь и опасным, если бы кошмар не отреагировал, одна из стрел точно бы забрала мою жизнь, я ведь от таких атак абсолютно не был застрахован. Неожиданность и оперенная смерть в глаз или шею, и плевать им на мою броню и прочие прибаамбасы, легко и быстро. Качественное убийство, профессиональное. Да еще и слабость эта, слегка мутившая разум и периодически вызывающая надоедливую тошноту где-то в желудке. Блевать не тянуло, но муторно и противно было. Ага, есть, вот ты и попался, голубчик.

Белый довольно быстро отыскал засевшего черти где от нас стрелка — закутанная в

зеленый балахон фигура оказалась довольно хорошо замаскированной и если бы не пошевелилась, хрен бы кошмар ее заметил. Разве что смотреть бы пришлось насквозь, но вряд ли бы я до этого додумался, мозги постепенно плыли, и сосредотачиваться становилось труднее. Каково же было мое удивление, когда этот черт заметил мое приближение, будто сквозь листву смотрел, уставившись прямо на меня. Что за хрень? Пришлось сшибить его с ветки на землю, благо он довольно удачно упал и даже умудрился тут же вскочить, но Белый сбил его вновь и вжал лицом вниз. А через пару минут подоспел и я.

Фигура на земле извивалась и корчилась, в тщетных попытках вырваться, но не ему было тягаться с силой кошмара, так что, опустившись рядом с ним на корточки, протянул руку и сдернул капюшон. Вот те на, женщина, вернее, девушка, и довольно симпатичная, только вся землей измарана.

— Как вкус, нравится? А червям да, ты ведь и меня им на корм хотела пустить?

Та тут же вскинулась и дернулась так, словно хотела разорваться надвое, но Белый держал крепко и лишь еще больше надавил, заставив пленницу вскрикнуть от натуги. Какая резкая, я скривился, и за что хоть пристрелить пыталась?

— Ты дикая, говорить совсем не можешь? Как животное? — и ее пробило.

— Сам ты животное, тварь! Мразь такая! Тебе не жить, мерзость!

Ого, я даже опешил от такой отповеди, думал, если и станет угрожать, то хоть не с такими эмоциями, да она прямо ненавидит меня. И за что, хоть убейте, не помню, что бы когда-либо пересекался с ней. Может, забыл просто?

— Мы раньше встречались?

— Если бы встречались, ты бы уже гнила в земле, тварь, — прошипела девушка разъяренной кошкой, мда, тяжелый случай.

— Хорошо, грозная ты наша, — эта девица, несмотря на то, что чуть не отправила меня на тот свет, начинала меня забавлять, — но с чего ты взяла, что я настолько плох, что меня непременно стоит прибить?

— Потому что ты зло, — и смотрит так, что вот-вот вцепиться может, отпусти ее только.

— Понятно, — уселся на землю полностью, — и раз уж ты никуда не торопишься, расскажи-ка мне, о чудо воин, с чего это вдруг я зло?

— Отпусти, и узнаешь, — вновь шипит как кошка.

— Ага, и ты на меня кинешься, и мне придется тебя прибить, — качаю головой, — а мне только-только стало интересно. Хотя ладно, как-то неудобно так снизу вверх, наверное.

Плети обвили ее запястья, лодыжки и взяли в кольцо за талию, а Белый отошел в сторону и встал на страже. Первый же брошенный на меня в упор взгляд мог расплавить камень, а открывшиеся было в порыве губы, вот-вот должны были исторгнуть очередную гадость, как я поднял вверх палец:

— Нет, нет, давай без грубостей, даже умирать стоит достойно, а не как животное, — и она сдержалась:

— И что дальше? — брошено было сквозь зубы, с явно сдерживаемой злостью.

— Ну, во-первых, мне интересно, с чего вдруг я стал тебе врагом.

Девица помолчала.

— Вы все враги, что, станешь отрицать?

— Да мне плевать как-то, — пожал плечами, — меня трогают — бью в ответ, не трогают, и мне все равно, только вот не припомню, что бы хоть кого-то обидел за этот год.

Или ты мазохистка?

— Сам такой, тварь! — вновь сорвалась собеседница, и я не выдержал, рассмеявшись во все горло, черт, в животе тошно, голова вялая, а смех так и лезет, ну нельзя же так.

— Чего ржешь, нелюдь?

Оппа, а вот и наводка.

— Какая же я тебе нежить? — подавил очередной смешок.

— А это все так, — кивнула на меня, — а передвигаться, как ты, тоже все могут, а то, что живность вся в страхе разбегается, тоже просто так?

— Конечно, — киваю, — ошиблась ты, красавица, только вот что же мне делать с тобой? Опять ведь кинешься нести добро, а я жизнью дорожу.

— Как же, дорожишь, вторая ведь, — еле слышно пробормотала собеседница.

— Чего? Какая вторая? — и только тут до меня, наконец, стало доходить, о чем шла речь. Ахренеть, у них здесь что, в этом мире еще и мертвецы живые водятся, вампиры там, умертвия, личи, кого еще из книг помню? Но девица не ответила, уставилась куда-то мне в центр груди и замолкла, явно ожидая дальнейшего развития событий. И я плюнул, хоть и интересно все это было, да вот не ради этого в леса забрался, стоит ли тратить на подобное время, когда своя жизнь на кону.

— В общем, дура ты полная, — стал подниматься, — научись разбирать, в кого стреляешь, а то в следующий раз перекину через колено и так по заднице отхлестаю хворостиной, месяц сидеть не сможешь, — и легонько оттолкнул ее, опрокидывая на спину и освобождая от пут.

— Бывают же дурехи, — бросил уже на ходу, поднявшись в воздух, и тут же получил в ответ яростное:

— Сам такой! — о, уже сам, кажется, таки дошло, ну и бабы по лесам здесь шастают, а ведь меткая, зараза, хоть и больная на голову.

Спустя час уже и думать о ней забыл, впереди исполинским каменным клыком возвышалась скала — первый ориентир, возле которого хотел сделать привал и бросить в желудок хоть чего-нибудь, а то совсем скоро урчать начнет. Каким образом в гуще леса оказалась эта чудовищная громадина, действительно похожая на чей-то зуб, даже думать не хотелось. Так как сразу же вырисовывался размер монстра, которому такой клык мог принадлежать, да уж, фантазия, так ее. На вершине скалы оказалось небольшое плато, поросшее непонятно как здесь выживающим густым кустарником, корчевать его мне не хотелось, и пришлось спускаться вниз.

Трапезу пришлось устраивать прямо на земле под одним из деревьев, и если бы не мои способности, я бы ни за что на это не решился. Слишком густые были кусты вокруг, слишком много тени и слишком много возможностей подкрасться незаметно. А так к радиусу обзора фамильяра добавлялось еще и то, что видел носящийся кругами Белый, в общем, я был более-менее спокоен. И, как оказалось, совершенно напрасно, так как нашли меня довольно легко и быстро. Хотя этой ненормальной явно не составило труда просчитать, куда я двигался до нашей с ней встречи. А теперь эта сумасшедшая спокойно и даже как-то вольготно направлялась именно в мою сторону, будто видела сквозь листву и деревья между нами. Это стоило обмозговать, но позже, а пока лишь внимательно наблюдал за ее приближением, даже есть перестал, особенно, когда заметил, что она несла. Аппетит пропал почти сразу же, к мучавшей все это время легкой тошноте прибавилась еще тошнота от увиденного. И с чего это я такой изнеженный стал, раньше такого не было, кровь и кишки

уже давно не вызывали у меня никакой реакции, а тут такое от вида убитого кролика. Или зайца, хрен разберешь.

— Не получилось стрелами, так решила забить меня этим? — кивнул ей, как только она вышла из тени деревьев.

— А подействует? — надо же, и куда только делась агрессия.

— Разве что блевать заставит, не здоровится мне что-то в последнее время.

— Тогда повременю, — и продолжает идти.

— И еще, ты что здесь делаешь? — прозвучало это уже не так дружелюбно, — помнится, совсем недавно злоба, бывшая из тебя, могла меня испепелить.

— Я ошиблась, ты питаешься не тем, чем они, — девушка улыбнулась.

— И как же ты это разглядела оттуда, — кивнул на чашу, — и как вообще нашла меня?

Она рассмеялась:

— Только не говори, что хотел спрятаться в лесу от эльфа.

Я опешил, что она там только что сказала? И сразу же взгляд заскользил по ушам, глазам, затем углубился внутрь, проверяя наличие стандартных органов, и не нашел ничего, абсолютно ничего отличающегося или необычного. Не понял, и с какого такого она эльф?

— Ты, эльф? — переспросил спустя секунду.

— А кого ты ожидал увидеть в лесу? Скального, подземного?

— Чего? — до меня постепенно доходило сказанное, здесь что, есть еще и разновидности? Бред, скорее просто больная фантазия или какие-то местные племена, возможно, со своей магией, обычаями и прочим жизненным укладом. Да и с чего я вдруг решил, что эльфы именно то, чем их принято считать у нас — другой расой, более долгоживущей и утонченной. Ведь в книгах именно так о них писали, и читателям это было ой как интересно, оттого и продолжали их описывать в том же духе.

— Тебе явно нездоровится, проблемы со слухом? — она опустила на землю немного поодаль и принялась разделять тушку, марая кровью траву и руки. Я отвернулся, не собираясь наблюдать весь процесс, как ни странно, но вид происходящего меня слегка мутил.

— Что, боишься вида крови? — заметила мою реакцию девица.

— Просто не представляю, что ты будешь это есть.

— Это? — она удивленно на меня посмотрела, — Вообще-то, хотела извиниться и тебя угостить.

— О, нет, спасибо, но нет, — меня даже скривило, одно представление того, что буду засовывать себе в рот мясо, тут же вызывало позывы к рвоте. Да что со мной такое?

— Не любишь зайцев? — значит, все-таки не кролик.

— Скорее не люблю травить себя.

— То есть? — не поняла девушка, прекратив вынимать требуху.

— Ты мясоедка, — покачал головой, — тебе не понять.

— Да ладно, — усмехнулась, — хочешь сказать, что питаешься только этим? — и кивнула на мою сумку у ног.

— Не вижу смысла продолжать, — покачал головой.

Пару минут она смотрела на меня, как на некое чудо, невесть каким образом встретившееся на ее пути.

— Ты что, действительно из этих? — она внимательно меня оглядела, — да вроде нет, не похож.

— Слушай, ты чего за мной шла, извиниться? Или лезть в душу со своими устоями, я тебя не звал и не ждал, заметь, — ни с того, ни с сего, я вдруг понял, что мною начало овладевать раздражение. И это тоже был дурной признак, неуравновешенность никогда не была моей слабостью.

— Ну, прости, просто не ожидала подобного от, — она запнулась, — зовут-то тебя как?

— Влад.

— А я Кита, будем знакомы.

— Ага, будем, — буркнул в ответ.

Некоторое время мы не разговаривали, она закончила с разделкой, потом натаскала хвороста и соорудила костер. Тушка зайца была разделена на части и каждая насажена на свой пруттик, потом самым волшебным образом костер вспыхнул, и мясо заняло свои места, нависнув над полыхающими под ними языками пламени. И только тогда девушка решила возобновить беседу, тем более, что я уже успел остыть, негатив схлынул так же внезапно, как и пришел.

— В Академии создали новые магоформы? — взглянула она на меня.

— Что? Нет, не знаю, с чего ты взяла?

— Твое одеяние, никогда такого не видела.

— И не увидишь, здесь у вас такого нет, и никогда не будет, — если моя теория верна, но этого вслух уже не сказал. Есть не хотелось, так что просто сидел, уставившись в узкую полоску темнеющего неба между телом скалы и нависающими над нами кронами. Это на удивление умиротворяло и успокаивало, было что-то завораживающее в этой вышине, недостижимой и неизменной. Что бы тут, внизу, не случилось, война или катаклизмы какие, звезды всегда останутся на своих местах. Это нам, букашкам, все кажется глобальным, существенным, а для них это лишь миг бытия, не значащий абсолютно ничего.

— Значит, не в Академии?

— Нет, — покачал головой.

— И где же? — ее явно интересовал этот вопрос.

— Далекое, ты не знаешь тех мест.

— Туда направляешься?

— Нет, — вот, прицепилась, я вновь ощутил, как начал раздражаться. А еще вдруг захотелось спать, глаза были буквально пересыпаны песком, причем ощущение потребности во сне пришло так резко, что стал даже подозревать в этом свою собеседницу. Но, нет, с момента появления следил за ней безостановочно, никаких магоформ та не использовала, выходит, организм сам затребовал отдых, — ты очень настырная, знаешь об этом?

— Не настырная, а упорная, — усмехнулась та, — к тому же, нам с тобой по пути, если только не шел к этой скале.

Я чуть не подавился зевком, что за новости? Это такой способ напроситься в совместное путешествие, просто поставив собеседника в известность? Однако, девица не пропадет, наглости ей не занимать.

— Извини, но тебя не знаю и, соответственно, не доверяю, — покачал головой.

— Я же представилась, тебе мало?

— Странная ты, — посмотрел на нее, мясо уже всюю шкварчало, и девушка спешно посыпала его сверху чем-то из своего балахона, — и это лишь еще больше настораживает, так что, спасибо, как-нибудь сам.

— Чудак ты, впервые вижу, чтобы кто-то отказывался в лесу от помощи эльфа.

— Зато спокойнее, кто тебя знает, сначала стреляешь, потом накормить хочешь, а дальше что — даже представлять не хочу.

— Ой, испугался бедной девушки, — расхохоталась та, — сначала по земле катал, а теперь боится.

— Хохотушка, — беззлобно бросил в ответ.

Девушка удовлетворенно кивнула:

— Поладим.

Я вздохнул:

— Буду уходить, заброшу на скалу.

— У, ты какой, — состроила Кита смешную рожицу, — неужели оставишь девушку одну на произвол судьбы?

— Думаю, тебе от этого вреда особого не будет.

— Да ладно тебе, мне в Кастрийские леса, если по пути, проведу в один миг, чем плохо?

— Я и сам как бы, не без ног.

— Ага, только не пользуйся ими, — и улыбается.

— Тебе-то что? Каждый бегаёт, как может, да и чем ты можешь мне помочь?

— Да ладно, неужели не знаешь? — и глазища то какие стали, будто несусветную глупость сморозил.

— Понятия не имею, о чем ты, — и равнодушно зевнул, черт, да как спать-то клонит.

— Ну, ты даешь, наверно действительно откуда-то издалека. Наша магия позволяет существенно сокращать путь по лесу, по крайней мере, в Кастрии будем уже завтра к вечеру.

Я посмотрел на нее, и ведь не врет, вроде, такое предложение грех отклонять, да вот только слишком как-то гладко все складывается, в чем подвох-то? Ну, если не брать во внимание, что на протяжении всего нашего шествия будет засыпать вопросами и вытягивать интересующую ее информацию, или пытаться, по крайней мере.

— А что взамен?

— Мне хватит и беседы, к тому же, есть шанс напороться на дважды живущих.

— На кого? — не понял я.

— Ну, тех самых, за кого тебя приняла вначале, кстати, у тебя хороший костюмчик, стрела должна была тебя навывлет пробить.

— Спасибо, буду знать, как эльфы незнакомцев встречают, — съязвил, скривив ухмылку.

— Да брось ты, обозналась, признаю, но тебя кто угодно с ними спутает.

— И что ты от меня хочешь, если встретим их?

— Ну, как, поможешь отбиться, если больше одного будет.

— А с чего вообще взяла, что тут такие есть, кроме зверья никого и не видел.

Девушка помрачнела, сразу став на пару лет старше, осунулась:

— Я к друзьям шла, а нашла лишь оскверненные и обугленные остатки, кого не забрали, прокляли или сожгли, твари, — ее кулаки сжались и прут с куском прожаренного мяса, обломившись, упал на землю, прямо в пыль.

— Соболезную, — а что еще мог сказать.

Она кивнула.

— Пыталась их выследить, но не смогла, не зря они чужие, отсутствующие, будто и нет их, а когда приходят, оставляют лишь скверну. Да и та со временем рассасывается, и остается лишь пустота, — Кита тяжело вздохнула.

— Настолько опасные?

Девушка кивнула:

— Бить только издалека и наверняка, а то догонят, а рукопашная это верная смерть или что похуже.

— То есть я, если что, помогу отбиться, а ты сократишь мне путь, и больше ничего?

— Выходит, так, как ни как, вдвоем безопаснее.

Думал недолго, выгода была налицо, и потому ответил почти сразу же:

— Договорились, только ночью не приставать, я выспаться хочу.

— Вы, люди, такие смешные, — Кита протянула руку и взяла еще один прутик с мясом.

— Будто ты не человек.

— Нет, конечно, я — эльфийка.

— Ну, да, говоришь так, будто к другой расе относишься, а у самой все тоже самое, что снаружи, что и внутри. Две руки, две ноги, сердце, почки, печень и так далее. В общем, — рот чуть не разорвал коварный зевок, — как себя не называй, а биологически ты самый что ни на есть обыкновенный человек.

Белый прижал ее к земле в самый последний момент, чертовка настолько быстро метнулась ко мне, что могла и успеть. Вот ведь думал же, что стремная баба, нет, решил поверить, и на тебе. Пришлось вставать, поворачиваться к ней лицом, а далее взгляды сами нашли друг друга.

— Знал ведь, что не стоит тебе доверять.

— Меня еще никто так никогда не оскорблял, — все это мы выговорили почти одновременно, и только потом до обоих дошла глупость ситуации. И если она устыдилась, судя по ее лицу, то мое мнение никак не изменилось. Идти дальше в паре с этой ненормальной я не собирался.

— Утром каждый пойдет своей дорогой, а на ночь останешься под присмотром, дернешься — не пожалею, — и, покачав головой, добавил, — дура душой.

Потом, напрочь игнорируя ее попытки завязать разговор или просто отталкивая плетью назад, к костру, если пыталась подойти, отвернулся и провалился в чуткую дрему. Подобное состояние помогал поддерживать сам кокон, не знаю как, но при необходимости, он в буквальном смысле удерживал сознание на самом краю, не позволяя тому соскользнуть в царство морфея. А значит и остальные кошмары не бездействовали, и если что, тут же дадут картинку иотреагируют по первому же импульсу. В общем, ночка не предвещала никаких сюрпризов, а утром избавлюсь от этой особы и двину дальше, пусть даже будет дольше, зато явно безопаснее. Соседка еще некоторое время сидела у костра, погруженная в свои мысли, потом легла рядом, повернувшись к нему спиной, и завернулась в свои тряпки, так как одеждой этот балахон язык не поворачивался назвать. Больше до утра ничего не происходило, и время пролетело почти в мгновение ока.

С началом рассвета я поднялся, Кита все еще спала и вряд ли проснется в ближайшее время. Уходить вот так, оставив ее беззащитно дрыхнущей, не хотелось, так что решил сначала разбудить эльфийку.

— Кита, подъем, я уйду и охранять тебя будет некому, пока спишь, слышишь?

Тишина, пришлось наклониться и растряссти ее, сопела девушка буквально в две дырки, явно не страшась того, что мог оставить ее одну или, того хуже, напасть исподтишка. Вот ведь самоуверенная девица и, что неприятно было осознавать, вполне верно меня просчитавшая.

— Эльф неадекватная, подъем, хватит дрыхнуть.

— Уже утро? — наконец сонно пробормотала та.

— Да, уже утро, и удачного тебе дня.

— Постой, — в ногу бесцеремонно вцепились, и я замялся, ну не вырываться же, право слово, да еще у сонной такой.

— Чего тебе?

— С тобой иду, — девушка сладко потянулась и села, вперила в меня взгляд, — если бросишь меня, все эльфы узнают о твоём подломе и низком поступке.

Я чуть не рассмеялся:

— О, нет, только не это, только не все эльфы, — и добавил уже нормальным голосом, — давай, отпускаяй уже.

— Девушке, нужна, защита, — чуть ли не по слогам произнесла она, проигнорировав мою клоунату, — и я обещаю себя хорошо вести и не надоедать, более того, если идешь за пределы Кастрии, доведу до ее границ, это максимум завтра вечером, идет?

Вот, блин, сомнения насчет ее обещания у меня, конечно же, были, да и характер ее взрывной не особо импонировал, а с другой стороны, что мешает уйти от нее в любой момент, если посчитаю нужным. И ведь время поджимает, сам понимаю, может, все-таки стоит рискнуть? Да и чем я рискую? Ничем. В общем, убедил-таки себя, невзирая на вчерашнее решение и коротко кивнул:

— Брошу сразу же, как только посчитаю нужным.

— Договорились, — девушка тут же подскочила и юркнула в кусты, сразу же вызвав у меня подозрения, что первым проснулся все-таки не я. Ждала пока встану, чертовка?

А некоторое время спустя увидел и ее хваленую эльфийскую магию, и это было нечто. Я совсем не предполагал, что будет нечто подобное, скорее ожидал каких-нибудь подземных рек с лодкой, тайных ходов и тому прочее, но все оказалось совсем иначе. Мы просто продолжили идти, а девушка вдруг вся буквально расцвела магоформой, да еще какой, вокруг нее запылала все огни радуги, сплетаясь в довольно замысловатую вязь и расширяясь, расходясь в стороны и вытягиваясь. Вскоре это было уже нечто на подобии небольшого тоннеля с нами в центре, и он все вытягивался и вытягивался. Позади нас он заканчивался и сворачивался в смешанный, хаотически пылающий узел в каких-то двух метрах, создавая невероятную какофонию буйства красок, а впереди убегал за деревья и терялся где-то вдалеке, явно намечая наш дальнейший путь. И догадка сама пришла в голову, не зная, как оно работает и по каким принципам, я предположил, что, скорее всего, оно воздействует на само пространство, ограничивая его определенную часть. И оказался прав. Как только волшебство было закончено, магическая труба вспыхнула еще раз особо ярко и мерно замерцала, будто сигнализируя о своей работоспособности. И тут же следующий наш шаг оказался несколько иным, вернее, пятка все так же уперлась в землю, приняла на себя вес тела и уперлась в твердь, но по бокам все вдруг смазлось и рвануло назад с такой скоростью, словно мы ломались с невероятной, безбашенной скоростью. Сплошная линия зелени не четким бесформенным пятном обхватила нас со всех сторон и с каждым сделанным шагом лишь еще больше размывалась в своих границах. А мы шли все также спокойно, не спеша и не торопясь. Кита, наконец-таки, покосилась в мою сторону и, довольно улыбнувшись, спросила:

— Ну, как? — а сама улыбается, знает, небось, какое впечатление производит ее магия.

— Довольно неожиданно, — не смог не признать я, произнеся все это слегка

заторможенным голосом, — и насколько так ускоряется движение?

— По разному, от леса зависит, от местности, от времени суток, много от чего, — пожалала плечами девушка, — да и долго мы так не прошагаем, заклинание истощится, и придется некоторое время идти, как обычно.

— То есть, магоформа истощает магический фон? — высказал я догадку и собеседница, слегка поморщившись, согласно кивнула:

— Да, и несколько дней тут даже простейшие манипуляции не получатся, это единственный минус.

— Не единственный, — покачал головой, — еще можно узнать и выследить, куда ушел такой путь.

— А толку, все равно не смогут догнать.

— Не смогут, если по земле, а по воздуху вполне.

— Ну, может и так, только представь, сколько потребуется усилий и возможностей для такого поиска.

— Это да, сколько мы так уже прошли, кстати?

— Ну, — собеседница оглянулась, — озеро знаешь? Оно как раз за нами.

Я чуть не ахренел, мама родная, да какие же здесь скорости, если настолько пожирается пространство? Или, вернее будет спросить, что же эта магия делает с миром, если дает настолько сильный эффект, прямо надругательство какое-то получается над реальностью, искажает, ломает и формирует, бог знает что, высасывая почти под сухую. Хорошо хоть Белого загнал в себя, так, на всякий случай, а то остался бы бедолага черти где позади, и чем это для нас было бы чревато, я понятия не имел.

Но вскоре все закончилось, причем настолько неожиданно, что даже не сообразил, что фон по бокам, спереди и сзади вновь пришел в норму и снова все так, как и должно быть: кусты, трава, деревья, все на своих местах и в положенных им формах и красках, не искаженные, не деформированные.

— Вот и все, — подала голос Кита, — теперь, пока не удалимся на приличное расстояние, повторить не сможем. Теперь твоя очередь, будь начеку, я буквально выжата вся, — и только тут, наконец, заметил, что девушка слегка осунулась и уже совсем не так бодро шагает. Получается, при такой магоформе расходуются еще и ее силы, интересно, зависит ли продолжительность магии от возможностей самого мага? Скорее всего, да, но спрашивать об этом не стал, опять ведь может воспринять неадекватно, на свой счет, и выкинуть нечто такое.

— Не вопрос, не беспокойся, кстати, а лук-то твой где? — только сейчас вдруг прикинул, что нигде не видно ее оружия, — стреляла-то в меня чем?

— Складной, при мне, — и похлопала по бедру.

— Покажешь?

— А, интересно, что ли? — улыбнулась девушка, — ладно, смотри, не секрет.

Спустя секунду, в ее руке оказалась довольно необычная резная рукоять, в течение мгновения вдруг выпроставшаяся в стороны и существенно удлинившаяся, а затем проявилась и сама тетива. Процесс распаковки занял всего ничего времени, и вот, в меня уже целилось полностью взведенное оружие, разве что только без стрел. Но и от этого становилось не менее не по себе.

— А стрелы? — проигнорировал ее вздорную шутку.

— Так они сейчас и не нужны, — лукаво усмехнулась чертовка, — а так они всегда при

мне, не волнуйся.

— Ясно, идем дальше?

Девушка кивнула и вдруг слегка покачнулась, лук тут же сложился и сам собой скользнул под балахон, а в следующую секунду я уже подхватывал ее, безвольно оседающую на землю. Что за черт?

— Эй, Кита, ты чего, что с тобой? — но девушка не отвечала, кулем повиснув у меня на руках. Беглый же осмотр не показал никаких отклонений, кровоизлияний не было, все органы целы, все работает, как и должно, организм не поврежден. Так что с ней, неужели нервное, и что мне теперь делать? Так и стоял, удерживая ее на руках, не понимая толком в происходящем абсолютно ничего, но вот, девушка вдруг слегка застонала, а потом открыла и глаза.

— Кита, что б тебя, что случилось? — наверное, голос у меня был менее спокоен, чем мог, и девица слабо улыбнулась.

— Ничего страшного, просто ноги подкосились, а ты запереживал? — и вдруг улыбнулась еще шире, — не волнуйся, это пройдет, просто переусердствовала с заклинанием, хотела произвести на тебя впечатление.

— Или же решила проверить нечто иное, — пришла вдруг в голову догадка, она ведь полностью повисла у меня на руках, явно прикидывая мои возможности, — только вот идти, все же, придется на своих двоих.

— Не смогу, ноги не держат, а ты слишком подозрителен, как для парня.

И до меня дошло, ну, ясно, приехали, она что, клеиться ко мне так? Я вздохнул, прикрыв глаза и соображая, бесцеремонно бросить ее на землю, или же сыграть в ее игру? И то и то не совсем входило в мои планы, в первом случае она может опять выкинуть какой-нибудь фортель, а во втором как бы все это не зашло слишком далеко, и я ее просто не прибил бы. И что она во мне нашла, вроде, не красавец, или так долго мужика не было?

— Ты семейная? — сам собой сорвался с губ вопрос.

— Что? А, да, семья есть.

— Муж удовлетворяет? — продолжил я, все еще удерживая нахалку на весу.

— Ты дурак? — тут же отреагировала девушка, слабо дернувшись.

— Возможно, да, а может, и нет. Так как, радость моя, тебе можно верить? А то сдается мне, что дурят, как и любого мужика.

Девушка вдруг притихла, замерев, а потом выдала совсем уж неожиданное:

— Ну, понеси меня, тебе что, жалко? — прозвучало сказанное тихо и жалобно, настолько, что я даже опешил на мгновение, потеряв дар речи, — у меня ножки устали, а тебе и не тяжело вовсе.

И смотрит выжидающе, на лице ни намек на насмешку или что подобное, и ведь симпатичная, зараза, такую не грех и понести. Боже, о чем я думаю, неужели Айсы мало? Или выиграло мужское непобедимое геройство рядом с со слабой и нуждающейся в защите женщиной? Бред, никогда таким не болел, и вдруг понял, что ведь не откажу, черт, тяжелый вздох вырвался сам собой, а затем и кивок:

— Считай, обдурила, — поймал ее взгляд, — и долго твоя слабость продлится?

— Не знаю, обычно час-два, — пожала плечиками та.

— Тебя на спину посадить или так?

— Лучше так, так удобнее, — и слабо улыбается, не спуская с меня глаз.

— Понятно.

Но понятно мне ни хрена не было, так и не сообразил, что к чему, в общем, ну все в пень, фамильяру ее вес что пушинка, пусть лежит. Спустя мгновение плети подняли нас в воздух, упершись в землю, подхватили мою сумку и мы понеслись вперед под легкий вскрик моей ноши. Кита с удивлением смотрела нам под ноги, вывернув шею чуть ли не на все сто восемьдесят, и никак не могла оторвать взгляд от проносящейся внизу земли, абсолютно нас не касающейся.

— Я тоже так хочу, — пробормотала она, наконец, уставившись на меня.

— Ничем не могу помочь, — реагировать как иначе или поддерживать ее не совсем понятные мне попытки я не собирался, хрен кто разберет, что у нее на уме.

— А мужа у меня нет, — вдруг добавила Кита, уставившись в лес.

— И?

— Что "и"?

— Мне ты это зачем сейчас говоришь?

— Ты спрашивал.

— Я про семью спрашивал, хотя странно, что такая девушка и без мужчины, — и только потом понял, что зря это сказал.

— Ну, вниманием я не обделена, но все не то, — слишком уж деланно заметила Кита.

— И тут в лесу встречается интересный экземпляр, — разрушил я атмосферу непринужденного кокетства.

Девушка тут же тяжело вздохнула:

— Умеешь ты все испортить.

— Прости, но я не свободен, и врать тебе не хочу.

— Больно надо, — и спустя мгновение, чем опять меня слегка ошарашила, — и кто она?

— Тебе-то зачем?

— Ну, — опять отстраненный взгляд, — интересно просто.

Я кивнул, ага, интересно просто, как же. В общем, с тобой все ясно, подруга, тебе реально скучно жить, все приелось, надоело, шляешься по чужим лесам, нарываешься на всяких дважды живущих, и тут вдруг такой непонятный экземпляр. Конечно тебя заинтриговало, а потом интерес вырос еще на немного и еще, и вот, на тебе, уже и в парни себе, небось, метишь. Какая, однако, бойкая эльфийка.

— Живешь-то хоть не сама, кто из семьи есть?

— Отец, мать, два брата и сестра, младшая, а что? Кстати, может, заскочишь погостить? Познакомлю со всеми, а? — пришедшая ей в голову идея, видно, действительно захватила девушку целиком, даже напряглась вся, ожидая ответа.

— И как это будет выглядеть? Папа, мама, я тут кое-кого чуть не убила, потом с ним переночевала, затем вылезла на руки и теперь вот, знакомьтесь, так? — мне становилось все смешнее и смешнее.

— Ну, почему, об этом упоминать не обязательно, — не поняла та юмора.

— Нет, извини, конечно, но я тороплюсь, и на твоё предложение помочь в пути согласился исключительно из-за этого.

— А куда тебе надо?

— По нашему уговору, придется тебе провести меня до границ Кастрии, — улыбаюсь, — или откажешься?

— Вот еще, слово есть слово, сказала, что помогу, значит, помогу, — нахмурилась девушка.

— Отлично.

— А назад когда возвращаться будешь? — вновь уставилась она на меня.

— Назад, — я задумался, ее бы помощь на обратном пути не помешала бы, все-таки такой отрезок пути за подобный срок мне никогда не одолеть, разве что в тених, но с ними связываться не хотелось. Тем более при моей слабости, кто его знает, насколько быстро наступит обесчеловечивание, — назад даже не знаю, задерживаться там не намерен и планировал вернуться сразу же, как все улажу. А что, есть предложения?

— Я могла бы провести тебя обратно, если хочешь.

— А взамен?

— Ну, что ты такой меркантильный, просто помогла бы, — улыбнулась девушка, но в искренность ее слов просто не верилось, — а то, будешь еще целую неделю плестись обратно.

И ведь действительно не хочется терять столько времени, ведь если моя догадка не верна и я не найду кошмара, единственным вариантом останется только помощь ректора, и неделю убить на возвращение может быть смерти подобно. Черт, это явно хуже того подвоха, который наверняка приготовит мне эта чертовка, походу, и думать, как бы, не о чем.

— Годится, — согласился спустя минуту, — только как я тебя найду?

— Гм, была бы карта, я показала бы, а так придется заскочить ко мне домой, там меня на обратном пути и найдешь.

— Карта есть, — и девушка еле заметно скривилась, — сейчас достану.

Перехватив драгоценную ношу плетями и заставив ее негромко охнуть, поднес к себе сумку и быстро нашарил в ней сверток. Вот оно, мое спасение, а то бы еще неизвестно куда топтать пришлось.

— Вот, показывай.

Кита нехотя взглянула на развернутый перед ней пергамент, и вдруг с интересом принялась его изучать. Что за? Неужели мне дали какую-то стратегическую карту? Откуда вдруг такое внимание?

— Это из Академии, — констатировала она, — небось, с разрешения ректора Анси выдали?

— Без понятия как его зовут, но да, с разрешения.

— А ты большая шишка, — довольно заметила девушка.

— Чушь, давай лучше к делу, где мы и где будешь потом ты.

Эльфийка тут же уперла пальчик в бумагу:

— Мы здесь, приблизительно, я буду тут, скажешь, к Ките, там подскажут, а тебе куда?

— Сюда, — указал на дальнюю границу Кастрии.

— Так далеко не смогу, там уже пустыня начинается, а лес заканчивается вот где, — девушка вновь ткнула в карту.

— Не проблема, и так хороший отрезок пути сократим.

— Запомнил где меня искать? — переспросила она вдруг.

— Запомнил, запомнил, не волнуйся, — губы сами растянулись в усмешке, — лишь бы ты не забыла обещание и не удрала куда-нибудь. Все-таки это не совсем по пути, придется отклониться на север.

— За меня не волнуйся, что сказала, то и сделаю, — отмахнулась собеседница, — а далеко хоть идешь?

— Мне в Текку в одно место нужно, за день, думаю, доберусь.

— Текка опасна, фанатик на фанатике, там все жрецы свихнулись на своей вере, — покачала она головой, — тебе нужно быть очень осторожным даже в том, что говоришь.

— Я не собираюсь с ними общаться.

— Ну, все равно, будь начеку, пустыня никогда не была мирным местом.

— Буду, непременно, — мне эта девица определенно начинала нравиться, такая вся, необычная, что ли.

— Чего улыбаешься? — смотрит искоса.

— Да так, ладно двигаем дальше.

Как и обещала эльфийка, весь путь не занял много времени, с небольшими поездками на руках и сменой пути под ее магоформу, была пересечена и граница с Кастрией, и она сама, а когда деревья стали редеть и в просветах начало проступать пустое и безжизненное пространство, стало ясно, что мы, наконец, добрались. С рук слезла неохотна, не спеша, а потом еще и на трапезу напросилась, так что, пришлось делиться и с ней своими скудными запасами. Хотя чего это я, наоборот, благодарить ее за помощь должен, так что свертки были оприходованы за милую душу. Тем более, что в них оказались, как ни странно, куски пирога с ягодами. И как только не испортились и не засохли. В общем, прощальная трапеза удалась.

— Я тебе, как вернешься, настоящий пир закачу, — пообещала девушка, доедая свой кусок, — у нас тоже готовить умеют.

И вот, впереди, по сторонам и позади лишь пустыня, песок застывшими волнами простирается, куда только достает взгляд. И нигде не видно ни единой живой души, будто вымерло все, или спряталось, не знаю, но в радиусе обнаружения жизни не было никакой. Сплошные барханы и слегка припекающее солнце в небесах, без единого облачка или даже намек на что подобное. И это спустя час в Текки, дальше, небось, только хуже будет. И я не ошибся, с каждым пройденным километром с неба жарило все сильнее и сильнее, плети, свернутые блином, стали чаще проваливаться, непонятно как находя подземные ямы. Так что пришлось нарастить им радиус и воспользоваться проникающим зрением. В голову тут же хлынула масса ненужного хаоса, забивающего сознание и путающего мысли. Давненько я не практиковался в этом, навыки-то, поди, подрастерял уже. Но, нет, совсем скоро удалось справиться с нахлынувшей информацией и словно отгородиться, воспринимая как фон, дающий лишь представление об окружающем и не более. Вычленять из него теперь нужную информацию было не так уж и сложно, так что продвижение ускорилось. Проблемой было лишь то, что здесь невозможно было нормально ориентироваться, и я надеялся, что не так уж сильно и отклонился от заранее выбранного пути. Да и сама аномальная местность не такая уж и маленькая, хоть на край ее, но попаду обязательно. В общем, двигался, как мог, весь день, потом всю ночь, и снова день. И когда уже начало казаться, что вот оно, накаркал, потерялся, внезапно заметил изменения местности.

Барханы впереди и по бокам стали меньше, да и расстояние между ними увеличилось, песок перестал так сволочно ссыпаться под плетями, затрудняя движение, только небо оставалось неизменным, с вечным остервенело жарящим светильником по самому центру. А так все указывало на то, что впереди явно будет нечто, отличающееся от ставшей уже привычной местности вокруг. И я не ошибся, спустя несколько часов, уставший и почти сварившийся в броне Фамильяра, с облегчением и удивлением наблюдал открывшуюся картину — передо мной зияла аномальная зона. Именно что зияла, так как чудовищных размеров кратер, в котором поместилось бы, наверное, несколько Академий, уходил глубоко

вниз и заканчивался по центру крошечной чернотой уводящего еще дальше провала. И от всего этого веяло чем-то неестественным и пагубным, не предназначавшимся для живых, неестественным. Меня словно сковало оцепенение, охватывающее естество с каждым мгновением все больше и сильнее, и потребовалось приложить немало усилий, что бы сбросить нежданное наваждение.

— Бред какой-то, — прошептал вслух, сам не понимая зачем. Неужели для собственного успокоения, что бы голос услышать? Бред.

Земля здесь была спекшаяся и потрескавшаяся, как корж из духовки, покрытый множеством трещин и расколов, но передвигаться по такому оказалось существенно легче, чем по песку. А спустя какое-то время, добрался и до пропасти, черт, действительно как-то пугающе выглядит. Но взгляду кошмаров тьма, укрывшая проем, преградой не была, так что, не особо размышляя и не предаваясь сомнениям, шагнул в темноту. Плети без труда вбивались в жесткую твердь, фиксируясь и перебирая метр за метром уходящую вверх стену, а спуск все длился и длился. И ни души, никого, ни живых, ни кошмаров, лишь непроглядная тьма и круг кольцо стен. По жанру ужасов сейчас, наверное, все вокруг должно было задрожать, а из недр провала прийти жуткий, душераздирающий рев, а следом, вдруг, резко и неожиданно начать подъем чудовищная туша какого-то монстра. И нервы должны были бы не выдержать, руки соскользнуть, ноги потерять опору и истерически орущая фигурка человека полетела бы прямо в открывающуюся жуткую пасть.

Да только ноги и руки не касались стен, и сорваться я не смог бы даже при землетрясении баллов в пять. А если бы и полезло на верх какое чудо-юдо, думаю, с переработанными в фарш потрохами оно бы еще быстрее грохнулось назад, здоровенной и наверняка уже мертвой тушей. Так что ни страха, ни сомнений спустя первые несколько минут спуска я уже не испытывал. Стоило лишь напомнить себе о том, кто я такой и что здесь делаю. Но вот излишняя эмоциональность, проявившаяся в последнее время, меня изрядно волновала, ну, не было такого раньше, так с чего вдруг началось? И как всегда у меня такое бывает, если вопрос задается по многу раз, рано или поздно возникает объясняющая все догадка. Ничего не изменилось и в этот раз, я даже замер, перестав двигаться и обмозговывая пойманную мысль.

А ведь верно, чем черт не шутит, почему бы и нет? Ведь что делают со мной Тени — выжирают напрочь все эмоции, обезличивая и насквозь пропитывая равнодушием ко всему и вся. Так почему же не может быть, что мое естество начало бороться с этим, подстраиваясь и найдя-таки тот единый вариант решения или, если угодно, противодействия, какой только и смогло. Ведь, по идее, повышенная эмоциональность даст мне больше времени адекватно чувствовать и ощущать в Тенях, разве нет? Рассудок дольше остается человеческим и эмоции, хоть и высасываются, теряясь в бесконечных просторах прожорливого мира, но их запас явно позволяет находиться в нем гораздо дольше, сохраняя при этом свои истинные качества и не предавая жизненные ценности.

Под это все, вновь начав движение, и не заметил, как внизу уже можно было разглядеть, что заменяло здесь пол. Сплошной кусок стекла, граненный, идущий застывшими волнами и абсолютно черный. Зрение кошмаров имело свои особенности и в сравнение с человеческим наверняка, казалось бы, дефектным, но, все же, имело и свои плюсы. Обширная гладь внизу простиралась от стены до стены и мела в толщину несколько метров, на глаз мог лишь судить примерно о трех, но, ни из чего она была, ни как образовалась, не имел ни малейшего представления. И что было хуже всего, в округе, куда достигал взор, из кошмаров

присутствовали только мои. Белый облазил все стороны настолько далеко, насколько позволял его поводок, но тщетно. Захотелось взвыть от бессилия, столько усилий и все зря, когда внезапно на самом краю сознания замаячила искорка надежды. Низ, я ведь не смотрел вниз, там, за стеклом. И тут же, нырнув в Тень, ринулся насквозь, пожирая пласты пола метр за метром. И когда уже казалось, что и это окажется напрасным, увидел то, в чем с таким отчаянием нуждался.

Я даже затормозить не успел, как провалился в громаднейший грот и единственное, что сделал, так это покинул тени, начав стремительно падать. Мозг буквально оцепенел от увиденного, сковав тело прошившей его молнией страха и запретив даже попытки использования кошмаров. То, что сейчас находилось в нескольких десятках метрах впереди и справа, перечеркивало все мое понимание этого жуткого и чуждого человеку мира. Лишь перед самой поверхностью Фамильяр затащил голову, и я свернулся в позу эмбриона, по-прежнему не сводя глаз с чудовищной твари, замершей около одной из стен. Удар! Из легких выбило воздух, в глазах отчего-то заплясали черные пятна, а мотнувшаяся голова с силой впечаталась в твердь. Сперва показалось, что тело рассыплется на множество кусочков, а череп взорвется кровавыми брызгами и, пробив броню, разлетится по округе кровавыми осколками. Столкновение будто выключило на мгновение разум и тут же врубило снова, только какой-то заторможенный, мутный, внутри все тошнило и рвалось наружу, я еле успел открыть лицо, как тут же блеванул, избавляясь от остатков сухофруктов. И только потом в голову пришла мысль, какой же я баран, почему испугался, не стал задействовать Рой, плети, Фамильяра в конце концов. Гадина ведь не увидит их вне своего мира. Так какого ж рожна такое с собой творю?

По всему выходило, что жизнь мне спасли именно недавние наработки, смягчившие удар и отбросившие тело в сторону, затем вновь смягчившие и еще раз швырнувшие вверх. Но первое касание запомнилось навсегда и перекрыло все последующие, так меня еще никогда не прилаживало. И я поклялся себе, во что бы то ни стало доработать амортизационную суть фамильяра, с испытаниями и всем таким. А пока лишь лежал, свернувшись калачиком, и чуть не скулил от накатывающей волнами дурноты и крепко закрыв глаза, чтобы не сойти с ума от хоровода черных клякс, тут же выстраивающихся в очередь ради глумления над дураком. И, по-видимому, таки зря.

Очередной брошенный в пространство взгляд чуть не вырвал из горла истерический вскрик, жалобный, почти женский, но горло вовремя сжалось, а губы сомкнулись и не выпустили наружу свидетельство позора. Кошмарная тварь уже не была там, где и должна, нет, чудовище находилось около меня в каких-то пяти-шести метрах и с явным упорством разглядывало местность у себя под ногами. Меня оно пока не видело, но явно знало, где-то здесь.

И именно теперь мне удалось рассмотреть его получше. Ох, лучше бы я этого не делал, каждая секунда взгляда, оставленная на нем, зарождала в душе очередное зерно страха, буквально заполняя нутро липким, мерзким ощущением собственного бессилия и ничтожности. Монстр возвышался надо мной, как взрослое, многолетнее дерево над молодой незрелой травинкой, буквально пару дней назад пробившейся через последний пласт тверди к поверхности. В центре находилось нечто похожее на брюхо и по форме напоминающее деформированное яйцо, выгнутое и слегка сплющенное. Причем размеры имело такие, что, вполне могло вместить в себе небольшой автобус, а то и два. Во все стороны от него отходило вниз множество конечностей, как если бы сороконожку укоротить раз эдак в десять, но лапы оставить все, непонятным образом впихнув в общую кучу. И все это кошмарное хозяйство беспрестанно шевелилось, переступало, а то и вовсе задиралось с

непонятной целью куда-то вверх, открывая свое отвратительное тело. Длина жутких лап достигала метров двадцати, а то и больше, мой больной разум уже не справлялся с подсчетами, даже прикинуть толком не получалось, переживая одну волну страха за другой. Иногда тварь опускала свои конечности в такой близости от моего брэнного тела, что я, позабыв о несопоставимости наших миров, начинал прощаться с жизнью. Страхом из меня плескало дай бог, только и того, что хватало сил не орать, но и только.

Сколько так провалился, понятия не имел, казалось, прошла целая вечность, и тело уже давно должно было истлеть и рассыпаться прахом. Даже к присутствию нереального монстра стал привыкать, не дергаясь при каждом его более-менее резком движении. И страх, он хоть не отступил, но стал более щадящим, что ли, по крайней мере, обмочился я всего лишь два раза, о чем даже вспоминать не хотелось. Даже сесть удалось со временем, когда внутри успокоилась буря, терзавшая нутро, и конечности вновь вернули себе былую чувствительность. А когда мозг, наконец, начал здраво мыслить, оказалось, что паниковал-то я зря, и ничто не мешает мне выпростать плети, подняться до потолка и быстро-быстро скользнуть прочь, вверх, подальше отсюда. Тварь ведь не настолько была прикормлена, что бы проявить меня в своем видении, не так ли?

Спустя секунду орал так, что должны были полопаться щеки, треснуть горло, выпустив наружу хлещущий поток крови, но все было тщетно, меня целенаправленно и безостановочно поднимали вверх, как какую-то букашку, случайно попавшую под руку и заинтересовавшую своим необычным видом. Я бы назвал это законом подлости, что накаркал, или, что просто нельзя упоминать лихо, пока все более-менее тихо. Но в тот самый момент, когда голову посетила мысль о прикорме, тварь словно включилась, дернулась всем своим множеством чудовищных конечностей, и одна из них тут же, молниеносно вцепилась в меня. Вернее, замерла над головой, а потом ее конец расслоился, образов нечто вроде кошмарного то ли рта, то ли сонма щупалец, но все это многообразие ужаса обвило по рукам и ногам в считанные мгновения и вознесло вверх. Вот тогда я и не выдержал, заорав во все горло и принявшись метаться в тщетных попытках ослабить чудовищную хватку. Но куда там, блохе нечего противопоставить слону, она может лишь пищать, прощаясь с жизнью, и остервенело моля о спасении всех своих богов.

А потом начался настоящий кошмар, просто ужас, я позабыл о Фамильяре, о Белом, о своей броне, ничего не значащей в таких масштабах, и просто испытывал дикий, душераздирающий страх, наблюдая, как в яйцевидном теле раскрывается невозможных размеров пасть. Собственно, все туловище этого чудовища и было пастью, сплетающегося сонмом щупалец в некое подобие брюха. И сейчас весь этот ужас расплетался мне навстречу, конец был близок.

Не знаю, откуда во мне это тогда взялось, позже сколько не ломал над этим голову, всегда приходил лишь к одному единственному выводу — эффект загнанной в угол крысы. Но в каком-то десятке метров от разверстывающегося чрева твари, изнутри вдруг хлынула нереальной волной ярость. Она не смыла страх, нет, меня по-прежнему трясло и колотило, и было бы чем, мочился бы безостановочно. Нет, она лилась параллельно, сначала ручейком, затем потоком, а далее хлынула и водопадом, вырываясь наружу и метя к одной единственной цели, туда, в кошмарную и жуткую пещеру пасти, словно раскаленная река, сжигающая все на своем пути, если бы только могла. И горло рвалось и надрывалось уже отнюдь не бессвязно, я грозил и проклинал тварь страшными муками, обещал грызть и жрать его изнутри живьем, доставляя столько боли и агонии, сколько вообще может вместить в

себя эта вселенная.

— Убью тебя, сука! Разорву, сожру, тварь! Уничтожу! — а черный зев все приближался и приближался, неумолимо, безостановочно.

Под конец разъярился настолько, что неосознанно сформировал из Фамильяра челюсть и принялся грызть обвившие меня щупальца, впиваясь в них как своим кошмаром, так и собственными зубами. Они крошились, принося нестерпимую боль, и я ярился еще больше, ломая их один за другим. И отчетливо запомнил момент, когда сверху и снизу прошли края пасти чудовища, как они стали смыкаться, а сдерживающие меня путы ослабли, сначала немного, потом больше и, в конце концов, ощутил, что падаю куда-то вниз. И последнее, что запомнил, это собственный крик:

— Подавись, сука!!!! — и мир померк.

Как же хреново переживать больше, чем влезает. Это было первым, что возникло в израненном ранее страхом и яростью мозгу. Накипь эмоций словно образовала какую-то пленку внутри и снаружи меня, позволяя ощущать совсем не то, к чему привык за все свое существование. Но хуже всего было, несомненно, чувство лопающейся печени, сердца, желудка, трещащих от натуги кишок — все нутро будто выдерживало нереальные перегрузки. Но я ведь не ел ничего, даже выbleвал то, что было. И это тут же вернуло разум к действительности. Глаза раскрылись, подобно крыльям перепуганной бабочки, мгновенно обшарили мрак пещеры и недоуменно уставились в пустоту. Чудовища не было. Нигде. А потом жуткая тяжесть где-то внутри вырвала из глотки сдавленный стон и заставила свернуться калачиком. Хотелось вскрыть живот и выпустить все наружу, или сдохнуть, одно из двух. Меня распирало так, словно вот-вот наступит конец, и хуже всего оказалось то, что это были ощущения не моего организма. Так бы я подох довольно быстро, с такими-то муками. Нет, чувство переполненности исходило из той моей части, в которой привыкли отдыхать мои кошмары. И сила корежащих меня ощущений оказалась настолько велика, что создавалась иллюзия, будто бедствие терпят и внутренние органы, и кожа, и даже пространство вокруг меня. Здесь все содрогалось и плыло, толкалось и билось так, словно я утлое суденышко, а в мои борта без остановки лупят и лупят несколько чудовищных цунами, да все никак не опрокинут и не пробьют. В общем, жизнь стала дерьмом, и с каждым мгновением это ощущение лишь крепло.

Потом я задремал, не знаю как, но, видно, разум настолько утомился от всего этого, что просто выключил подачу электричества, ввергнув меня в спасительный мрак. Потом было пробуждение и вновь ощущения того, что меня, маленькую и ничего не стоящую песчинку перетирают между двумя чудовищными жерновами, медленно так, основательно, что б прочувствовал каждую секунду агонии. В общем, ужас, ужас и еще раз ужас.

Очередное пробуждение застигло врасплох, тело сотрясали конвульсии, словно изнутри-таки решили больше не ютиться в тесноте и, наконец, выбраться наружу. Что будет с несчастной оболочкой никого, естественно, не волновало. И что еще поразило, мои собственные кошмары вели себя ниже травы, тише воды. То, что Белый сейчас сидит там, внутри, не вызывало ни капли сомнения, но отклик от него приходил еле слышный, вязкий и какой-то приглушенный, что ли, будто нечто не давало в полной мере обратиться к кошмару. Зато тут же пришел отклик иного рода, от которого мне поплохело еще больше и стало так хреново, что я взвыл. Раньше ведь то была лишь догадка, с сомнениями, с надеждами, без определенности и подтверждений. Я ведь даже и мысли никогда не имел, даже намека на то, что бы приручить эту тварь. Это было бы настолько же идиотским и глупым, как

самоубийство или, что еще хуже, позволить себе утонуть в Тенях, потеряв себя и свою душу.

И вот, теперь, без сомнения и со все нарастающей паникой, мог констатировать — оно во мне, и оно мое. И скоро я лопну, не выдержав его объема, силы или по какому признаку они там все умещаются. А ощущать, как оно довольно сучит лапами, пристроившись на одной из стенок, оказалось подобно шоку, крепнущая с каждым мгновением связь теперь позволяла и это, так что сознание тут же нарисовало четкую картинку происходящего. И вот тут меня осенило, какая стенка? Какое, прилепилось к одной из них? Неужели во мне настолько огромное пространство, что подобное существо не заняло его всего целиком? Тогда отчего же прет и плющит так, словно разрожусь кровавыми брызгами с минуты на минуту?

И в это самое мгновение настал переломный момент, до меня вдруг дошло, что нужно делать? Ответ оказался настолько же прост, насколько и уникален. Кто сказал, что это конец, что ждать исхода можно только так, смиренно и покорно, что оставаться здесь — единственное возможное? Сдохну? Да ради бога, вот только не в этой клоаке, не тут, в десятках метров под землей и не пойми где. Хочу синее небо над головой, зеленые кроны перед глазами, хочу ощущать дуновение ветра на щеках и слышать пение птиц. Меня не устраивает здешний мрак, пустота и уныние, и раз так, то, что все еще здесь делаю?

Спустя пару минут я уже поднимался по одной из стен, стараясь полностью игнорировать ощущения полноты и распираемых внутренностей, выгнав наружу Белого и погнав его вперед. Как только кошмар выбрался из меня, связь с ним тут же стала прежней, мгновенной, четкой и устойчивой, это хоть немного, но радовало. Стеклопанель преодолели за три рывка и буквально вылетели из него, взвившись высоко вверх. Желание жить брало свое, я буквально горел этим желанием, и потому рвался вверх, на поверхность, к небу. И плевать на ощущения, плевать на слабость и дурноту. Пинок, и вот, за спиной в ту же секунду распространяется Рой, жуткий и смертоносный в своем величии, а меня буквально уже разрывает от эмоций. Летать, я, хочу, летать! Хотя бы раз, перед смертью, покорить небеса!

В то же мгновение жуткая туча, на фоне которой даже мрак вокруг не настолько темен, впивается в спину и формирует представляемые мною шесть громадных черных крыльев. Они настолько велики, что падение вниз переходит в медленное и плавное парение, да только что мне до этого. Взмах! И чудовищный рывок буквально бросает вверх, еще усилие, и высоко впереди, словно в чудовищных размеров тоннеле, становится виден свет. Туда! К нему! И мы мчим, я, Белый, не поспевающий вслед и, в конце концов, загоняемый внутрь, Кокон, Плющ, Рой и новая тварь. Мы все несемся к свету, и нас распирает нечто новое, незнакомое, но такое прекрасное чувство, словно позади остаются все проблемы и тревоги, и стоит только миновать черту, подняться выше, в бескрайнюю синеву над головой, как забудется все.

Эйфория заставляет открыть рот и орать от восторга, по телу словно распространяется некий огонь, будоражащий кровь и заставляющий хотеть еще и еще. Быстрее, выше, сильнее, дальше! Момент, когда словно росчерк падающей звезды, я вылетел из этого провала в бездну, был упущен и смазан, набранная скорость не просто поражала сознание, она рвала его на части. И мы лишь ускорялись и ускорялись, оставляя позади боль и страдания, страхи и искалеченные челюсти с не перестающими ныть обломками зубов. Все это тонуло на фоне тех чувств и эмоций, что переполняли мое естество перед той чертой, когда можно сказать — вот теперь и сдохнуть не грех. И раскинуть затем в стороны руки, прекратив взмахи

крыльев, и стремительно нырнуть вниз, туда, к земле, перед самой смертью бросив ей вызов и в попытке узнать, кто же крепче, впечататься в нее на всей возможной скорости.

И тут, словно, затрещину получил, оплеуху и все подобное вместе, сразу, единым махом. Разве жизнь на этом прекращается, неужели откажусь еще раз вот так пройтись под самым солнцем, чувствуя его жар, его гнев и милость к этой земле. Неужто все закончится вот так? А как же АЙСА, как же мой старый мир, как же, в конце концов, кошмары, им тоже предстоит умереть вместе со мной? Глаза недобро сузились, а искалеченный рот скривился в жуткой усмешке — а вот хрен!

И в тот же миг сложившиеся крылья метнули тело вниз, к земле, на бреющем позволили плетям подхватить сумку, оставленную здесь еще до спуска, и вновь бросили меня вверх. Собственные ощущения можно было охарактеризовать двояко: хреново и великолепно. Первым, потому как организм, не прекращая, бился в агонии, ежесекундно прося остановить муку и принести покой в его многострадальное существование. Великолепно, потому что словно заново родился, голова вдруг показалась забита настолько ненужным и пустым хламом, что хотелось рассмеяться над собой, жаль только, что челюсти не позволяли, продолжая донимать не утихающей болью. И если бы сейчас кто спросил, что больше всего меня сейчас заботило, то ответ был бы однозначен — второе.

Совсем скоро впереди показалась полоска зелени, увеличивающаяся с каждым мгновением и вскоре превратившаяся в настоящее зеленое море, мерно колышущееся подо мной везде, куда не бросал взгляд. Ради такого чуда даже полет специально замедлил, позволив потокам воздуха нести меня на своих плечах, и крылья справлялись с этим на удивление легко и непринужденно. Словно громадные лопасти, ловя нужные порывы ветра и, то изгибаясь, подстраиваясь под них, то, наоборот, перекрывая и заставляя поднимать меня все выше и выше. Я совсем не принимал участия во всем этом, лишь поначалу обозначив необходимые моменты и проконтролировав их, а дальше Рой будто научился этому сам и от меня лишь требовался импульс — выше, ниже, вперед, в сторону. Конечно, это ощущалось и происходило не совсем так, но очень похоже, ведь связь с кошмарами делала их сродни конечностей, как те же руки или ноги.

Немного притормозив и зависнув на одном месте, достал карту и прикинул, куда же меня, черт возьми, занесло. Да вот только слишком сильно я увлекся полетом, чересчур полно отдался эмоциям, так что разобрать теперь, где и куда дальше просто не представлялось возможным. Что же, ладно, поступим по-другому. Вернув карту на место и закрепив плетями сумку на животе, резко оттолкнулся крыльями о воздух и стремглав понесся ввысь.

Искомое нашлось далеко не сразу, подниматься пришлось до тех пор, пока не стало холодать, и дальше я просто не решился подниматься. Ни к чему так рисковать. И на этой высоте начал облет территории, спустя какое-то время, обнаружив среди зеленого массива явно пробивающиеся к небу постройки. Что же, почему бы и нет, да и, судя по карте, если прикинуть то, где я достиг леса, все очень может быть. Так что — туда. Каково же было мое удивление, когда несколько построек вдруг вылились в самый настоящий город, раскинутый на просто поразительно какой громадной территории. Кроны деревьев скрывали его большую часть, но то, что все-таки прорывалось выше зеленого моря, говорило о многом. Монументальные строения поражали своим видом и вычурностью, своей обширностью и размерами. И отнюдь не в высоту, нет, из того, что удалось разглядеть с такой высоты, становилось ясно, что некоторые дома занимали настолько обширные площади, что вполне

могли вместить до нескольких сот человек. Это кто же тут с таким размахом устроился? Не может же это все быть сплошь руинами, наверняка кто-то живет, просто должен, обязан. И я начал снижаться.

И вот, наконец, показались и первые встречающие, небольшой группой высыпавшие на террасу того дома, где решил приземлиться. Почти все были закованы в сплошные латы, с мечами и копьями наголо, а позади, спустя пару мгновений, образовалась и кучка стрелков, наложивших на тетивы стрелы, но пока в меня не целящиеся. Интересный расклад, они что, ждут нападения? Не слишком-то гостеприимно получается, но спуститься все равно придется, хотя бы для того, что бы выяснить, где я и куда попал. Зависнув метрах в десяти над ними, окинул настороженных хозяев внимательным взглядом и с трудом, коверкая слова из-за ноющих зубов, произнес:

— Мне нужна Кита, знаете такую?

Вперед выступил один из кучкующихся, почти ничем не отличающихся от остальных, и тут же задал встречный вопрос:

— Кто ты, и зачем интересуешься этой девушкой?

И меня вдруг разобрал смех, нет, ржать не начал, просто стало смешно, мы что, так и будем засыпать друг друга вопросами? Мне, почему-то, совсем не хотелось раскрывать им кто я и что здесь делаю, им же, в свою очередь, наверняка было хоть слегка, но боязно. Ведь что они сейчас видели? В воздухе, зависнув и, монотонно делая взмахи громадными черными крыльями, висит нечто незнакомое и, вполне возможно, опасное. И ко всему этому человечки умудряются еще и отстаивать свои интересы, пытаюсь выяснить нужное им, и не выдавая нужное мне. Забавно.

— Не твое дело, смертный, — кое-как выдавило горло, — мне ответят, или стоит спуститься и самому поискать ее?

— С какой целью интересуешься госпожой Китой? — немного более нервно повторил собеседник.

Хрена себе, так она еще и госпожа, дочь местного вельможи, что ли?

— Ну, это для вас она госпожа, а для меня просто Кита, — и, подумав, что не стоит все-таки затягивать концерт, еще чего доброго не так все пойдет, добавил, — ждет она меня, уговор у нас.

Это изменило все сразу же:

— Господин Влад? — с некоторым облегчением спросил человек внизу и, получив утвердительный кивок, предложил, — следуйте за мной, я отведу вас к госпоже.

О, как, с первого раза в цель, и искал-то всего ничего, везет. Сложив крылья я, как был, плюхнулся со всей высоты и впечатал колена в бело покрытие, тут же брызнувшее в стороны крошкой. Класс, всегда хотел подобное повторить, в фильмах это смотрелось особенно эффектно, а судя по тому, как отреагировали зрители вокруг, у меня получилось не хуже. Не спеша поднявшись, окинул присутствующих взглядом и спросил:

— Далеко?

— Нет, что вы, мы в левом крыле, госпожа в правом.

Что примечательно, их доспехи, принятые мною поначалу за цельные латы, оказались, на самом деле, просто невероятно идеально подогнанной корой, да еще спрессованной так, что и вблизи не разобрался бы, если не взглянул бы насквозь. И такая одежда была у всех, включая лучников, местная стража, походу. Интересно, интересно, госпожа, свои воины, хоромы вон какие, да кто же она такая. И, следуя за сопровождающим меня воином, не

удержался, выдавил:

— Так что она тут у вас, раз госпожа?

— Вы не знаете? — посмотрел на меня спутник, — она дочь владыки и наследная принцесса.

Я чуть не опешил, чего, какая-токая принцесса?

— Серьезно?

— О таком не врут, господин, — покачал тот головой.

Ахренеть, вот ведь свела судьба, ну и Кита, ну и партизанша, умолчать о таком. Шли не долго, но за это время насмотреться я успел на многое. Другая культура, несколько иные понятия о красоте, и везде все белое, то ли кафель, то ли еще какой камень, не хотелось заострять на этом внимание, но смотрелось все очень изысканно. Будто в сказке по волшебному замку идешь какому-то. Вылизано, чисто, сверкает почти каждый метр убранства, это же сколько возни тут сов сем этим каждый день? Хотя о чем я, магия, конечно, небось, за час прибираются и надраивают до состояния зеркала. Внезапно провожатый остановился и с легким поклоном указал на дверь:

— Госпожа ожидает вас.

Госпожа, я лишь покачал головой, и толкнул дверь.

— Долго ты, думала и не придешь уже, — встретило меня словами существо, непринужденно сидящее на окне, занимающем почти всю противоположную стену. Чего, это что, Кита? На мгновение даже застыл, разглядывая нечто выглядящее невероятно хрупким, воздушным и очень и очень притягательным. И это с этим небесным цветком я скакал пару дней на руках по лесным буеракам, это она чуть меня не пристрелила?

— Однако, — только и смог вымолвить, забыв даже о боли во всем теле.

— Что, не ожидал? — осталась довольная произведенным эффектом девушка.

Соскочив с окна, она подошла и уставилась на меня, — и где лицо?

Я тут же открылся, заставив Киту ахнуть и потянуться рукой вперед, от чего поморщился и с трудом прошамкал:

— Лучше не стоит, меня конкретно приложило, так что если твое обещание в силе, то хотел бы поскорее добраться до академии и подлечиться, — столь длинная речь совсем не положительно отозвалась в обеих челюстях, и по ее окончания скривился еще больше.

— Ужас, у тебя зубы поломаны! — воскликнула с испугом Кита, — Так, никакой Академии, сами все восстановим, следуй за мной!

И, ухватив меня за руку, потащила вон из комнаты. Я не сопротивлялся, а что, вдруг и здесь, действительно, смогут помочь? О том, что подобное доступно лекарям Академии, знал доподлинно, но, похоже, что это было не чуждо и эльфам. Хотя какие они эльфы, так, название просто. Пройдя несколько коридоров и миновав довольно обширную залу, где стоящие на посту стражи тут же выразили Ките почтение легкими поклонами, свернули в очередной ответвление здешнего лабиринта и, наконец, явно добрались до цели. Девушка, не церемонясь, толкнула дверь и буквально влетела внутрь, затаскивая следом и меня.

— Госпожа? — из-за стола со всевозможной стеклянной утварью мгновенно поднялся благообразный старик, явно исполняющий роль хозяина кабинета.

— Его нужно осмотреть и вылечить, сейчас же, я проконтролирую, — выпалила девушка, не спуская с него взгляда.

— Как скажете, молодая госпожа, — слегка поклонился мужчина и представился, повернувшись уже в мою сторону, — можете называть меня эр Наорт.

Затем, шепнув что-то себе под нос, принялся меня рассматривать, обходя то с одной стороны, то с другой, затем покачал головой и озвучил:

— Множественные ушибы, как внешние, так и внутренние, несколько легких кровоизлияний, и три уже затянувшихся, кстати, непонятно как, смею предположить, что и остальные на том же пути, — он обернулся к девушке, — ну, и естественно челюсть, зубы уничтожены практически большей частью.

— Это кто же тебя так? — жалостливо посмотрела она на меня.

Я поморщился:

— В жизни всякое случается, и каков вердикт?

— Каков, лечить будем, но для полноты картины вам придется оголиться, — отозвался эр Наорт.

— И что бы ни царапины, — вставила Кита, явно и не собираясь уходить.

— Естественно, — слегка поклонился лекарь.

— Только хочу предупредить, я несколько отличаюсь от вас, ну, да вы уже и сами это поняли, — старик лишь прикрыл глаза в знак согласия.

И Фамильяр стал распаковывать меня, оголяя шею, плечи, потом грудь, сползая с рук и замерая на поясице, дальше раздеваться я намерен не был. И по вполне понятным причинам, и потому, что банально не имел до этого возможности помыться, а пребывание вблизи теперь уже моего монстра не совсем благоприятно сказалось на личной гигиене. Так-то кошмар чистил меня почти как и с хорошим напором душ, но только не в этот раз, мне было все не до этого. И если эр Наорт наблюдал за процессом с явным научным интересом, отмечая иной рельеф мышц, слегка смещенные суставы, обвитые пучками жил и прочие особенности моего тела. То Кита просто прикипела взглядом, явно не в силах оторваться от того, что наблюдала.

— Дыру прожжешь, — шепнул ей.

— Ой, прости, — девушка тут же отвернулась, что бы через мгновение снова повернуться и под предлогом обращения к старику вновь меня облапить взглядом, — насколько все серьезно? Долго продлится лечение?

— Нет, госпожа, со всем, кроме лицевых травм, управлюсь буквально сейчас, а вот на выращивание новых зубов, уйдет несколько больше времени. В принципе, я готов приступить.

— Приступайте, — кивнула эльфийка.

И началось. Пальцы эра Наорта касались меня с поразительной скоростью, будто отмечая особые точки, на спине, груди, плечах, шее, старик словно расставлял маячки, ни разу не сбившись и не дотронувшись дважды до одного и того же места. Продлилось все это не долго, всего несколько минут, после чего старик устремил взгляд куда-то мне чуть выше солнечного сплетения и быстро-быстро зашептал что-то непонятное, а затем, словно в завершение, ткнул туда еще и пальцем. И меня тут же словно волной окатило, причем наиболее яркие ощущения исходили именно из мест его прикосновений, раз, другой, третий, и все. Закончилось воздействие так же внезапно, как и началось. Я моргнул, вопросительно уставившись на него.

— Осталось только лицо, — ответил он на невысказанный мною вопрос, и ведь действительно, вроде даже дышать как-то легче стало, а кожа, сплошь и везде покрытая синяками, приобрела свой нормальный вид. Единственное, на что не смог повлиять эр Наорт, так это на ощущение распертости нутра, ну, да это и не в его компетенции, жив буду,

сам разберусь с этой проблемой.

— И лучше вам присесть, мне неудобно так смотреть, — указал лекарь на небольшую кушетку у его стола, я повиновался.

А потом битый час сидел с раззявленным ртом, только успевая наблюдать, как он достает один мой зуб за другим. Они словно выпадали ему в руки, выскакивая сами, как по команде. Я же ничего не чувствовал, абсолютно, местный наркоз оказался выше всяких похвал, да и слюна дядьке, походу, нисколько не мешала, в общем, куда там нашей медицине. Потом ощущения слегка изменились, и показалось, будто что-то тянет десну, или тянется, не знаю, но, опять же, ни боли, ни какого-либо дискомфорта. А старик знай себе водит перед моим ртом рукой, и периодически шепчет под неслышно. В общем, хоть и ожидал я магии и чудес, но вышло все совсем иначе, качественнее и быстрее. Новые зубы имели тот же прикус и размер, разве что целые, без пломб, как те, старые, и белые, просто ослепительно белые. Когда осматривал результат, глазам своим не верил, а потом повернулся к старому эльфу и выдал от чистого сердца:

— Вы удивительный лекарь, эр Наорт, ваше искусство просто бесподобно, премного благодарен, — и поклонился, выражая свою признательность. И видно настолько эмоционально все это у меня получилось, что тот даже засмутился от части, отвел взгляд, улыбаясь, и это в его-то годы, когда уже совсем по иному воспринимается происходящее, мягче и спокойнее, что ли.

— Госпожу благодарите, это ее приказ был.

Кита же, не высидев и половины процедуры, умчалась куда-то по своим делам, так что мне теперь еще и ее искать придется. Распрощавшись с лекарем и уже переступая порог, вдруг осознал, как кардинально изменились мои проблемы всего за несколько дней. Угрозы смерти больше не существовало, так что плюс был очень жирный. Заполучил, по факту, невероятно мощного кошмара, силу которого даже не представлял себе, еще один плюс. Знакомство с дочерью правящей семьи лесных эльфов, чем не плюс? Новые, здоровые зубы, взамен старых, еще галочка. А минус, минус был всего один, это все то, что довелось пережить, из-за чего наверняка прибавилось седины, и должны были благополучно скончаться мои нервы. Но, по всему, этого не произошло, а время лечит, забудется и пережитый ужас. Так что все сложилось довольно удачно, если не считать оставшихся ощущений давления изнутри. Но с этим я как-нибудь слажу, не впервой решать загадки кошмаров.

Уточнив у первого попавшегося стража, где могу найти Киту, тут же получил провожатого и последовал вслед за ним. Местные будто чувствовали, что стоит доверить меня самому себе, обязательно потеряюсь, и так бы и случилось, все эти переплеты и перекрестки коридоров сводили меня с ума, особенно когда пришлось сворачивать в третий, четвертый и пятый разы. Настоящий лабиринт, как они тут только ориентируются? Вконец же запутавшись, плелся за эльфом как за поводырем, словно слепой, не отличающий не то, что коридоров справа и слева, а даже свет от тьмы.

— Убил бы архитектора, — буркнул ему в спину.

Тот повернулся и понимающе кивнул:

— Сами иногда думаем об этом, но слишком уж высокопоставленное лицо, не положено.

— Он или больной на голову, или садист.

— Да нет, старый просто, а заслуг выше крыши, так что почет и уважение, — вздохнул

проводящий, — после пары лет все уже не кажется таким страшным, учишься замечать мельчайшие детали и заблудиться становится сложно.

— Разве что, — не стал спорить.

— Вам туда, — он, наконец, указал на одну из шести дверей в очередном коридоре, — хорошего дня.

— Спасибо, и тебе того же, — кивнул ему на прощанье и, постучав в дверь, толкнул ее от себя.

Кита обнаружилась сразу, причем в компании нескольких молодых эльфов, и явно ухажеров, судя по тому, как они на нее смотрели. И я их вполне понимал, красивая, да еще и знатная, как никто, лакомый кусочек. Но ее они интересовали постольку, поскольку, судя по тому, как вяло протекала у них беседа. Наверняка они обсыпали ее комплиментами, говорили о ее необычайной внешности, о том, как мила и хороша собой. Да только вот приелось девице все это, и хотелось чего-то большего, загадочного, интригующего. В общем, пора сваливать из этого места, а то еще чего доброго, прикуют к ней брачными или какие тут еще признаются узами, хрен отвертишься.

— Не помешал? — с легкой усмешкой нарушил их идиллию.

— О, Влад, как ты себя чувствуешь? Эр Наорт выполнил мою просьбу? — приподнялась мне на встречу девушка.

Просьбу, как же, ты у нас повелеваешь, красавица, и приказываешь, попробовал бы он схалтурить. И тут же отметил, как недовольно на меня косятся молодые эльфы, словно на врага народа, а, ну да, я же, вроде как соперник.

— Эр Наорт великолепный мастер, спасибо, мы можем поговорить?

— Да, конечно, — и та поспешность, с которой Кита согласилась на мое предложение, не понравилась парням еще больше.

Когда вышли в коридор, не преминул заметить:

— Твои ухажеры уже убили меня по пару раз.

— Не обращай внимания, вечно кто-нибудь слоняется рядом, — отмахнулась эльфийка.

— Ясно, довольно аппетитный для них кусочек, — подмигнул.

— Да надоели уже.

— Я насчет нашего договора, — и чуть не рассмеялся, под дверью, с той стороны, четыре уха просто так слились в едином порыве подслушать наш разговор, вот ведь, — тебе не обязательно себя обременять моим сопровождением, я теперь несколько мобильнее.

— И что, ты предлагаешь мне нарушить данное слово? — свела брови вместе эльфийка, то ли действительно негодуя от этого, то ли от того, что хочу удрать без нее.

— Нет, всего лишь выбор, — не стал спорить я, хочет, пусть тратит силы и ведет меня своими путями, в конце концов, за то, что сделал ее лекарь, можно согласиться и не на такое. Но она опять удивила, задорно рассмеявшись, серебряным колокольчиком разносясь по всему коридору, глаза довольно искрятся, улыбка до ушей, и что такого сказал?

— Надо же, — наконец смогла вымолвить девушка, — мне, эльфийской принцессе, дают выбор, нечасто такое слышу.

— Ну, это для них ты принцесса, не для меня, — качаю головой.

— И кто же я? — и смотрит с интересом.

— Дай подумать: симпатичная, слегка вздорная, пыталась меня убить, как-то так, — улыбаюсь.

— Ты вечно теперь будешь это мне вспоминать? — раздосадовано прикусила она губку.

— Ну, почему же, отдаю дань твоему стрелковому мастерству.

— Зараза ты, Влад.

— Ладно, ладно, — поднял руки, — уйти планирую сегодня, так что решай.

— А что решать, у меня даже мечта была — полетать, будто откажусь от такого.

Я чуть не сел, ахренивая и понимая, что меня сейчас пытаются в прямом смысле слова запрячь.

— Ну, уж нет, я тебе не ездовое, — качаю головой, — и не думай даже. И вообще, благодарю за гостеприимство, но отбываю прямо сейчас, а то, не ровен час, еще что придумаешь.

И сделал шаг в сторону, но за руку тут же поймали:

— Влад, ну, погоди же ты, ну, стой, давай я взамен Академии чем-нибудь помогу, хочешь?

Предложение показалось настолько же странным, насколько и все у нее, с чего это вдруг эльфийка про Академию вспомнила, неужели есть какие-то старые неразрешенные споры? И есть ли мне какое дело до всего этого? С другой стороны, помочь старику ректору за такую малую цену будет неплохой прибавкой в наши отношения, хоть он и клянется в своей искренности, да вот только не особо я ему доверяю. Тут же такая возможность, может, действительно стоит?

— А я почему знаю, что им надо? — пожал плечами, — спросить-то никак.

— Почему никак? Есть связь, пойдем, — и девушка стремглав потащила меня за собой.

На этот раз добрались довольно быстро, Кита одним кивком выгнала из просторного помещения с десятков человек и усадила меня за необычной формы стол. Своего рода изогнутый квадрат с выпуклым мутным стеклом посередине. Сама же уселась рядом, и значительно ближе, чем того требовалось. Несколько непонятных манипуляций с ее стороны заставили сердцевину стола замерцать, и после некоторого ожидания в воздухе, буквально из ничего соткалось лицо милорда ректора. Ахренеть, голограмма, что ли?

— Доброго вам дня, принце... Влад? — старик, казалось, был не на шутку ошарашен.

— И вам того же, — кивнул в ответ, — Академию что-нибудь интересует от эльфийского двора?

— В смысле, ты о чем? — явно не понял он.

— Спрашиваю, у эльфов есть что-то, что заинтересует или нужно Академии?

Лицо в воздухе замерло, а потом, словно до него, наконец, дошло, не спеша проговорило:

— Гм, нам бы не помешал договор о сотрудничестве с небольшим перечнем поставок, это возможно?

— Возможно? — повернулся к Ките.

— Будет, — кивнула та, — ждите в гости, милорд Анси, — и, не дав ему даже ответить, свернула связь, потом повернулась ко мне, — ну, доволен?

— Не знаю, — ответил честно, — готова к полету?

Примерно час пришлось ждать, пока она соберется, и это было не самое лучшее время в моей жизни. Хотя бы потому, что на террасе, с которой решил стартовать, обреталось слишком уж много поклонников принцессы, и они все прибывали и прибывали. А бросаемые ими взгляды в мою сторону могли убивать, особенно хорошо это получалось у высокого, рослого блондинчика, так и буравящего меня своими раскосыми глазами. Казалось даже, что вот сейчас встанет, подойдет, и как врежет мне по морде. Или

попытается, по крайней мере. А я как отвечу, да так, что б кровь по всему кафелю, и мозги во все стороны. Представленная картина заставила улыбнуться, очень уж эти напыщенные франты меня раздражали, и чем дальше, тем больше. Каждая минута времени рядом с ними вызывала буквально аскому на эльфийское общество, и очень хотелось поскорее отсюда свалить. Наконец появилась и моя спутница, заставив всех вокруг чуть ли не ахнуть от ее вида, и я не был исключением. То, как она двигалась, уверенная в своей неотразимости, ее грация, фигурка и довольно умело подобранный костюм, лишь подчеркивающий все это, пожалуй, позволили бы ей соперничать даже с Айсой. Господи, о чем я думаю?

— Летим? — и удивленно покачал головой, — ты будто не к ректору, а на свидание собралась.

— Как меня понесешь? На спину не хочу, — сразу предупредила эльфийка, довольная произведенным впечатлением и абсолютно не обращающая внимания на толпу поодаль.

— Будто есть варианты, — и, не особо церемонясь, подхватил ее на руки, от чего девушка слегка охнула. За спиной тут же выпростался громадной тучей Рой, формируя чудовищные крылья, и первый же взмах подкинул нас на десяток метров. И я тут же чуть не оглох от ее вскрика, Кита, вжалась в меня так, словно мы падали в пропасть, а не поднимались вверх.

— Ты чего?

— Да, как-то неожиданно все, — проблеяла она.

— Еще не поздно отказаться, — улыбаюсь.

— Н-нет, летим, только не быстро.

— Ладно.

И в следующее же мгновение нас бросило вперед, приходилось сдерживаться и не разгоняться, а то с определенного момента у пассажирки начинали дико вытаращиваться глаза, а руки с еще большей силой оттягивали мне шею. Это было несколько смешно, и желание подшутить над спутницей возникало неоднократно, но я сдерживался. Тем более, что, в отличие от меня, девушка ничем не могла ответить на какую-нибудь каверзу, а это уже было противно мне. Но помимо этого был и несомненный плюс, от бившего в лицо ветра она не могла говорить и я намеренно выдерживала такую скорость полета, что бы молчание продлилось и дальше. В общем, особых хлопот эльфийка мне не доставляла, ее вес почти не чувствовался, держать венценосное тело было не обременительно и даже где-то приятно, женщина, как ни как. После этого мысли плавно перекочевали на Айсу и вдруг с удивлением ощутил, что действительно соскучился по ней, неужели и вправду влюбляюсь, сам того не замечая? Или просто слишком долго без женской ласки, а после нее все пройдет? Черт его знает, вот и проверю.

И тут вдруг проняло, словно озарение какое нашло, даже руки слегка дрогнули, напугав Киту и заставив ее судорожно в меня схватиться. Я только сейчас понял, что больше не ощущаю ни слабости, ни тошноты, ничего из того, что сопутствовало мне все это время. Будто и не было этого никогда, но основным, что поразило больше всего, это простата ответа на вопрос — почему? Ведь как банально, но разум все никак не мог ухватит суть, хотя все лежало буквально под носом. И если бы я еще раньше спросил себя, из-за чего ж так было хреново, с уверенностью бы ответил — кошмары тянут силы на свое восстановление. И вот с этого момента нужно было и плясать дальше, ведь что является основной пищей этих тварей? Наши эмоции или другие такие же твари, а если этого поблизости нет или их привязка ко мне просто исключает оба эти варианта без моего на то разрешения? Выходит,

банально морил их голодом, вынуждая сосать силы из себя же. И пока развивал эту мысль, становилось и смешно и горько одновременно. Уже в который раз страдаю из-за собственной глупости и нерасторопности, ну почему так?

Далее имеем всего два вывода. Первый: при встрече со своим будущим питомцем, эмоциональный всплеск оказался настолько силен и продолжителен, что его хватило не только на приручение, но и для удовлетворения запросов остальных кошмаров, набив им брюха по самые горла, если можно так выразиться. И прекратив тем самым собственные мучения. И второй вывод: вполне вероятно, что я могу в буквальном смысле посылать кошмаров охотиться, пожирать чужие эмоции, а не только свои. Все это, конечно, нужно будет проверить, но важна сама идея, а будет время, опровергнуть или подтвердить ее смогу уже точно. Ну и, естественно, внеочередным вопросом будет разобраться с новым кошмаром, уж больно он меня всего распирает, неприятно, да и дискомфорт существенный.

За всеми этими мыслями не заметил, как показалась и граница Кастрии, вернее, река, отделявшая Академию от трех государств по периметру. Широкая, бурная, перебраться через нее, насколько я помнил из занятий, можно было всего лишь в нескольких местах, где каждая страна поставила по заслону, с пропускным пунктом и отрядом военных. В общем, Академию заперли, можно сказать, в кольцо, после чего был заключен договор о взаимном сотрудничестве и бла, бла, бла. И теперь мы пересекали эту самую границу, буквально нарушая пропускной режим и лишая себя и таможенников целой кучи лишней волокиты, выяснений и, вполне возможно, телесных увечий, когда бы мне это все надоело. А так тихо, мирно и спокойно, буквально за минуту преодолели пограничные воды и оказались на территории Академии, красота.

— Кстати, Кита, а как мы воду то проходили с тобой, что-то я не помню.

— У нас свои секреты, — улыбнулась девушка, — но тебе скажу, излом пространства.

— Это как? — не понял я.

— Это так, что лес с двух сторон взаимодействует как единое целое, и чем больше между ними расстояние, тем больше сил приходится прикладывать магу, — пояснила девушка.

— Вот почему воды я не видел, а ведь еще тогда хотел спросить.

— Так почему не спросил?

— Это выглядело бы как выпытывание секретов.

— А сейчас не выглядит, — усмехнулась пассажирка.

— А сейчас нет, учитывая, что я тебя уже черти сколько на руках несу.

— Ну-ну, кстати, ты говорил, у тебя девушка есть? — внезапно выдала эльфийка.

— Есть.

— Познакомишь?

— Почему бы и нет, думаю, она не будет против.

И все-таки воздухом быстрее, намного, никакие там эльфийские пути или еще что и рядом не стояли, даже с такой скоростью, как сейчас, все расстояние заняло всего ничего времени, по сравнению с тем, сколько добирались вначале. Здание Академии замаячило впереди спустя буквально полчаса, и я слегка поднажал, желая уже избавиться от своей ноши. Восстановление все еще шло полным ходом, народу на воздухе было полно, и нас заметили почти сразу же. Более трех десятков глаз вцепились в нас взглядами и не отпускали вплоть до момента приземления, а потом окрики старших таки заставили младший ученический состав вернуться к работе. По всему выходило, что меня узнали и

успокоились.

— Ого, что это у вас тут такое произошло? — удивленно оглядывая округу, поинтересовалась эльфийка.

— У ректора спросишь, пойдём, — я поставил ее на ноги и двинулся вперед, втягивая в себя Рой. Что странно, эти манипуляции с якобы освобождением кошмарами свободного пространства никоим образом на мои ощущения не влияли. То есть выходило, что они просто даже не катировались на фоне того монстра, что забрался в меня, или же была другая причина, о которой я пока не подозревал.

— Да тут настоящий бой шел, — пробормотала сзади Кита, — Влад, на вас напали?

— Можно и так сказать, — бросил, не оборачиваясь.

— И давно это было?

— Несколько недель назад, не помню.

— Ты тоже дрался?

— А что? — бросил на нее взгляд, девушка явно выказывала не шуточный интерес.

— Да так, с кем тут воевать? Все свои, со всеми мир, значит, это что-то новое, и угроза пришла с неизвестной стороны. А это означает и возможное повторение нападения, только вот где, здесь, или в Кастрии, а, может, у нас?

— Не думаю, что подобное где-либо повторится, хотя лучше пообщаешься на эту тему с ректором.

— Заладил, ректор, ректор, Анси скажет только то, что посчитает нужным.

— Тем более, ему виднее.

Сбоку недовольно засопели:

— Вроде и не друг как.

— А мы уже успели стать друзьями? Помнится, меня пристрелить кто-то удумал, — и тут же с усмешкой поймал запущенный в меня кулачек, — ладно, ладно, больше ни разу.

— Надоел, — бросила эльфийка и пристроилась ближе, хватая под руку.

В таком виде нас и застала Айса, буквально вылетевшая из соседнего коридора в конкретной спешке. Но едва завидев нас, девушка тут же замерла, словно в ступоре, рассматривая меня и Киту, а потом неспешно, словно специально выдерживая достоинство, подошла и мягко улыбнулась:

— Привет, все хорошо? — но глаза ее явно спрашивали о другом, ох, как же они сверкали.

— Да, все в порядке, и я соскучился по тебе, — обняв ее за талию, притянул и поцеловал в губы, пусть остынет, незачем и не из-за чего так себя накручивать, — мы к ректору, пойдешь с нами?

— Да, можно, — кивнула, слегка оттаяв Айса, — ты нас представишь?

— Конечно, знакомьтесь, Кита, — указал на эльфийку, — Айса, — улыбнулся своей красавице.

Девушки еще раз обменялись взглядами, но, ни улыбок друг для друга, ни каких-нибудь слов так и не нашли. В общем, понятно, вместе не держать, принцессу сбегать домой как можно быстрее, от греха подальше, мне еще разборки бабских не хватало. До главы Академии добирались в полнейшем молчании, вернее, меня конвоировали, зажав с обеих сторон и явно намереваясь вести холодную войну вплоть до победного конца. Так что если ректор не выдворит эльфийку сам, это придется сделать мне, даже если потребуются жесткие меры.

Как оказалось, милорд ректор нас уже ждал, посередине кабинета был сервирован на четверых столик с легкой закуской и напитками, а сам хозяин занимал одно из подготовленных для всего этого мест. Однако, оперативность просто высший класс.

— Проходите, наверное, устали с дороги, — кивнул старик, едва завидев нас на пороге.

— Не особо, — кресла были явно не отсюда, значит, слегка недооценил суету по поводу нашего прибытия.

— Итак, с чего вдруг эльфийский двор решил проявить намерение о сотрудничестве, — повернулся старик к Ките, как только все расселись, — и на каких условиях?

А я уже поглощал содержимое тарелок, салаты пошли довольно хорошо, впрочем, как и нечто на подобии компота в графине, и Айса даже насмешливо покачала головой, мол, ну, нельзя же так. Но у меня разыгрался просто зверский аппетит при виде еды, уж и не знаю, с чего вдруг. И пока они обсуждали условия, продолжал набивать желудок, благо, милорд ректор не поскупился, и угощения было вдоволь.

— Отменный аппетит, — наконец заметил мое обжорство старик, видно, переговоры подошли к концу и теперь можно было обратить внимание и на меня, — как путешествие, удачное?

— Более чем, — кивнул, — для меня есть новости?

— Более чем, но там свои нюансы, — старик кивнул на эльфийку, давая понять, что не стоит привлекать к этой теме чужие уши, и продолжил — а ты, говорят, теперь еще и пешком перестал ходить?

— Есть такое, — набитый рот не особо располагал к беседе, особенно с учетом того, что об интересующем меня вопросе сейчас было не поговорить, ну, а остальное не было интересно уже мне. Кроме того, слегка пугал все растущий жор, желудок принимал пищу так, словно в нем образовалась черная дыра, засасывающая в себя все, что только ни попадало внутрь. И на фоне того, как питался раньше, это выглядело не то, что неестественно, а просто пугающе и настораживало явным намеком, что происходит нечто новое, незнакомое и, значит, возможно, нелицеприятное, а то и опасное для меня. Вскоре и Айса уже обеспокоенно следила за тем, как отставляю одну пустую тарелку за другой, остальные тоже с удивлением замерли и Кита, наконец, не выдержала:

— Ты, часом, не беременный, ешь как за двоих.

И меня будто прорвало, заставив на миг замереть с поднесенным ко рту куском то ли пирога, то ли еще чего, столько всего в нем было намешано. Банальная, казалось бы, шутка, исторгнутая улыбающейся эльфийкой, насмешливо пронзающей своими глазами, будто стрелами, словно открыла неведомую сторону, указав на вполне очевидное, но так до сих пор и сокрытое от моего внимания. Черт возьми, а ведь действительно, кошмары, сперва, словно проходят инкубационный период, привнося в жизнь будущего хозяина некий дискомфорт и заставляя ощущать то, чего раньше и в помине не было. Обретение незримой связи, новые чувства, возможности, все это приходит постепенно и в той или иной мере заставляет переживать странные моменты. Ведь если вспомнить, у меня их приручение всегда происходило в самый последний момент, когда уже край и в итоге просто терял сознание, буквально на последнем мгновении получая желаемое. Опасно и глупо, ну, да кто же знал, не было ведь ни у кого спросить, ни кому посоветовать, помочь. Но отголосок слияния, все же, был, я чувствовал его остаток, привкус, дающий осознания свершения чего-то, после чего возникало ощущения связи.

И если бы все происходило вовремя, а не так, как у меня, с пеной у рта и

раскалывающейся головой, то, возможно, довелось бы узнать все прелести слияния целиком и полностью. И чем бы это не походило на беременность? Своего рода мука, которую необходимо вынести перед рождением на свет нового союза, прочнее которого я и представить себе не мог. Ведь все их ощущения, если они есть, в тот же миг становятся и моими, но пока такое происходило довольно редко, мои кошмары на удивление флегматичны и плюют абсолютно на все вокруг. А с недавних пор и мои эмоции стали передаваться им в каком-то усиленном режиме, заставляя реагировать совсем не так, как раньше.

И что же получается, я сейчас беременен этой тварью? И в тот же миг кусок пошел не в то горло и спазмы кашля скрутили меня чуть ли не в три погибели. Думал, легкие наружу выйдут от жутких потуг, не дающих ни капли облегчения. В спину вдруг крепко уперлась чья-то рука, ага, Айса, кто же еще, и Белый заметил лишь всплеск нежно бирюзового сияния, окутавшего конечность девушки и моментально впитавшегося в мое тело, содрогающееся в тщетных попытках избавиться от куска в горле. Руки с такой силой сжали резной столик, что тот, не выдержав, пошел трещинами и начал крошиться, сминаемый, будто тисками. И что хуже всего, мозг воспринимал и то, как давлось, краснея и выкатывая глаза, благо, хоть маску додумался натянуть до глаз, а то картинка выходила та еще. И озабоченные лица, ректор даже привстал немного, но вмешаться в действия Айсы явно не решился. И восприятие Белого, неусыпно следящего за происходящим и дающим четкую картинку, им всем, троим, однозначно было не наплевать. Это было видно по лицам, по их мимике, по учатившемуся току крови, по дыханию, да черт возьми, в голову от кошмара поступал просто ураган информации и ошибиться я не мог. Чертов шизофреник, ведь так до конца и не верил старику, все время чего-то опасаясь. Но стыд сейчас был неуместен, слишком хреново приходилось моей тушке, и когда, наконец, пронеслась спасительная мысль — пропихнуть чертов кусок щупальцем, магия Айсы подействовала. В горло словно налили холода, сковавшего и прекратившего содрогания, притупившего ощущения и словно потоком пронесшегося сверху вниз, от самого неба и вплоть до пупка, почти заморозившего все происходящие во мне процессы. И тут же отпустило, не знаю, как, не знаю, почему, но все прошло.

Дыхание восстановилось спустя пару секунд, цвет лица тоже пришел в норму и я смог, наконец, выпрямиться, осоловело уставившись перед собой. Чертов дурак, сразу не мог догадаться Плющом пропихнуть эту хрень? Идиот.

— Никогда бы не подумал, что возможен такой конец, — сипло выдавили сквозь губы, — это что сейчас было?

— А чего торопишься, будто забирает кто, — проворчала Айса, — она тебя что, голодом морила? — и бросила сердитый взгляд на эльфийку.

Кита тут же возмущенно на нее уставилась, явно собираясь выдать достойный ответ, и в то же мгновение, не теряя больше ни секунды и не давая начаться перепалке, рывком поднялся с кресла и одним движением вскинул свою красавицу себе на плечо, упершись щекой в обтянутую штанами попку.

— Оставляю ее вам, — кивнул профессору, указав глазами на принцессу, и больше не говоря ни слова и не обращая внимания на их оторопелые взгляды, направился к выходу.

— Ты что делаешь, — отойдя от шока, пропищала девушка, пытаюсь вырваться.

— А ты как думаешь, соскучился, проголодался, да еще и женщины сколько не было.

— Ты с ума сошел, вокруг полно народу, — обреченно простонала глава совета, пряча

лицо в волосах.

А ученики по сторонам продолжали пялиться, и физиономии их выдавали самые разнообразные мысли, каждый думал то, что хотел. И если мне на это все было абсолютно наплевать, то Айсе нет, но и брыкаться она тоже перестала, так как выглядело это еще комичнее. Так и шли, провожаемые десятками чужих взглядов и тут же начинавшимися перешептываниями, как только отходили достаточно далеко. Чувствую, в Академии будет о чем поговорить следующие пару недель, а моей красавице придется пересилить себя и все так же твердо, как и раньше, смотреть им в глаза. И пусть, зато четко расставил все по своим местам, без лишних слов, заверений и прочей ерунды, дав всем понять, что и как, и думаю, мне это удалось. Так следующими ее словами, когда осторожно опустил ее на кровать в ее комнате, были:

— Я чуть со стыда не сгорела, и тебе придется очень постараться, что бы получить прощение.

— Ради этого все и затевалось, — а у самого крепло осознание того, что вот оно, то, что мне и было нужно, вот оно, то самое, настоящее и единственное. И никакой призрак прошлого уже не висел на душе камнем сомнения, потому как ответ вдруг встал перед глазами сам, — дай мне пару минут на душ.

И стоя под бьющим сверху горячим потоком, смывающим остатки настолько все изменившего путешествия, не продолжал поражаться простоте и очевидности того, что все это время было под носом. Как же просто и как глупо, всегда искал не то и не там, вернее, почти спотыкался, упираясь носом, но не видел, слепец. А когда вышел из душа, все мысли и думы отпали сами собой, Айса, изысканно изогнувшись, полностью обнаженная возлежала поверх белоснежных простыней. Атмосфера комнаты невообразимо изменилась, откуда-то появился аромат цветов, хотя их и в помине здесь не было, легкий полумрак сковал прорывающийся в окно свет, и все будто бы подталкивало, уговаривало, звало. И я посмотрел бы на того идиота, который отказался бы от подобного. Последующие часы во мне жила страсть и нежность, внимательность и обожание, и девушка чувствовала на себе всю силу и глубину этих чувств, впитывая их, как губка. Ее лицо буквально светилось от сладостной муки, хмурились брови, кривились точеные губы в немом крике, но за пределы комнаты не вырвалось ни единого звука. Белый сразу увидел облепившую стены магоформу тишины и сдерживания, весьма профессионально поставленную и довольно надежную. И потому девушка не сдерживалась, впрочем, как и я сам, полностью отдавшись накатывающим на нас волнам ощущений, подобно цунами захлестывающих с головой. А под вечер получил и официальное прощение:

— Вот теперь верю, — довольно проворковала девушка.

— А что, были сомнения? — пробормотал сквозь дрему, спать хотелось невыносимо, даже в душ не было ни сил, ни желания подняться.

— Ну, учитывая, что она приехала у тебя на руках, — не закончила фразу Айса и давая мне додумать самому.

— Учитывая, что это было условием заключения сделки с Академией, — переиначил я.

— Что, серьезно?

— Угу, ты совсем не устала? — удивленно уставился на нее.

— Немного, — сверкнула улыбкой.

В животе вдруг нереально заурчало, выдав настоящую канонаду из бурчания и возмущений по поводу начавшейся там голодовки. Черт, а ведь действительно жрать как

хочется, прямо сил нет. Но вставать сил тоже не было, и Айса выручила и в этот раз:

— Понятно, мужчина выдохся, мужчине нужно подкрепиться, — и начала вставать, — тебе чего взять?

Я улыбнулся:

— Всего и побольше, — и этот жор оставался единственным непонятным происходящим со мной процессом. Хотя, если прикинуть, сколько влезают в женщин при беременности, что ж, может, так все и должно быть, тварь-то во мне сидит не маленькая. А с другой стороны, если не бредить, то вполне разумно предположить, что организм претерпевает какие-то изменения, и просто требует дополнительной энергии и материала. Кто его знает, и хотя опасность в происходящем отрицать было нельзя, мало ли что, но особых страха и опасений я уже не испытывал. Будет, как будет, и пусть тело получит все, что требует.

А через некоторое время мы уже непринужденно беседовали, поглощая принесенное ею угощение — целых две корзины салатов, выпечки, фруктов, несколько кувшинов какого-то пойла, по заверениям девушки довольно ценного, и две плоские неизвестной мне вязкой дряни, которую полагалось намазывать перед употреблением на что-то еще. В общем, самое то для откровений после бурного, жаркого и продолжительного секса, так что к разговору располагало все. И как-то само собой так получилось, что стал вдаваться в совсем не нужные для нее детали, описывал лес, свое путешествие, встречу с Китой, хотя никогда особо не отличался тягой к подобному. Всегда было проще кивнуть, сказать, что все в порядке, и игнорировать дальнейшие приставания. Но теперь все шло несколько иначе.

— И что там было? — она заинтересованно уставилась на меня, прекратив даже жевать.

— Сам не знаю, весь пол покрыт стеклянной гладью, почти зеркало, если бы сверху доставал свет.

— И все, никаких алтарей или чего-нибудь подобного?

— Абсолютно ничего, голая стеклянная масса, а по бокам лишь уходящие вверх спекшиеся стены, — помотал головой, — а что?

— Да была одна идея, — скривилась Айса, — думали, там в свое время местные жрецы занимались запрещенной магией, вот и могли остаться какие-то следы.

— Не думаю, там глубина такая, что никаких веревок не хватит, на один подъем тратили бы по полдня, да и на что там смотреть?

— Ну, ты же для чего-то туда спускался, и без веревок, — она лукаво посмотрела на меня, гм, поймала.

— Ладно, начистоту, — я откинулся на подушку, наконец ощущая, что желудок таки полон и черная дыра где-то внутри меня успокоилась, — помнишь моего питомца?

— То чудовище? — поежилась девушка.

— Именно, в той пропасти жило еще одно, за ним, собственно, и отправлялся.

— То есть как так, жило? Ты убил его? И откуда знал, что оно там? Или ты не за этим туда шел? — по мере озвучивания каждого вопроса речь девушки слегка замедлялась, а потом она выдала и последний, — оно сейчас здесь?

Я кивнул:

— Здесь, — и тут же добавил, — жуткая тварь, должен признать, чуть концы не отдал, пока возился с ней.

Пауза.

— И, где, здесь? — черт, походу, зря я об этом заговорил, нужно было молчать.

— Ты уверена, что стоит об этом? — посмотрел на нее с улыбкой.

— Если честно, то нет, — покачала Айса головой, — они тебя полностью слушаются?

— Шагу ступить не могут, — заверил ее, — иди лучше ко мне.

А обняв и прижав к себе девушку покрепче, закрыл глаза. К чему все эти разговоры, метание мыслей с языка и прочая ненужная болтовня, когда достаточно всего лишь вот так быть рядом друг с другом, и все сразу же становится неважно. Мир будто наполняется спокойствием и упоением тишиной, уютom и близостью с родной душой. Казалось бы, как банально, и как много это дает. Айса, словно прочтя мои мысли, безоговорочно поддержала молчаливое течение времени, не нарушив его ни единым звуком и лишь слегка посапывая, а потом и вовсе заснула. Меня же одолевал настоящий сонм мыслей, цепляющихся за сознание, будто клещи, настырно требуя внимания и безоговорочной сосредоточенности именно на них. Даже озадачило слегка подобное состояние, тело, вроде, уже и спит, а сознание продолжает работать, словно во сне.

И это совсем не было похоже на мой обычный ночной отдых, опять, что ли, очередные изменения, и чего от них ждать? Новая тварь внутри довольно ворочалась, суча своими кошмарными лапами и словно елозя по основе брюхом, обустроивается, видать. Значит, все идет как нужно, я ее ощущал так же четко и ясно, как и Белого, когда он находился там. Каждую лапу, каждый изгиб жуткого тела, любое движение отдавалось в сознании, являя ирреальную картину кошмарного монстра, невесть как уместившегося где-то внутри меня.

Затем пришли мысли о прошлом, об оставшихся в ином мире родных, знакомых, и я с ужасом вдруг осознал, что меня это не так уж и волнует, по крайней мере, не так, как раньше. Не скучал по семье, за отцом и матерью, почти не было печали о погибшей Татьяне, словно и не со мной это все происходило. Сознание скользило по картинам памяти и не находило отклика, будто перед ним вставало чужое или малозначимое, хотя как такое могло быть, если все это — моя жизнь. И если даже она осталась где-то там, далеко, в неизвестности, ничто не могло отменить ее значимости. Или могло?

Вопрос возник сам собой, и сознание оказалось в тупике. Чего еще я не знаю о Тени? Может ли быть такое, что... но мысль оказалась слишком уж жуткой, как можно терять привязанности, любовь и прочие чувства? В Тенях да, временно, пока не выйдешь обратно, но потом ведь все восстанавливается? Или не полностью, отмирая по кусочкам, по частям, пока не меркнет до такой степени, что становится лишь бледной памятью, уже не вызывающей былых чувств и эмоций. Догадка просто ошарашила, в буквальном смысле вызвав чуть ли не панику, сознание словно билось в агонии, запертое в клетке домыслов и словно из тумана, неохотно, но неотвратимо проступающей правды. И чем дальше думал об этом, тем больше убеждался в возможности подобного, память хитрая штука, когда что-то хорошее, вспомнить почти невозможно, разве что яркое и особо сильно запечатлевшееся в глубинах сознания. А вот кошмары и неприятности отпечатываются в ней навек, ничем не сотрешь, никак не забудешь.

И таких моментов, когда ранее важное сначала незаметно, а потом все больше и быстрее теряло вес после пребывания в Тени, таких моментов вспоминалось сразу множество. Другое дело, что они были незаметны и так, без общего плана, просто ускользали от внимания, но теперь мозаика сложилась полностью, как надо, и картина получалась ужасающая. В памяти останется все, что когда-либо происходило вокруг, но обесценится и потеряет значимость, станет ненужным и ничего не стоящим воспоминанием. Так что ничего, кроме нахлынувшей грусти и печали, я сейчас не испытывал. Глаза

открылись сами собой, уставившись в темноту потолка, а внутри выла душа, принимая жестокую действительность. Лица близких и родных людей не вызывали ни капли эмоций, стертые, блеклые, словно маски, и если разум понимал, что так нельзя, это ненормально и плохо, жутко, то внутри ничего даже не содрогнулось, будто отмерло все, ужас.

До самого утра так и не заснул, лежал, отвернув голову от Айсы, и подушка с моей стороны лишь намокала. Это была своего рода ночь прощания и принятия себя таким, каким стал, каким стану, и оставался один единственный вопрос — до каких пор? Пока не перестану видеть и слышать, или без разницы и все равно происходит обесценивание? Выходит, смогу забыть былую боль, жить лишь ближайшим прошлым и настоящим, зная, что рано или поздно, для меня и это все перестанет существовать? И выходит, что необходимо каждое мгновение стараться сделать запоминающимся, иначе что останется? Прах и серость, густая пелена падающего из пустоты в пустоту пепла, не более. Вопросы роились подобно муравьям и как всегда, рядом не было абсолютно никого, кто мог бы подсказать, предостеречь, или открыть очередную горькую истину. Хотя куда уж горше, ведь даже слезы вниз бежали не по утраченным когда-то дням, нет, они лишь отдавали дань той человечности, что хоронила прошлые бесценные мгновенья. Они и есть, и вроде бы их нет, так незначительна их суть, не стоящая и внимания, хотя умом прекрасно понимаешь, сколь дороги они должны бы быть. Черт, а эта хрень поэтическая откуда?

Мысли тут же переключились и осадок, накапливавшийся за всю эту ночь, стал таять, словно прошлогодний снег. За окнами уже светало, совсем скоро по коридору пройдет легкая дрожь, отзывающаяся в каждую дверь еле слышным звоном и мерно затихая. Что бы спустя минут десять повториться вновь, и так пять раз подряд, своего рода побудка для тех, кому надо встать пораньше. Остальные же могут еще пару часиков поспать, затем подъем и на учебу, ну, или на восстановительные работы, график в Академии теперь менялся хаотически и каждый день мог получать все новые и новые изменения.

— Нам после пятого вставать, — вдруг сонно пробормотала Айса, — тебе на инструктаж, а мне в совет.

О, как, а я и не знал.

— Выспалась? — губы сами прикинулись к ее щеке.

— Угу, — промычала девушка, пробормотав затем, — интересно, эльфийка уже убралась восвояси?

— Тебя это тревожит?

— Нет, а должно? — и ведь явно ждет, что отвечу.

Залезть на нее сверху заняло буквально мгновение, и через секунду девушка уже отчаянно смеялась, отбивалась от моих несерьезных попыток подмять ее под себя еще больше. Сон как рукой сняло, и вот, уже во всю обнимаем, целуясь и наслаждаясь удивительными минутами утреннего спокойствия, жаль только, вставать скоро. Из комнаты выходили в прекрасном расположении духа, я и думать забыл о ночном бдении и выводах, заставивших нервную систему конкретно перегреться, в конце концов, чему быть, тому не миновать, тем более, что никаких угрызений совести не испытывал и лишь логика напоминала об ущербности такого существования. И, тем не менее, осознание и принятие проблемы сняло с души часть груза, и больше камнем на грудь он уже не давил.

Встречающиеся редкие ученики и сотрудники Академии учтиво кивали, проходя мимо, а я краем глаза следил за своей спутницей. А у той ни капли стыда на лице и никакого сомнения, истинная Айса Руан, выходит, меня вчера просто облапошили, никакого стыда

там и в помине не было. Да если и был, то моя красавица заранее все наперед просчитала и отреагировала самым правильным образом, в общем, оба получили, что хотели. На очередной развилке девушка чмокнула меня в губы и упорхнула по своим делам, предоставив плестись к старику в полнейшем одиночестве. А тот уже ждал, озабоченно прохаживаясь взад вперед. В кабинете стоял довольно необычный аромат, то ли приправ каких, то ли еще чего, но ректор периодически чихал, смешно теребя нос, и хмурился, шаря взглядом по полкам у стены.

— Утро доброе, потеряли что? — переступил через порог, двери были нараспашку, но ректора это, похоже, совсем не волновало.

— Влад? Да, доброе, доброе, можно и так сказать, можно и так, — он опять впал в протрацию, уставившись на корешки книг и кучи свитков, занимающих почти всю дальнюю стенку.

— Чем так пахнет?

Тот, не отрываясь, буркнул:

— Остаточный эффект, — а потом вдруг быстро метнулся вперед, и по самое плечо погрузил руку в щель между парой книг, чуть ли не нырнув туда с головой, и только тогда я удосужился взглянуть насквозь. Мать честная, это что за твари такие тут живут, тараканы местные, что ли? Глава же Академии аккуратно, как показалось, но довольно крепко вцепился в хитиновую спинку не особо приятной на вид гадины, и если бы не размеры, то я вполне мог бы отнести ее к кошмарам, так как основным ее достоинством было мерзость внешнего вида. В пол локтя, спинной панцирь состоял из пяти-шести пластин, накатывающих друг на друга и шевелящихся при малейшем движении. А тварь сейчас дергалась и извивалась так, будто ее хотели изничтожить самым жутким для нее способом. И трущиеся кусочки брони скрипели и издавали невероятные звуки, выводя на все тона такую какофонию гнусного скрипа, что хотелось дожать ректору руку и смять мерзкое создание до состояния мокрого пятна. Но тот явно слишком осторожничал, пытаюсь подхватить тварь покрепче, но, не решаясь придавить сильнее. Та же во всю продолжала дергаться и сучить десятком лап, царапая заднюю стенку шкафа, и довольно глубоко, должен заметить, коготки-то там оказались ого-го какие. В общем, сам бы старик продолжал так стоять достаточно долго, что бы мне надоело, так что:

— Помочь?

— Что, нет, не надо, тут довольно деликатная ситуация, — с трудом выдавил тот, погружаясь в глубину полки еще больше.

Но я не стал его слушать и аккуратно, чтобы не раздавить, обвил существо щупальцем, спеленав и заключив в кокон, и заставив ректора отпустить тварь. Тот лишь вздрогнул от неожиданного и внезапного прикосновения, но мгновенно совладал с собой и вылез наружу, уставившись на меня и явно собираясь что-то сказать. Мне же оставалось лишь вытащить пленника и осторожно сбросить ему на руки, погасив так и не начавшийся разговор.

Старик тут же кивнул, мол, прощает, и утащил гадину куда-то в угол, а спустя пару минут внезапно исчез и чудный запах, вновь вернувшись к своему нормальному состоянию: аромат старых книг и древней, антикварной мебели. Почему-то последнее ощущалось здесь сильнее всего, словно подчеркивая атмосферу и окружение милорда ректора.

— И что это было? — занял одно из пустующих кресел, их так еще и не убрали со вчерашнего дня.

— Это то, чем нам придется заняться на ответную услугу Кастрии, — он тоже решил не

стоять и плюхнулся на свое место, — я смог достать всего лишь один экземпляр, а нужно еще, хотя бы, девять.

От меня же пока смысл происходящего увилывал:

— В смысле? Они сами что, не могут наловить себе этих... это... что оно вообще такое?

— О, данные существа настолько же редки, насколько и полезны, Академия за последние сто лет владела лишь одной единственной особью, и ее вклад невозможно переоценить. Вообще их называют по-разному, в основном из-за незнания, но правильно произносить Граструг, а так все говорят граст или грасты, — старик замер, словно вспоминая что-то.

— И? — тут же напомнил я о себе.

— И Кастрия хочет себе десяток таких, — вяло улыбнулся тот.

— Так в чем проблема, если известно, где они обитают?

Ректор развел руками:

— В том, что никто этого не знает, их находили и находят совершенно случайно, а счастливцев становится обеспечен на всю оставшуюся жизнь.

Я хмыкнул:

— И чем же так полезны эти твари?

— О, это уникальные создания, — он покачал головой, — их существование неразрывно связано с уплотнением магического фона вокруг них до такой степени, что становятся возможны просто нереальные магоформы. Кстати, именно это их свойство и позволило в прошлой войне одержать победу, иначе бы тут сейчас кишмя кишели только те твари.

Но до меня опять не дошло:

— В смысле, у вас тут еще какие-то ограничения есть?

Старик уставился на меня, как на маленького, а спустя мгновение кисло усмехнулся:

— Совсем забыл, что вы двое с этим шалопаем, соседом твоим, как это, — он щелкнул пальцами, — прогульщики, — и последнее слово в его устах прозвучало довольно странно.

— Допустим, — кивнул, — и что?

— А то, что любая магоформа зависит лишь от возможностей самого мага и насыщенности пространства, и ты бы знал это, если бы посещал все занятия.

— Теория, — отмахнулся я, — толку от нее, все равно не смог бы использовать, и что дальше?

— В общем, те люди в Кастрии, что могли бы нам помочь, готовы пойти на подобный риск лишь за десяток Граструг, не меньше.

Приехали, то, что может мне помочь, неизвестно где, а это значит совсем не то, что мне хотелось бы услышать. В итоге тупик и придется-таки решать все по-своему, хоть и не хотелось.

— Я так понимаю, остается лишь одно? — уставился на него.

— Ты о чем? Я пока проверяю старые записи и свожу воедино все, что у нас есть по местам, где когда-либо находили этих существ, так что на это уйдет какое-то время. Честно говоря, сам не знаю, почему раньше такого никто не делал, или делал, да только не у нас, — старик задумчиво уставился на бумаги перед собой.

— И силой забрать нужное вы мне, конечно, не позволите, — покачал головой.

Старик поднял на меня взгляд:

— Я же рассказывал тебе, как это подставит Академию.

Оставалось только вздохнуть, и так не выходит, и по-другому никак, везде клин и

облом, прямо специально все. И ведь не остается ничего другого, кроме как опять довериться и снова ждать, авось, что и выгорит. Хотя мне ли жаловаться, учитывая, сколько всего произошло и отношение к себе с их стороны, вон, даже своего граструга собирается отдать, черт, вот и как после этого себя вести?

— Ясно, что могу сделать я?

— Как и договаривались — преподавай, думаю, с этим у тебя проблем не возникнет. Зайдешь в ректорат, там предписание и все остальное, разберешься.

И уже переступая порог, обернулся и бросил негромко:

— Спасибо, — на что старик лишь коротко кивнул и вновь погрузился в свои бумаги.

Передо мной, на тренировочной площадке буквально пластом лежало восемь тел, первый день тренировок вылился для них в настоящий ад, не принесший абсолютно ничего из того, на что они могли бы рассчитывать. Я заставил их пропотеть по нескольку раз и довел до такого состояния, при котором даже сидеть ровно не удавалось, так как группа оказалась настолько же слаба, насколько и я в свои первые занятия. И так как по собственному опыту знал, что чем быстрее избавлю их от иллюзий, покажу, чего стоит ожидать в дальнейшем, тем лучше и проще будет нам всем, тем быстрее начнется процессковки, и тем выше окажется со временем результат. Когда мы впервые увидели друг друга, в их взглядах можно было найти все, кроме равнодушия и безмерной усталости, сквозивших сейчас почти в каждом движении, вздохе или попытке подняться. Все семеро вымотались до предела, до полного изнеможения и даже что бы уйти отсюда, им наверняка потребуются посторонняя помощь.

Если бы кто отказался подчиниться, стал тянуть время или еще что, сразу указал бы на дверь, заниматься исправлением чужой лени, уговорами и прочей ерундой я совершенно не собирался. Преподаю как умею, как сам учился, и как считаю нужным, тем более, никто в Академии мне не указ, а раз так, будьте добры, или молча выполняйте, что требуется, или проваливайте на хрен, держать не буду. И народ, видно, сразу это понял, потому как даже девушки не позволили себе ни разу пискнуть о том, что устали и как все им это надоело. Видно, кое-что им таки рассказали обо мне и о том, чего можно ожидать, в общем, пока все шло неплохо.

— Если кому не нравится, тот всегда может уйти, — на всякий случай обронил в конце, — держать никого не собираюсь.

— Остаюсь, — выдавил, спустя мгновение, один из парней, умудрившись, еще, и руку поднять.

— Тоже.

— И я.

— Остаюсь, — пронеслось над телами, заставив лишь покачать головой, что ж, отлично, сами напросились.

— По поводу графика, мне все равно, что там и как написано, занятия будут проходить каждый день, кто хочет — приходит, кому не надо — его проблемы, а теперь свободны.

И более не обращая на полутрупы никакого внимания, направился к выходу, где меня уже терпеливо поджидала Айса. Слегка улыбается, дыхание ровное, спокойное, значит, все в порядке — это отметилось как-то само собой, на автомате. И хороша, как всегда, чертовка, неужели я действительно такого заслуживаю?

— Не слишком ли жестко? — кивнула на ребят, после приветственного поцелуя

— Ваша система обучения много упускает и мало дает, — покачал головой, — смысл терять время, когда можно дать больше?

— Разве что к лекарям зачастят, после такого-то.

— Ну, я же не бегал к ним, — и добавил под пристальным взглядом, — по крайней мере, часто.

— Тебе решать, — пожала девушка плечами, — ты как, свободен, планов нет?

— Вообще-то, есть, — растянул губы в усмешке, — извини, никак не получится их отложить.

Айса слегка нахмурилась:

— И что же это у тебя, интересно, за дела такие?

— Да вот, думал вчерашнее повторить со своей половинкой.

— С половинкой, — тут же довольно промурлыкала она, — половинка не против, и очень даже не против, — улыбается.

— И чего же мы тогда ждем?

В итоге глаза сомкнули лишь под самое утро, когда до последней пбудки оставалось всего пару часов, и мне-то этого хватило бы с головой, но вот Айса явно будет весь день вялая, учитывая, насколько вымоталась. В общем, еле ее добудился, она так крепко и сладко спала, что уже думал оставить отсыпаться, уладив вопрос с ректором, но она, лишь услышав об этом, тут же подскочила:

— И не думай даже, — ее сонное ворчание вышло настолько смешным, что не выдержал и расхохотался.

— Чего? — девушка таки смогла продрать глаза, уставившись на меня и, черт, еще пару таких мгновений, и просто пошлю все на хрен и опять затащу в постель. И плевать на распорядок и прочие обязанности. Внутри буквально росла волна нежности к этому воздушному и неземному существу, и она, видно, что-то почувствовав, тут же подняла ладонь:

— Нет, я еще не отошла полностью, дай прийти в себя, — и начала сползать на пол.

— Думаю, нам стоит слегка ослабить наши порывы, — произнес, наблюдая, как мой ангел мучается с одеждой, — а то вообще спать перестанем, тебе помочь?

— Нет, и так мысли о другом, а если ты еще и рядом окажешься, — девушка криво ухмыльнулась.

— Будто мысли мои читаешь, — а сам продолжаю поедать ее глазами.

— И это он мне говорит, я бы уже спала давно.

А раздавшийся вслед за этим треск возвестил о том, что усилия оказались для ее брюк более чем чрезмерными, и им настал полный трюндец. Айса тут же чертыхнулась, прекратив насиловать испорченную вещь, и отбросила их в сторону.

— Вообще не соображаю, что делаю, — пожаловалась, спустя мгновение, затем обернулась, проверить, не смеюсь ли, и полезла в шкаф. У меня же внутри от того, как она наклонилась и извивается, роясь по полкам в поисках замены, начало в буквальном смысле все гореть, еще немного, и никто уже точно никуда не пойдет. Да что же это такое, прямо не узнаю себя, откуда такая тяга, уже все границы переходит.

— Сладкая, я, пожалуй, пойду, а то еще немного, и просто не выдержу.

И тут же фигурка девушки изогнулась еще больше, будто специально вгоняя клин мне в мозг и заставляя со стоном броситься к двери, ловя спиной довольный смешок. Вот, чертовка, неужели действительно хотела, что бы сорвался?

— Ты чего такой? — раздался сбоку знакомый голос, как только вылетел в коридор.

— Привет, Кайр, — повернулся к бывшему соседу, — не поверишь, — и только потом сообразил, — а ты чего так рано?

— Да я уже несколько недель свой зад таскаю на занятия, раньше хоть если просто помощь оказывали, то сейчас тупо по графику и в соответствии со всеми требованиями, сплошные рамки и ограничения, — скривился парень.

— И тебя, значит, припахали, — ага, а старик не промах, запряг всех, кто был.

— А то, не все ж тебе здоровьем рисковать, спасая милых дев, — нараспев и почему-то шепотом продекламировал бывший сосед.

— А чего так тихо?

— Ну, не орать же, спят еще, ты сейчас куда, кстати?

— Вниз, на занятия.

— Все там же, не перенесли?

— Да нет, а должны разве?

— Так разруха то какая, мне своих приходится постоянно таскать с одной площадки на другую, — скривился парень, — как бездомные какие.

— А чем плохо, смена обстановки, да и знакомств, небось, уже завел немало.

Тот опять смял лицо.

— Было б время, зашиваюсь я, ведь и самому надо тренироваться, только и остается, что вечером до кровати доползти и отрубиться, тут уже не до свиданий.

— И что, никого даже на примете нет? — пока шли, хорошенько успел рассмотреть старого знаконца и с непонятным облегчением пришел к выводу, что он нисколько не изменился. Каким помнил его, таким парень и остался, разве что еще больше раздался в плечах и окреп, став несколько массивнее.

— Ну, как тебе сказать, — свернув к лестнице, стали не спеша спускаться, — нравится мне одна красотка со старшего потока, но пока банально времени на все это нет, а так бы я ух! — и Кайр улыбнулся, да так, что чуть щеки не треснули.

— Ясно, — кивнул, — втрескался?

— Ага, — парень сник, — все время голова ей забита.

— Короче, пропал, она хоть знает?

Тот покачал головой.

— Ясно, любить втихаря из-за угла, значит, не похоже на тебя.

— Да рано еще для всего этого, ну, скажу ей, и что? Если согласна будет на встречи, то времени-то все равно нет, а если откажет, то еще хуже, зачем оно мне такое?

— Ну, тебе виднее, — не стал дальше спорить, хотя и не понимал такой логики, лучше сразу все прояснить и не метаться, мучиться в сомнениях.

— Каждому свое, — согласился он, — а ты как, у вас серьезно все?

Но ответить я не успел, моментально поглощенный переданной Белым картинкой. И Кайр, и Академия со всеми ее потребностями уже отошли на второй план и не значили почти ничего. А парень, пару раз позвав меня и поняв, что глух и нем ко всему, и что пялиться куда-то в центр стены для меня важнее всего, лишь пожал плечами, явно списав все на мои причуды, и пошел дальше, кинув напоследок:

— Ладно, вижу, тебе не до меня, дырку только не прожги, — и скрылся за поворотом.

Я же таки собирался прожечь если не дыру, то уж небольшое отверстие точно, буквально прикипев взглядом к зависшей в воздухе снаружи, за стеной, двухметровой уродливой твари, изломанной и искореженной под невероятными углами и не спеша шевелящей парными отростками с каждой стороны своего змеиного тела. Швы брони пересекали тело монстра везде, где только можно, стыки были не ровными, будто специально идущими наперекор друг другу, из-за чего создавалось впечатление, что панцирь трескается и вот-вот выпустит, не выдержав, наружу сокрытую под собой отвратную требуху. Почему отвратную? Да потому что другого и не приходило на ум, если Белый был

настоящим страшилищем, ужасом из наших снов и ночных кошмаров, то эта гадина вызвала содрогание совсем по иной причине. Подобный кошмар мне еще не встречался, а уж тем более, здесь, где они по определению не водились. И вывод получался всего лишь один — я не единственный здесь с собственными питомцами.

И пока мы изучали друг друга, хозяин этой твари наверняка если не пришел в замешательство, подобное моему, то уж точно рассчитывал свой дальнейший ход, по крайней мере, я бы поступил именно так. Тем более что на глаза он так и не показался, предпочтя свести знакомство пока лишь через своего питомца. А тот вдруг дрогнул, развернулся, чуть ускорив вращения отростков, и стремглав ринулся в сторону парка, явно намереваясь скрыться. Да только вот хрен тебе, и я не куплюсь на эту дешевую уловку. Сам бы так поступил, убирая кошмара не к себе, а в сторону, исходя из дальности связи с ним, и намереваясь скрыться им с глаз, не приведя слежку к себе. Только черта с два у тебя получится меня облапошить, Белый тут же скользнул наружу и понесся влево, пожирая пространство с чудовищной скоростью, а мне оставалось ринуться вниз по ступеням и броситься вправо. Из трех возможных вариантов, так как сзади неизвестный точно не мог находиться, иначе его кошмару придется возвращаться и все начнется заново, я контролировал два, а оставшийся проработаю лишь в том случае, если так никого и не найду.

Плохо было только то, что если таки ошибся и перехитрил сам себя, переоценив противника, то его кошмар может просто скрыться с глаз, и тогда кто его знает, догоню ли? Да и второй нюанс оставался, если и увижу кого, как определяю, что нашел именно того, кого нужно? Хотя час ранний, в парке навряд ли кто-нибудь есть, в свете последних событий уход за ним был пока приостановлен и все силы брошены на восстановление самой Академии. Пролетев последний пролет буквально за считанные мгновения и вылетев на развилку дорожек, убегающих в глубины зеленых насаждений, без раздумий и как можно быстрее ломанулся вправо, лихорадочно шаря взглядом впереди себя. Фамильяр же просто так оброс сонмом глаз и буравил округу, протыкая ее буквально насквозь. Беда только, что хватало его совсем не так далеко, как того хотелось. А Белый уже был почти на пределе нашей с ним дистанции, еще немного, и придется возвращать его к себе. У меня же пока тоже было все глухо, а незнакомая тварь уже стала размываться, взгляд моего кошмара терял ее из виду, расстояние для него становилось недостижимым. Черт, таки облажался!

За спиной тут же закрутился черный вихрь, выпуская тучу Роя и складываясь в шесть огромных крыльев. Еще миг, резкий взмах, и чудовищный рывок мгновенно отрывает от земли и кидает меня за уже скрывшейся где-то там в стороне гадиной. Внизу, в Тени, бежит Белый, с его скоростью нагнать меня оказывается не так уж и трудно, и спустя пару мгновений мы несемся параллельным курсом, внимательно прочесывая взглядами окрестности. Но пока ничего, неужели упустили? От этой мысли хочется взвыть, как же так, нет, только не это! И тут же впереди и немного справа мелькает размытая тень, сердце мгновенно ускоряется, и я тут же кидаю Белого в ту сторону, а следом ускоряюсь и сам. Есть! Нашли, ну, тварь, теперь не уйдешь. Вести гадину пришлось на самом краю видимости, преследуя лишь ее размытую тень и надеясь, что у Белого дальность зрения будет побольше.

Кроны деревьев царапали броню живота, хлестали по ногам, рукам, цепляясь иногда за плечи и выдираясь целыми кустами, но внимание это привлекало мало. Меня больше беспокоило другое — не заметит ли, не слишком ли высоко лечу, может, спуститься ниже? Вдруг этот некто засел на возвышенности, хотя о чем я, тут же сплошь зелень, а дальше, за стеной, лес, и все сокрыто листвой. Разве что у него не один кошмар, но это бред, смысл

посылать менее дальнзоркого? Или же все это случайность? Все может быть, но, как бы там ни было, упустить стервеца было никак нельзя. И вот, оставив позади стену Академии, а затем и охранный купол, кошмар вдруг стал спускаться, снизив скорость, и вскоре глаза прочно вцепились в небольшую фигурку, замершую по курсу твари. Как говорится, попался!

Скрываться больше не было нужды, крылья раскрылись полностью и очередной взмах породил позади настоящие протуберанцы с воем закручивающегося воздуха. Так стремительно и осознанно я еще никогда не летел, буквально не выпуская из прицела глаз ничего не подозревающую жертву. Как развернется ситуация дальше — понятия не имел, если понадобится, буду готов и придушить слегка, что б не буянил, а так, конечно, попробую поговорить. А спустя несколько минут меня заметили, но было уже поздно, ни удрать, ни сопротивляться, думаю, он не сможет. Хотя осторожность никогда не повредит и беспечным мне быть тоже не стоит. В следующий миг я буквально нырнул вниз, лишь слегка сбавив скорость и врывшись в землю почти по колени, жесткое приземление вышло, однако, зато искомый незнакомец оказался в непосредственной близости от щупалец, даже отпрыгнуть не успел. Но зато прекрасно видел, как Плющ оцетинился в его сторону всем своим многообразием конечностей, так что одно неверное движение, и церемониться не стану.

Несколько мгновений мы просто стояли, рассматривая друг друга, и молчали, и мне сразу же показалось несколько странной его фигура, какая-то тощая, я ожидал большего, а потом незнакомец сделал небольшой шагок назад, вслед за начавшим медленно плыть кошмаром. Ну, нет, красавец, никуда ты от меня не денешься.

— Не советую бежать, пока я лишь намерен поговорить, не заставляй меня действовать жестко.

— Поговорить, о чем? — вот это прокол, женщина или, вернее, девушка.

— Садись, — указал за торчавший позади нее из земли корень.

Незнакомка послушалась.

— И сними, наконец, свой капюшон.

Та поначалу замешкалась, но, все же, исполнила просьбу. Ого, да она в шрамах вся, вот почему закутана с головы до ног, это как же ее так угораздило? Весь подбородок и правую щеку пересекали давно уже зажившие рубцы, будто кто-то когтями рвал. Со лба на левый глаз также шла отметина и, похоже, что глаз буквально чудом тогда уцелел, так как веко пострадало довольно сильно. В общем, изуродовало ее знатно, и при всем при этом, было в ней нечто такое, что привлекало, а не отталкивало, некая изюминка, притягивающая взгляд. Но она явно стыдилась своей внешности, и сейчас в ней боролись стыд и опаска, а косые и угрюмые взгляды, бросаемые украдкой, были слишком красноречивы, что бы их игнорировать.

— Не беспокойся, ответишь на мои вопросы, и свободна.

Та судорожно кивнула, а ее кошмар вдруг неожиданно дернулся вперед и, проявившись, плеснул в мою сторону ярко синей жижей, струей вырвавшейся из ротового отверстия. Я только и успел, что дернуться в сторону, как девица мигом сорвалась с места и чем-то попыталась ткнуть меня в бок. А вот это зря, когда ожидаешь чего-то подобного, обычно успеваешь и среагировать, и даже провести контрмеры, и в следующее же мгновение противница оказалась обвита щупальцами и застонала от начавших неумолимо сжиматься колец. Ее же кошмар был сбит наземь и погребен под существенно превосходящей его тушей Белого, пару раз для острастки рванувшего плоть плененного кошмара лапой, от чего питомец девицы истощно забился, правда, тщетно. Все-таки разница в размерах имела

значение, мой красавец буквально вдавил его в землю, а чудовищные лапы готовы были при первой же необходимости распанхать и разорвать гадину на части, несмотря на панцирный покров, оказавшийся не таким уж и прочным.

— А теперь разговор будет жестче, — и я чуть сильнее сжал кольца, буквально выдавив из нее хрип.

— Итак, кто ты такая? — и слегка ослабил хватку.

Девушка ответила не сразу, решив, для начала, хрипло отдышаться, а потом зло бросила:

— Ты еще пожалеешь об этом! — и тут же сдавленно вскрикнула, когда ее ребра снова затрещали от сдавливаемой их мощи.

— Кто, ты, такая? — снова отдельно произнес я, вновь ослабляя хватку и давая возможность ответить.

— Скотина, — пропыхтело в ответ, — я же девушка.

У меня даже брови от такого пошши вверх, благо, она этого не видела под маской.

— Ты была девушкой, — кивнул, соглашаясь, — пока не напала, теперь ты враг, не будешь отвечать — умрешь, итак, я слушаю.

— Хорошо, хорошо, но ты за это еще ответишь, — скривилась та, — меня зовут Виас, и ты, сволочь, украл моего Зверя! — последнее она буквально выплюнула мне в лицо, исказив и до того не особо красивые черты лица, что, однако, совсем ее не испортило.

— Украл? — до меня почти мгновенно дошло, о чем речь, — о, нет, лишь взял то, на что никто не претендовал, и в чем нуждался. А когда ты успела положить на него глаз?

— Да уж явно до тебя, да только увидела, как пятки твои сверкают, вор, и ведь как быстро улепетывал, — девушка попыталась соорудить язвительное лицо, но у нее это получилось плохо.

— Ну, ясно, — кивнул, — а теперь ответь мне, неудачница, — лицо девушки помрачнело еще больше, — откуда ты здесь взялась?

— Видела, в какую сторону летел, — буркнула девушка, — потом от эльфов проследила, а дальше догадаться было не сложно.

— Я не об этом, ты из этого мира?

— А из какого еще? — зло сверкнула она глазами.

— Значит, ты местная, — моему разочарованию не было предела, вот ведь облом какой.

— Местная, местная, и совсем скоро тебе не поздоровится, не думай, что маги смогут тебя защитить.

Вот ведь, какая, и тут вдруг в голову пришла догадка.

— Постой, так ты не одна?

— А ты думал, скоро за все ответишь, — и девушка победно оскалилась, явно полагая, что я уже напуган. Мне стало смешно:

— Вот и отлично, не будем заставлять их ждать, найдем их сами.

— Что? — улыбка сползла с ее лица, — зачем это?

— Во-первых, познакомиться, во-вторых, если они так же агрессивны, как и ты, то ради безопасности в будущем их стоит просто напросто уничтожить, — под маской, скрытый от ее глаз, я откровенно улыбался, глядя, как меняется ее мимика, — так что давай, рассказывай, куда идти.

— Ты, ты, ты больной ублюдок, ничего я тебе не скажу, — девица снова попыталась вырваться, но плети держали крепко, зря старается.

— Ага, сопротивление до последнего, значит вы еще более опасны, чем я думал, —

продолжил гнуть свое.

— Это ты опасен, это тебя надо уничтожить, вор, — девушка все больше расходилась, дергаясь и извиваясь, мне же было совсем не трудно понемногу ослаблять кольца, позволяя ей якобы освобождаться из захвата.

— Ну, вот и отлично, заодно и посмотрим, кто кого, так как, дорогу покажешь? — совсем скоро у нее получится выбраться, затем последует или незамедлительная атака, или попытка бегства, о своем кошмаре она, по-видимому, совсем забыла. А тот затих и даже не пытался шевелиться под лапами Белого.

И вот, совсем скоро у нее таки получилось, зазоры оказались достаточно велики и она, буквально ужом выскочив из ослабшего кокона, сразу же последовала одному из вариантов, попытавшись допрыгнуть до меня, причем вцепиться хотела голыми руками, что меня слегка озадачило. Никакой магии или чего-то из мира кошмаров я не заметил, и адекватно воспринял ситуацию несколько позже, чем стоило. А ее уже всюю несло, слезы лились ручьем, руки и ноги бесполезно лупили в броню, но девушку это, похоже, нисколько не волновало, она вся была в эмоциях.

— Да пошутил я, успокойся, никто никого убивать не будет, все, отстань, — и слегка оттолкнул от себя вошедшую в раж девицу, размахивающую у меня перед носом конечностями молча плакавшую. Драться она не умела, и выходило у нее это из ряда вон плохо, а еще смешно, и мне вдруг стало ее жалко, чертова эмоциональность.

— Не в серьез я говорил, слышишь, — но Виас застыла каменной статуей и, сжимая ежесекундно кулаки, просто сверлила убийственным взглядом, надо же, как проняло ее, — все, все, сдаюсь.

И, подняв примирительно руки, уселся под ближайшее дерево, а после секундного колебания, открыл и лицо. Но на нее это все не произвело ни капли впечатления, будто соляной столп стоял передо мной, а не девушка, и если бы взглядом можно было убить, я бы уже обрелся кучкой пепла прямо там, где сидел.

— Ладно, упрямысь дальше, или включай мозг, и давай поговорим нормально, без всех этих угроз и оскорблений, — попытка улыбнуться так же натолкнулась на ледяной холод, буквально таки сыплющийся через ее глаза, ух, как я ее раздраконил, ужас. Ну что же, тогда так:

— Хорошо, прости меня, что так отзывался о твоих родственниках и друзьях, — проговорил не спеша и отозвал Белого, пусть видит, что намерений дурных не имею.

И, похоже, это таки дало результат, потому как ее губы слегка дрогнули и выдавили лишь одно слово:

— Ненавижу, — тихо так, но весомо, даже могильным холодом каким-то вдруг повеяло. Я тут же отсканировал пространство, но нет, магии не было, показалось. И тут в голову пришла совсем безбашенная идея, как там говорится, если гора не идет к нам, то мы поступаем соответственно. И в следующее мгновение девица, взвизгнув, попыталась сначала меня придушить, а потом обхватила шею и вжалась так, будто боялась упасть, хотя держал я ее крепко.

— Ты что творишь? — севшим вдруг голосом просипела она.

— Ну, ты же неменяемая была, говорить с тобой было бесполезно, значит, надо накормить, напоить, дать успокоиться, а там, глядишь, и разговор пойдет.

Все это время ее кошмар неотступно следовал за нами, на расстоянии, выдерживая дистанцию, но не отставая ни на миг. Похоже, таки не забыла о своем питомце, да только

вот мысли у нее сейчас явно о другом, еще немного, и даже глаза зажмурит от страха.

— Только не говори, что высоты боишься, — дошло до меня наконец.

— Что б ты сдох, — почти шепотом проронила Виас и таки закрыла глаза.

— Не советую, а то оба упадем, — и стал плавно снижаться на крыльцо Академии.

В вестибюле, не особо мудрствуя, потащил за руку в сторону столовой, и если на нас двоих по дороге прямо таки пялились, силясь хоть что-нибудь понять, то мне лично было на все это плевать. За Виас не знаю, но та во всю хлопала глазами и явно пыталась запомнить все подробности нашего пути. И совсем не пыталась противиться, лишь кошмара вела несколько в отдалении, что ж, понимаю, доверия то как такового ведь нет. В итоге, добравшись и выбрав пустующий столик, усадил ее и тут же взял быка за рога:

— Что пьем, что едим? Выбирай, все бесплатно, — и повел рукой в сторону выставленных напоказ образцов блюд.

Девушка лишь моргнула, как-то странно окинув меня взглядом, потом ее глаза уставились в нужную сторону и девушка, наконец-таки, проявила хоть какой-то интерес. Ага, голодна, и, наверняка, неслабо. Вот и отлично, насытиться, раздобреет, а там и разговоры можно будет разговаривать.

— Так как, или, может, я сам выберу? — и лыблюсь во все тридцать два.

— Нет уж, раз обокрал, значит, веры тебе нет, сама справлюсь.

— Не вопрос, — тут же кивнул и уже шепотом добавил, — не боишься, что пытаюсь отравить?

— А стоит? — но в гляделки отыграть не смогла, сразу опустил глаза.

— Не знаю, тебе решать, верить мне или нет.

— Набирать сомой?

— Если хочешь, но могу и принести, руки не отвалятся, тебя же нес.

— Будто я просила, вор, — но голос понемногу таял, было видно, что девушка уже отходит и былой злости почти нет, хоть доверия, все-таки, и не прибавилось.

В итоге через некоторое время мы оба уплетали за уши выбранные блюда и украдкой поглядывали друг на друга, что бы через мгновение тут же уставиться в тарелки перед собой. Но поесть нам так и не дали, сбоку замаячило сразу несколько фигур.

— Чего? — не особо дружелюбно буркнул в бок, уже понимая, что совсем забыл про своих учеников, черт.

— Ну, — замаялась одна из девушек, — мы вас ждали.

— Ясное дело, — киваю, — но на сегодня все отменяется, я буду занят, завтра, возможно, тоже, в общем, пока так.

— А, ясно, мы тогда пойдем, — и небольшая делегация скрылась восвояси.

— Ученики, что ли? — подала голос девушка напротив, зыркнув им в спины.

— Ага, спиногрызы мои, ошасливила меня Академия.

— Так ты преподаватель? — уже более заинтересованно уставилась на меня та, — а чего именно?

— А тебе так уж и надо знать, — улыбнулся, продолжая поглощать содержимое своей тарелки.

— Сам хотел поговорить, кстати, о чем? — похоже, девица совсем не против поболтать, что ж, быстро отошла, но тем лучше.

— Если мне не изменяет память, то до того, как ты пыталась меня убить, я интересовался тобой и тебе подобными.

— Ты вор, — вновь заладила она свою шарманку, — а с ворами только так и надо.

— Ага, неудачно шпионить за ними, потом неудачно бросаться в бой, затем вылезать на руки и наслаждаться полетом, а далее еще и развести на сытный и вкусный обед, или завтрак, не знаю, у кого как.

— Ну, ты вообще... — казалось, девица потеряла дар речи и буквально поражена прозвучавшим, что, неужели опять перегнул палку? Да вроде нет, озвучил все верно, или ей не понравилась моя формулировка?

— Тем не менее, факт, как и то, что вышло довольно вкусно, согласна?

Виас нахмурилась, но, тем не менее, выдала еле заметный кивок:

— И что дальше?

— А что дальше? Поговорим? — опять закинул удочку.

— Ты первый, — буркнула с неохотой.

— Как скажешь, я преподаю этим охламонам Деформацию.

— Боевая магия, — значит, знает, что к чему.

— Угу, теперь ты.

— А что я, мое имя ты уже знаешь, и да, я не одна, живем общиной, — на этом ее поток иссяк, и девушка замкнулась, словно боясь выдать больше, чем уже было сказано.

— И зря, — я встал, — ну, как хочешь, дальше без меня, — и направился дальше.

Через мгновение сзади донеслось:

— Ты куда?

— Так у меня занятия, а ты не хочешь общаться, так что выход найдешь сама, — и вновь к ней спиной, а ноги мерно отсчитывают шаги. Пять, четыре, три, два, один, ну, вот:

— Не бросай меня, — несколько жалобно прозвучало сзади.

— Не понял, — оборачиваюсь, — я тебя не обижал, лишь отшлепал слегка, потом накормил, и что, дальше нянчиться?

— И что здесь происходит? — внезапно раздалось у меня из-за спины, о как, вот ведь везет мне попадать в такие ситуации.

— Привет, уже ничего, общаться со мной не хотят, а у меня, к тому же, занятия.

— А девушка? — Айса непонятливо смотрит на меня.

— А что девушка, — Виас даже привстала, не сводя с нас глаз, — не голодна, вреда ей здесь никто не причинит, что с ней случится?

— Понятно, — кажется, мой ангелок пришла к каким-то своим выводам, — познакомишь хоть?

— Виас — это Айса, Айса — это Виас, у нее, как и у меня, тоже есть монстр. А еще она считает, что то, за чем я мотался в Текку, принадлежит ей, и, в общем, пыталась меня убить. Я же, как человек бесконечно добрый и бескорыстный, мало того, что принес сюда буквально на руках, так еще накормил и напоил. Но теперь умываю руки, — и, уже обернувшись к девице, произнес, — навредишь тут кому, стану злой, не советую.

— Ясно, ясно, все, иди к своим, — Айса бесцеремонно подхватила меня за руку и прямо-таки вытолкала в двери, в конце запечатлев на щеке поцелуй и шепнув, — не беспокойся, я позабочусь о ней.

И надо отдать должное моей красавице, даже не усомнился в ее словах, как и в том, что ее собеседница просто не посмеет выкинуть нечто из ряда вон выходящее. Но так как своим подопечным дал отбой на сегодня, решил навестить ректорат, мало ли, вдруг старик уже что-то нашел.

— Пока ничего, — отмахнулся хозяин кабинета, даже не взглянув в мою сторону, — я позову, как будет что известно.

Ясно, попытка не увенчалась успехом, и чем себя теперь занять. В итоге прослонулся по парку с добрых два часа, не хотелось ничего, даже заниматься собой, просто прострация какая-то и лишь мелкие, но довольно юркие мысли сновали перед мысленным взором, постоянно умудряясь исчезать в самый последний момент. Так что, насытившись подобным ничего неделанием, все-таки развернулся и пошел искать свою половинку. В конце концов, если нашла время на Виас, то на меня должна найти уж точно, правильно? Каково же было мое удивление, когда обнаружил эту парочку весело смеющимися и беззаботно болтающими в своих, то есть наших с Айсой апартаментах. Так и застыл, в ступоре наблюдая эту картинно, а девушки тут же замолкли, словно обсуждали нечто не для моих ушей созданное, а потом взорвались настоящим и искренним смехом. Приплыли, с меня уже и смеются, и кто, моя же половинка.

— Ну-ну, вижу, вы уже чуть ли не лучшие подруги, — прошел внутрь и, хмуро оглядев девиц, нагло стыбрил с подноса одно из пирожных.

— И что ты такой бука, — проворковала Айса, — между прочим, мы почти ровесницы.

— Рад за вас, — пробурчал с набитым ртом, — но в кровать ее не пушу и делиться тобой не собираюсь.

И снова взрыв смеха, видать, мою шутку оценили, только совсем не так, как я рассчитывал. Видно, им действительно неплохо вдвоем, что ж, это может все упростить. И плюхнулся на стоявшее напротив кресло, принявшись молча буравить их взглядом, а что, пусть сами начнут, мне-то пока сказать нечего.

— Чего? — с улыбкой проговорила Айса.

Я пожал плечами, продолжая их рассматривать. Одна изящная, стройная, в подчеркивающей фигурку одежде, вся такая неземная и воздушная, в общем, всячески желанная и моя. И вторая, закутанная недавно чуть ли не по самые глаза, но капюшон уже давно откинут и расчерченное шрамами лицо совсем уже не хмурится и не мечет молнии. Да уж, какие-то два часа, оставил одних называется.

— Он не бросится? — со смешком и некоторой опаской спросила Виас, косясь на меня.

— Нет, конечно, он у меня добрый, — с улыбкой проворковала хозяйка апартаментов, и кстати, мы поговорили, и она согласна тебе помочь.

— Еще бы, я ведь добрый до поры до времени, мне выгодно помогать именно тогда, потом уже поздно, — и сам оскалился, надеясь хоть чуточку сбить с них пыл.

— Ну-ну, на мне только не пробуй свои ухмылочки, — и мне пришлось скривиться, поддавшись своей половинке, — не бери в голову, у него со всеми так, — это она уже Виас.

— Вижу, — кивнула та головой, — занятого молодого человека ты себе нашла.

Пришлось демонстративно зевнуть, нарастив Фамильяром нехилый такой дополнительный ряд зубов — подействовало.

— Дурак, — констатировала Айса, покачав головой, но было видно, что сказано было с любовью, даже несмотря на нотки осуждения.

— Ясно, думаю, это был намек мне, что ж, спрашивай, — я наконец услышал то, что хотел, и тут же взял быка за рога, решив поставить точку во всем:

— Думаю, пора тебе пригласить меня в гости, — и тишина, Виас замерла, переваривая услышанное, а Айса удивленно уставилась на меня, явно не понимая, зачем мне это.

— Это еще к чему? — наконец неохотно пробурчала гостья.

— Хотя бы потому, что, думаю, ты еще слишком маленькая и неопытная, что бы помочь мне с моими проблемами, — выдал я всю правду матку, а чего таить, все честно, не люблю ходить вокруг да около.

— Ты же понимаешь, что я тебе не настолько верю, — незамедлительно отозвалась та.

— А как же, — киваю, — но, как бы, все же, попрошусь.

— Меня возьмете? — вдруг выдала моя половинка.

— Айси, сладкая моя, ты ведь понимаешь, что если с тобой что случится, я, скорее всего, слечу с катушек и начну уничтожать всех и каждого, и спасения не будет ни для кого, — и смотрю на Виас, поняла, не поняла? И та, наконец, сдалась:

— Но вы никого не тронете, никакого насилия, вы можете мне это пообещать? — умница, все равно ведь, будет, по-моему.

— А это от вас уже зависит, мы, так сказать, с дружеским визитом, — и улыбаюсь, отлично, может, хоть это сдвинет мое пребывание здесь с мертвой точки. И никакого веселья в комнате, никакого смеха, Айса немного озадачена и хмурит брови, явно пытаюсь понять, во что же ввязалась. Виас наверняка недовольна и сокрушается по поводу своей беспомощности, а я, я просто удовлетворен, пока что все идет вполне неплохо.

— Итак, предлагаю не откладывать, наши авиалинии предлагают вам комфортный и безопасный перелет до места назначения.

— Чего? — обе девушки посмотрели на меня.

— Говорю, если готовы, выдвигаемся сейчас же.

И снова немая пауза.

— Лететь? — смогла выдавить-таки Виас, и по дрогнувшей ее нижней губе стало понятно, что это совсем не то, что она рассчитывала услышать.

— Ну, ногами всяко дольше будет, Айса, ты как, не против?

— Да нет, — еще бы ты была против, как же.

— Тогда наружу.

Спустя пару минут, со двора Академии ввысь взмыло нечто необычное для уже начавших привыкать ко всякому абитуриентов, крылатое нечто преобразилось, обзаведясь двумя дополнительными коконами, плотно прижатыми к груди. И плюс ко всему, шею с обеих сторон обвило по паре рук, а к плечам приникли две головки, причем одна смотрела с явным интересом, а вторая буквально таранилась полными от страха глазами.

— Не бойтесь и наслаждайтесь полетом, вам ничего не угрожает, — но спокойствие они получили только после того, как несильно приобнял обеих, просунув руки в спеленавшие их щупальца, — так лучше?

— Значительно, — Айса слегка поежилась.

— Вот и отлично.

Под нами проносились кроны десятков и сотен тысяч деревьев, они мелькали и мелькали, уносясь куда-то назад, не запоминаясь и ничем не отличаясь одни от других. Их было множество, море, океан, а вокруг, вверху и по бокам — бескрайняя синева, простирающаяся настолько далеко, насколько вообще было возможно. И свобода, полная, безграничная и всепоглощающая, полет в буквальном смысле дарил новый смысл жизни, всего лишь своим бытием, тем, что он есть. Хотелось лететь и лететь, и никогда не останавливаться, не сворачивать, только вперед, куда-то туда, и пусть это длится вечно. Меня подобное поглощало и раньше, но никогда настолько, я словно в омут погружался, уносясь всеми фибрами своей души в него одного, забывая на миг обо всем, кроме

очарования полета. И совсем не отдавая себе отчета, что на меня уже кричат.

— ... ты совсем, что ли, меня не слышишь? — брови Айсы буквально сошлись в единую линию, а два озера под ними не сулили ничего хорошего, грозно сверкая своей синевой.

— А, прости, что такое?

— Ничего, если не считать того, что мы уже давно пролетели много больше, чем следовало.

— Так чего же вы молчали? — недоуменно уставился сначала на одну, потом на другую, но девушки, словно сговорившись, недовольно отвернулись, не желая встречаться со мной взглядами.

— Ладно, ладно, понял, забыл о вас, забылся сам, с кем не бывает, — и повернул назад, — нам туда?

— Туда, — буркнула Виас, похоже, полет ей уже не внушал такого ужаса, как раньше.

— Чего злиться-то, сейчас все наверстаем.

— Наверстает он, Влад, у тебя лицо стало не от мира сего, никакой ответной реакции, ты полностью игнорировал нас, и это на такой высоте, — не выдержала-таки моя красавица. Ясно, перепугались немного, ну, блин, что уж теперь.

— Прошу прощения, больше такого не повториться.

— Ты это мне обещаешь, или ей? — не упустила момент вставить пять копеек Виас.

— Обеим, — вздохнул безрадостно, — больше не буду так пугать.

— Надеюсь, — Айса внимательно на меня посмотрела и сменила гнев на милость, — ты стал словно чужой, казалось даже, что просто отпустишь нас и полетишь себе дальше.

— Глупости, — уголки губ скривились, опровергая услышанное, — не думал, что тебе такое может в голову придти.

— Я тоже не думала, но пришло, ты бы видел себя.

— Ладно, давайте закончим этот разговор, я скорее вырежу половину этого мира, чем нанесу тебе вред, а теперь куда, правильно летим? — но сменить тему мне не дали.

— Правильно.

— И никого вырезать не надо, понял? Тем более, мы в гостях будем, так что пообещай мне, пожалуйста, что будешь вести себя если не деликатно, то, хотя бы, делай скидку на то, что не один.

Я вздохнул:

— Как скажет моя госпожа.

— Вот и прекрасно, — Айса победно улыбнулась, и совсем скоро мы начали снижаться.

А нас уже встречали, на укрытое со всех сторон густыми зарослями буйного леса, огородившего довольно широко разросшееся поселение, высыпали, наверное, все, от мала до велика. Народ выбегал из небольших домиков, высыпал из частокола теней зеленых великанов, поднимался из вдруг явившихся взору довольно искусно укрытых землянок, в общем, спешил кто откуда. И все это только ради нас, не знаю, что такого они увидели, учитывая, сколько в округе сейчас сновало кошмаров, явно имеющих своих хозяев, но мы оказались целиком и полностью в центре внимания. И в момент касания земли и распускания коконов, выпустивших наружу девушек, вокруг стояла самая настоящая толпа, перешептывающаяся и явно заинтересованная, учитывая, какие взгляды гуляли от одной девушки к другой, а потом они натыкались на меня и гул возрастал в разы. Мне, почему-то, сразу стало слегка не по себе, была бы тут агрессия, все оказалось бы проще — шваркнул во все стороны, прошелся Роем, и точка. А тут лишь интерес и любопытство в глазах, и никакой

неприязни, даже чуть не ляпнул "здрасьте" с дуру, лишь в последний момент запнувшись. Но вот, легкое движение сбоку, толпа дала трещину и расступилась, позволяя выйти вперед невысокой, сухонькой старушке, по глазам которой читалось лишь одно — на ее возраст скидку явно делать не стоило. Слишком цепкий взгляд, слишком пронизывающий, было в ней нечто аткое, что заставляло насторожиться и впредь относиться к ней со всей внимательностью. В общем, местный голова, прошаркав ногами по доходящей всем до лодыжек, а ей почти до колен траве, остановилась буквально в паре метров от нас и устояла на Виас.

Девушка, слегка потупившись и сделав шаг вперед, тяжело вздохнула и выдавила:
— В общем, вот, в гости, — и опустила голову еще ниже.

Старушенция, некоторое время посверлив ее взглядом, перекинула его тяжесть на нас, заставив Айсу вздрогнуть, а меня раскрыть лицо, убрав маску Фамильяра, и нагло улыбнуться. Ну, да, власть тут твоя, бабуля, да только мне плевать, строить себя не позволю, за половинку свою кому хочешь, голову оторву, так что, пока без уважения к тебе, уж прости. И та словно поняла, будто прочитав мои мысли, лишь кивнула и негромко бросила:

— Ну, проводи, раз гости, — затем развернулась и все так же не спеша засемила назад, сквозь толпу.

Я легонько хлопнул Айсу по попке:

— Давай, ножками, — и пристроился следом, не забывая отслеживать перемещения чужих кошмаров и контролировать поведение толпы. Но, как и раньше, никакой опасности так и не заметил, странно, неужели они настолько уверены в себе, или же, просто безрассудны, доверчивы, глупы или еще что? Но старушенция шлепала вперед, люди расступались, давая проход, Виас шла за ней, а следом и мы. Окружающие нас люди ничем особенным не отличались, разве что более простой одежкой и явными признаками наличия собственных кошмаров — у некоторых на телах красовались Звезды. И вот именно к ним почти все мое внимание и было приковано. А потом Айса скрылась в зеве одного из домов, и мне пришлось последовать ее примеру, чего делать, явно, не стоило. Ситуация обострилась буквально молниеносно — вот ведь дурак, не мог просмотреть на предмет того, что нас ждет внутри?

По бокам, слева и справа, сидело по паре довольно внушительного вида кошмаров, и если те, снаружи, не особо-то и впечатляли, то эти сразу же казались весьма и весьма опасными. Хотя бы в силу того, что имели достаточно когтей и клыков, что бы разорвать человека в считанные мгновения, и мне это ой как не понравилось. По размеру эти твари были даже выше Белого, и совсем не казались громоздкими, такие должны сеять хаос и панику, смерть и разрушение, а не вот так вот сидеть, выполняя роль каменных статуй. И все это время в мою билась одна единственная мысль — стоит, или нет? Но Айса уже внутри, так что могу или войти за ней следом, или начать боевые действия, и что тогда случиться, никто не сможет предугадать. Вполне возможно, что просто не успею ее вытащить, и вот это пугало больше всего. Ладно, зайдем, а там посмотрим, как оно будет.

Старушка прошла дальше нашего и уюстилась на циновку, повернувшись к нам лицом. Виас заняла место справа от нее, оседлав похожую подстилку, нам же досталось место напротив, как раз между замершими кошмарами. Я лишь вздохнул.

— Вам ничего не угрожает, — тут же отозвалась хозяйка, — просто предосторожность, вы ведь не обычные гости, — и улыбнулась, ласково так, с пониманием, с намеком.

— Ага, — растянул губы в улыбке, — занятно тут у вас, неплохо устроились, пешком

долго бы добирались.

— Ну, для вас это труда не составило, довольно полезный навык, — последовал ответ, явно намекающий на крылья.

— Полезный, впрочем, мы здесь не ради этого.

— И ради чего же, позвольте узнать, — очередная попытка встретиться со мной взглядами была провалена.

— Ради всего, — и снова ухмыляюсь, — что у вас есть.

Повисла пауза, на мгновение даже показалось, что атмосфера вокруг начала накаляться.

— И как это понимать?

— Как угодно, мне нужны знания, — смотрю на нее в упор, заставляя вновь опускать глаза.

— И почему мы захотим ими поделиться?

Плечи сами поднимаются, и тут же опускаются:

— Понятия не имею, а что, не хотите?

Старушка крикнула, бросив косой взгляд на Виас:

— И где ты только находишь себе знакомых? — о как, мне показалось, или в прозвучавшем сквозило не столько осуждение, сколько и нечто родственное, укор какой, что ли, позволяемый себе лишь матерями, бабушками и прочими близкими по крови людьми, не чужими, в общем.

— Выследила меня, выманила, напала, явно желая навредить, оскорбляла, потом вновь кидалась, в общем, мы с ней поладили, — тут же выдал я девицу с потрохами.

— Но ты ведь сам... — Виас осеклась, попав под строгий взгляд старушеницы и, сердито сопя, потупила взор.

— Это правда?

— Да, но все...

— Достаточно, — опять не дала ей закончить старушка, скривившись и потеряв переносицу, по всему выходила, что, кем бы ей ни приходилась наша провожатая, доставляла она своей родственнице такие сюрпризы отнюдь не редко.

— А еще пришлось ее накормить, — поджал "гайки" до предела и лишь улыбнулся мгновенно вскинувшейся девице, а что, куй железо пока горячо.

— И доставили ее домой, — протянула хозяйка.

— И это тоже, но уже с собственным интересом, — не стал скрывать очевидное.

— Мне не знакомы ваши тварей, да и вообще первый раз вижу нечто подобное, по всему выходит, что гость у нас не простой, и даже не знаю, чем мы можем помочь, — развела та руками.

— Я же уже говорил, меня интересуют только ваши знания, — ну, давай же, рожай уже, соглашайся, и вам и мне будет легче, не порти так хорошо начавшееся знакомство.

Старуха вздохнула:

— Я так понимаю, настрой у гостя довольно решительный, — сказано было с намеком, — да и девочка доставлена целой и невредимой, что же, могу предложить тогда обоюдный и равный обмен, к общей, так сказать, выгоде, — и смотрит на меня.

Размышлять было не о чем:

— Идет, — киваю.

— Но вот маг здесь неуместен, — добавила старуха, — абсолютно.

— И что? — будто мне есть дело до ваших устоев.

— Мы смирился с ее присутствием, но ей запрещается использовать магию, — устала она на Айсу, — вообще.

Тоже мне, проблема, моя половинка сразу же кивнула.

— Вот и прекрасно, сегодня предлагаю вам отдохнуть, а завтра с утра и пообщаемся, Виас, проводи наших гостей.

Однако как удачно вышло, пока все путем, все в порядке, мы им, они мне — по чесноку все, как говорится. Покинув гостеприимную старушку и пристроившись следом за нашей провожатой, недовольно сопевшей и старавшейся не смотреть по сторонам, игнорирующей кивки знакомых, их вопросительные взгляды, попытки заговорить и прочие знаки внимания и заинтересованности, мы с каждым мгновением погружались в незнакомый быт местных владык. И чем дальше углублялись под сень густого, разлапистого леса, скрывавшего, оказывается, большую часть поселения, тем больше странностей выплывало наружу. А когда за ними пошли такие сюрпризы, что начал даже спотыкаться и в итоге налетел на Айсу, запнувшись, в груди уже пылало и колыхалось такое, такое, что просто не передать просто! И было от чего — звезды, вокруг были, везде, насколько хватало взгляда, вернее, только справа, но довольно обширным полукольцом, простиралась настоящая звездная гряда. Маленьких, средних, больших, разноцветных, пульсирующих и явно ждущих своего часа, и все это совсем рядом, буквально в паре шагов, словно их здесь специально рассадили. И хотя ни одна из них не могла поспорить размерами с моей Звездой, все же были экземпляры, буквально впечатляющие своими формами и окрасом. И если свою я называл Звездой Смерти, то эти в моих глазах претендовали на роль Королевских, и никак иначе. В общем, для меня это был, своего рода, шок, встретить вот такое, совершенно неожиданно и в подобном изобилии.

Мимо пронеслось наше заселение, что-то буркнувшая и стремглав вылетевшая вон Виас, затем неудачная попытка Айсы растормошить меня и, в конце концов, пришло внезапное осознание полнейшей тишины, я был один, совершенно один. Белый тут же высунул наружу башку и оглядел помещения — не густо, но жить можно и, опять-таки, никого, Айсы нигде не было. В груди екнуло. Что за?

За порог вылетел в считанные мгновения, пространство сканировалось с ужасающей скоростью, Фамильяр буквально пожирал окружающий меня мир сонмом выращенных глаз, но ее нигде не было. А вокруг сновали чужаки и кошмары, кошмары, кошмары, много кошмаров, и каждый из них мог с легкостью прекратить ее жизнь всего одним взмахом любой из своих конечностей. Совсем скоро на меня обратили внимание, и было от чего — Плющ угрожающе расплелся во всю свою длину, встав частоколом и закружив медленный, завораживающий танец разгорающейся ярости. Через мгновение рядом уже занял боевую стойку Белый и, учитывая его комплекцию, смотрелось это явно впечатляюще. Кошмарная тварь припала на передних лапах, башка слегка опущена, глаза сощурены, пасть открыта, еще немного, и сорвется в убийственном прыжке. И тут мне поплохело, резко так, неожиданно, что отнюдь не прекратило мои внутренние терзания. Из спины, там, где лопатки, выпростался невероятных размеров коготь, черный, как смоль, он выдвигался все дальше и дальше, я буквально видел и ощущал его, каждой частицей своего тела, осознавая движения во мне и снаружи. А чудовищна конечность все появлялась и появлялась, пока, наконец, не дошло — эмоции пробудили Левиафана, и он отозвался, явно решив ответить на мое состояние. Из под второй лопатки пошла вторая нога, такая же кошмарная и необъятная, нутро скрутило еще больше, Господи, как же во мне все это помещается? И Айса, где ты, что

с тобой? Почему так? Глаза затопило злостью. На себя — за боль и тошноту в кишках, на себя — за беспечность и дурость, на себя, за глупость с недалёковидностью. Зачем делиться со мной чем либо? Зачем потакать и уступать? Виас наверняка рассказала свою версию случившегося, а старушенция мне сразу не понравилась, слишком мутная, хитрая и, коварная, что ли? Не знаю, было что-то в ее глазах. А сзади росли и поднимали в воздух две колонны, черными, жуткими столбами уносящими ввысь все больше наполняющуюся яростью мою тушку.

Шаг, и позади остается добрый десяток метров, кошмарная конечность взрывает землю, лопаются корни деревьев, разнося по округе оглушительный треск. Второй, и твердь вспучивается очередной бороздой, больше похожей на овраг — Левиафан слушается плохо, но, все же, отзывается, хоть и не четко и не полностью выполняя посылаемые ему импульсы. Следующие метры пожираются еще быстрее, лесные великаны стонут, уступая крушащей их необоримой силе, а вверху, где-то в паре десятков метров парю я, борясь то с съедаемой меня хворью, позволяющей мыслям о суициде крутится все быстрее, то с продолжающими нагнетать атмосферу мыслями о Айсе. На лицо мое лучше было никому не смотреть — каменная маска, абсолютно не передающая бушевавшую внутри бурю, да и некому было, кошмары внизу буквально порскнули врассыпную, как только начал проявляться Левиафан. А люди, люди все еще разбегались, и шум и гам от них стоял еще тот. И никаких следов Айсы. И я продолжал свирепеть, молча снося внутреннюю агонию.

С боку, на одной из уводящих в лес тропинок, вдруг нарисовался знакомый силуэт — старуха, лицо обеспокоенное, озабоченное, по бокам два кошмара, те, что были с ней в ее халупке. Но нет, не помогут, теперь я осознавал это совершенно точно. Во мне сейчас сидела такая мощь, едва проснувшаяся, правда, но, все же, откликнувшаяся, что никакие из виденных тут кошмаров и рядом не стояли.

— Что происходит, почему...

— Ты обманула меня, — прервав ее писк, слегка снизился и встретился с ней взглядом.

— Обманула? Нет, почему...

— Что вы с ней сделали?! — и вышло, почему-то, довольно внушительно — воздух вокруг вибрировал, будто голос громовым раскатом разошелся по округе, — где моя женщина?!

Из груди внезапно вырвалась еще одна конечность, глубоко войдя в твердь буквально в метре от старушки. Монстры по бокам от нее дернулись в стороны, но тут же замерли, послушные ее воле, а я уже был у черты, еще немного, и просто раздавлю всех троих. Пространство стало меркнуть, наливаясь серостью и теряя в красках — меня постепенно обступали Тени. Только вот погружаюсь я в них, или нет, так и не мог определить, слишком нечеткой и зыбкой стала та грань, которая отделяет оба мира. И если мне было плевать, то старушенция буквально таранилась на происходящее, то ли от удивления, то ли от страха.

— Убью, — прошипели губы, и чудовищная лапа пошла вверх, готовясь стремглав ринуться вниз, размазав в ничто замершую передо мной троицу.

— Стойте! Прекратите! — донеслось, словно сквозь дымку.

— Влад, нет! — прозвучало уже более знакомо.

— Остановитесь! — еще ближе.

Белый поворачивает голову, позволяя охватить более дальнюю дистанцию, и перед сознанием предстают две фигурки, стремглав несущиеся в нашу сторону. Им никто не мешает, никто не гонится и не угрожает, но торопятся они так, словно боятся опоздать.

Первая вдруг спотыкается и падает, но вторая не обращает на это внимания и продолжает лететь дальше, буквально несясь над землей, перепрыгивая выступающие корни и продолжая целеустремленно продвигаться, и до меня, словно сквозь пелену, начинает доходить. Знакомые черты, движения, очередной прыжок отзывается в груди чем-то родным, теплым, но пока еще незнакомым, в голове до сих пор набатом бьется ярость и мусть, глаза смотрят, словно сквозь дымку, а Левиафан продолжает нагнетать общее состояние. В общем, хреново по всем статьям, но что-то удерживает, не дает совершить удар, занесенная для убийства конечность зависла в воздухе и, подобно гильотине, ждет своего часа.

— Влад, нет, стой! — опять отзывается где-то в сознании знакомый голосок.

И я стою, вернее, вишу в воздухе, замерев и прислушиваясь к собственным ощущениям, готовый при малейшем движении внизу спустить с поводка смерть. И там это понимают, и потому молчат, боясь даже пошевелиться и перестав дышать. В округе все застыло, оцепенев и превратившись в камень, нет движения, нет звуков, нет ничего. Лишь маленькая фигурка продолжает настойчиво пробираться вперед, я слежу за ней, уцепившись взглядом и втайне надеясь, что она таки доберется, добежит, ведь это мое искупление, мой шанс прекратить все это. Почему-то ощущается это так же точно, как и то, что буквально мгновения отделяют обитателей этих мест от смерти, я уже не я, это что-то новое, кошмар, наконец соизволивший показаться наружу, нечто изменил, во мне, навсегда привнеся довольно весомый кусок чего-то неизвестного, и избавиться от этого уже не получится никак. Остается лишь понять и принять.

А потом пришло узнавание, фигурка остановилась рядом со старухой, закрыв ту собой и устремив вверх, на меня, взгляд таких родных и прекрасных глаз. Щеки покраснелись, дышит тяжело, грудь ходит ходуном, но стоит, и ждет, чего? Чего ты ждешь, Айса? Меня буквально пробирает, по коже бегут мурашки, ярость внутри начинает сворачиваться клубком, уменьшаясь и постепенно сходя на нет. И я опускаюсь, ниже, еще и еще, пока не оказываюсь на одном с ней уровне, по бокам и высоко надо мной замерли черные столпы, кошмарными изваяниями выпроставшимися из тела. Они единственные не хотят слушаться, Плющ уже давно свернулся и прижат к телу, Белый хоть и не загнан внутрь, но уже не напряжен и не выскивает цели, все постепенно приходит в норму.

— Я искал тебя, — шепчу, — думал, уже и не найду.

Она делает пару шагов и оказывается обвитая руками, плетью и плотно прижата к груди, и мне становится так хорошо, так легко и спокойно, что это, на мгновение, перевешивает даже мусть от ворочания исполинского кошмара внутри.

— Родная, — еле слышно срывается с губ, и слышу, как она всхлипывает, — ты цела?

— Цела, — прижимается, — ты меня так напугал, всех напугал.

— Если бы они с тобой что-то сделали, если бы только попробовали, — устремляю на старушеницу такой взгляд, что та ежится...

И тут Левиафан вдруг дрогнул и стал втягиваться внутрь, порождая новые и усиливая и так не самые приятные ощущения, черт, хреново, но я держусь, на лице маска, и пусть кто-нибудь скажет, что что-нибудь увидел, прочел по нем.

— Произошло недоразумение, — наконец решается нарушить гнетущую тишину старушка, и вновь осекается, наткнувшись глазами на мои омуты, все еще мутные, глубокие, затягивающие.

— Ты даже не представляешь, насколько близки вы были к гибели, — говорю и сам понимаю, до чего только что чуть не довел ситуацию, насколько опасно подошел к той

черте, когда разум уже не властен над событиями, совсем как в тот раз, в пещере, когда ни памяти, ни осознания себя и собственных действий, ничего. А потом будто включили, клацнув рубильник — страшно, и не менее тоскливо. Потеря себя была бы чуть ли не худшим, что могу представить, беспамятство разума пугало до дрожи.

— Вы наши гости, — только и смогла та покачать головой, — а значит под защитой, — и вздохнула.

— Влад, чего ты сорвался? — прошептала Айса.

— Ты исчезла, — единственное, что смог вытолкнуть из себя в ответ.

— Виас показывала мне окрестности, у них здесь очень красиво.

— Знаю, и ты даже не представляешь, что у них здесь есть, и чем бы это могло тебе грозить, — смотрю на нее, одновременно сканируя местность вокруг. Со всех сторон потихоньку подтягивался народ, смотрели с опаской, настороженно, бывшего испуга, когда разбегались, уже не было, и вполне возможно, что теперь попытались бы действовать сообща, вместе, и уже не дали бы попятную.

— Вам ничего не грозило, — вновь вклинилась старуха, — а вот ты нарушил все устои гостеприимства, — но сказано было как-то неубедительно, вяло, видать, до сих пор находилась под впечатлением от увиденного.

— Наша договоренность все еще в силе, — скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес, косясь в ее сторону, — и раз уж все так вышло, будем более осторожны в отношении друг к другу, согласны?

Нехотя кивает, вздыхая, да и что ей остается.

— Ты успокоился? — Айса обхватывает мое лицо руками и поворачивает к себе.

Киваю.

— И ты понимаешь, что паниковал зря.

Опять кивок, но уже не такой уверенный, начинаю понимать, к чему она клонит.

— И что все в порядке, и никто никому не угрожал, кроме тебя.

Смотрю на нее.

— Влад, стоит, хотя бы, извиниться, — и добавила через мгновение с запинкой, — и объяснить, хотя бы мне.

— Вот так, — бросаю взгляд на хозяйку здешних мест, — вынужден согласиться и извиниться, больше такого не повторится, при соблюдении обоюдных договоренностей.

— Влад.

— Прощу прощения, — киваю уже более искренне, — довольна?

— Отчасти, теперь поговорим? Простите нас еще раз, — это она уже начавшей потихоньку собираться толпе за спиной старухи и, отстранившись и ухватив меня за руку, потащила в сторону выделенной нам халупки.

— И что это было? — пока шли к домику, она всю таращилась на учиненный мною погром, и смотреть было на что. Деревья выворочены с корнями, поломаны и вжаты в землю, твердь вся изрыта и перепахана, будто не один день трудилась целая бригада рабочих с тракторами и экскаваторами, всюду хаос и разруха, хорошо еще, что вблизи не было никаких строений, а то мне действительно было бы стыдно. А так совесть списала все подчистую, никаких угрызений, никаких терзаний, подумаешь, непогода могла бы и не такое сотворить.

Я прошелся по комнате, выбирая, куда примостить зад и, выбрав неброское вязанное из ветвей местной фауны кресло, плюхнулся в него с какой-то обреченностью. Вот и настала пора поговорить по душам, а почему бы и нет, в конце концов, она имеет право знать, кто и что мы такое. Как ни как, не чужой человек, даже сказал бы, единственный родной, и никак не меньше.

— Это было то, что я назвал бы испугом потерять тебя.

Она подтянула еще одно подобное кресло и уместилась напротив, запрыгнув в него с ногами.

— Но это было не так, правильно? — смотрит, ожидая подтверждения, и я киваю:

— Не так, но не в тот момент и не для меня, — вздыхаю, — ты почти ничего о нас не знаешь, да и я многого не понимаю, но зато прекрасно представляю, как все это может быть опасно.

— Мне они не показались опасными, да и встретили вполне доброжелательно, — слегка улыбается.

— Хорошо, хочешь, расскажу и покажу все, как есть?

— Ну, давай, если это не какой-нибудь секрет.

— Не секрет, — качаю головой, — но жить от этого тебе, вполне возможно, проще не станет.

Опять легкая улыбка:

— Пусть так, но ты ведь рядом.

Некоторое время мы просто молча сидели, она в ожидании, я — собираясь с мыслями. Итак, с чего бы начать? Показать ей себя полностью? Можно, вот только Звезду никак не проявить, не откликается, а в округе... Белый уже наворачивал круги, выискивая любопытные чужие глаза, но их не было, значит, не шпионят, не подсматривают. Ладно, и, встав, принялся разоблачаться, не спеша стягивая и убирая Фамильяра к себе в пустоту.

— Ты чего? — Айса, игриво усмехнувшись, откинулась на спинку.

— Ну, ты же хотела понять, вот и покажу тебе, кто и что я есть, надеюсь только, не испугаешься, — а в мозгу промелькнула мысль, что подобное мне существо может вызвать и отвращение, если не хуже. Что же, вот и проверим заодно крепость наших отношений, вполне подходящий момент. Вздохнув, проследил за последней полоской исчезающей брони и разом проявил все, что на мне было. Девушка охнула, раскрыв от удивления глаза:

— Это, что?

— Это я, такой, какой есть на самом деле, — и по мере того, как говорил, медленно поворачивался на месте, расставив в стороны руки. А показать было что: тело все еще

продолжало меняться, но уже и сейчас выглядело совсем иначе, чем у обычного человека — хищность, гибкость, угловатость в определенных местах, выступившие под кожей мышцы и сухожилия иногда топорщились настоящими узлами и вид имели довольно неординарный. От теперешней моей фигуры буквально разило хищником, опасным, непредсказуемым, быстрым и внушающим уважение, хотя, в общем, не был ни высоким, ни мускулистым, ничего такого. И именно это то и притягивало взгляд, завораживало, заставляя буквально прикипать глазами. На это в свое время и купилась Айса, а потом пошло поехало, чувства, любовь, отношения.

Да только все это были мелочи по сравнению с тем, на что она сейчас уставилась. Вокруг меня со всех сторон вились щупальца, в такт дыханию, не спеша и вычурно прокручиваясь в самых кончиках, будто танцуя, соблюдая по очереди определенные па. Бедро, голени и часть поясницы, все было затянато Плющом, оставившим лишь незначительные прорехи, светящиеся слегка посветлевшей кожей. На спине и плечах чернобагровым покровом расположился улей, отсвечивая зловещим оттенком и создавая некое подобие ауры, охватывающей верх моей тушки, в общем, то еще зрелище. Остальные участки тела были свободны, проявить Звезду я не мог, так что грудь и середина спины предстали Айсе без этого украшения. Ну, вот он я, такой как есть, смотри:

— От этого мне не избавиться, они часть меня, но есть еще и эти, — Белый метнулся внутрь домика и проявился справа от меня, слева же начал приобретать видимость Фамильяр в виде цельной брони.

— И все это всегда с тобой, — наконец вымолвила, немного ошарашенная девушка, — только не видимое глазу.

— Именно, — киваю, — и пока хочу, все это вне нашего мира, а когда надо, оно проявляется.

— А, те... — запнулась Айса, явно намекая на чудовищные конечности.

— То была еще одна тварь, та, за которой уходил в Текку, и она тоже во мне.

— В тебе?

— Я для них что-то вроде хозяина и дома одновременно, — ухмыляюсь, — есть, просто, еще кое-что, что не смогу тебе показать, а так, вот они мы какие.

— Здесь все такие?

— Не все, но многие, и вокруг много подобных ему тварей, — киваю на Белого.

— Даже здесь? — Айса поежилась.

— Нет, здесь нет, определенно, — вновь затянулся Фамильяром, — боятся, в округе вообще никого нет, ни их, ни людей, не беспокойся об этом.

— И что такого опасного в них? — похоже, она до сих пор не поняла, что же, придется ей показать.

— Самое простое, что может любой подобный монстр — это проявиться не где-нибудь, а, допустим, внутри человека, причем не полностью, а лишь лапой, когтем или клыком, и сделать легкое движение, что бы порвать сердце, легкие, уничтожить мозг или еще что, понимаешь?

— И никто ничего не сможет сделать, — до нее, таки, начало доходить.

— Именно, и никакая магия тут не поможет, обреченный даже не поймет, что произошло.

— Ты так делал?

Киваю:

— Множество раз.

И все, в помещении повисла тишина, тягучая, странная, гнетущая. Айса переваривала услышанное, явно прокручивая в уме увиденное и приходя к каким-то своим выводам, я же просто молча ждал, да и что еще мне оставалось делать? Сказанного и показанного не вернешь, пусть сама решает, как ей быть дальше.

— Ты все еще со мной? — внезапно оборвала она затянувшееся молчание.

— Я всегда с тобой, лишь бы ты была не против, — прозвучало как ожидание приговора, чему и сам слегка удивился.

— Вот и хорошо, остальное не важно, — и через мгновение она уже сидела у меня на коленях, почти заставив позабыть о произошедшем разговоре. Как пролетел остаток дня, вечер и последующая ночь, мы не заметили, всецело поглощенные ласками и друг другом. Айса, проигнорировав запрет, таки поставила простенький купол, не пропускающий ни звука, и стонала в свое удовольствие все время напролет, заставляя меня выкладываться на полную. И этот ее шаг своеобразного примирения, принятия меня таким, какой есть, перечеркнул все, что до этого было. Она сделала свой выбор, а я лишь укрепился в своем, и это было чертовски здорово.

На утро в дверь деликатно постучали раз, другой, третий. На четвертый я буркнул нечто на подобии того, что, мол, слышу, слышу, но если не прекратят тарабанить, поотрываю руки, а вслед за ними и головы, и что скоро будем. В общем, воцарилась тишина и благодать, в объятиях мирно посапывала любимая девушка и расставаться с подобной идиллией совсем не хотелось. Она словно котенок доверчиво прижалась к груди, впитывая источаемое мною тепло, а я, то сбавлял жар Кокона, то вновь наращивал, подбирая комфортную для нее температуру. И она почти мурлыкала, сонно, сквозь дрему, наслаждаясь драгоценными мгновениями.

— Может, опоздаем? — не выдержала-таки моя половинка, начав осознанно ерзать бедрами и не предпринимая больше никаких действий, и позволяя мне самому решать, чего больше хочется.

Я задумался:

— Заманчиво, конечно, только не думаю, что стоит заставлять их ждать после вчерашнего, лишние капризы ни к чему.

Айса вздохнула.

— Но ты права, если по-быстрому, то успеем, — она, было, дернулась, но тут же пискнула, прижатая к груди, и мы покатались по кровати, дурашливо борясь и сражаясь за то, кто будет сверху. Сказать, что победила дружба, значит не сказать ничего, побед было много, и мы таки опоздали, явившись на собрание в нашу честь с приличным опозданием. По сути, нас и не встречали даже, просто под одним из навесов на стол было выставлено прилично еды, и народ то вставал, наевшись и освобождая место, то вновь накатывал волнами, занимая пустующие скамейки. Из соседней комнатухи периодически выносились добавки и новые блюда заменяли старые, съеденные или просто докладывались, если аппетиты толпы требовали подобного. Во главе всего этого чинно, на возвышении, восседала старушенция, что-то лениво цедя из пиалы и то и дело поглядывая по сторонам. Виас видно не было, а с остальными мы знакомы не были, но едва завидев нас, местные тут же преобразились, стали чуть тише, скромнее, да и сама хозяйка тут же вперила в нас взгляд. Когда подошли, она что-то тихо произнесла перед собой, и нам тут же освободили места возле нее.

— Как спалось? — поинтересовалась она спокойным голосом.

— Почти не спали, спасибо, — брякнул первое, что пришло на ум, тут же заработав от Айсы тычок локтем в бок.

— Молодость — это хорошо, — кивнула та.

— Простите, это была безобидная магоформа, чтобы не мешать, — потупилась, слегка покраснев, Айса.

— Забудем на этот раз, — вновь кивнула старушенция, — а теперь утоляйте голод и приступим.

— Отлично, — меня все это несколько не смутило, — тогда приятного всем аппетита, — и накинулся на еду.

Помня, насколько меня иногда пробирает голод, совсем не удивился поглощаемому количеству снеди, я буквально запихивал ее в рот, не жуя, делая исключение лишь для мясных изысков, отбраковывая их почти сразу. Запивал сразу из трех кружек, не гнушаясь проливать и подсербывать, не обращая внимания на удивленные взгляды и продолжая насыщаться. Лишь раз встретился взглядом с сидящей напротив девчушкой лет пятнадцати, подмигнул и, кивнув в сторону Айсы, буркнул, продолжая жевать:

— Вымотала всего ночью, — за что тут же опять получил локтем в бок.

В общем, откушали мы вполне и вполне, мой аппетит успел удивить, наверное, добрую половину трапезничающих, а краска, заливающая лицо моей половинки, умилить оставшихся и, думаю, когда опять останемся наедине, она мне все это еще припомнит. Что странно, раньше она подобным не страдала, неужели это мое влияние сказывается?

— Жрете, как свиньи, — буркнуло внезапно сзади, а спустя мгновение слева от Айсы шлепнулось на скамью и тело.

— Виас, — тут же одернула новоприбывшую хозяйка застолья, но девушка лишь скривилась и промолчала.

— И тебе привет, — совсем не обидевшись, отозвалась моя половинка, — как спалось?

— Нормально, — девушка приняла протянутую ей пустую тарелку и стала накладывать себе завтрак.

Я же продолжал набивать желудок, в нем исчезало все так, словно проваливалось в черную дыру, и не было этому процессу ни конца ни края, что б тебя, образина чертова. Ни из-за одного кошмара столько не жрал. В итоге закончил лишь тогда, когда на столе почти и нечего было уже есть, а голод так и не прошел.

— Долго он с тебя еще тянуть будет, зверь твой, — кивнула вдруг хозяйка, — знаешь хоть, кого получил?

— С удовольствием узнаю, — киваю, — я так понимаю, мы переходим к обмену информацией?

— Можно и так сказать, — старуха отставила пиалу, — как ты себе вообще представляешь наше сотрудничество?

Пожав плечами, откинулся назад, совсем позабыв о том, что спинки-то у скамьи нет, и если бы вовремя не уперся плетью, то поза оказалась бы той еще:

— Да как угодно, можем дозировать информацию, можем ограничиться вопросами-ответами, или же ваш вариант, мне без разницы.

Та покивала, о чем-то задумавшись, и начала:

— У нас их по-разному называют, но чаще всего просто Зверьем. И как только у кого-то открывается видение, тот сразу начинает посещать Багровые Цветы, давая им возможность

выбрать себя в качестве носителя, — сделав паузу, она опять о чем-то задумалась, — думаю, у вас примерно также.

— Не совсем, — качаю головой, — у нас я был, своего рода, первопроходцем, и во всем разбирался практически на ощупь, — старушенция нахмурилась, — так что все выходило через пот, кровь, страх и боль.

— Неправильно это, — бросает, наконец, та, спустя мгновение.

— Неправильно, — соглашаюсь, — да выбора не было.

— Оттого и седина, — указывает на мои виски.

— Именно.

— А как выбирал-то зверье, и когда? — похоже, мне таки удалось заинтересовать ее, что же, это только на руку, тем более, что и скрывать-то нечего.

— Начинало ломить виски, сильно, до болей и умопомрачения, носом и горлом иногда шла кровь, и когда добирался до кошмаров, — запнулся, — до зверья, все выходило скорее на автомате, в полубессознательном состоянии, когда уже думал, что все, не переживу. В общем, тяжело было, несладко.

— У нас давно не было таких случаев, не доводим, слишком часто это приводило в былые времена к смерти, — вздыхает.

— В смысле, — не понял я, — а раньше что, осознанно доводили?

Кивает:

— Да, и такое было, слишком ощутима выгода, но и риск достаточно велик.

— И что же дает подобный подход? — мне становилось все интереснее и интереснее.

— Цветок у тебя на спине, — она вновь потянулась за пиалой и Виас, оставшаяся с нами, тут же подлила ей из стоявшего рядом кувшина, — он многое чувствует, многое понимает, и такая отдача себя всего, через боль, через силу, когда реально страдаешь, особенно когда страдаешь, — выделила она последнее, — благотворно на нем сказывается, усиливает и позволяет развиваться быстрее, дает толчок к упрочнению связи. В общем, прошедшие через все это и выжившие поучали ощутимое преимущество, со временем раскрывающееся лишь еще больше.

Она помолчала.

— Но опасно, очень опасно это, потому и отказались от такого, потому и не делают так больше.

— Значит, мне просто повезло, — подытожил сказанное.

— Да, и притом очень сильно, и с каждым новым Зверем везение было все больше и больше.

Что же, похоже на правду, каждая последующая ломота оказывалась страшнее и хуже предыдущей, и свет в конце тоннеля виднелся все более и более отчетливо.

— По какому же принципу Цветы выбирают себе хозяина?

— Не хозяина, — ухмыляется, — это почти как обоюдовыгодное соглашение, если ты не хочешь себе подобной участи, то просто не приближаешься к ним, и вскоре перестаешь видеть.

— То есть это они сами влияют на нас, подготавливая и давая возможность заглядывать за грань.

— Именно так, но по какому принципу они выбирают, до сих пор неизвестно, просто это происходит, и все.

— Потому вы и живете в непосредственной близости от них, — делаю очевидный

ВЫВОД.

— Все так, тем более что нам и здесь неплохо.

— Выходит, повлиять на возможность выбора своей кандидатуры никак нельзя?

— Никак, — качает головой, — ну, или нам об этом не известно.

— А где они появляются, в каких местах, какие приметы?

— Мы знаем лишь про это место и еще два, но про них, прости, больше ни слова.

— Не вопрос, — улыбаюсь, — да мне это и ни к чему.

— Надеюсь, — кивает, — тогда, может, тебя интересует что-нибудь конкретное?

— Да все интересует, с момента получения Цветка и вплоть до характеристик зверья, их выбора и прочее. У меня на этот счет свои соображения имеются, хотелось бы их подтвердить или опровергнуть.

— Ясно, ясно, ну, тут несложно все: после появления видения, стараемся каждый день проводить время у Цветов, как только один из них выберет партнера, сразу же происходит слияние и назад дороги уже нет. И уже только от цветка будет зависеть, как быстро и каких Зверей можно будет приручить, человек тут мало над чем будет властен. Приходится лишь соразмерять возможности с желаниями и учитывать время, которое ему дается. Слишком сильный Зверь не дастся и может даже убить, а чрезмерное злоупотребление сроками убьет еще вернее, так что остается лишь заранее все продумать и определиться до того, как это станет слишком опасным.

— То есть, вы знаете, какие Звери насколько сильны, — подытоживаю услышанное, — и соответственно, есть какие-то критерии оценки.

— Верно, — кивает, — наши Звери уже много лет одни и те же, новые появляются слишком редко, так что знаем про них почти все.

— Вот как, — для меня местные кошмары были в диковинку, — можете охарактеризовать моего нового, друга?

Больше книг на сайте - Knigolub.net